

Дмитрій Дриль.

ПСИХОФИЗИЧЕСКІЕ ТИПЫ

ВЪ ИХЪ СООТНОШЕНІИ СЪ ПРЕСТУПНОСТЮ И ЕЯ РАЗНОВИДНОСТЯМИ

(ЧАСТНАЯ ПСИХОЛОГІЯ ПРЕСТУПНОСТИ).

НЕРВНЫЕ, ИСТЕРИКИ, ЭПИЛЕПТИКИ И ОСКУДѢЛЫЕ РАЗНЫХЪ
СТЕПЕНЕЙ.

МОСКВА

Типографія А. И. Мамонтова и К^о, Леонтьевскій пер., № 5.

1890

Предисловіе.

Въ настоящей работѣ я имѣю въ виду представить опытъ изученія вліяній особенностей одной изъ органическихъ системъ, а, слѣдовательно, съ тѣмъ вмѣстѣ и вліяній особенностей одной изъ сторонъ такъ называемой инстинктивной природы человѣка на его характеръ, на его дѣятельность вообще, и на преступную его дѣятельность въ частности.

Изученіе особенностей инстинктивной природы, пока сравнительно еще мало подвинувшееся впередъ, представляетъ для правильнаго пониманія механизма душевной жизни, чрезвычайно большой интересъ и значеніе. До сихъ поръ главное вниманіе обращалось преимущественно на изученіе процессовъ интеллектуальной стороны человѣка. Не отрицая неизмѣримо важнаго значенія такого изученія, я полагаю однако, что ему должно предшествовать тщательное изученіе особенностей инстинктивной природы какъ въ видахъ правильнаго пониманія механизма психической жизни вообще, такъ и въ видахъ достиженія успѣшности воспитанія и перевоспитанія человѣка въ частности.

Особенности инстинктивной природы лежатъ въ основѣ характера и опредѣляютъ всѣ его отличительныя черты. Въ тотъ періодъ, когда у ребенка почти не наблюдается проблесковъ интеллектуальной жизни, особенности инстинктивной природы, напротивъ, уже довольно ясно намѣчаются въ немъ, и съ этой стороны каждый ребенокъ представляетъ свой опредѣленный, особый обликъ. Одинъ подвиженъ, ве-

сель и живъ, другой, напротивъ, медлителенъ и вялъ, одинъ ласковъ, даже какъ бы благожелателенъ, тогда какъ другой сравнительно сухъ и черствъ; одинъ золъ почти, другой мягокъ и добръ и пр.—и во всемъ разнообразіе и богатство оттѣнковъ.

Итакъ, уже въ этотъ начальный періодъ жизни у ребенка ясно намѣчаются нѣкоторые задатки основныхъ особенностей будущей нравственной личности, которая, такимъ образомъ, и по времени предшествуютъ особенностямъ личности интеллектуальной и образуютъ собою основу характера человѣка, его чувственное существо, столь различное у различныхъ людей.

Только уже въ послѣдствіи на этой первичной основѣ, на этомъ фонѣ мало по малу начинаютъ выступать и зародыши интеллектуальныхъ явленій, которая, возникая, на опредѣленной и ранѣе ихъ данной почвѣ, съ необходимостью несутъ на себѣ печать ея особенностей и въ значительной степени ею опредѣляются. Эту зависимость интеллектуальной природы отъ природы инстинктивной мы можемъ и дѣйствительно наблюдаемъ на каждомъ шагѣ. Сравните, напр., по содержанію и окраскѣ мышленіе двухъ людей, различныхъ характеровъ, и вы будете поражены его основными различіями и въ то же время его полнымъ соотвѣтствіемъ съ особенностями инстинктивной природы каждаго изъ нихъ.

Теперь становится понятна важность изученія этой основы психическаго существа человѣка вообще и для уясненія особенностей его преступности — въ частности, такъ какъ въ этой послѣдней сторона чувства, сторона обычнаго настроенія, однимъ словомъ, инстинктивная сторона играетъ рѣшающую роль. Къ сожалѣнію, весьма сложный механизмъ инстинктивной природы, какъ я уже замѣтилъ выше, сравнительно мало изученъ и намъ еще въ очень недостаточной степени извѣстны средства его желаннаго измѣненія.

Въ настоящей работѣ, какъ и въ предшествующихъ, я рѣшился воспользоваться, въ интересахъ предпринятаго изученія, вѣковымъ медицинскимъ опытомъ вообще и психіатрическимъ въ частности. Въ этомъ послѣднемъ собрана гро-

маднѣйшая масса наблюденій, хотя и произведенныхъ съ другими цѣлями. Въ нихъ, на ряду съ количественно различными измѣненіями въ различныхъ органахъ и ихъ органическихъ функціяхъ, мы встрѣчаемъ и устойчиво-сопутствующія имъ количественно различные измѣненія въ соотвѣтствующихъ психическихъ явленіяхъ и отъ такого сосуществованія съ осторожною провѣркой можемъ дѣлать въ значительной мѣрѣ обоснованныя заключенія къ особенностямъ нормальной связи между различными органическими и сопутствующими имъ психическими явленіями. Въ теченіе долгихъ лѣтъ занятій и тщательнаго изученія множества клиническихъ и тюремныхъ наблюденій, заимствованныхъ мною частію въ живой клинической и тюремной дѣйствительности, а большею частію въ психіатрической и уголовно-антропологической литературѣ, я всегда старательно отмѣчалъ всѣ мельчайшія черты этой связи, и результаты веденнаго изученія представляю теперь.

Въ выпускаемой работѣ я исключительно обращалъ вниманіе и отмѣнялъ вліяніе особенностей одной лишь стороны инстинктивной природы дѣйствовавшихъ личностей. Такой пріемъ былъ неизбѣжнымъ требованіемъ удобствъ изученія. Поэтому, полученные результаты по необходимости представляются пока неполными и односторонними. Въ послѣдующихъ своихъ работахъ я имѣю въ виду восполнить этотъ пробѣлъ и представить опыты изученія и вліяній особенностей другихъ сторонъ инстинктивной природы человѣка на окраску его психической личности вообще и его преступности въ частности.

Я далекъ отъ мысли считать представленныя мною истолкованія фактовъ вполне установленными и непогрѣшимыми. Я глубоко убѣжденъ лишь въ безусловной вѣрности того пути, которому слѣдую для достиженія намѣченной цѣли. Истолкованія фактовъ легко могутъ оказаться недостаточными или неправильными, но самый путь и основное направленіе работы несомнѣнно сохранятся. А этого, при настоящемъ состояніи уголовной антропологии, вполне достаточно для *raison d'être* всякой работы.

За вліяніе возможныхъ неправильностей въ истолкованіи я не опасаюсь также. Всѣ эти истолкованія всецѣло обосновываются на фактахъ, приведенныхъ въ книгѣ во множествѣ, а потому они всегда допускаютъ полную возможность проверки и необходимыхъ поправокъ и измѣненій. Они представляютъ собою только попытку, которая, какъ таковая, всегда предполагаетъ дальнѣйшія, болѣе правильныя и совершенныя.

Теперь, въ видахъ разъясненія, еще нѣсколько словъ объ антропологической школѣ уголовного права вообще. На эту школу, къ которой я причисляю себя, часто сыплются горячія нападки. Ее упрекаютъ между прочимъ и въ томъ, что она обращаетъ будто бы чрезмѣрное вниманіе и приписываетъ чрезмѣрное значеніе органическому элементу въ преступности человѣка, упуская изъ вида преимущественное значеніе общественныхъ факторовъ. Но такой упрекъ есть плодъ страннаго недоразумѣнія. Ни одинъ послѣдователь антропологической школы, насколько мнѣ извѣстно, не отрицалъ никогда громаднаго значенія общественныхъ условій въ сферѣ преступленія. Всѣ сторонники антропологической школы признавали и признаютъ, что подъ вліяніемъ этихъ условій главнымъ образомъ и слагаются сами органическія аномаліи, которыя, разъ возникнувъ, становятся въ свою очередь ближайшими и непосредственными опредѣлителями характера дѣятельности вообще и преступной дѣятельности въ частности. Для примѣра возьмемъ какое-либо безразсудное дѣйствіе, совершенное подъ вліяніемъ сильнаго, туманящаго гнѣва. Въ этомъ случаѣ для бытія дѣйствія было необходимо, чтобы сильныя внѣшнія воздѣйствія повліяли на тотъ или другой отдѣлъ первной системы, нарушили бы правильную дѣятельность организма, вызвали неправильныя перераспредѣленія крови въ немъ и послѣдовательно породили бы и другія уклоненія въ органическихъ функціяхъ, однимъ словомъ, создали бы сложное ненормальное временное органическое состояніе, которое, разъ возникнувъ, въ свою очередь и было непосредственной ближайшей причиной безразсуднаго дѣйствія. Если въ данномъ случаѣ этому дѣйствію, помимо необходимыхъ внѣшнихъ воз-

дѣйствій, нарушившихъ органическое равновѣсіе, природа предпосылаетъ состоянія временныхъ уклоненій отъ правильности органическихъ процессовъ, то и въ случаяхъ болѣе устойчивой и привычной анτισоціальной дѣятельности она предпосылаетъ ей и болѣе устойчивыя состоянія органическихъ уклоненій, образовавшихся подъ вліяніемъ предшествующихъ неблагопріятныхъ условій и воздѣйствій. Правда, на органическій элементъ, какъ наименѣе изслѣдованный до сихъ поръ въ области преступленія, антропологическая школа обратила преимущественное свое вниманіе, но это и составляетъ одну изъ наиболѣе крупныхъ ея заслугъ, тѣмъ болѣе, что она обратила на него вниманіе въ связи съ порождающими его условіями физической и общественной среды.

Конечно, въ отдѣльныхъ работахъ послѣдователей школы иногда могутъ и дѣйствительно встрѣчаются чрезмѣрные увлеченія, промахи, невѣрные обобщенія и проч., которыя старательно подчеркиваются и выставляются на видъ ея противниками, какъ болѣе или менѣе сильные аргументы противъ состоятельности самой школы. Но такое отношеніе, думается мнѣ, едва ли можетъ быть названо правильнымъ. Оно вызывается увлеченіемъ заинтересованной борьбы, а не строго-научной оцѣнкой. При выясненіи достоинствъ или недостатковъ той или другой школы, *какъ таковой*, преимущественное значеніе имѣютъ не столько отдѣльныя работы ея послѣдователей, сколько ея руководящія основныя положенія, которыя объединяютъ ея разрозненные части, придаютъ имъ единство и создаютъ изъ нихъ то, что мы называемъ школою, направленіемъ. Работы смѣняются, недостаточныя работы уступаютъ свое мѣсто болѣе совершеннымъ, а основныя положенія сохраняются, хотя, можетъ быть, и съ нѣкоторыми незначительными измѣненіями, и будутъ и впослѣдствіи направлять научное движеніе, если только какія-либо неожиданныя научныя открытія радикально не измѣнятъ воззрѣній и не укажутъ ошибочности основныхъ точекъ зрѣнія.

Поэтому и при оцѣнкѣ значенія и достоинствъ или недостатковъ новой антропологической или позитивной школы уголовного права, *какъ таковой*, было бы не цѣлесообразно

и несправедливо, не касаясь ея общаго, т. е. того, что и образуетъ изъ нея особую школу, отличную отъ всѣхъ другихъ школъ, обратиться только къ мелочному и придирчивому разбору отдѣльныхъ работъ ея отдѣльныхъ послѣдователей, преимущественно отмѣчать ихъ слабыя стороны, ихъ нѣкоторыя противорѣчія и промахи. Такой разборъ не даетъ вѣрнаго и сколько-нибудь полнаго понятія о значеніи школы въ общемъ поступательномъ движеніи науки. Напротивъ, онъ способенъ лишь вводить въ заблужденіе и препятствовать правильной ея оцѣнкѣ.

Въ виду этого, желая дать возможность читателю ближе ознакомиться съ основными воззрѣніями, съ основными приемами и тенденціями новой антропологической школы уголовного права, я постараюсь коротко формулировать ихъ здѣсь въ немногихъ тезисахъ. Послѣдніе всего лучше помогутъ обнять новую школу въ ея цѣломъ, въ ея внутреннемъ единствѣ, которое и образуетъ изъ множества раздѣльныхъ частей, отдѣльныхъ работъ единое цѣлое, одно общее научное направленіе, одну школу. Тогда уже будетъ значительно легче, не смущаясь отдѣльными промахами и ошибками и недостатками отдѣльныхъ работъ, правильно оцѣнить великое научное значеніе школы, которая впервые заложила прочныя основы уголовного права, какъ дѣйствительной науки. „Можетъ быть отъ моего труда (и, прибавимъ, труда громаднаго) вскорѣ не останется и камня на камнѣ; но идея, его породившая, будучи передаваема отъ одного къ другому... эта идея никогда не погибнетъ“. Такими словами профессоръ Lombroso, этотъ великій научный труженикъ и неутомимый научный борецъ, прекрасно охарактеризовалъ научное значеніе новой школы, основныя положенія которой можно свести къ слѣдующимъ тезисамъ.

1) Антропологическая школа уголовного права отказалась отъ принципа возмездія въ его различныхъ модификаціяхъ, какъ отъ основанія и первепствующей цѣли наказанія. Такимъ основаніемъ и цѣлью она признала исключительно потребность огражденія общества отъ зла преступленія, путемъ ли исправленія преступника, или путемъ его изыятія изъ об-

щества. Это воззрѣніе съ необходимостью измѣняетъ самый характеръ наказанія и придаетъ ему болѣе разумный смыслъ: о причиненіи страданій для страданія и для удовлетворенія чувства отмщенія при этомъ не можетъ быть и рѣчи.

2) Антропологическая школа изучаетъ не только преступленіе; нѣтъ, она прежде всего тщательно изучаетъ самого преступника въ его многочисленныхъ разновидностяхъ, въ производящихъ его причинахъ, а затѣмъ она уже изучаетъ и его дѣятельность, его преступленія, а также и наиболее раціональныя средства воздѣйствія на него въ видахъ огражденія общества отъ зла его дѣятельности. При этомъ она изучаетъ не какого-то отвлеченнаго, всегда себѣ равнаго преступника, а многоразличныя разновидности дѣйствительныхъ преступниковъ, какими ихъ знаетъ жизнь, какими ихъ знаютъ судъ и тюрьма. Сверхъ того, она изучаетъ этихъ дѣйствительныхъ преступниковъ не *умозрительно*, а при помощи всѣхъ возможныхъ точныхъ научныхъ методовъ, какими изучаются и всѣ другія естественныя явленія.

3) Въ преступленіи антропологическая школа видитъ результатъ взаимодействія особенностей сложившейся психофизической организаціи или натуры преступника, лежащей, какъ и у всѣхъ прочихъ людей, въ основѣ его характера, и особенностей внѣшнихъ воздѣйствій, какими въ данномъ случаѣ являются воздѣйствія окружающей его естественной и общественной среды.

4) Исходя изъ точныхъ данныхъ изученія, антропологическая школа рассматриваетъ преступника, какъ въ большей или меньшей мѣрѣ несчастную, порочную, неуравновѣшенную, оскудѣлую, недостаточную и неприспособленную организацію, которая, вслѣдствіе этой недостаточности и неприспособленности, и не можетъ, при данныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, бороться за свое существованіе въ установленныхъ легальныхъ формахъ *).

5) Причины преступленій антропологическая школа дѣлитъ:

*) Здѣсь нужно замѣтить, что неприспособленность эта большею частью не абсолютная, а относительная и находящаяся въ зависимости отъ различія жизненныхъ положеній.

1) на ближайшія или непосредственныя, кроющіяся въ порочно-стяхъ психофизической организаціи дѣятеля преступленія; 2) на болѣе отдаленныя, кроющіяся въ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ вырабатываются особенности организаціи, какъ болѣе или менѣе устойчивые факторы преступленій, и 3) на причины предрасполагающія, подъ вліяніемъ которыхъ уже сложившіяся дурноуравновѣшенныя организаціи наталкиваются на преступленія.

6) При такой широкой и истинно научной постановкѣ вопроса о человѣческой преступности, антропологическая школа стремится изучать дѣйствительныхъ преступниковъ и совершенныя ими преступленія, какъ естественно общественныя явленія во всей совокупности ихъ разнообразныхъ факторовъ и въ ихъ генезисѣ, т. е. въ ихъ отдаленныхъ, даже наследственно передаваемыхъ зародышахъ, и въ ихъ дальнѣйшемъ послѣдовательномъ ростѣ и развитіи. Этимъ она сливаетъ вопросъ о явленіяхъ человѣческой преступности съ общимъ соціальнымъ вопросомъ и рассматриваетъ первыя, какъ необходимый результатъ взаимодѣйствія соціальныхъ и индивидуальных факторовъ, а потому она и настаиваетъ на необходимости широкихъ мѣръ предупрежденія для возможности исполнѣ успѣшной борьбы съ преступленіемъ.

7) Исходя изъ всѣхъ перечисленныхъ положеній, антропологическая школа съ логической послѣдовательностью отрицаетъ разумность напередъ количественно и качественно опредѣленныхъ мѣръ репрессіи. Она утверждаетъ, напротивъ, что послѣднія должны опредѣляться въ зависимости отъ индивидуальных особенностей каждаго случая и въ зависимости отъ тщательнаго ихъ изученія. Мѣры репрессіи, по отношенію къ каждому данному осужденному преступнику, должны длиться или прекращаться въ полной зависимости отъ продолжающагося существованія или отъ прекращенія въ нихъ надобности.

Изложивъ въ краткихъ тезисахъ основныя положенія антропологической школы уголовнаго права, я предоставляю теперь судить самому читателю, на сколько въ дѣйствительности разрушительны и опасны тенденціи новой школы, какъ увѣряютъ нѣкоторые изъ нашихъ противниковъ. Они также

говорятъ намъ, что у насъ слишкомъ много гипотетичнаго и незрѣлаго, и что потому о примѣненіи къ практикѣ выводовъ новой школы будто бы не можетъ быть и рѣчи. Но читатель самъ можетъ видѣть теперь, какъ ограничены и скромны *практическія* требованія новой школы и какъ мало ихъ осуществленіе можетъ грозить чему бы то ни было. Новая школа требуетъ лишь тщательнаго изученія, при помощи точныхъ методовъ, дѣйствительныхъ преступниковъ во всемъ многообразномъ ихъ различіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тщательнаго изученія тѣхъ источниковъ, въ которыхъ зарождаются они. Она требуетъ также соотвѣтствующей подготовки отъ криминалистовъ и указываетъ на необходимость широкихъ мѣръ предупрежденія или, иначе говоря, упорядоченія условій общественнаго быта и, наконецъ, настаиваетъ на устраненіи опредѣленій напередъ въ сферѣ наказанія и на необходимости индивидуализированія этихъ послѣднихъ, въ строгой зависимости отъ психофизическихъ особенностей отдѣльныхъ преступниковъ. Смѣемъ думать, что во всѣхъ этихъ требованіяхъ нѣтъ рѣшительно ничего разрушительнаго и общественно опаснаго. А поэтому мы и отвѣтимъ нашимъ противникамъ, что мы безъ всякихъ личныхъ самолюбіи охотно готовы допустить, что весьма многое можетъ быть еще окажется у насъ невѣрнымъ и ошибочнымъ, но вѣрны наши основныя положенія, а они отрицаютъ старое. Будемъ же искать, изучать и трудиться, но будемъ дѣлать все это въ новомъ направленіи, которое, какъ вѣрный путь, одно только и можетъ обезпечить успѣхъ и желанное достиженіе цѣли.

Дмитрій Дриль.

Москва, мартъ, 1890 г.

ПСИХОФИЗИЧЕСКІЕ ТИПЫ ВЪ ИХЪ СООТНОШЕНІИ СЪ ПРЕСТУПНОСТЬЮ И ЕЯ РАЗНОВИДНОСТЯМИ.

(Частная психологія преступности).

Этюдъ первый.

Нервные, истерики, эпилептики и оскудѣлые разныхъ степеней.

Наше изученіе психофизическихъ типовъ въ ихъ соотношеніи съ преступностью мы начнемъ съ изученія типовъ, развивающихся на почвѣ органическаго обѣднѣнія, къ числу которыхъ относятся нервные типы и типы дальнѣйшаго органическаго оскудѣнія въ его различныхъ степеняхъ.

Чтобы избѣжать всѣхъ возможныхъ недоразумѣній, считаю не лишнимъ повторить то, что уже сказалъ однажды. При изученіи различныхъ типовъ основа психической личности, которая представляетъ собою крайне сложное цѣлое, намъ необходимо придется анализировать и расчленять это цѣлое и его органическій субстратъ, выдѣлять ихъ отдѣльныя составныя части, изолированно изучать ихъ и слѣдить при этомъ лишь за вліяніемъ выдѣленныхъ, временно игнорируя всѣ прочія. Таковъ необходимый пріемъ изученія. Поэтому и наши типы не суть вполнѣ естественные типы. Въ основѣ каждого изъ нихъ лежитъ усиленное развитіе или, напротивъ, значительное ослабленіе той или другой органической системы и ея функционирования. Между тѣмъ въ дѣйствительности односистемныхъ человѣческихъ организмовъ не существуетъ. Они, напротивъ, слагаются изъ различныхъ системъ органовъ, изъ которыхъ каждая у различныхъ

людей бываетъ развита въ различной степени. Соответственно съ этимъ развитіемъ и съ развитіемъ напряженности исходящихъ отъ нея чувственныхъ тонацій¹⁾, каждая органическая система оказываетъ большую или меньшую долю вліянія въ общемъ сложномъ вліяніи всѣхъ органическихъ системъ и исходящихъ отъ нихъ чувственныхъ тонацій на психическую жизнь челоѣка, на ея особенности и оттѣнки. Понятно, поэтому, какое разнообразіе комбинацій, при множественности органическихъ системъ, могутъ и дѣйствительно представляютъ основы психической личности различныхъ людей, въ зависимости отъ различія въ степеняхъ развитія ихъ различныхъ системъ органовъ. «Организація — вотъ дѣйствительно первый импульсъ, которому повинуются челоѣкъ», справедливо замѣчаетъ Brierre de Boismont. «Онъ живъ, впечатлителенъ, раздражителенъ или флегматиченъ, смотря по тому, обладаетъ ли онъ сангвиническимъ, нервнымъ, желчнымъ или лимфатическимъ темпераментомъ. Онъ измѣняется въ зависимости отъ смѣшенія этихъ элементовъ или, точнѣе говоря, въ зависимости отъ преобладанія той или другой системы органовъ»²⁾.

Прежде, нежели мы станемъ говорить о психическихъ особенностяхъ нервныхъ и оскудѣлыхъ личностей, мы предварительно бросимъ бѣглый взглядъ на общія органическія основы ихъ образованія и постепеннаго развитія. Мы начнемъ наше изложеніе съ очерка вліянія различій въ степеняхъ развитія, силы и устойчивости кровеносной системы³⁾, на время какъ бы забывая при этомъ о вліяніи всѣхъ прочихъ органическихъ системъ.

Для возможно большей полноты развитія и жизни и для интенсивнаго функціонированія каждаго органа, представляющаго собою часть сложнаго цѣлаго — организма челоѣка, безусловно необходимъ достаточно обильный, достаточно ровно-длящійся притокъ и сравнительно быстрый протокъ питательной по ея составу кровяной жидкости, которая повсюду приноситъ съ собой ярко выраженную жизнь и необходимыя условія для ея дальнѣйшаго развитія³⁾. И чѣмъ болѣе

1) См. V главу моей работы „Психологія преступности“: Чувствованія; измѣненія ихъ различныхъ тонацій и вліяніе этихъ измѣненій на явленія жизни души.

2) „Du suicide“, 10.

2*) Считаю не лишнимъ замѣтить, что, говоря о той или другой органической системѣ, я всегда разумѣю при этомъ и ея иннервацію съ соответствующими ей нервными центрами.

3) Описаніе общихъ условій и вліяній кровообращенія вообще и мозговаго въ частности — см. въ VI гл. моей работы „Психологія преступности“: Кровь

функціонуєть органъ или органы, тѣмъ живѣе и полнѣе въ нихъ кровообращеніе и тѣмъ обильнѣе притокъ къ нимъ живительной жидкости — крови, служащей для ихъ обновленія. Поэтому у людей съ повсемѣстно хорошо развитой (развитая широкая грудь, большой объемъ сердца и легкихъ, крупный калибръ кровеносныхъ сосудовъ, богатство ихъ мельчайшихъ развѣтвленій, сила мускулатуры всѣхъ этихъ органовъ), равномерно (безъ частичныхъ крамповъ и длительныхъ расслабленій) энергично и быстро функціонирующей кровеносной системой, разносящей во всѣ сокровеннѣйшіе уголки тѣла богатую по ея составу кровь, всѣ процессы, какъ физическіе, такъ и психическіе, отличаются полнотой, быстротой и энергіей ^{3*}). У такихъ лицъ система волосныхъ сосудовъ, или капилляровъ, обыкновенно хорошо развита, такъ что по нимъ кровь легко и въ избыткѣ проникаетъ во всѣ ткани тѣла, и периферическое кровообращеніе совершается весьма дѣятельно. Последнее, распредѣляя болѣе или менѣе равномерно кровяную жидкость по всѣмъ поверхностямъ тѣла, препятствуетъ скопленію и образованію застоевъ крови въ различныхъ внутренностяхъ, что столь сильно вліяетъ на оттѣнки самочувствія. Равномерно и активно совершающееся кровообращеніе оказываетъ также могущественное вліяніе на активность дыханія, на количество развивающейся животной теплоты, на энергію питанія ⁴⁾, возстановленія, разрушенія и всѣхъ выдѣленій.

и ея кругооборотъ въ организмѣ; механизмъ этого кругооборота, его особенности и ихъ вліяніе на явленія жизни души.

^{3*)} Здѣсь надо замѣтить, что я говорю о кровеносной системѣ, о ея развитіи, силѣ и ослабленіи вообще. Между тѣмъ она состоитъ изъ множества раздѣльныхъ частей, каждая изъ которыхъ можетъ быть развита въ различной степени. Поэтому дѣятельность кровеносной системы, какъ цѣлаго, образуется изъ множества слагающихъ частныхъ дѣятельностей и можетъ представлять многообразныя комбинаціи, которыя въ свою очередь различно вліяютъ на явленія жизни души. Сосуды, напр., могутъ быть широки и притокъ крови къ органамъ обилень, но ея протокъ медленъ; напротивъ, сосуды могутъ быть узки, но протокъ крови быстръ и т. д. Такія же многообразныя различія и комбинаціи могутъ быть и въ мѣстныхъ кровообращеніяхъ, орошающихъ различные органы. Понятно, что разсматривать всѣ эти комбинаціи и ихъ вліяніе рѣшительно невозможно; достаточно намѣтить основныя особенности.

⁴⁾ Въ начальной основѣ всѣхъ органическихъ процессовъ, конечно, лежитъ питаніе. „Питаніе—это жизнь съ своимъ двойственнымъ движеніемъ ассимиляціи и диссимиляціи, творчества и разрушенія. См. Bouchard: „Maladies par ralentissement de la nutrition“, 12, 15 и 16. Но вторично въ процессъ взаимодѣйствія энергія кровообращенія оказываетъ вліяніе и на процессъ питанія въ его различныхъ фазахъ.

Всѣ эти особенности системы кровообращенія и образуютъ собою основу сангвиническаго темперамента, который, по выраженію извѣстнаго гигиениста проф. Bouchardat, представляетъ собою самый «гигиеническій темпераментъ» и «лучшую форму здоровья». Темпераментъ этотъ «наиболѣе благопріятенъ для полного и правильнаго развитія организма» и для «наилучшаго выполненія всѣхъ функций и сохраненія ихъ неприкосновенности».

Движенія у сангвиниковъ совершаются быстро и съ силою, потому что ихъ мощная и обильная мускулатура, получая обильное питаніе, реагируетъ съ живостью и безъ промедленій⁵⁾. Ихъ чувствованія, идущія отъ различныхъ хорошо и достаточно питаемыхъ органовъ, отличаются яркостью и полнотою. Чувства или душевныя волненія также характеризуются напряженностью и преимущественно пріятнымъ оттѣнкомъ, а настроеніе—ясностью и веселостью. Ихъ мысли, вслѣдствіе энергичнаго функціонированія высшихъ мозговыхъ центровъ, въ свою очередь вызываемаго энергіею кровообращенія, слѣдуютъ свободно и быстро другъ за другомъ въ многообразныхъ ассоціаціяхъ, а ихъ воображеніе, когда оно достаточно развито, отличается разнообразіемъ красокъ.

Органическія особенности этого типа ярко отражаются въ психической жизни, въ особенностяхъ сознанія и окраски самочувствія индивидуума. Подобно тому, какъ у ребенка и у молодаго животнаго вообще или у лица, очень истощеннаго медленно развивавшимся изпуряющимъ органическимъ процессомъ, недостаточность и слабость физическимъ силъ отражается въ зеркалѣ самочувствія большей или меньшей робостью, стремленіями уклоняться отъ борьбы и усилій, которыя съ развитіемъ и укрѣпленіемъ организма сами собою постепенно уступаютъ свое мѣсто и смѣняются большей или меньшей смѣлостью, требовательностью, предпріимчивостью и пр., подобно тому, какъ недостатокъ пищевыхъ веществъ въ организмѣ отражается въ сознаніи болѣе или менѣе рѣзко выраженнымъ чувствомъ голода и жажды — подобно этому и въ случаяхъ сангвиническаго темперамента богатство запасовъ въ обильно и быстро притекающей и протекающей крови и хорошо питаемыхъ ею и потому богато-одаренныхъ тканяхъ^{6*)} органическихъ силъ, всегда готовыхъ къ освобожденію, отражается въ сознаніи сангвиниковъ—этихъ поистинѣ любимыхъ и хорошо одаренныхъ дѣтей природы—большей или меньшей

⁵⁾ François-Franck: «Leçons sur les fonctions motrices du cerveau», 38 п сл.

^{6*)} Bouchard: «Malad. par ralentissem. de la nutrit.», 69, 70, 71, 73.

самоувѣренностью, рѣшительностью, неволью подкупающей веселостью и ясной отвагой ⁶⁾). Повышеніемъ мозгового кровообращенія обьясняется, какъ замѣчаетъ д-ръ Luys, и тотъ фактъ, что паралитикъ чувствуетъ себя чрезмѣрно сильнымъ, могучимъ и властнымъ. Его бредъ въ это время—бредъ величія, бредъ удовлетворенности ⁷⁾. Подобно этому и сангвиникъ, при нормальныхъ условіяхъ органической жизни, инстинктивно сознаетъ или, правильнѣе, чувствуетъ, что въ критическія минуты ему съ избыткомъ хватитъ его запасныхъ силъ и что онъ не спасуетъ въ борьбѣ отъ недостатка энергіи. Это, въ свою очередь, *склонно порождаютъ*, повидимому, другую психическую особенность, являющуюся *до известной степени* какъ бы слѣдствіемъ чувства силы и обилія запасовъ ея,—сравнительно большую открытость характера и меньшую склонность къ хитрости. То же чувство силы и запасовъ ея и проистекающее отъ того чувство обезпеченности *будущаго* порождаетъ, повидимому, *бодрость и склонность къ оптимизму* ⁸⁾, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сравнительно большее

⁶⁾ Letourneau: «Physiologie des passions», 7, 11, 17, 18, 21, 24, 25, 98 и 99.

⁷⁾ Traité clin. et prat. des malad. ment. 123. Вѣроятно, сходнымъ органическимъ условіямъ обязана, по крайней мѣрѣ, при началѣ ея происхожденія, непоколебимая увѣренность нѣкоторыхъ душевно-больныхъ въ своемъ величіи, своей силѣ и своемъ высокомъ положеніи. Для примѣра укажу на Lazzaretti. Онъ чувствовалъ себя великимъ монархомъ, новымъ Христомъ, княземъ побѣдителемъ и неуязвимымъ. Онъ образовалъ священную лигу и своей вдохновенной проповѣдью о царствѣ Божіемъ увлекъ толпу. Lombroso: «Genio e follia», 193 и сл. Противоположныя психическія явленія наблюдаются наряду съ процессомъ органическаго истощенія. По мѣрѣ того, какъ этотъ процессъ подвигается впередъ, постепенно все болѣе развивается неопредѣленная боязнь, неуверенность и какое-то странное и темное предчувствіе будто грозящей бѣды и несчастія. Это предчувствіе, повидимому, представляетъ собою инстинктивное ощущеніе собственнаго безсилія даннаго времени и проистекающихъ изъ того опасностей. Не безъинтересно также отмѣтить, что, при delirium tremens, бредъ у больного пьяницы безпокойный, подозрительный и отгнѣняющійся страхомъ и ужасомъ. Наряду съ этимъ слабый и дрожащій пульсъ больного указываетъ на ослабленіе энергіи кровообращенія. Напротивъ, при другой болѣзненной формѣ, порождаемой алкоголемъ, *mania a potu*, пульсъ твердъ и кровянокъ, а наряду съ этимъ и самъ больной смѣлъ и агрессивенъ: онъ никого и ничего не боится и чувствуетъ себя сильнымъ и мощнымъ, Kerr: Пьянство, 66.

⁸⁾ Не помню кто-то замѣтилъ, что особенности психической жизни по возрастамъ находятся въ соотношеніи съ особенностями состояній кровеносной системы по періодамъ жизни. И дѣйствительно, какъ замѣчаются различія въ склонности къ оптимизму по различіямъ въ темпераментахъ, такъ точно замѣчаются они и у одной и той же личности по различнымъ періодамъ ея жизни.

благорасположеніе къ окружающимъ (*поскольку, конечно, последнее обуславливается и этой особенностью*), съ которыми, какъ инстинктивно подсказываетъ то же органическое ощущеніе, можно подѣлиться силами, не рискуя ихъ недостаткомъ для себя. Поэтому то, *между прочимъ*, сильная молодость, — *конечно вообще*—болѣе склонна къ пожертвованіямъ, нежели слабая старость. Но здѣсь не мѣшаетъ, впрочемъ, замѣтить, что это подлежитъ большимъ ограниченіямъ, и черты характера, обуславливаемые указанной органической особенностью, какъ и всѣми другими такими же особенностями, обыкновенно въ значительной степени видоизмѣняются воспитаніемъ, вырабатываемыми имъ привычками, соображеніями полезности, вліяніями окружающей среды, другими органическими особенностями и пр. и пр.

Тѣ же особенности органическаго типа въ значительной мѣрѣ способствуютъ или могутъ способствовать и развитію въ человѣкѣ сравнительно большей склонности выполнять должное и хвалимое, потому что такое выполненіе, при избыткѣ и богатствѣ запасовъ органическихъ силъ, не влечетъ за собою тѣхъ непріятныхъ внутреннихъ состояній, которыя обыкновенно вызываются болѣе или менѣе усиленными напряженіями у людей истощенныхъ и слабыхъ.

Вообще же личности сильного сангвиническаго типа организаціи отличаются яркимъ самочувствіемъ, большой неутомимостью, быстротою сообразительности, энергіей и подвижностью. Они по большей части испытываютъ полное благосостояніе, чувствуютъ себя сильными и имъ все кажется легкимъ и доступнымъ. Окружающее большею частью рисуется имъ въ свѣтлыхъ краскахъ и довольство разлито во всемъ ихъ существѣ. Въ свою очередь яркость красокъ ихъ самочувствія обуславливаетъ у нихъ меньшее стремленіе къ сильнымъ возбужденіямъ, потому что ихъ обычное настроеніе, являющееся отраженіемъ сравнительно равномернаго и устойчиваго здоровья всѣхъ органовъ, и безъ того почти всегда отличается пріятной ровностью и веселостью. Обыкновенно люди этого органическаго типа сохраняютъ свою ровность, довольство и веселость и въ глубокой старости.

При достаточно полномъ, сравнительно равномерномъ развитіи и другихъ органическихъ системъ, особенно при достаточно полномъ развитіи умственныхъ способностей съ ихъ регулирующимъ и задерживающимъ вліяніемъ сангвиники обыкновенно представляютъ наилучшія формы здоровья и болѣе или менѣе совершенныя разновидности психическихъ личностей.

Людей этого органическаго типа, какъ справедливо указываетъ Moreau Christophe, бывшій главнымъ инспекторомъ французскихъ тю-

ремъ, очень мало въ послѣднихъ ⁹⁾), да имъ и не мѣсто въ нихъ. Это люди слишкомъ хорошо одаренные; они органическіе богачи и слишкомъ любимыя дѣти природы, чтобы имъ попадать въ число жизненныхъ незадачниковъ и органическихъ выродковъ, какими обыкновенно представляются преступники. Только стеченіе какихъ-либо особо неблагопріятныхъ условій, а главное наличность какихъ-либо другихъ невыгодныхъ органическихъ особенностей могутъ изрѣдка загонять ихъ въ тюрьмы. Но, даже попадая въ нихъ, они и тамъ являются сравнительно счастливыми, насколько, конечно, можетъ быть рѣчь о счастіи въ тюрьмѣ.

Я очертилъ весьма совершенный и сильный органическій типъ хорошо уравновѣшеннаго и равномерно и полно развитаго и развивающагося человѣка, но такой органическій типъ въ наше время въ дѣйствительности встрѣчается весьма рѣдко. Лихорадочная жизнь «подъ высокимъ давленіемъ» — среда, неблагопріятная для его существованія и развитія. Дѣйствительность представляетъ только большія или меньшія приближенія къ нему, при чемъ первыя встрѣчаются также не часто. Помимо общаго обѣднѣнія, въ организмѣ, подъ вліяніемъ различій въ извнѣ дѣйствующихъ возбуждителяхъ — какими является вся окружающая человѣка обстановка со всѣми ея особенностями — совершаются неравномерныя распредѣленія крови по системамъ органовъ ¹⁰⁾), вызываются неравномерныя ихъ дѣятельности, которыя, какъ увидимъ далѣе, обуславливаютъ и неравномерное развитіе послѣднихъ. Поэтому въ дѣйствительности всегда замѣчаются большія или меньшія уклоненія отъ вполне уравновѣшеннаго типа со стороны той или другой или другихъ органическихъ системъ, отъ чего и зависятъ рѣзкія различія въ инстинктахъ и характерахъ вообще.

«Сангвиническій темпераментъ», замѣчаетъ проф. Bouchardat, «можетъ пріобрѣтаться посредствомъ хорошаго питанія въ соотвѣтствіи

⁹⁾ «Le monde des coquins», 111.

¹⁰⁾ Кровообращеніе не происходитъ во всѣхъ частяхъ одинаково активно. Въ однихъ оно можетъ быть очень полно и дѣлательно, а въ другихъ, напротивъ, бѣдно и ослаблено. Различія въ условіяхъ окружающей обстановки обыкновенно вырабатываютъ различныя становящіяся привычными особенности мѣстныхъ кровообращеній, какъ периферическихъ, такъ и центрально-мозговыхъ, которыя, повидному, передаются наследственно и оказываютъ самое рѣшительное вліяніе на особенности органической жизни. См. Maudsley: «La patholog. de l'esprit», 203. См. случай, напр., въ сочиненіи Combe: «Le descendant des alcooliques», 84 и 85.

съ тратами» ¹¹⁾. И тѣмъ не менѣе этотъ темпераментъ, особенно сопровождаемый достаточно-равномѣрнымъ развитіемъ прочихъ органическихъ системъ, встрѣчается въ «нашъ нервный вѣкъ», повидимому, не часто, особенно среди тѣхъ классовъ общества, которые имѣютъ печальное преимущество поставлять преступниковъ. Этотъ органическій типъ пріобрѣтается, но пріобрѣтается лишь при благопріятныхъ условіяхъ окружающей обстановки. Для его пріобрѣтенія и сохраненія необходимо дѣйствительно хорошее питаніе (т. е. достаточное поступленіе новыхъ матеріаловъ не только въ желудокъ, но и въ экономію организма) и достаточныя, но никакъ не чрезмѣрныя упражненія ¹²⁾.

Къ несчастію, не таковы въ большинствѣ случаевъ условія современной общественной жизни, чтобы благопріятствовать полнотѣ органическаго развитія. Значительное перераздраженіе и чрезмѣрная напряженность составляютъ неотъемлемую принадлежность множества или, можетъ быть, даже громаднаго большинства существующихъ жизненныхъ положеній ¹³⁾, подтачивающихъ экономію организма, т. е. основу всей психической, жизни какъ въ ея хорошихъ, такъ и въ ея дурныхъ проявленіяхъ.

«Болѣе активная борьба за существованіе между многочисленными претендентами на богатства, ограниченныя въ числѣ ¹⁴⁾, грубое соперничество, которое является ея слѣдствіемъ, производитъ, что болѣе слабые должны страдать и что нѣкоторые, подавляемые бѣдностью,

¹¹⁾ «Traité d'hygiène», 30.

¹²⁾ Bouchard, цитир. сочиненіе, 17.

¹³⁾ «Чрезмѣрная работа не въ соотвѣтствіи съ силами и возстановленіемъ», замѣчаетъ проф. Bouchardat, «часто составляетъ для человѣка одну изъ наиболѣе тяжелыхъ необходимостей и одинъ изъ наиболѣе уловимыхъ признаковъ бѣдности». «Бѣдность», продолжаетъ онъ далѣе, «происходящая отъ недостатка средствъ, дѣйствуя постоянно, приводитъ, какъ и истощеніе, къ фیزیологической бѣдности». Цитированное сочиненіе, 617.

¹⁴⁾ Фактъ вѣренъ, и борьба за существованіе дѣйствительно ожесточенна. Но объясненіе ея исключительно ограниченностью богатствъ едва ли правильно. И при существующихъ условіяхъ современное развитіе техники даетъ возможность созданія неизмѣримо высшаго уровня общаго благосостоянія. Необходимо лишь нѣсколько болѣе разумное утилизированіе силъ, теперь гибнущихъ безплодно, а для этого въ свою очередь необходимо нѣсколько большая приспособленность къ дѣйствительно общественной жизни. Ея то пока еще и недостаетъ современному человѣку, и ея недостаткомъ, происходящимъ отъ недостатка пониманія, и объясняется большинство современныхъ бѣдствій и распространенность вырожденій. Къ сожалѣнію, современному человѣку мало еще свойственно наслажденіе наслажденіемъ другихъ.

возбуждаемые постоянными заботами и удручающими беспокойствами, поражаются сумасшествіемъ. Сверхъ того переполненіе нездоровыхъ жилищъ, представляющее собою послѣдствіе увеличенія населенія¹⁵⁾, въ связи съ недостаточностью питанія, не можетъ не производить порчи общественнаго здоровья и тѣмъ самымъ не можетъ не предрасполагать ко всевозможнымъ болѣзнямъ. Не только эпидемическія горячки, но также золотуха, чахотка и другія конституціональныя разстройства, *отмѣченныя общимъ упадкомъ питанія*—вотъ что порождается и передается, какъ пагубное наслѣдіе отъ поколѣнія къ поколѣнію»¹⁶⁾.

Истощающая погоня за наживой, напряженная жажда ея, а главное, сопровождающія все это тяжелыя и непріятныя душевныя волненія обманутыхъ надеждъ, тоскливыхъ ожиданій и пр., не менѣе разрушительно дѣйствуетъ на экономію организма и на правильность и полноту основныхъ растительныхъ процессовъ¹⁷⁾.

«Продолжительныя бодрствованія», замѣчаетъ проф. Bouchut, «излишества въ работѣ всякаго рода и въ особенности излишества въ умственной работѣ медленно, но глубоко истощаютъ здоровье, обѣдняютъ кровь, которая обезцвѣчивается, и оставляютъ послѣ себя раздражительность въ нервной системѣ. Послѣдняя успокаивается всегда съ трудомъ и часто становится исходнымъ моментомъ болѣзненныхъ явленій, болѣе или менѣе тяжелыхъ.

Этотъ результатъ часто осложняется злоупотребленіями чаемъ, кофе и алкогольными напитками, которыя совершаются съ цѣлью возбудить мозгъ, стимулировать мысль и дать возможность проводить ночи, не будучи одолеваемымъ сномъ»¹⁸⁾.

¹⁵⁾ Сказанное въ предшествующемъ примѣчаніи вполне примѣнимо и къ этому замѣчанію автора.

¹⁶⁾ Maudsley: «La pathol. de l'esprit» 183 и сл. «Пусть раздумаютъ, какое значеніе имѣютъ слова: «бѣдность приводитъ въ цухтхаузы»; «бѣдность отрываетъ родителей отъ дѣтей»; «бѣдность порождаетъ цѣлыя семьи преступниковъ». Valentini: «Das Verbrecherthum im Preussisch. Staate», 46.

¹⁷⁾ См., между прочимъ, Maudsley, цитиров. сочин., 144 и Luys, также выше цитир. сочин., 229 и сл. Примѣры у Bonchardat, 683. О вліяніи душевныхъ волненій на кровообращеніе см., между прочимъ, Trumet de Fontarge: «Pathol. clin. du grand sympath.», 329 и сл.

¹⁸⁾ «Онанизмъ и любовные эксцессы», замѣчаетъ онъ далѣе, «производятъ аналогичные результаты». Du Nervosisme», 33 и сл. «Въ исторіи неврастеніи немаловажную роль играетъ и табакъ», говоритъ проф. Мантегацца. «Употребляемый для подавленія или смягченія многихъ формъ неврастеніи, онъ однако лишь увеличиваетъ ихъ и создаетъ новыя страданія». «За алкоголемъ и та-

Крайнее обезцвѣненіе многихъ отраслей труда и поразительная неравномѣрность въ оцѣнкѣ послѣднихъ вообще, съ ея неизбѣжными печальными слѣдствіями, представляютъ собой одно изъ величайшихъ золъ и бѣдствій нашего цивилизованнаго времени, изобилующаго къ стыду своему существованіемъ сырыхъ, холодныхъ и переполненныхъ жилищъ, лишенныхъ свѣта и чистаго воздуха ¹⁹⁾, и множествомъ

бакомъ, въ качествѣ вызывающихъ нервныя явленія элементовъ, слѣдуютъ кофе и чай. Ихъ консумъ означаетъ потребность въ возбужденіи, и чувство, заставляющее насъ съ жадностью бросаться на эти возбуждающія средства, дѣлаетъ насъ лишь все болѣе и болѣе нервными. Здѣсь причина производитъ слѣдствіе, а слѣдствіе усиливаетъ причину». «Нервный вѣкъ», 24 и сл. «Для многихъ (заключенныхъ преступниковъ) не курить значитъ подвергать себя невыносимымъ мученіямъ. Я знаю такихъ, которые ѣдятъ только разъ въ день и которые продаютъ свою пищу, чтобы только добыть себѣ нѣсколько сигаретъ». L'abbé Moreau: «Souvenirs de la pet. et de la grande Roquette», I, 114.

¹⁹⁾ Крайне интересныя данныя о вырождающемъ вліяніи дурныхъ жилищъ и описанія послѣднихъ см. у Morel'я: «Traité des dégénérés», 635—645, 679 и сл. См. также цитирован. сочиненіе Bouchard, 45, 56 и цитированное же сочин. Bouchardat, 93, 614 и сл. О вліяніи недостаточности свѣта см. то же сочиненіе, 535 и сл. Мнѣ лично часто приходится бывать въ крайне переполненныхъ, удушливыхъ, темныхъ, грязныхъ, сырыхъ и не рѣдко подвальныхъ помѣщеніяхъ, заселенныхъ бѣднымъ рабочимъ людомъ, оплачивающимъ ихъ несоразмѣрно высокой цѣной, за которую онъ въ сущности покупаетъ себѣ предрасположеніе ко всевозможнымъ конституціональнымъ болѣзнямъ, разстраивающимъ духъ и тѣло. Въ подобныхъ большихъ центрахъ, какъ Москва, куда усиленно стекается населеніе съ разныхъ сторонъ, земля подъ домами, какъ я имѣю случай убѣждаться, постоянно неудержимо и сравнительно быстро растетъ въ цѣнѣ безъ всякихъ затратъ и труда со стороны собственниковъ и тѣмъ самымъ чрезмѣрно повышаетъ стоимость недвижимой собственности, которая закрѣпляется продажами, часто сопутствуемыми взятіемъ барышей. А между тѣмъ необходимость скучиванія въ извѣстной мѣстности, увеличивая чрезмѣрно спросъ, устраняетъ вліяніе конкуренціи домовладѣльцевъ и отдаетъ бѣдное рабочее населеніе во власть этихъ послѣднихъ. Естественно, стремясь и заботясь только о повышеніи доходности своихъ имуществъ, домовладѣльцы, при всякой возможности, постепенно все болѣе и болѣе повышаютъ цѣны на квартиры (нѣкоторые дѣлаютъ это систематически, особенно по отношенію къ торговцамъ и промышленникамъ, поневолѣ стѣняющимъ мѣнять свое мѣсто-пребываніе) и тѣмъ самымъ заставляютъ нанимающее и безъ того бѣдное населеніе еще болѣе ограничивать себя и свои семьи въ ѣдѣ, необходимой одеждѣ, въ квартирномъ пространствѣ, въ чистотѣ воздуха, въ его сухости и въ свѣтѣ. Не мудрено поэтому, что недостаточное городское населеніе большихъ центровъ сравнительно обезцвѣчивается и вырождается, а потомъ въ значительныхъ количествахъ переходитъ въ нищенскіе притоны, рабочіе дома, тюрьмы и пр. Поэтому квартирный вопросъ, при теперешней полной безконтрольности домовладѣльцевъ, представляетъ собою одинъ изъ наиболѣе важныхъ обще-

другихъ неблагопріятныхъ жизненныхъ условій ²⁰⁾), могущественно содѣйствующихъ ухудшенію породы и народненію «подлыхъ натуръ», которыя представляютъ собою поистинѣ «ракъ общества». Усиленный наплывъ и предложеніе и слѣдующая за нимъ увеличивающаяся нужда даютъ различнымъ посредникамъ, а часто и не раздумывающей публикѣ возможность понижать плату за трудъ почти до невѣроятныхъ предѣловъ, до предѣловъ невозможности здороваго существованія, особенно въ городскихъ центрахъ. Примѣровъ подобнаго пониженія и его слѣдствій я могу привести множество и изъ личныхъ наблюденій ²¹⁾). Къ несчастію, «борьба за существованіе», по справедливому замѣчанію Krafft-Ebing'a, «представляетъ собою боевой кличъ нашей современной цивилизаціи» ²²⁾).

А наряду со всѣмъ этимъ, какъ бы для болѣе рѣзкаго противоположенія, существованіе всевозможныхъ безмѣрныхъ злоупотребленій, безъ труда дающимися благами міра, злоупотребленій, приводящихъ къ сходнымъ результатамъ. «Можно представить себѣ массу обстоятельствъ», замѣчаетъ проф. Bouchardat, «при которыхъ *оскуднѣніе* происходитъ не отъ недостаточности, а отъ органическихъ условій, препятствующихъ достаточному возстановленію экономіи; это недостаточность богатыхъ, лишенія среди изобилія» ²³⁾).

ственныхъ вопросовъ въ большихъ городахъ и невольно наводитъ на мысль о безусловной необходимости большого развитія собственно городской недвижимой собственности. Только такая постановка дѣла могла бы дать наиболѣе удобное и справедливое разрѣшеніе вопроса.

20) «Этотъ континентъ», замѣчаетъ Sims, описавшій условія жизни бѣдняковъ Лондона, «я надѣюсь, покажется не менѣе интереснымъ, нежели нѣкоторыя изъ тѣхъ вновь изслѣдованныхъ земель, которыя привлекаютъ вниманіе Королевскаго Географическаго Общества, а *дикия расы*, его обитающія, я увѣренъ, пріобрѣтутъ общественныя симпатіи столь же легко, какъ и тѣ дикия племена, для блага которыхъ Миссіонерское Общество никогда не перестаетъ взывать о пожертвованіяхъ». *How the poor live*, 6.

21) См., между прочимъ, мои замѣтки, помѣщавшіяся въ газетѣ «Русск. Вѣдом.» за іюль и августъ мѣсяцы 1888 г. подъ заглавіемъ: «Вопросы ремесленнаго быта и существующіе порядки ремесленнаго управленія».

22) «Über gesunde und kranke Nerven», 9.

23) «Если ребенокъ бѣдняка», говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «тратитъ мало потому, что онъ дурно питается, то ребенокъ богача часто тратитъ мало потому, что заключенный въ теплыя и затворенныя комнаты онъ не совершаетъ достаточнаго количества упражненій, не получаетъ въ свои легкія воздуха, богатаго кислородомъ, отъ чего зависитъ потеря его аппетита, его извращенные вкусы, а въ окончательномъ результатѣ его недостаточныя траты сравнительно съ потребностями его организма: это именно въ этой категоріи дѣтей богачей особенно и свирѣпствуетъ туберкулезъ». См. цитир. сочин. Bou-

Все это и многое другое, въ сущности сводящееся къ одному и тому же—недостаточности питанія ²⁴⁾, отъ какихъ бы то ни было причинъ, дѣйствуетъ крайне истощающе на организмъ человѣка, постепенно высасываетъ его жизненныя силы и тѣмъ самымъ порождаетъ роковое органическое стремленіе ко всевозможнымъ эксцессамъ, о которыхъ упоминаетъ и проф. Bouchut ²⁵⁾. Истощенный же организмъ, *испытывающій* вслѣдствіе того болѣе или менѣе тяжелыя внутреннія состоянія, во время которыхъ будущее и настоящее часто представляется въ самомъ черномъ цвѣтѣ, инстинктивно ищетъ быстро наступающаго восполненія, но не имѣя возможности, *вслѣдствіе особенности жизненныхъ условій*, находить его въ отдыхѣ, успокоеніи и правильномъ образѣ жизни, почерпаетъ его въ различныхъ искусственныхъ возбудителяхъ ²⁶⁾. Этимъ фатальный кругъ

chardat, 488, 591, 2, 617, 631—636, 658 и сл. J. Falret рассказываетъ про двоюроднаго брата гр. Petesbourg, Филиппа Mordant, который, казалось, былъ рожденъ для счастья. Онъ имѣлъ красивую наружность, блестящій умъ, богатство, знатность происхожденія, большія надежды и былъ счастливъ въ любви. Не смотря на все это, ему недоставало жизненности, которая, повидимому, была растратчена его восходящими. Его охватила тоска и неодолимое отвращеніе, казалось бы, къ прекрасной жизни. Тогда онъ заплатилъ свои долги, написалъ прощальныя письма къ друзьямъ и покончилъ съ собой. Свою рѣшимость онъ мотивировалъ тѣмъ, что *„его души надоѣло его тѣло, а когда домъ надоѣлъ, тогда надо выжжеть изъ него“*. Тотъ же авторъ приводитъ выдержку изъ письма г-жи De Maintenon къ г-жѣ Le Maisonfort. Въ немъ она сожалѣетъ, что не можетъ показать ей «скуку, пожирающую знатныхъ (les grands) и испытываемыя ими затрудненія наполнять свои дни». «Развѣ вы не видите», говоритъ г-жа De Maintenon, «что я умираю отъ тоски среди богатства, которое съ трудомъ можно вообразить». De l'hypochondrie et du suicide, 109 и 137.

24) Недостаточность процессовъ питанія, повидимому, иногда бываетъ наследственная и происходитъ, вѣроятно, отъ какихъ либо унаследованныхъ недостатковъ въ устройствѣ органическаго механизма. См. Bouchard, цитир. сочин. 87, 88 и 9.

25) «Венерическія злоупотребленія представляются обычными у людей, одаренныхъ нервнымъ темпераментомъ», говоритъ д-ръ Leven. «Злоупотребленія кушаньями и напитками, какъ и злоупотребленія венерическія», продолжаютъ онъ далѣе, «совершаются обыкновенно людьми нервными. Злоупотребленія любовью и виномъ идутъ рука объ руку, какъ говоритъ пѣсня». «У нервныхъ людей пища и питье встрѣчаютъ благопріятную почву для порожденія диспепсій. Люди нервные становятся диспептиками и почти всѣ диспептики — люди нервные». Estomac et cerveau, 56 и сл.

26) «Чрезмѣрное и крайнее напряженіе нервной энергіи», замѣчаетъ д-ръ Kerr, «вызываетъ ослабленные и извращенныя нервныя условія, которыя служатъ благопріятною почвою для развитія пьянства». «Нѣтъ болѣе могущественной причины, обуславливающей алкогольную нейрастенію, какъ переутомленіе

часто замыкается и подъ вліяніемъ указанныхъ неблагопріятныхъ факторовъ начинается и заканчивается закрѣпляемый наслѣдственной передачей процессъ постепеннаго фізіологическаго обѣднѣнія, вплоть до фізіологическаго пауперизма включительно. Посмотримъ теперь, какъ совершается этотъ процессъ, различные фазы котораго, наслѣдственно передаваемые, даютъ основаніе для существованія оскудѣлыхъ разновидностей различныхъ степеней.

Сравнительно быстро наступающее органическое истощеніе отъ абсолютнаго голоданья приводитъ, повидимому, къ тѣмъ же конечнымъ результатамъ, къ какимъ приводитъ и истощеніе, медленно совершающееся въ теченіе многихъ лѣтъ, а нерѣдко и нѣсколькихъ поколѣній. «Между абсолютнымъ лишеніемъ и лишеніемъ относительнымъ, длящимся», замѣчаетъ проф. Bouchardat, «нѣтъ существенной разницы, а лишь большая продолжительность мученій; здѣсь все—вопросъ времени и мѣры» ²⁷⁾).

Только въ случаяхъ медленно совершающагося истощенія, особенно наслѣдственно передаваемого, и результаты, конечно, являются болѣе устойчивыми. Вліяніемъ времени они постепенно все болѣе закрѣпляются, какъ бы срастаются съ организмомъ и послѣдній постепенно какъ бы приспосабливается къ условіямъ своего неблагопріятнаго существованія, но, конечно, лишь до извѣстнаго предѣла ихъ ухудшенія. Благодаря такому процессу, въ конечныхъ фазахъ его вырабатываются особыя физически оскудѣлыя и нравственно униженные разновидности человѣческой породы, сравнительно еще до-

и перенапряженіе. Излишніе часы труда обезсиливаютъ тѣло и мозгъ». «Ужасная поспѣшность современной жизни требуетъ постояннаго разряженія нервной энергіи, и наша нервная сила является преждевременно растроченной. Поспѣшность и забота составляютъ проклятіе современнаго прогресса». Пьянство, 147 и сл., см. также 137 и сл. «Всѣ захуданія», справедливо замѣчаетъ д-ръ Reich, «могутъ быть сведены къ одной и той же основной причинѣ: ослабленію общаго жизненнаго процесса, вслѣдствіе уменьшенія силъ экономіи организма, нервной системы и души». Die Erblichkeit der Gebrechen, 3 и сл. И дѣйствительно, наблюденіе особенностей дѣтей, предрасположенныхъ къ важнымъ послѣдующимъ уклонамъ въ сферѣ душевной жизни, показываетъ, что въ основѣ всѣхъ этихъ особенностей лежитъ главнымъ образомъ ослабленіе и истощеніе нервной системы вообще и ея различныхъ отдѣловъ въ частности. См. P. Moreau (de Tours). De l'homicide commis par les enfants, 151 и сл., 155 и сл.

²⁷⁾ Цитированное сочиненіе, 617, 594, 5 и 608.

статочно устойчивы для того, чтобы влечить жалкое, а часто и зло-
вредное физическое и нравственное существование подонков и отребий
общества и чтобы вполне мириться съ нимъ, не имѣя силъ для
борьбы за болѣе лучшее существованіе ²⁸).

Въ виду такого близкаго сродства процессовъ остраго и хроническаго
оскудѣнія, мы предварительно познакомимся въ самыхъ общихъ чертахъ
съ органическими явленіями скоротечно совершающагося фізіологи-
ческаго обѣднѣнія, лежащаго въ основѣ обѣднѣнія психическаго. Зна-
комство это дастъ намъ понятіе и о характерѣ медленно развиваю-
щагося и наследственно подвигающагося впередъ психо-фізическаго
оскудѣнія породы.

Фізіологическое обѣднѣніе, постепенно переходящее въ фізіологи-
ческую нищету, представляетъ собою одно изъ наиболѣе ужасныхъ
явленій, «если принять во вниманіе», какъ справедливо замѣчаетъ
проф. Bouchardat, «число ея жертвъ и опасности, которымъ она под-
вергаетъ ихъ. Это одна изъ формъ анеміи авторовъ. Но истинная
анемія характеризуется въ особенности уменьшеніемъ шариковъ
крови. При фізіологической бѣдности кровяные шарики поражаются
не болѣе другихъ существенныхъ для жизни органовъ, которые всѣ
подвергаются значительному уменьшенію, особенно органы управляю-
щіе и служащіе для питанія и движенія. Средства сопротивленія
вредному воздѣйствію всѣхъ измѣнителей (modificateurs), особенно
холода—уменьшаются» ²⁹).

Общая характеристическая черта фізіологическаго обѣднѣнія—
уменьшеніе, какъ уже замѣчено выше, объема и вѣса всего тѣла
и отдѣльныхъ составляющихъ его органовъ.

По мѣрѣ подвигающагося впередъ органическаго истощенія совер-
шаются постепенныя потери въ системѣ мускулатуры. Сердце, легкія,
желудокъ, кишечникъ, печень, селезенка и другіе внутренніе

²⁸) По словамъ д-ра Reich, если наблюдать вырождающіяся семьи, въ ко-
торыхъ отцы въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ вели распущенную жизнь,
посвященную наслажденіямъ желудка и любви, то слѣдующее поколѣніе, если
только не привходятъ особо благопріятныя внѣшнія условія, впадаетъ въ бѣд-
ность и съ трудомъ прозябаетъ: «оно слишкомъ сильно, чтобы умереть, и слиш-
комъ слабо, чтобы жить». Послѣдующее затѣмъ поколѣніе, происшедшее отъ
такихъ отцевъ, представляется совершенно выродившимся, оскудѣлымъ и вполне
неуравновѣшеннымъ. Ослабленность органической конституціи проявляется у
него золотушными явленіями, рахитизмомъ и другими тяжелыми конституціо-
нальными болѣзнями, указывающими на упадокъ органической жизненности.
Цитир. сочин. 26 и 7.

²⁹) Цитир. сочин. 592.

органы постепенно уменьшаются въ объемѣ; костная система также подвергается утратамъ, хотя сравнительно и значительно болѣе слабымъ. Абсолютное количество крови постепенно уменьшается, причемъ измѣняется и ея составъ: относительное количество воды увеличивается, а количество кровяныхъ шариковъ уменьшается. Кровяные сосуды, не растягиваемые съ прежнею силой полной кровяной волной, постепенно спадаются, ихъ просвѣтъ, а слѣдовательно, и вмѣстимость дѣлаются меньше ³⁰), и ихъ самыя мельчайшія развѣтвленія въ отдѣльныхъ органахъ, въ которыя ослабѣвшая кровяная волна не проникаетъ болѣе, вѣроятно, уменьшаются въ своемъ числѣ.

Въ первое время количество лимфы увеличивается, и такимъ образомъ то, что обыкновенно называютъ темпераментомъ, изъ сангвиническаго какъ бы переходитъ въ лимфатическій, но потомъ и количество лимфы убываетъ ³¹). Въ различныхъ тканяхъ постепенно также происходятъ, конечно, все болѣе и болѣе глубокія и важныя измѣненія, на извѣстной степени развитія которыхъ становится, повидимому, невозможно возстановленіе, и начавшійся процессъ, даже при наступленіи благопріятныхъ послѣдующихъ условій, приводитъ къ разрушенію ³²).

Что касается собственно нервной ткани, то ея клѣтки, съ ходомъ болѣе или менѣе быстро подвигающагося впередъ истощенія, перерождаются и атрофируются. Онѣ уменьшаются въ объемѣ и «не выполняютъ предназначенныхъ для нихъ пространствъ въ ткани» и мѣстами теряютъ свое вещество; постепенно «происходитъ превращеніе характерной нервной клѣтки въ безструктурную, безформенную глыбку». Совершается, повидимому, «молекулярное частичное жировое перерож-

³⁰) «При истощеніи», говоритъ Bouchut, «артеріи и вены спадаются (*reviennent sur elles-mêmes*) и суживаются, что предполагаетъ уменьшеніе общей вмѣстимости сосудистой системы и, слѣдовательно, меньшее количество циркулирующей жидкости и значительное уменьшеніе ея скорости». *Du nervosisme* 101. Такое спаденіе и уменьшеніе вмѣстимости замѣчается, повидимому, при сходныхъ условіяхъ и въ другихъ органахъ. Такъ, напр., д-ръ Thomas рассказываетъ про одного индивидуума, умершаго отъ хроническаго воспаленія обоихъ легкихъ, что у него грудная полость уменьшилась въ объемѣ на одну треть отъ начала болѣзни. При этомъ онъ прибавляетъ: «съ тѣхъ поръ мы провѣрили этотъ фактъ, который постояненъ у чахоточныхъ». *Physiologie des tempéraments ou constitut.*, 123.

³¹) Объ измѣненіяхъ органовъ см. цитир. сочиненія Bouchardat, 594—603. Bouchard, цитир. сочин. 17.

³²) См. «Вѣстникъ клинич. и судебн. психіатр.», годъ I, выпус. II; ст. д-ра Розенбаха: «О вліяніи голод. на нервныя центр.», 177.

деніе, которое постепенно захватывает массу клѣтки и приводитъ къ ея исчезновенію». Въ основной ткани также происходитъ обѣднѣніе ³³).

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ структурныхъ измѣненій происходятъ, конечно, измѣненія и въ функціяхъ обѣднѣлыхъ органовъ. Энергія пищеваренія постепенно уменьшается, и пищевыя вещества не перерабатываются и не ассимилируются въ полной мѣрѣ, что естественно еще болѣе увеличиваетъ и нарождаетъ предшествующее истощеніе и ускоряетъ ходъ органическаго разоренія ³⁴). Дѣятельность сердца и сосудов ослабляется; также постепенно ослабляется и дыханіе; развитіе животной теплоты уменьшается и увеличиваются колебанія температуры, а наряду съ этимъ идетъ развитіе лѣности и появляется нѣкоторая степень оцѣпенѣлости.

Вслѣдствіе недостаточности кровянаго орошенія нервной системы (съ

³³) См. только что указанную крайне интересную стат. д-ра Розенбаха. Я не буду вдаваться въ дальнѣйшія подробности описанія органическихъ измѣненій, что завлекло бы меня слишкомъ далеко. Интересующіеся могутъ найти ихъ въ спеціальныхъ работахъ. Цѣль моя указать общее направленіе въ ходѣ измѣненій, чтобы сопоставленіемъ двухъ неразрывно связанныхъ рядовъ явленій *сдѣлать болѣе понятнымъ истинное значеніе тѣхъ психическихъ явленій, съ которыми намъ приходится имѣть дѣло при изученіи тѣхъ формъ предрасположенія къ преступности.* Измѣненія въ нервной ткани, сходныя съ описанными, происходятъ, повидимому, и при злоупотребленіяхъ алкоголемъ, когда, наряду съ исчезновеніемъ нервныхъ клѣтокъ, наблюдается, между прочимъ, гипертрофія соединительной ткани, а параллельно съ этимъ и хорошо извѣстная дегенерація всѣхъ сторонъ нравственнаго существа. См. Kerr. Пьянство, 74, 174, 5, 6 и 9. Въ случаяхъ идиотизма въ нервной ткани наблюдается уменьшеніе величины нервныхъ клѣтокъ, ихъ недоразвитость, уменьшеніе ихъ численности и отсутствіе у нихъ отростковъ. См. Voisin, Lec. clin. sur les mal. ment. 342, 335 и 6. Впрочемъ, иногда идиотизмъ сосуществуетъ даже съ избыткомъ сѣраго вещества и нервныхъ клѣтокъ, но въ такихъ случаяхъ наблюдается или недостаточность комиссуральныхъ волоконъ, или рѣшительная недостаточность кровянаго орошенія мозговаго вещества. См. патолого-анатомич. изслѣдов. въ области идиот., пр. Мержеевскаго. Айрлэндъ: Идиотизмъ и ту-поум. 428 и 9.

³⁴) Уже одно перераздраженіе нервныхъ центровъ, какъ утверждаетъ д-ръ Leven, немедленно и рѣзко отражается на питаніи всего организма. Разъ нервныя центры находятся въ состояніи раздраженія—число кровяныхъ шариковъ понижается на нѣсколько милліоновъ. Количество отлагающагося жира значительно увеличивается и развивается ожирѣніе. Иногда же, напротивъ, происходитъ исхуданіе, не смотря на количество принимаемой пищи, которое не прекращается до тѣхъ поръ, пока не успокоиваются нервныя центры. См. отчетъ о докладѣ д-ра Leven въ Біологическомъ обществѣ. L'encéphale, 1888, № 2, 244—253.

вліяніемъ относительнаго обезкровленія мы имѣли уже случай познакомиться на многихъ примѣрахъ; см. II вып. моей работы о малолѣтнихъ преступникахъ, VI гл.), развивается обычная въ такихъ случаяхъ нервная раздражительность, склонность къ спазмамъ и ослабленіе иннервации. Въ окраскѣ общаго чувства все болѣе начинаютъ замѣчаться постоянныя колебанія состояній возбужденія и подавленности ³⁵⁾ съ рѣзко выраженной склонностью къ этой послѣдней и къ сопутствующему ей мрачному взгляду на вещи ³⁶⁾. Вмѣстѣ съ этимъ ослабляется органическая устойчивость и начинаетъ развиваться все усиливающаяся воспримчивость къ болѣзнямъ и склонность къ нѣкоторымъ спеціальнымъ: золотуха въ дѣтствѣ, туберкулезъ въ юности и ранней молодости и преждевременная дряблость и дряхлость въ пору возмужалости ³⁷⁾.

³⁵⁾ Рѣзкій примѣръ подобныхъ колебаній представлялъ, напр., крайне нервный субъектъ, о которомъ рассказываетъ д-ръ Motet. Предвидѣнный успѣхъ приводилъ его внѣ себя. Ему казалось, что нѣтъ уже болѣе трудностей и препятствій: будущее на нѣсколько часовъ принадлежало ему. Но такое розовое настроеніе обыкновенно продолжалось недолго и обрывисто смѣнялось рѣзкимъ противоположеніемъ. Отъ слѣпой вѣры въ себя онъ почти внезапно переходилъ къ самой полной безнадежности и безъ всякихъ серьезныхъ мотивовъ начиналъ придаваться самому глубочайшему отчаянію и плакать. *L'encéphale*, 1888, № 2, 175.

³⁶⁾ Вотъ какъ характеризовалъ одинъ больной Esquirol'я, находившійся въ сходныхъ условіяхъ временнаго нарушенія питанія центральной нервной системы, свое внутреннее состояніе въ это время. «Я сдѣлался печаленъ, озабоченъ и обидчивъ», рассказывалъ онъ. «Мало по малу я сталъ небреженъ въ своихъ дѣлахъ; я бѣгалъ изъ дому, чтобы уйти отъ тоски; я чувствовалъ себя слабымъ, я пилъ пиво и ликеры. Скоро я сталъ раздражителенъ; всякая бездѣлица мнѣ досаждала, выводила изъ себя и дѣлала меня невыносимымъ и даже опаснымъ для моихъ домашнихъ. Мои дѣла разстраивались отъ этого; я страдалъ безсонницей и отсутствіемъ аппетита. Ни мнѣнія друзей, ни нѣжные совѣты жены и моей семьи не оказывали болѣе на меня вліянія. Наконецъ, я *опалъ въ* глубокую апатію и сталъ ни на что не способенъ, исключая, какъ только пить и раздражаться». *Des maladies ment.*, I, 230.

³⁷⁾ См. цитированное сочиненіе Bouchardat, 602 и сл. См. также Bouchut: *Nervosisme*, 241, 2, 3 и 274. „Тогда-то именно (т. е. когда физіол. бѣдность овладѣваетъ индивидуумомъ) и наблюдаются“, говоритъ проф. Bouchardat, „роковымъ образомъ развивающіеся спеціальныя болѣзни длящейся физіологической бѣдности—золотуха въ дѣтствѣ, туберкулезъ въ юности. Если же нѣкоторые изъ этихъ избранниковъ физіологической бѣдности переживаютъ эти опасныя для нихъ возрасты, то они тогда отличаются преждевременною дряхлостью“. „Я теперь попытаюсь установить“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „что двѣ изъ наиболѣе ужасныхъ болѣзней нашихъ умѣренныхъ странъ—золотуха и легочная чахотка находятся въ абсолютной зависимости отъ длящейся физіологи-

Таковы въ самыхъ общихъ чертахъ явленія фізіологическаго обѣднѣнія. Они могутъ развиваться, какъ уже замѣчено выше, остро ³⁸⁾ и хронически иногда въ теченіи многихъ поколѣній, *при чемъ постоянно прогрессирующая наследственность закрепляетъ за каждой новой генераціей свой особый типъ послѣдовательно увеличивающагося фізіологическаго обѣднѣнія* ³⁹⁾. При этомъ указанный процессъ, въ зависимости отъ характера упражненій, привычекъ и

ческой бѣдности. Эти двѣ болѣзни постоянно производятъ все болѣе увеличивающіяся опустошенія», «Все клиницисты имѣвшіе много больныхъ въ госпиталяхъ, признаютъ что среди причинъ развитія легочной чахотки бѣдность занимаетъ мѣсто въ первомъ ряду». 634 и сл., 634—642 и 648 и сл.

38) Примеръ остро развившагося фізіологическаго обѣднѣнія у массы людей намъ представляетъ время конца осады Парижа. Говоря объ этомъ періодѣ проф. Азанъ замѣчаетъ: „Послѣ долгихъ мѣсяцевъ общій характеръ обитателей Парижа долженъ былъ испытать медленное дѣйствіе бѣдности, лишеній и конечнаго униженія. *Наибольшее число сумасшедшихъ и наибольшее число людей странныхъ* наблюдалось особенно къ концу осады, когда чувствовалось время приближенія высочайшей жертвы. Хотя въ храбрости никогда не было недостатка, но въ это время наступило уныніе; души были столь же слабы, какъ и тѣла. Въ это именно время самыя странныя выдумки, самыя невѣроятныя новости имѣли наибольшій успѣхъ; можно бы сказать, что разумъ покинулъ нашихъ несчастныхъ соотечественниковъ. Никогда толпа не была болѣе склонна увлекаться мечтателями, заслугой которыхъ было то, что они хорошо говорили или кричали громче другихъ. Коммуна была кривавымъ доказательствомъ того что я утверждаю. Униженные и обезумѣвшіе парижане возобновили 93 годъ. Стыдъ вызвалъ гнѣвъ, а этотъ послѣдній—звѣрство: дѣти подражали своимъ отцамъ почти при тождественныхъ условіяхъ. «Le caractère dans la santé et dans les maladies, 29 и сл. Интересно, что временныя неблагопріятныя состоянія родителей рѣзко отразились на ходѣ развитія множества дѣтей, зачатыхъ въ эту печальную эпоху, и на ихъ повышенной смертности, вслѣдствіе чего среди рабочаго населенія они были названы «дѣтьми осады». Покойный Legend du Saulle научно провѣрилъ это народное наблюденіе и изъ 92 дѣтей, зачатыхъ въ эту эпоху, у 64 онъ нашелъ тѣ или другія аномаліи съ физической стороны, или же со стороны сферы чувствъ, или же со стороны интеллекта. Двадцать восемь остальныхъ представлялись вообще тщедушными и хилыми. См. Moreau (de Tours): «La folie chez les enfants., 37 и сл.

39) Въ своемъ трудѣ «Lo sviluppo umano per età, sesso, condizione sociale ed etnica» проф. Pagliani замѣчаетъ, что его изслѣдованія показали, что благопріятныя условія питанія и жизни способны значительно ускорить развитіе и приводить его быстрее къ его завершенію, тогда какъ бѣдность въ значительной мѣрѣ задерживаетъ его и болѣе или менѣе отдаляетъ эпоху его завершенія. Далѣе онъ приводитъ въ таблицахъ сравнительныя цифры, въ которыхъ выражается органическое развитіе для дѣтей достаточныхъ и бѣдныхъ родителей. Приведу нѣкоторые изъ нихъ. Всѣхъ дѣтей достаточныхъ родителей въ 8 лѣтъ выражается цифрою 22,7, а бѣдныхъ — 20,5; въ 10 лѣтъ — 27,5 и

всего образа жизни вообще ⁴⁰⁾, может касаться различных органических системъ въ различной мѣрѣ и тѣмъ самымъ можетъ создавать различныя разновидности оскудѣлой органической неуравновѣшенности. Путемъ такого разномѣрнаго фізіологическаго обѣднѣнія и порчи постепенно и совершается процессъ физическаго и нравственнаго вырожденія, которое представляетъ столь благопріятную почву для развитія всевозможныхъ нравственныхъ убожествъ, извращенія, пороковъ и зла, а въ томъ числѣ и преступленій, и которое, пови-

24,4; въ 13 л. — 35,5 и 31,5; въ 16 л.—51,5 и 41,5; въ 19 л.—57,5 и 46,7. Ростъ дѣтей достаточныхъ родителей въ 8 лѣтъ выражается цифрою 122, а бѣдныхъ—115; въ 13 л.—142,5 и 138,6; въ 19 л.—168 и 156. Дыхательная выѣстимость дѣтей достаточныхъ родителей въ 8 лѣтъ выражается цифрою 1140, а бѣдныхъ—1010; въ 13 л.—2022 и 1980; въ 16 л.—3060 и 2485; въ 19 л.—3600 и 3125. Мускульная сила дѣтей достаточныхъ родителей въ 8 л. выраж. цифр. 35, а бѣдныхъ—28; въ 13 л. 74 и 65; въ 15 л.—100 и 82. См. ук. соч. 62, 5, 6 и 7. «Замѣчательно», говорятъ Barthes, «что люди бѣдные передаютъ своимъ дѣтямъ порокъ, аналогичный радикальной, органической слабости, которую часто скрываетъ состояніе наружной крѣпости». Цитир. по Lucas. L'héréd. natur. I, 243 и сл. Проф. Bouchard говоритъ о такъ называемомъ «хлорозѣ гигантовъ», которые обладаютъ *прирожденной узкостью всей сосудистой системы, малымъ сердцемъ, узкой аортой, узкой легочной артеріей, узкими легкими и малой печенью*. Цитир. сочиненіе 115, см. также 87 и сл. Говоря «объ индивидуальныхъ различіяхъ, образующихъ темпераменты, д-ръ Cullerre замѣчаетъ, что они могутъ быть приобрѣтены и могутъ быть результатами вліянія, долго дѣйствующаго дѣйствіе которыхъ вызываетъ устойчивыя измѣненія организма». Коснувшись выработки перваго темперамента подъ вліяніемъ дѣйствующихъ перераспределеній нервной системы, онъ продолжаетъ: «Такимъ образомъ, экономія организма мало по малу приобрѣтаетъ привычку дурнаго функціонированія, которая кончается тѣмъ, что переходитъ въ конституціональное состояніе и становится второй натурой. Можетъ случиться, что эти разстройства органическихъ функцій будутъ незначительны и не переступятъ предѣловъ простыхъ неудобствъ, совмѣстныхъ съ общимъ посредственнымъ состояніемъ, которое однако уже не есть болѣе состояніе здоровья. Мало по малу такое состояніе вызываетъ измѣненія въ интимной глубинѣ существа вплоть до таинственной функціи воспроизведенія». Cullerre, Nervosisme, 20, 24. См. также его Les frontières de la folie, 20, 21, 30, 38.

40) Говори о сдѣланныхъ имъ сложныхъ портретахъ (последніе представляютъ собою какъ бы среднее многихъ индивидуальныхъ портретовъ, съ которыхъ каждый изъ нихъ суммированъ) различныхъ категорій осужденныхъ преступниковъ, Galton замѣчаетъ: «Индивидуальныя фізіогноміи были довольно гнусны, но онѣ были гнусны въ различномъ направленіи. Когда же онѣ были комбинированы, то индивидуальные особенности исчезли и обще - человѣческое низшаго типа—вотъ все, что осталось». Inquiries into human faculty, 15. См. два приложенныхъ весьма интересныхъ сложныхъ фотографическихъ портрета преступниковъ.

димому, и представляет собою то общее, что объединяетъ въ одну родственную семью душевныя аномаліи, порочныя склонности и явленія преступности ⁴¹⁾.

Въ наше время, подъ вліяніемъ множества крайне неблагоприятно дѣйствующихъ условій общественной жизни, часто создающихъ несоотвѣтствующее органическимъ законамъ жизни существованіе, по-видимому, значительно увеличивается число людей, органически оскудѣлыхъ ⁴²⁾, проявленіями особенностей которыхъ и характеризуется «нашъ нервный вѣкъ», по выраженію Krafft-Ebing'a. Это увеличеніе «общей нервности» и «ухудшеніе органической конституціи массъ», которыми въ значительной степени обусловливаются явленія такъ называемой «міровой скорби» и пессимистическихъ взглядовъ на жизнь, не поддается, по справедливому замѣчанію того же автора, выраженію въ опредѣленныхъ цифрахъ и допускаетъ лишь общую оцѣнку. Тѣмъ не менѣе оно ярко проявляется въ своихъ слѣдствіяхъ: въ значительномъ увеличеніи числа самоубійствъ, душевныхъ разстройствъ, проституціи, противонравственныхъ преступленій, пьянства, потребленія веществъ, стимулирующихъ истощенную и раздражительную нервную систему, въ усиленіи безпокойствъ, часто охватывающихъ общественныя массы, въ возрастаніи жажды наслажденій и пр. и пр. ⁴³⁾.

⁴¹⁾ «Тѣ, мозгъ которыхъ ненормально образованъ, представляютъ склонность понижаться шагъ за шагомъ чрезъ различные слои общества—если только они не имѣютъ наслѣдственнаго состоянія или друзей, желающихъ помогать имъ,—до тѣхъ поръ, пока они не достигнутъ конечнаго этапа—учрежденій для бѣдныхъ душевно-больныхъ. Условія, которыя производятъ это пониженіе суть тѣ же, которыя разрушаютъ и здоровье, а именно: злоупотребленія страстей, пьянство, нездоровыя жилища и занятія, неудовлетворительная пища, чрезмерная работа и недостатокъ упражненій и отдыха». *The Lunacy Blue Books. Fifteenth Ann. Rep. of the Gener. Boord in Lunacy for Skotland*, 419. То же нужно повторить и о генезисѣ преступности.

⁴²⁾ «Нашъ образъ жизни и воспитаніе съ постояннымъ возбужденіемъ и волненіемъ», замѣчаетъ Kerr, «увеличиваютъ нервную воспріимчивость». «Недостаточное или неправильное питаніе, недостатокъ свѣжаго воздуха и движенія увеличиваютъ обезсиленіе нервной системы, служатъ причиной еще большей потери нервной силы и такимъ образомъ обусловливаютъ болѣзненное возбужденіе или подавленность ощущеній». «Высокое давленіе, при которомъ мы теперь живемъ, возбужденіе, чувствительность и безпокойство, окружающія насъ въ нашей жизненной скалкѣ, соединяются вмѣстѣ, чтобы истощить нашу энергію, и вызываютъ физическую и душевную раздрожительность и неустойчивость». *Пьянство*, 148.

⁴³⁾ См. введеніе сочиненія его „Über gesunde und kranke Nerven“, 1—16.

До сихъ поръ мы рассматривали явленія органическаго оскудѣнія. Посмотримъ теперь, какіе различные психофизическіе типы развиваются на его почвѣ. Типы эти, какъ и степени обусливающего ихъ оскудѣнія, крайне разнообразны и представляютъ неумовимые переходы отъ одного оттѣнка къ другому. Мы очертимъ здѣсь только самыя общіе изъ нихъ.

Первымъ послѣдующимъ результатомъ разъ начавшагося обѣднѣнія прежде роскошно развитой органической жизни, съ которой мы познакомились, говоря объ особенностяхъ сангвиническаго типа организаціи и которая обусловливается богатствомъ *энергичнаго* и питательнаго кровянаго орошенія, является, повидимому, болѣе или менѣе рѣзко выраженный органическій типъ нервныхъ людей или такъ называемый нервный темпераментъ, отражающійся на физической и нравственной сторонѣ и придающій особый отпечатокъ движеніямъ, функціямъ внутренностей, чувствительности и умственнымъ способностямъ субъекта ⁴⁴). На сколько важно достаточно полное и энергичное кровяное орошеніе для этихъ послѣднихъ, ясно видно изъ фактовъ наблюдавшихся идіотовъ съ сравнительно хорошо образованнымъ мозгомъ, но очень малымъ сердцемъ ⁴⁵).

Въ общей основѣ перваго типа организаціи, повидимому, лежитъ часто наследственное ослабленіе и обѣднѣніе органической системы кровообращенія и проистекающее отсюда ослабленіе и обѣднѣніе кровянаго орошенія и питанія тканей ⁴⁶). Когда вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ причинъ питаніе организма постепенно и часто наследственно ослабляется, когда его приходъ постепенно уменьшается, а количественно и качественно обѣднѣлый кровяной токъ постепенно начинаетъ напирать съ

Современное конституціональное ослабленіе, повидимому, отражается и на характерѣ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ формъ душевныхъ разстройствъ, какъ, напр., прогрессивнаго паралича, при которомъ начинаютъ преобладать формы угнетенія. См. Ann. méd.—psych. за 1883, май, ст. д-ра Comuset: „Note sur la predominance actuelle des formes dépress. de la fol. paralit.“, а также см. цитир. соч. Voisin, 402.

⁴⁴) Bouchut, цит. соч. 1, 2, 44 и сл. Cullere: Nervosisme, 18 и сл. Bouchardat, цитир. сочиненіе, 31 и слѣд.

⁴⁵) По этому вопросу см. 35 прим.

⁴⁶) Говоря о нервности, J. Moreau (de Tours) замѣчаетъ вслѣдъ за д-мъ Gaussenail: „она связывается съ недостаткомъ гармоніи въ предустановленныхъ отношеніяхъ, которыя должны существовать между нервнымъ и артеріальнымъ элементами, чтобы образовать постоянныя и неизмѣнныя условія физиологической возбудимости“. Psych. morb., 195.

убывающею силой и не наполняетъ въ прежней мѣрѣ просвѣтъ кровеносныхъ сосудовъ и ихъ мельчайшихъ развѣтвленій въ различныхъ тканяхъ тѣла, тогда сердце и сосуды постепенно начинаютъ спадаться и уменьшаться въ своемъ калибрѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и въ энергіи своего функціонированія ⁴⁷⁾, и постепенно становятся менѣе способны удовлетворять усиленнымъ запросамъ дѣятельной жизни. При этомъ плохо питаемыя органическія ткани, а въ томъ числѣ и нервная, какъ и при голоданіи, повидимому, постепенно бѣднѣютъ въ своихъ основныхъ элементахъ и потому становятся менѣе способны выдерживать безъ потрясеній сильныя воздѣйствія и длительно и равномерно функціонировать.

Вырабатывающійся такимъ процессомъ нервный темпераментъ представляетъ значительныя разнообразія оттѣнковъ по индивидуумамъ. Органическое обѣднѣніе по различнымъ органамъ и ихъ системамъ происходитъ при этомъ, повидимому, неравномѣрно. Къ каждому работающему органу кровь приливаетъ въ большемъ количествѣ и больше питаетъ его. Часто, но не чрезмѣрно работающіе и упражняемые органы привлекаютъ къ себѣ изъ общей массы и большее количество крови. Отсюда и порча породы, вслѣдствіе различія въ упражненіяхъ и жизненныхъ навыкахъ, можетъ идти, повидимому, двумя путями: преимущественно путемъ общаго, болѣе или менѣе равномѣрнаго обѣднѣнія организма, или путемъ рѣзкаго, значительнаго и неблагопріятнаго нарушенія равновѣсія въ развитіи органическихъ системъ. Поэтому и нервный темпераментъ, по индивидуальностямъ, представляетъ, во-первыхъ, значительныя разнообразія оттѣнковъ въ отношеніи степени богатства общаго кровянаго орошенія, оттѣнковъ, которые, представляя безчисленное множество неумовимыхъ переходовъ, незамѣтно соединяютъ нервный темпераментъ, съ одной стороны, съ темпераментомъ сангвиническимъ, а съ другой— съ темпераментомъ лимфатическимъ, болѣе яркими представителями котораго являются наиболѣе оскудѣлыя натуры. Во-вторыхъ, организмы этого темперамента, какъ весьма сложныя явленія, представляютъ помимо того значительное разнообразіе и въ отношеніи степени развитія другихъ, входящихъ въ ихъ составъ органическихъ системъ. Последнія своимъ болѣе или менѣе энергичнымъ функціонированіемъ и тонаціями придаютъ особые характеры облику психиче-

⁴⁷⁾ Сердце и сосуды также питаются, а потому и слѣдуютъ общему закону развитія и регресса. См. цитир. соч. Bouchut, 102 и 2.

ской личности, которые мы будемъ изучать и о которыхъ будемъ говорить впоследствии ⁴⁸⁾).

Нервные люди — это какъ бы разоряющіеся органическіе богачи или прежде зажиточныя организаціи въ различныя степени своего органическаго обѣднѣнія. Пренія сравнительно благопріятныя условія окружавшей обстановки, среди которыхъ часто протекала жизнь восходящихъ такихъ личностей, а иногда и ихъ самихъ въ предшествующіе періоды ихъ существованія, способствовали большому или меньшему конституціональному развитію хорошо питавшагося и благопріятно упражнявшагося организма вообще и тѣхъ или другихъ его частей въ особенности. Наступившія потомъ органически неблагопріятныя жизненныя условія (чрезмѣрное напряженіе, развратъ, злоупотребленія различными возбуждителями, недостатки, бѣдность и пр.) понизили приходъ, уменьшили запасы, ослабили организацію и постепенно развили болѣе или менѣе выраженный нервный типъ или темпераментъ. Приведу одинъ случай. Онъ представляетъ собою какъ бы экспериментъ, произведенный для насъ природою. Въ немъ нервность,

48) Oullette: „Nervosisme“, 32. Проф. Bouchut сводитъ явленія нервозизма къ явленіямъ разстройствъ общаго или мѣстнаго кровообращенія, къ измѣненіямъ въ общемъ количествѣ или только въ количествѣ притекающей къ тому или другому органу крови, къ мѣстнымъ иниміямъ и гипереміямъ и къ измѣненіямъ въ качествѣ крови. Nervosisme, 59. Уловить и очертить всѣ многочисленные оттѣнки и особенности этого нервного типа рѣшительно невозможно, такъ какъ въ основѣ ихъ лежатъ самыя разнообразныя количественныя и качественныя колебанія процесса кровообращенія, совершающагося въ крайне сложномъ сосудистомъ аппаратѣ. Надо замѣтить, что нервность, въ смыслѣ болѣе легкой нервной возбудимости и раздражительности (какъ болѣе или менѣе устойчиваго явленія), начинается замѣчаться ранѣе, нежели какіе либо ея наружныя органическіе признаки. Начавшееся оскудѣніе, повидимому, прежде всего отражается на функціональной сферѣ. Только потомъ, при продолжающемся неблагопріятномъ состояніи органическаго баланса, постепенно начинаютъ уже вырабатываться и болѣе глубоко врѣзавшіяся особенности органическаго оскудѣнія. Предварительно же происходитъ, вѣроятно, какія то молекулярныя измѣненія въ нервной ткани, которыя дѣлаютъ ее менѣе устойчивой и болѣе отзывчивой на всѣ внѣшнія воздѣйствія и толчки несоразмѣрно сильными реакціями. Этимъ и объясняется, что встрѣчаются, хотя и сравнительно рѣдко, люди сангвиническаго темперамента, представляющіе нѣкоторыя особенности реакціи нервныхъ людей. Также невозможно уловить и очертить и всѣ разнообразныя оттѣнки часто причудливыхъ и тяжелыхъ особенностей самочувствія и воспріятія впечатлѣній отъ внѣшняго міра явленій у нервныхъ людей, особенностей, которыя опредѣляютъ всю ихъ дѣятельность и которыя вслѣдствіе своей причудливости, не рѣдко склонны вызывать разумно не мотивированныя и часто сумасбродныя дѣйствія.

вырабатываемая иногда въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, развивается въ сильномъ организмѣ сокращеннымъ процессомъ. На ряду съ нею развиваются—что для насъ особенно важно — и нѣкоторыя дурныя стороны характера, которыя, появляясь при иныхъ жизненныхъ условіяхъ, обыкновенно замыкаютъ собою фатальный кругъ и въ свою очередь становятся исходными моментами для порожденія неблагоприятныхъ условій окружающей обстановки и источникомъ для неблагоприятныхъ, дурныхъ, а иногда и преступныхъ дѣйствій.

Нѣкто Каролина М. отъ природы была очень дѣятельна и обладала атлетическою силою. Характеръ ея отличался мягкостью, веселостью и ровностью. Съ четырнадцати по девятнадцатилѣтній возрастъ она съ большою любовью занималась хозяйствомъ и полевыми работами, пахала землю, ѣздила верхомъ на лошадахъ, дѣлала пѣшкомъ по 10 и 12 льё въ день и на утро съ обычнымъ удовольствіемъ принималась снова за свои тяжелыя работы. На 19 году, вслѣдствіе измѣненія матеріальныхъ средствъ у ея родителей, Каролина была принуждена рѣзко измѣнить свой прежній образъ жизни. Съ девятнадцати до двадцати четырехъ лѣтняго возраста ей пришлось жить въ городѣ и съ усидчивостью заниматься шитьемъ. Въ это именно время постепенно и стало совершаться обѣднѣніе ея организма, лишеннаго здоровыхъ упражненій и воздуха полей, и постепенное измѣненіе ея темперамента. Члены ея, прежде столь сильныя, слабѣли изо дня въ день и аппаратъ инерваціи дѣлался впечатлительнымъ и господствующимъ на счетъ аппарата мускулатуры. При этомъ у Каролины появились бессонница, кардіалгія, легкія конвульсивныя подергиванія, сопровождавшіяся кратковременными возбужденіями—однимъ словомъ, появились различныя проявленія нервности. Двадцати пяти лѣтъ Каролина вышла замужъ, скоро забеременѣла и именно со времени этой беременности *стала чувствовать ненависть къ своей пятилѣтней падчерицѣ*. Потомъ наступили трудные роды, сопровождавшіеся кровотеченіемъ и продолжительной женскою болѣзнію и болѣзнію брюшины, которыя еще болѣе ухудшили положеніе и еще болѣе повліяли на измѣненіе характера. Прежній мягкій и веселый характеръ Каролины исчезъ совершенно, и его мѣсто заняло тоскливое настроеніе, молчаливость и неподвижность. Каролина стала избѣгать людей, стала избѣгать даже глядѣть на улицу, потому что одинъ видъ прохожихъ усиливалъ ея отвращеніе къ жизни. По временамъ ее охватывали приступы сильнѣйшаго раздраженія противъ самой себя, противъ своего уже двухлѣтняго ребенка, а главное, противъ своей ненавистной падчерицы. Въ такіе моменты, при малѣйшемъ движеніи

последней, Каролиной овладало желаніе выбросить ее въ окошко. Тогда она начинала жестоко бить ни въ чемъ неповиннаго ребенка, но если при этомъ раздавался звонокъ у двери, она останавливалась и говорила задыхающимся голосомъ: «Если это твой отецъ, не говори ему ничего, или...». Затѣмъ она приводила въ порядокъ свое лицо и себя, шла отпирать и долго послѣ того ощущала усиленное сердцебіеніе и спазмы въ желудкѣ — до тѣхъ поръ, пока обильныя слезы не разрѣшали этого состоянія.

Приглашенный врачъ назначилъ лѣченіе. Последнее, будучи продолжаемо въ теченіе 1½ мѣсяцевъ, привело къ нѣкоторому улучшенію. Затѣмъ, по совѣту доктора, падчерица, видъ которой такъ раздражалъ Каролину, была удалена и помѣщена въ пансіонъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого Каролина, не возбуждаемая и не раздражаемая болѣе присутствіемъ ненавистнаго ей ребенка, стала неузнаваема. Ея фізіогномія получила открытое, по временамъ даже веселое и смѣющееся выраженіе. Она сдѣлалась болѣе любовна къ своему ребенку и, наконецъ, почувствовала стыдъ и раскаяніе въ своихъ отношеніяхъ къ падчерицѣ. Тогда она стала часто посѣщать ее и начала окружать ее заботами и ласками.

Заканчивая свой рассказъ, наблюдавшій Каролину врачъ прибавляетъ: «Если бы г-жа М. имѣла возможность перебраться въ деревню и тамъ пачать свои прежнія занятія, то я убѣжденъ, что ея физическое и нравственное излѣченіе не оставило бы желать ничего болѣе. Я даже не долекъ отъ мысли», продолжаетъ онъ далѣе, «что ея первоначальная конституція вскорѣ замѣстила бы преобладаніе въ ней нервности, подъ вліяніемъ которой она столько страдала съ тѣхъ поръ, какъ промѣняла поля на городъ, а лошадей и заступъ на стулъ и иголку» ⁴⁹⁾.

⁴⁹⁾ Descuret: «Méd. des pass». II, 22 и сл. Нѣсколько сходный случай см. въ цитиров. сочин. Bouchut, 153 и сл. Для большей демонстративности приведу здѣсь для интересующихся нѣсколько сходныхъ примѣровъ, изъ которыхъ каждый представляетъ свои своеобразные оттѣнки. Одинъ изъ нихъ—это случай десятилѣтняго поджигателя, о которомъ рассказываетъ Д-ръ Motet, врачъ одиночной тюрьмы для малолѣтнихъ въ Парижѣ, извѣстной подъ именемъ la petite Roquette. Отецъ этого скороспѣлаго поджигателя остался неизвѣстенъ. Его мать была горничной въ театрѣ. Это была женщина простоватая, весьма ограниченная, но трудолюбивая. Ея сынъ, такъ называемый малолѣтній преступникъ, съ 5½ лѣтъ началъ появляться, по неразумію своей воспитательницы, на подмосткахъ театра и такъ пристрастился къ нему, что если мать вечеромъ не брала его съ собой, то это служило для него тяжелымъ наказаніемъ. Такое раннее перераздраженіе, конечно, должно было отразиться на пра-

Въ этомъ весьма интересномъ и поучительномъ примѣрѣ предъ нами проходитъ въ самомъ сокращенномъ видѣ довольно обычный въ современной жизни и въ особенности въ нѣкоторыхъ болѣе неблагоприятно обставленныхъ общественныхъ классахъ процессъ органическаго оскудѣнія съ своими обычно дѣйствующими причинами и съ *своими неизбѣжными психофизическими слѣдствіями*, въ значительной мѣрѣ предрасполагающими къ дѣятельности, которая, нарушая отношенія съ окружающими людьми, часто содѣйствуетъ дальнѣйшему паденію, а иногда и конечной гибели. Въ данномъ случаѣ процессъ не успѣлъ закрѣпиться наследственно. Нужныя заботы и спасительная помощь, что далеко не всегда бываетъ въ жизни, подоспѣли во время и задержали физическое и нравственное паденіе. Не то въ другихъ слу-

вильности хода развитія еще крайне слабого и неустойчиваго организма. Несоразмѣрно сильныя каждодневныя театральныя впечатлѣнія вызвали у мальчика состояніе нервнаго возбужденія. Сонъ его сталъ нарушаться фантастическими грезами и онъ началъ декламировать по ночамъ. Въ теченіе дня онъ представлялъ рѣшительно непонятныя для его матери колебанія и неправильности настроенія. Выѣстъ съ тѣмъ онъ сталъ злымъ и раздражителемъ, представлялъ изъ себя маленькаго разрушителя и проявлялъ все особенности эксцентричныхъ и дурно-уравновѣшенныхъ дѣтей. Когда театральнй режиссеръ сдѣлалъ ему однажды выговоръ за что-то, то онъ хотѣлъ было поджечь театръ. За это мать заперла его дома, но тогда онъ поджегъ свою квартиру и попалъ въ тюрьму la petite Roquette, гдѣ его и наблюдалъ д-ръ Motet. Последний пришелъ къ заключенію, что онъ не душевно-больной, но представляетъ собою порочную организацію, дальнѣйшее развитіе которой для него остается «сомнительнымъ». По поводу вліянія на дѣтей зрѣлищъ см. интересное прим. въ сочин. Paul Moreau (de Tours): «De l'homicide commis par les enfants, 67, 8 и 9. И въ приведенномъ случаѣ мы можемъ наблюдать, какъ подъ вліяніемъ ранняго и непосильнаго возбужденія, вѣроятно, и безъ того отъ природы далеко неустойчивая организація сравнительно быстро и преждевременно истощается и какъ на ряду съ этимъ въ ней развивается и психическая дефективность—обычный спутникъ органической слабости. А между тѣмъ какое значительное число дѣтей изъ различныхъ классовъ общества получаетъ подобное же воспитаніе и чуть не отъ колыбели знакомится своими родителями съ различными чрезмѣрно сильно дѣйствующими возбудителями? Раннее перерожденіе и безъ того часто наследственно истощенной нервной системы, съ какой, по всемъ вѣроятіямъ, мы имѣли дѣло и въ данномъ случаѣ, представляетъ собою одну изъ частыхъ особенностей современнаго воспитанія. Не мудрено поэтому, что последнее не рѣдко даетъ столь грустные результаты. Слѣдующій примѣръ интересенъ потому, что онъ знакомитъ насъ съ причудливостью внутреннихъ состояній, испытываемыхъ нервными людьми при усилившемся обѣднѣніи кровью. Нѣкто S. была отъ природы особа нервнаго темперамента. Она была относительно здорова до 20 слишкомъ лѣтъ, когда у нея умерла мать. Смерть последней вызвала для нея тяжелое горе, которое въ

чаяхъ, которымъ имя легіонъ. Въ нихъ тотъ же процессъ физической и нравственной порчи и оскудѣнія развивается значительно медленнѣе и потому незамѣтнѣе, такъ какъ вчера почти не отличается отъ сегодня, а сегодня отъ завтра, и все относится на долю дурныхъ сторонъ характера. Въ такихъ случаяхъ необходимая и своевременная помощь не только отсутствуетъ, но въ нихъ по большей части постоянно продолжаютъ еще дѣйствовать во множествѣ разрушительные факторы, а потому въ нихъ неудержимо происходитъ и наследственно закрѣпляемое паденіе со ступеньки на ступеньку иногда вплоть до тюрьмы, до рабочихъ домовъ и различныхъ благотворительныхъ убѣжищъ для пауперовъ.

свою очередь породило разстройства въ нервно - неустойчивой конституціи S. Последнія выразились уклоненіями въ регулахъ: онѣ стали появляться въ большомъ изобиліи два раза въ мѣсяцъ и длиться по пяти и шести дней подрядъ. Большія потери крови, обѣдняя и безъ того небогатую организацію S., сдѣлались новымъ источникомъ дальнѣйшихъ осложненій и усилили тоску, первоначально вызванную нравственнымъ потрясеніемъ. Такъ длилось около года, при чемъ ослабленіе подвигалось впередъ, подготавливая почву для новыхъ ухудшеній. Значительныя потери и уменьшеніе крови вызвали усиленную повсемѣстную нервную раздражительность, которая стала вызывать несоразмѣрные эффекты даже при слабыхъ воздѣйствіяхъ на периферическіе нервы какъ наружныхъ, такъ и внутреннихъ поверхностей. «Моя болѣзнь», говоритъ S., «началась страхомъ». «Я не понимала, что со мною дѣлается; мнѣ казалось, что злой геній слѣдовалъ за мною по пятамъ» (неясное чувство, явившееся, вѣроятно, результатомъ неясныхъ, но непріятныхъ ощущеній отъ слишкомъ легко раздражающихся нервовъ внутренностей). «Ужасъ овладѣлъ мною; я чувствовала какъ бы снопъ, который поднимался къ мозгу. Онъ исходилъ то изъ сердца, то изъ низа живота». «Иногда мнѣ казалось, что я не могу болѣе ходить, какъ будто, что меня останавливало». «У меня развилось отвращеніе къ жизни; безнадежность охватила меня (вѣроятный результатъ малокровія мозга) и тоска или, скорѣе, внутреннее отчаяніе присоединилось къ этому». S. часто стала приходить мысль о самоубійствѣ, такъ что она старалась не оставаться одна, боясь поддаться иначе своему опасному влеченію. «Мое положеніе», продолжаетъ S., «мнѣ казалось похожимъ на кошмаръ, отъ котораго я не могла отдѣлаться. Съ самаго начала этой болѣзни мнѣ казалось, что я удвоилась или раздвоилась—хорошо я не могу объяснить этого» «Съ нѣкотораго времени мнѣ кажется, что земля ходитъ подо мною. Два дня, какъ я уже не могу объяснить самой себѣ, что я испытываю; все, что я могу сказать, *что я уже больше не та, что была прежде*». Bouchut, цитир. соч. 186 и сл. Не трудно понять, какія мысли, дѣйствія и какую порчу и искаженіе отношеній ко всѣмъ окружающимъ могутъ иногда вызывать подобныя тяжелыя и странныя состоянія самочувствія нервныхъ людей, развивающіяся и осложняющіяся медленно, постепенно и незамѣтно.

Отличительными особенностями ясно выраженного нервного темперамента, или типа, являются, какъ уже замѣчено выше, недостаточное кровяное орошеніе и питаніе тканей ⁵⁰⁾, неустойчивость кровеносной, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нервной системъ ⁵¹⁾, слабость, быстрая, легкая и *повышенная возбудимость* послѣдней ⁵²⁾, сравнительно скорая исто-

⁵⁰⁾ Bouchut, цитир. сочин., 33.

⁵¹⁾ «Существуетъ особая склонность организма», говоритъ вслѣдъ за д-мъ Gaussail J. Moreau (de Tours), «характеризующаяся невозможностью, въ которой находится иннервирующій аппаратъ, воспринимать безъ потрясеній воздѣйствія возбуждающихъ факторовъ внѣшнихъ или внутреннихъ». Эта склонность, которую слѣдуетъ обозначить именемъ чрезмѣрной нервной раздражительности, бываетъ прирожденна или пріобрѣтена; въ томъ и другомъ случаѣ она находится въ зависимости отъ недостаточной гармоніи въ предустановленныхъ отношеніяхъ между нервнымъ и артеріальнымъ элементами, чтобы создать постоянныя и неизмѣнныя условія фізіологической возбудимости». *Psych. morb.* 195. Особого вниманія заслуживаетъ ослабленіе того отдѣла нервной системы, который завѣдуетъ регулированіемъ самаго кровообращенія. Вазомоторные нервные центры и волокна представляютъ собою какъ бы органическіе рычаги, отъ точности и правильности дѣятельности которыхъ зависитъ точность и правильность всѣхъ психофизическихъ отправленій. Истерики съ ихъ странными и причудливыми проявленіями—разительный примѣръ этого.

⁵²⁾ Bouchut, цитир. соч., 29. Cullerre, *Nervosisme*, 30. «Это состояніе», замѣчаетъ Marcé, «характеризуется большою впечатлительностью и чрезвычайной неустойчивостью нервной системы: субъекты легко оживляются и легко печаливаются; они легко переходятъ отъ крайней подавленности къ удивляющей энергіи» *Trait. prat. des mal. ment.*, 39 и 40. «Въ другихъ случаяхъ» (это случаи еще болѣе повышенной впечатлительности раздраженной нервной системы), говоритъ тотъ же авторъ въ своей диссертациі, «чувствуемое ощущеніе достигаетъ степени боли: малѣйшій шумъ, самый слабый свѣтъ, самый слабый запахъ производитъ глубокое потрясеніе, которое можетъ вызвать обморокъ и конвульсіи». Въ другомъ мѣстѣ онъ приводитъ случай одной дамы, заимствованный имъ изъ сочиненія Sandras. У нея, вслѣдствіе повышенной впечатлительности нервной системы, всѣ фізіологическіе акты стали источникомъ страданія. *Des alterat. de la sensib.*, 18 и 24. См. также цитир. сочин. Bouchut, 194. Понятно, какъ такія особенности нервной системы должны отражаться на всемъ строѣ внутренней психической жизни и на всѣхъ ея проявленіяхъ во внѣ. Иногда же, при сравнительно сильныхъ воздѣйствіяхъ, нервно очень впечатлительные люди, повидимому, какъ бы подавляются ими и они, вмѣсто того, чтобы быстро смѣняться, глубоко врѣзываются въ ихъ неустойчивую нервную систему, потрясаютъ ее до основанія и иногда становятся въ ней исходными моментами для развитія совершенно неожиданныхъ и странныхъ психическихъ явленій. Въ сочиненіи Marcé мы находимъ, напр., рассказаннымъ слѣдующій случай. Нѣкто Strohm, женщина очень уважаемая за свою набожность своими сосѣдями, которые не замѣчали въ ней ничего страннаго, однажды пригласила къ себѣ свою подругу Flugel и во время сна зарѣзала ее

щаемость всякаго работающаго органа и его нервныхъ центровъ и послѣдующая ихъ чрезмѣрная раздражительность, какъ естественный результатъ обѣднѣлости нервной ткани и недостаточности своевременнаго притока питательнаго замѣщающаго матеріала. Понятно, что, при развитіи такихъ особенностей организациі, возможность спокойнаго, ровнаго, внимательнаго и безъ непріятнаго чувства выполняемаго длящагося однороднаго труда значительно уменьшается. Болѣе или менѣе быстрая истощаемость работающихъ нервныхъ центровъ, необходимо сопутствуемая чувствомъ утомленія, непріятности, раздраженія, лѣни и безсилія—рѣшительныя препятствія къ тому ⁵³⁾. Смѣна занятій и послѣдовательное попеременное введеніе въ дѣятельность различныхъ нервныхъ центровъ и общее сравнительно умѣренное

заранѣе приготовленнымъ ножомъ. Потомъ она обмыла трупъ, положила его на матрасъ и осталась было съ нимъ проводить ночь. Наступленіе сумерокъ вызвало въ ней дрожь и безпокойство. Тогда она отправилась и предала себя въ руки правосудія. Изслѣдованіе показало, что, еще будучи очень молодой, Strohm присутствовала въ Дрезденѣ при казни Schaefer, осужденной за убійство. Заботливость, съ которой готовили обвиненную къ смерти, шествіе послѣдней на эшафотъ и самая казнь произвели на Strohm сильное впечатлѣніе и у нея родилось странное желаніе быть также казненной. Мысль о казни не покидала ее болѣе, хотя, вслѣдствіе своихъ нравственныхъ принциповъ, она усиленно боролась съ нею. Недѣль за шесть до убійства Flugel въ Дрезденѣ былъ казненъ за убійство нѣкто Kaltofen. Его поведение въ тюрьмѣ, вся торжественная обстановка казни, многочисленная стража и несмѣтная толпа зрителей, рѣчь осужденнаго къ народу и проч. — *все это оживило и еще болѣе усилило прежнее захватывающее впечатлѣніе и окончательно нарушило внутреннее равновѣсіе, результатомъ чего и было убійство любимой подруги, съ цѣлью получить возможность войти на эшафотъ.* «De la folie», I, 235 и сл. См. также интересный случай въ сочиненіи Falret «De l'hypochondr. et du suicide», 141.

⁵³⁾ Инертность многихъ меланхоликовъ, у которыхъ, вслѣдствіе дурнаго питанія нѣкоторыхъ нервныхъ центровъ, развивается иногда поразительная слабость и безволіе, объясняетъ многое — несмотря на значительное несходство явленій—и въ механизмѣ жизни нервныхъ, а еще болѣе наследственно оскудѣлыхъ людей. «Нѣкоторые липеманіаки», замѣчаетъ Esquirol, «не имѣютъ болѣе воли. Если они хотятъ, то они безсилны выполнить. Послѣ борьбы съ желаніемъ, которое ихъ мучитъ, они всетаки остаются бездѣтельными». «Я знаю», говорилъ Esquirol'ю одинъ изъ такихъ больныхъ, «что я бы долженъ и что я могу это сдѣлать; ваши совѣты прекрасны; я бы хотѣлъ слѣдовать вашему мнѣнію, я убѣжденъ, но сдѣлайте такъ, чтобы я могъ хотѣть, *по тѣмъ хотѣніемъ, которое опредѣляетъ и исполняетъ.*» «Я знаю, что я долженъ сдѣлать, но силы меня оставляютъ (ихъ и нѣтъ въ данное время и въ данномъ мѣстѣ въ достаточномъ количествѣ), когда бы мнѣ нужно дѣйствовать». Des malad. ment. I, 208.

количество производимой работы — вотъ что, повидимому, представляется болѣе соотвѣтствующимъ особенностямъ этихъ нервныхъ организацій, у которыхъ поэтому инстинктивно зарождается стремленіе къ разнообразію во всемъ, къ возможно большимъ переменамъ въ ихъ жизненныхъ положеніяхъ и сравнительно быстрой смѣнѣ впечатлѣній, являющихся стимулами для начала дѣятельности тѣхъ или другихъ соотвѣтствующихъ нервныхъ центровъ. Рѣзко выраженные натуры этого типа съ жаромъ принимаются за все, но скоро остываютъ и, не успѣвши сосредоточиться на одномъ, часто съ такимъ же увлеченіемъ переходятъ къ другому. Поэтому, переходы отъ занятія къ занятію, отъ профессіи къ профессіи иногда бываютъ поразительны въ жизни нервныхъ людей ⁵⁴⁾ и часто оказываетъ самое рѣшительное вліяніе на всю ихъ судьбу и ихъ жизненные задачи, которыя въ свою очередь становятся источниками новыхъ задачъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ослабленія. У иныхъ же эта потребность въ переменѣхъ и смѣнѣ впечатлѣній вырождается въ страсть къ перемѣщенію, которая, при при извѣстныхъ жизненныхъ положеніяхъ, превращается въ бродяжество ⁵⁵⁾. Какъ въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ

⁵⁴⁾ Интересный, хотя и нѣсколько болѣзненный, примѣръ см., между прочимъ, у Tissié: «Les aliénés voyageurs» 37 и сл. Субъектъ, о которомъ идетъ рѣчь, не могъ сосредоточиться ни на какомъ занятіи и постоянно переходилъ отъ одного къ другому. «Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ съ большимъ рвеніемъ принимался за работу; потомъ мало по малу это рвеніе исчезало: онъ работалъ болѣе вяло въ теченіе полдня, потомъ нѣсколькихъ часовъ, потомъ только нѣсколькихъ минутъ, а потомъ и вовсе переставалъ ходить въ мастерскую и проводилъ свои дни въ полномъ бездѣліи». То же случалось и со всякимъ новымъ занятіемъ.

⁵⁵⁾ Иногда же стремленіе къ перемѣщеніямъ вытекаетъ, повидимому, изъ другихъ органическихъ причинъ. Развивается инстинктивная потребность перемѣщаться и быть въ движеніи. См. Tissié, цитир. сочинен., 50. У того же автора приведено крайне интересное наблюденіе одного болѣзненного субъекта, который бродилъ по Европѣ, какъ «Вѣчный Жидъ». Его неудержимыя путешествія совершались подъ вліяніемъ сложнаго процесса. Съ одной стороны, еще мальчикомъ онъ очень любилъ рассказы о путешествіяхъ и при этомъ спрашивалъ, гдѣ и что есть замѣчательнаго. Онъ любовался красотами новыхъ мѣстностей, запоминалъ ихъ и испытывалъ скуку оставаться на мѣстѣ, скуку, которая заставила его однажды дезертировать. Видя другихъ отправляющихся путешествовать, онъ завидовалъ тому, что они будутъ видѣть новыя земли, и при этомъ имъ овладѣвало страстное желаніе послѣдовать ихъ примѣру. Слыша рассказы о какой нибудь странѣ или городѣ, слыша даже только названія ихъ, онъ увлекался желаніемъ видѣть эти мѣстности, при чемъ это желаніе постепенно все усиливалось, не давало ему покоя и, наконецъ, доходило до степени принудительной идеи, которая неудержимо и гнала его. Иногда же

бываетъ иногда сильна эта потребность въ перемѣнахъ, показываетъ, напр., слѣдующій случай, рассказанный, между прочимъ, и въ сочиненіи Briere de Boismont. Одинъ молодой человѣкъ, заставленный регулярно заниматься земледѣліемъ, удавился. Послѣ себя онъ оставилъ записку, въ которой пояснялъ, что земледѣліе слишкомъ монотонное и потому невыносимое занятіе. Необходимо постоянно снова сѣять, чтобы жать, и жать для того, чтобы снова сѣять и что все въ немъ представляетъ нескончаемый и невыносимый круговоротъ, одно представленіе о которомъ часто бываетъ нестерпимо для нервныхъ людей ⁵⁶).

Благодаря указаннымъ органическимъ особенностямъ, развивается малая устойчивость и болѣе или менѣе рѣзко выраженная измѣнчивость нервныхъ натуръ, у которыхъ ни одинъ органическій тонъ, вслѣдствіе сравнительно быстро наступающей истощаемости всѣхъ нервныхъ центровъ, не можетъ звучать ровно и длительно. Ихъ чувства также не звучатъ длительно, но лишь приступами и вспышками, а потому и представляютъ рѣзкіе и часто совершенно неожиданные смѣны и переходы. Наиболѣе устойчивыми, хотя и не исключительными тонами, у большинства изъ нихъ являются тоны себялюбія, которые господствуютъ надъ всѣми остальными, какъ основные тоны существа, и порождаютъ *у нѣкоторыхъ* большее или меньшее «обогащеніе собственнаго я». Повидимому, высшіе психическіе продукты, представляющіеся позднѣйшими плодами общественно-культурнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и органическаго развитія, сравнительно легче и скорѣе подвергаются ослабленію, крушенію и конечной гибели при процессѣ постепеннаго оскудѣнія организма. «Это постоянное

такое желаніе вызывало образы, по яркости своей достигавшіе почти степени галлюцинаніи, и тогда онъ видѣлъ желаемое путешествіе съ его мельчайшими подробностями, какъ бы на яву. Съ другой стороны, его по временамъ охватывало и инстинктивное неудержимое стремленіе просто ходить и двигаться, будто какая то неодолимая сила толкала и гнала его. См. цитир. сочинен. 56—106. Конечно, приведенный случай есть случай нѣсколько болѣзненный, тѣмъ не менѣе наблюдавшійся въ немъ явленія, повидимому, бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на нѣкоторые же явленія профессиональнаго бродяжества.

⁵⁶) «Du suicide», 261. Тотъ же авторъ рассказываетъ про одну крайне нервную дѣвочку, имѣвшую душевно-больныхъ съ материнской стороны. Ея живость и подвижность были поразительны: «она не могла оставаться на мѣстѣ и постоянно испытывала потребность переходить изъ одного мѣста въ другое. Если ее хотѣли удержать, то она становилась нетерпѣлива, раздражалась, колотила и ломала предметы». «Des hallucinations», 355. Здѣсь, повидимому, мы имѣемъ дѣло съ чрезмѣрнымъ развитіемъ того, что въ слабѣйшихъ степеняхъ наблюдается у всѣхъ вообще нервныхъ людей.

смѣшеніе чрезмѣрной возбудимости и истощенія», говоритъ про людей нервнаго темперамента д-ра Cullerge, «страданія и апатіи, спазма и расслабленія, чрезмѣрной чувствительности и равнодушія, умственнаго возбужденія и полнаго умственного безсилія» ⁵⁷⁾).

Воля и власть надъ своими дѣйствіями людей нервнаго типа представляется также значительно ослабленной ^{57*)} и потому мало способной сдерживать ихъ легко всколыхивающіяся влеченія и ихъ желанія стремятся немедля переходить къ удовлетворенію.

Значительное вліяніе на всю ихъ дѣятельность оказываетъ легко развивающаяся у нихъ раздражительность сравнительно скоро истощающихся нервныхъ центровъ, раздражительность ⁵⁸⁾, которая дѣлаетъ ихъ болѣе или менѣе трудными, малоуживчивыми ⁵⁹⁾,

⁵⁷⁾ «Nervosisme», 30.

^{57*)} «Чѣмъ болѣе глубокими разстройствами воли характеризуются случаи сумасшествія» (l'aliénation), замѣчаетъ Guislain, «тѣмъ болѣе мы наблюдаемъ въ нихъ склонность вырождаться въ конвульсивныя состоянія. Такимъ то образомъ, пречудливыя рѣшимости часто сопровождаютъ конвульсіи». *Traité sur les phrénop.*, 278 и сл.

⁵⁸⁾ На почвѣ такой раздражительности, особенно на почвѣ по временамъ усиливающагося въ такихъ случаяхъ нервнаго истощенія, могутъ, повидимому, развиваться иногда и опасныя принудительныя влеченія. Одна 10-лѣтняя дѣвочка, имѣвшая отягощенную наслѣдственность, обладала довольно развитыми умственными способностями, но была очень нервна, а потому и очень раздражительна и нетерпѣлива. Два раза у нея были конвульсіи; она страдала также частыми бессонницами, кошмарами и произвольными движеніями. На другой день послѣ одной загородной прогулки, изъ которой она возвратилась очень усталой (слѣдовательно, вслѣдъ за прогулкой наступило состояніе нѣкотораго истощенія), она вдругъ и безъ всякаго повода начала плакать и рыдать. На настойчивыя увѣщанія матери она, наконецъ, пояснила, что ею овладѣла принудительная и ужасная мысль, что она должна убить свою мать. Ласки принесли за собой успокоеніе и въ теченіе мѣсяца дѣвочка не представляла ничего страннаго. Но вотъ повторилась загородная прогулка. Дѣвочка снова вернулась крайне утомленною и на другой день ею снова овладѣла прежняя принудительная мысль. То же самое повторялось и послѣ черезъ неправильные періоды и по разнымъ причинамъ. Благодаря укрѣпляющему лѣченію, принудительныя мысли исчезли, но наблюдавшій дѣвочку д-ръ Berger справедливо замѣчаетъ, что, при неблагоприятныхъ условіяхъ для организма, явленіе принудительныхъ мыслей можетъ повториться и что послѣднія могутъ перейти въ неодолимыя влеченія. *Ann. méd.-psych.*, 1888, 2, 185 и 6.

⁵⁹⁾ Раздражительная нервная система отвѣчаетъ на слабыя воздѣйствія такими же энергичными реакціями, какими устойчивая система отвѣчаетъ на воздѣйствія очень сильныя, испытываемыя людьми обыкновенно не часто. Такимъ образомъ, нервные люди, по отношенію къ внѣшнему міру, почти всегда находятся въ такихъ же состояніяхъ, въ какихъ люди устойчивые находятся

легко сталкивающимися и легко склонными порывать связи съ людьми ⁵⁰).

Особо важное вліяніе оказываетъ, повидимому, повышенная раздражительность нервной системы растительной жизни. Различныя части этой послѣдней, иннервирующіе различныя внутренніе органы съ ихъ спинно-головными мозговыми центрами, даютъ при возбужденіи въ различныхъ степеняхъ различныя и при томъ своеобразныя тонаціи, которыя, входя въ составъ общаго чувства, создающаго настроеніе, и примѣшиваясь къ различнымъ психическимъ продуктамъ, придаютъ имъ различную окраску. Слѣдствіемъ усиленныхъ раздраженій различныхъ частей нервной системы растительной жизни бываютъ иногда, какъ это легко даютъ наблюдать невралгіи различныхъ внутренностей, странныя и причудливыя состоянія настроенія и не менѣе странныя и причудливыя влеченія, которыя не рѣдко столь прихотливо вспыхиваютъ во внутреннемъ мірѣ нѣкоторыхъ нервныхъ людей ⁶¹) и, къ удивленію окружающихъ, опредѣляютъ ихъ

лишь въ болѣе рѣдкіе или даже исключительные моменты ихъ жизни, когда имъ приходится испытывать болѣе или менѣе сильныя передрягі. См., между прочимъ, François-Franck: *Leçons sur les fonct. motr. du cerveau*, 64.

⁶⁰) Beard: «Die Nervenschwäche», 33; Bouchut, цит. соч. 110. Guislain: «Phrenopathies», 194. Ball, *Leçons sur les mal. ment.*, 57, «Встрѣчаются люди», говоритъ Brierre de Boismont, «которые находятся въ состояніи постояннаго возбужденія. Эта душевная особенность весьма благопріятствуетъ душевному разстройству и самоубійству. Въ числѣ 30 индивидуумовъ этой категоріи были оригиналы, люди съ неровнымъ характеромъ, люди раздражительные, люди, горячившіеся при малѣйшемъ противорѣчіи, люди беспокойные, немогущіе оставаться на мѣстѣ, люди буйные, страстные, странные и причудливые, люди очень обидчивые, романическіе, дѣлавшіе изъ смерти забаву, люди своенравные, вздорные, раздражительные, ссорившіеся со всѣми и особенно выдававшіеся по своей дѣятельности, которую я уже давно называлъ болѣзненной». «Существуетъ въ обществѣ достаточное число людей экзальтированныхъ», продолжаетъ онъ далѣе, «которые разгорячаются при малѣйшемъ противорѣчіи, ищутъ ссоръ и дуэлей, ежеминутно говорятъ о самоубійствѣ и не слушаютъ никакихъ замѣчаній; истинные бичи для своихъ семей и своихъ знакомыхъ, эти индивидуумы часто посягаютъ на свою жизнь». „Преобладаніе мысли и слова надъ дѣломъ и—чтобы сказать все однимъ словомъ—слабость—вотъ основа характера героевъ самоубійства — мечтателей и меланхоликовъ“. Такія лица, подѣ влияніемъ тяжелыхъ состояній, своего неуравновѣшеннаго внутренняго самочувствія, нерѣдко восклицаютъ: «Жизнь мнѣ въ тягость, я усталъ отъ нея, я ее ненавижу; міръ внушаетъ мнѣ отвращеніе; скука меня пожираетъ» и т. д. См. „Du suicide“, 240, 241, 258, 277. Moreau (de Tours): „De la contagion du suicide“, 8, 9 и 11.

⁶¹) Прихотливыя, странныя и иногда дурныя и порочныя влеченія, развивающіяся у беременныхъ, бросаютъ яркій свѣтъ на вліяніе и роль этихъ вну-

къ непослѣдовательной и странной дѣятельности. Одна изъ наиболѣе тягостныхъ тонацій сопровождаетъ предсердечное безпокойство и тоску, къ которымъ весьма склонны нѣкоторые нервныя люди ⁶²⁾. По временамъ же ихъ охватываетъ общая тяжелая слабость и утомленіе, при которомъ они утрачиваютъ интересъ и влеченіе ко всему. Тогда міръ теряетъ для нихъ свои привлекательныя краски, и они перестаютъ чувствовать къ соприкасающимся съ ними то, что чувствовали прежде. Въ такіе моменты у нихъ остается одно лишь желаніе, — желаніе или, правильнѣе, жажда отдыха, покоя и изолированія отъ всѣхъ заботъ и раздраженій; въ такіе моменты они испытываютъ ужасную пустоту, полное одиночество въ многолюдномъ мірѣ и тяжелую давящую тоску и скуку—плодъ оскудѣнія источниковъ жизни ⁶³⁾.

тренныхъ раздраженій различныхъ отдѣловъ растительной нервной системы въ причудливыхъ, странныхъ и часто порочныхъ явленіяхъ души. „Такъ, напр., такая-то женщина“, замѣчаетъ Marc, „отличавшаяся въ своемъ обычномъ состояніи кротостію и пріятностію своего характера, становится угрюма, вспыльчива и раздражительна въ нѣкоторые періоды беременности. Малѣйшій поводъ становится способенъ возбудить ея гнѣвъ и довести ея до бѣшенства. Другая, прекрасная мать и нѣжная супруга, во время своей беременности чувствуетъ непримиримую ненависть къ своему мужу или къ кому либо изъ своихъ дѣтей“ и т. д. „De la folie“, II, 261 и сл. Въ однихъ случаяхъ (случ. берем.) посредственные или непосредственные давленія и раздраженія, исходящія отъ разросшейся беременной матки на концевые аппараты, а чрезъ нихъ и на соответствующіе нервныя центры различныхъ внутреннихъ органовъ растительной жизни, а въ другихъ случаяхъ (случ. нервной раздражительности) вліяніи другихъ внутреннихъ стамуловъ на тѣ же аппараты и центры, ставшіе чрезмѣрно впечатлительными, приводятъ къ сходнымъ психическимъ слѣдствіямъ. Странныя и тяжелыя ощущенія нѣкоторыхъ первично-помѣшанныхъ, страдающихъ бредомъ преслѣдованія, представляютъ намъ другой примѣръ и даютъ ясное понятіе о характерѣ этихъ внутреннихъ раздраженій, при которыхъ иногда не остается иного выхода, по замѣчанію Krauss'a, какъ въ самоубійствѣ, убійствѣ или поджогѣ. Die Psych. des Verbr. 53. Надо замѣтить вообще, что внимательное отношеніе къ явленіямъ внѣшняго міра и внимательно-бережное отношеніе къ интересамъ окружающихъ возможно, повидимому, лишь подъ условіемъ отсутствія слишкомъ сильнаго и непріятнаго тонированія внутренней сферы, которое отвлекаетъ вниманіе человека къ его собственному внутреннему міру и, дѣйствуя длительно, въ значительной мѣрѣ предрасполагаетъ его къ узкому эгоизму.

⁶²⁾ Bouchut, цит. соч., 20; Cullerre, цит. соч., 28.

⁶³⁾ Esquirol, цит. соч. I, 292 и 3. «Что же касается до невралгій внутреннихъ» (висцералгій), замѣчаетъ Cullerre, «то было бы напрасно пытаться дать простое ихъ перечисленіе», цит. соч. 31. «Гиперестезіи внутреннихъ», говоритъ Marcé, «были мало изучены, не смотря на то, что онѣ очень обычны. Аппаратъ матки въ періодъ менструацій, эпигастрическая и желудочная области суть наиболѣе частыя сѣдалища этихъ непріятныхъ ощущеній, которыя хара-

Здѣсь я приведу одинъ яркій примѣръ, который лучше всякихъ дидактическихъ описаній познакомитъ читателя съ нѣкоторыми особенностями нервныхъ людей, когда эти особенности у нихъ значительно развиты. Субъектъ, о которомъ я буду говорить сейчасъ, по временамъ переступалъ границу здоровья и вступалъ въ область ясно выраженной болѣзни, но это обстоятельство нисколько не мѣшаетъ исторіи его быть для насъ чрезвычайно демонстративной при выясненіи особенности очень рѣзко выраженного нервного темперамента или типа, *дающего общую основу* для многихъ разновидностей характера, обусловливаемыхъ другими органическими особенностями.

Дѣло о занимающемъ насъ субъектѣ возникло по допосу о незаконномъ будто бы его задержаніи въ заведеніи для душевно-больныхъ. Этимъ задержаннымъ былъ нѣкто L., прожившійся рентье, прежде немного изучавшій право. Около 1833 г. онъ служилъ въ военной службѣ и, повидимому, за что-то попалъ въ разрядъ штрафованныхъ. Въ 1852 г. у L. былъ приступъ возбужденія, приписывавшійся врачомъ его страсти къ горячительнымъ напиткамъ—обычному результату большей или меньшей доли нервного истощенія. Въ томъ же году за насиліе противъ должностнаго лица L. попалъ въ тюрьму, а оттуда въ азиль, при чемъ онъ считалъ себя жертвою преслѣдованій полиціи, мысль о которыхъ, вѣроятно, являлась слѣдствіемъ неуравновѣшенности его самочувствія. Освобожденный въ концѣ года, L. по прежнему началъ пьянствовать и вести развратную жизнь, къ которой онъ, повидимому, предрасполагался значительно повышенной нервной впечатлительностью и раздражительностью вообще и половой системы въ частности. Черезъ три мѣсяца онъ снова попалъ въ тюрьму. Снова освобожденный изъ нея, онъ опять принялся за свою невозддержанную и распущенную жизнь и завелъ знакомство съ самыми дурными людьми. Когда ему дѣлали упреки въ томъ, то онъ кричалъ о преслѣдованіяхъ, утверждалъ, что онъ человѣкъ непонятый, замѣчательные таланты котораго правительство не умѣетъ цѣнить. Онъ утверждалъ, что общество поступаетъ съ нимъ недостойнымъ образомъ и не признаетъ его превосходства.

ктеризуются тяжестью, сжатіемъ и безпокойствомъ и которыя сопровождаются подавленностью и печалью и симпатически отражаются во всей экономіи». «Des altérat. de la sensibil.», 21. См. также Morel: «Du délire émotif nerveuse du syst. nerv. gangl. viscer.», 22, 30 и 31. Я приводилъ уже случай одной дамы, которую, послѣ болѣзни ея дочери, стали охватывать безотчетныя безпокойства и страхи, при чемъ она безпрестанно повторяла: «Боже мой, какъ я безпокоюсь, Боже мой, какъ я страдаю» и т. д.

Несмотря на природныя дарованія, Л. былъ неспособенъ къ работѣ. «Его подвижность, его раздражительный характеръ, его сварливое настроеніе и гордость, порабощавшая его и заставлявшая находить все дурнымъ, его влеченіе къ горячительнымъ напиткамъ и его постыдная развращенность препятствовали ему оставаться на мѣстѣ». «Убѣжденный въ своемъ неизмѣримомъ превосходствѣ надъ другими; онъ создавалъ *теорію за теоріей* (проявленіе его неустойчивости и измѣнчивости), чтобы доказать необходимость политическаго и соціальнаго обновленія, мечты о которомъ, конечно, происходили у него не изъ чувства любви и благожелательности къ людямъ, а отчасти изъ его внутренней неуравновѣшенности и недовольства, настойчиво искавшаго переменъ, а отчасти и изъ его бьющаго изъ всѣхъ фибръ его существа себялюбія и эгоистичной жажды выдающейся роли и руководящихъ положеній.

Въ своихъ сношеніяхъ съ людьми Л. всегда возбуждалъ одного противъ другаго и былъ счастливъ только тогда, когда ему удавалось повсюду сѣять раздоры. Онъ раздражался, что другіе не признаютъ его личныхъ заслугъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ признавалъ ихъ самъ. Онъ считалъ себя обиженнымъ и преслѣдуемымъ и въ то же время хотѣлъ оказывать всѣмъ покровительство. Онъ мѣшался во все и все истолковывалъ такъ, что всегда возбуждалъ однихъ противъ другихъ. Его воля была «совершенно безсильна», чтобы сдерживать и направлять его дѣйствія, которыя вызывались его дурными чувственными влеченіями, послѣднія же зарождались въ немъ подъ вліяніемъ его дурныхъ, непріятныхъ и раздражительныхъ чувственныхъ тонацій.

Съ 1852 и по 1859 г. Л. провелъ значительную часть времени по тюрьмамъ, куда онъ присуждался за клевету, различные скандалы, оскорбленія нравственности и правительства. Онъ бралъ на себя роль адвоката всѣхъ, все перепутывалъ и сдѣлался пугаломъ для должностныхъ лицъ города, потому что онъ не могъ оставаться ни минуты безъ того, чтобы не злословить, не клеветать, не обвинять и не приносить вздорныхъ жалобъ и ябедъ.

Въ 1859 г., по требованію судебной власти, онъ былъ заключенъ въ азиль, какъ чловѣкъ, опасный для общественнаго порядка и безопасности частныхъ лицъ. Въ азиль, какъ и на свободѣ, онъ сдѣлался адвокатомъ и секретаремъ другихъ больныхъ и писалъ всевозможныя жалобы отъ себя и отъ лица другихъ, лишь только доставалъ бумагу. Между больными онъ возбуждалъ недовольство, подговаривалъ ихъ къ неповиновенію и побѣгамъ и очень скоро сталъ

бичемъ для всего заведенія. Онъ самъ признавался однажды, что, будучи въ военной службѣ, онъ никакъ не могъ заставить себя подчиняться своему начальству, хотя вообще онъ и понималъ необходимость такого подчиненія. Въ то же время онъ не могъ допустить и сильно раздражался—что особенно характерно—чтобы кто нибудь могъ не подчиняться лично ему.

Ровности настроенія у L. не существовало, и въ неправильные промежутки времени у него замѣчались періоды возбужденности, хотя логическая сторона всегда оставалась вполнѣ правильной ⁶⁴⁾.

Таковъ этотъ нѣсколько болѣзненный представитель рѣзко выраженного нервнаго темперамента. Я остановился на немъ потому, что многія черты послѣдняго,—быстрая истощаемость, крайняя измѣнчивость, беспокойность, раздражительность и пр. у L. рѣзко выражены. Однако я далекъ отъ мысли относить всѣ непривлекательныя черты его характера на долю только нервнаго темперамента, какъ таковаго. Многія изъ нихъ обусловлены иными органическими особенностями, о которыхъ я буду говорить въ дальнѣйшихъ этюдахъ. Здѣсь же ограничусь замѣчаніемъ, что между представителями нервнаго темперамента, обладающими иными органическими комбинаціями, встрѣчается множество весьма симпатичныхъ натуръ, представляющихъ однако общія особенности нервнаго типа. Но мы, имѣя дѣло съ психологіей преступности, почти не останавливаемся на нихъ, а изучаемъ особенности того или другаго органическаго типа преимущественно на недостаточныхъ и предрасположенныхъ натурахъ—наиболѣе обычныхъ кліентахъ криминалиста ⁶⁵⁾.

⁶⁴⁾ Bonnet: «L'aliéné», 485 и сл.

⁶⁵⁾ Подобныя, *крайне дурно уравновѣшенныя разновидности* нервнаго типа особенно часто встрѣчаются во времена общественныхъ потрясеній, медленно и постепенно подготовляемыхъ порчею нравовъ и важными недостатками во взаимныхъ человѣческихъ отношеніяхъ, прежде всего въ семьѣ, затѣмъ въ общественныхъ кругахъ, въ обществѣ и государствѣ и закрѣпляемыхъ дѣйствіемъ наслѣдственности. При этомъ считаю нужнымъ оговориться, напередъ, что я совершенно не касаюсь содержанія тѣхъ идей, которыя въ такіе моменты могутъ волновать общество и которыя могутъ быть великими и прекрасными.

Обыкновенно еще задолго до подобныхъ потрясеній въ обществѣ начинаютъ нарождаться личности, составляющія отклоненія отъ «физиологическаго типа» и представляющія скорѣе разновидности организаціи, нежели дѣйствительныя патологическія состоянія. Однимъ изъ представителей подобныхъ разновидностей былъ, напр., повидимому, нѣкто F...., одинъ изъ важныхъ дѣятелей извѣстнаго парижскаго междоусобія, о которомъ (междоусобіи) мнѣ пришлось слышать во время моего послѣдняго пребыванія въ Парижѣ не мало ужасовъ отъ

Вслѣдствіе указанныхъ основныхъ особенностей своей натуры, люди нервнаго темперамента или типа въ значительной мѣрѣ являются склонными и падкими на различныя возбуждающія удовольствія, въ которыхъ, какъ вездѣ и во всемъ, они не знаютъ мѣры. Они являются падкими и на всякія сильныя возбужденія и волненія вообще. Послѣднія для нихъ составляютъ какъ бы потребность, и они по большей части жадно ищутъ ихъ. Въ періоды волненій, сопряженныхъ съ разнообразіемъ сильныхъ впечатлѣній, они въ своей сферѣ и, несмотря на всѣ свои противоположныя возгласы, чувствуютъ себя хорошо. Имъ преимущественно нуженъ постоянный жизненный праздникъ и постоянныя экстраординарныя событія, сутолка и толкотня. Напротивъ, буднично-спокойныя состоянія почти вовсе не по нимъ. Поэтому мы часто и встрѣчаемъ натуры этого темперамента дѣятелями народныхъ движеній, и поэтому же общественное равновѣсіе, когда нарождается слишкомъ много людей этого типа, легко склонно нарушаться.

безпристрастнаго очевидца. Мать F.... закончила жизнь въ заведеніи для душевно-больныхъ въ приступѣ острой маніи, во время котораго она каталась по полу, кусалась, дралась и представляла величайшую спутанность въ мысляхъ. Самъ F.... съ дѣтства отличался живыми умственными способностями, непостоянствомъ, большою возбужденностью, крайней несдержанностью въ словахъ и поступкахъ и необычайнымъ самоудовольствомъ и самовозвеличеніемъ. Вслѣдствіи онъ впутывался во всѣ политическія смуты, которыя давали удовлетвореніе его беспокойной и самолюбивой натурѣ, приходилъ въ столкновенія съ полиціей и часто переходилъ изъ тюрьмы Mazas въ Sainte-Pélagie. При началѣ коммунальнаго движенія, онъ съ жадностью ухватился за представившійся случай, очутился въ первыхъ рядахъ и принималъ участіе въ самыхъ крайнихъ мѣрахъ этой тревожной эпохи въ жизни Парижа. Есть указанія, что онъ принималъ личное участіе даже въ нѣкоторыхъ казняхъ. Онъ имѣлъ самое преувеличенное мнѣніе о себѣ, но въ то же время по временамъ, повидимому, и самъ сознавалъ свою неуравновѣшанность. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ говоритъ: «Я надѣюсь, Милостивый Государь, что вы уважите мою просьбу, если не ради меня, то ради бѣдной женщины, которой виновата лишь въ томъ, что дала жизнь такому сыну, какъ я». Другой дѣятель того же движенія, не разъ осужденный и имѣвшій единственную цѣль—заставить говорить о себѣ, былъ настолько раздражителенъ, что насилие у него всегда предшествовало объясненіямъ». Онъ представлялся страннымъ и дѣлалъ сцены безъ всякаго повода и, повидимому, былъ алкоголикъ. Еще одинъ, прежде бывшій альфонсомъ, хвастался тѣмъ, что велѣлъ разстрѣлять ребенка, заподозрѣннаго въ шпіонствѣ. Въ числѣ важныхъ дѣятелей были и патентованные душевно-больные. Впрочемъ, мы еще будемъ имѣть случай встрѣтиться съ подобными типами и тогда болѣе полно коснемся затронутаго вопроса. См. Laborde: «Les hommes et les actes de l'insurrect. de Paris», 9, 11, 17.

Люди нервнаго темперамента, будучи *крайне впечатлительны, чувствительны и нервно неустойчивы*, по большей части весьма невыносливы и нетерпѣливы по отношенію ко всѣмъ жизненнымъ непріятностямъ и по отношенію ко всякой боли и страданію. Поэтому въ нихъ и развивается инстинктивное усиленное стремленіе во что бы то ни стало уклоняться отъ непріятностей и, по возможности, избѣгать ихъ какою бы то ни было цѣной ⁶⁶). Вслѣдствіе этихъ основныхъ особенностей организаціи, конечно, *при прочихъ равныхъ условіяхъ*, въ нихъ сравнительно меньше развивается склонность исполнять должное, такъ какъ это исполненіе очень не рѣдко сопряжено съ непріятностью и даже страданіемъ, и, напротивъ, больше развивается склонность къ свободѣ дѣйствій по влеченіямъ и желаніямъ минуты ⁶⁷).

При этомъ у людей нервнаго типа нѣтъ и помину о томъ чувствѣ собственной силы и о той стойкой увѣренности въ послѣдней и въ свободныхъ запасахъ ея, которыя обыкновенно отмѣчаютъ людей устойчиво сангвиническаго темперамента и которыя играютъ столь выдающуюся роль въ экономіи психической жизни человѣка. Для такой увѣренности нѣтъ данныхъ въ ихъ организаціи. Пока ихъ легко раздражающіеся тѣ или другіе нервные центры усиленно возбуждены — они самоувѣрены, скоры и рѣшительны. Но вотъ быстро наступаетъ опорожненіе, а вмѣстѣ съ нимъ отпадаетъ и ихъ энергія. Апатія смѣняетъ тогда предшествовавшее возбужденіе, и недавняя радужность надеждъ вытѣсняется мрачнымъ взглядомъ на вещи, немотивированнымъ уныніемъ, часто безнадежностью и различными неосновательными страхами ⁶⁸).

Приведу здѣсь весьма характерную выдержку изъ весьма характернаго письма одного самоубійцы: «Я имѣлъ такъ мало пріятнаго на землѣ», пишетъ онъ, «что покидаю ее безъ сожалѣнія. Эту мысль я уже имѣю три года. Я всегда говорилъ себѣ, что при помощи моихъ талантовъ, которыхъ у меня нѣтъ и моего ума, стоящаго не болѣе (полное отсутствіе вѣры въ свои силы въ данный и сходные съ нимъ моменты), мнѣ никогда не удастся сдѣлаться чѣмъ нибудь. Прозябать же такъ въ теченіе тридцати или сорока лѣтъ, можетъ быть болѣе, а можетъ быть менѣе—для этого *не стоитъ труда и жить*. При томъ же я нахожу мое существованіе *слишкомъ монотоннымъ*. Я не имѣю ни одного

⁶⁶) И въ этомъ отношеніи другія примѣшывающіяся особенности организаціи вносятъ значительныя измѣненія.

⁶⁷) Указанное въ предшествующемъ примѣчаніи должно быть повторено и здѣсь.

⁶⁸) Beard: Die Nervenschwäche, 33 и слѣдующія.

человѣка, который бы меня понималъ, ни одного сердца, которое бы отвѣчало моему такъ, какъ бы я того хотѣлъ. Я не имѣю удовольствій (а до нихъ падки подобныя натуры), которыя бы заставляли меня забывать мои горести. Я знаю, что я еще молодъ, и что все это могло бы быть впереди, но я не имѣю терпѣнія дожидаться» — въ этихъ словахъ, очевидно, ярко отразилась одна изъ особенностей нервной натуры, о которыхъ я говорилъ выше—«и я очень радъ, что у меня хватаетъ духу избавить себя отъ всѣхъ будущихъ безпокойствъ (проявленіе какой то инстинктивной боязни всякой непріятности, всякаго тягостнаго усилія). Если бы я имѣлъ болѣе блестящую будущность передъ собой, то, можетъ быть, я и согласился бы остаться» (ясно звучащій тонъ неотступной жажды наслажденій и удовольствій). «Я всегда имѣлъ въ виду не переступать возраста 32 л., если моя судьба не улучшится; слѣдовательно, я не измѣнилъ своей рѣшимости, издавна возникшей» (повидимому, нота нѣкотораго тщеславія). «Я ни о чемъ не сожалѣю въ этотъ міръ. Не сдѣлавъ никому зла и не совершивъ ни одного поступка, въ которомъ я бы могъ себя упрекнуть, я твердо увѣренъ, что я буду болѣе счастливъ въ будущей жизни (и въ смерти все та же неудержимая погоня за личнымъ счастіемъ). Последняя услуга, которую я прошу васъ оказать мнѣ — не дать хоронить меня, пока вы не удостовѣритесь, что я дѣйствительно умеръ. Я не боюсь покончить съ собой, но я былъ бы очень несчастливъ, очнувшись между пятью досками» (та же присутствующая во всемъ чрезмѣрная боязнь даже самаго краткосрочнаго страданія)⁶⁹). Подробнѣе комментировать это письмо нѣтъ надобности; послѣ всего сказаннаго, оно и безъ того слишкомъ краснорѣчиво и характерно.

Понятно, насколько невыгодно должно отражаться на всемъ ходѣ общественной жизни значительное размноженіе въ обществѣ людей очень рѣзко выраженаго нервнаго темперамента или типа, закрѣпленнаго наслѣдственностью. Такія люди приносятъ съ собою въ семейно-общественную жизнь всѣ свои невыгодныя особенности и налагаютъ на нее, а чрезъ то и на свою эпоху свой особый отпечатокъ. Благодаря ихъ вліянію, которое, конечно, растетъ по мѣрѣ увеличенія ихъ числа, въ обществѣ развивается измѣнчивость, неустойчивость въ настроеніи, поступкахъ и взглядахъ, значительно усили-

⁶⁹) Brierre de Boismont: «Du suicide», 278 и сл.

вается склонность къ разладамъ и столкновѣнiямъ, увеличивается жажда наслажденiй, новизны и перемѣнъ, развивается легкая увлекаемость и повышенная возбудимость, а наряду съ ними уменьшается длящаяся стойкость чувствъ, развиваются всевозможные страхи, подавленность и пессимизмъ и уменьшается способность къ длящейся спокойной совмѣстной дѣятельности.

Къ сожалѣнiю, число людей *рѣзко выраженаго* нервнаго темперамента, насколько можно судить о томъ по свидѣтельствамъ практиковъ медицины, по даннымъ, собраннымъ въ появляющихся работахъ, по общей окраскѣ явленiй и событiй общественной жизни и, наконецъ, по личнымъ наблюденiямъ, повидимому, все болѣе и болѣе увеличивается. «Въ физическомъ отношенiи XIX вѣкъ — вѣкъ нервный», говоритъ проф. Мантегацца; «въ моральномъ—лицемѣрный; въ интеллектуальномъ—скептическiй». «Такимъ образомъ», замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, «мы имѣемъ дѣло не только съ нервными индивидуумами, но и съ нервными семьями, нервными народами и нервными временами. Нашъ вѣкъ въ полномъ смыслѣ нервный вѣкъ» ⁷⁰⁾. «Нервозизмъ и нервныя болѣзни, которыя онъ порождаетъ», замѣчаетъ проф. Bouchut, «представляютъ собою болѣзнь нашего вѣка» ⁷¹⁾. «Разстройства нервной системы сдѣлались настолько преобладающими въ нашу эпоху», говоритъ Cullerge, «что они представляютъ собою, какъ бы ея болѣзненную характеристику. Наши отцы имѣли слишкомъ много крови; всѣ ихъ болѣзни требовали ланцета. Мы же имѣемъ слишкомъ много нервовъ, и наша обѣднѣлая кровь не въ состоянiи ихъ успокоивать». Существовали невропатiи и во времена прошедшiя. «Онѣ были ужасны, но изолированы. Онѣ поражали только нѣкоторыхъ и щадили все остальное. Напротивъ, невропатiи настоящаго времени болѣе благопрiятны, но за то и болѣе распространены. Онѣ настолько врѣзались въ нервную систему современныхъ поколѣнiй, что измѣнили ихъ темпераментъ» ⁷²⁾. «У русскихъ, особенно въ высшемъ обществѣ», замѣчаетъ проф. Цимсенъ, «неврастенiя составляетъ общую основную черту. Ни у какого народа нѣтъ столько преждевременно истощенныхъ мозговъ, столько молодыхъ старцевъ; и это не простое пресыщенiе, происходящее вслѣдствiе слишкомъ ранняго и чрезмѣрнаго наслажденiя прелестями жизни, а первичное истощенiе нервной системы, которое рано ведетъ

⁷⁰⁾ «Нервный вѣкъ», 4 и 6.

⁷¹⁾ Цитиров. сочин., 31.

⁷²⁾ Цитиров. сочин., 8 и 15. См. также введенiе въ сочиненiе проф. Ковалевскаго: «Лѣченiе душевныхъ и нервныхъ болѣзней», 1—11.

къ частичному или полному душевному безсилію. Высокая духовная продуктивность и свѣжесть, возможные въ болѣе преклонномъ возрастѣ только при здоровомъ тѣлѣ, здоровой душевной жизни и опытности, пріобрѣтенной дѣятельною жизнію, встрѣчаются въ Россіи рѣже, чѣмъ гдѣ либо. Объ этомъ свидѣлствуютъ жалобы лучшихъ людей этой націи. А мой значительный опытъ, который я имѣлъ случай собрать въ качествѣ консультанта русскаго общества подтверждаетъ мнѣ вѣрность жалобъ этихъ русскіхъ патріотовъ» ⁷³).

Хотя опасность отъ всевозможныхъ заразныхъ болѣзней, какъ говоритъ Krafft-Ebing, въ новѣйшее время значительно уменьшилась, хотя внѣшняя и внутренняя безопасность государствъ и въ государствахъ значительно увеличились, тѣмъ не менѣе въ «нашъ нервный вѣкъ» даже мужественные люди легко охватываются неосновательными страхами при различныхъ легко возникающихъ слухахъ о различныхъ мнимыхъ опасностяхъ. А между тѣмъ «страхъ есть слабость», замѣчаетъ онъ. «Нервная слабость современныхъ генерацій есть причина ихъ боязливости. Когда такой страхъ охватываетъ цѣлые общественные слои въ извѣстное время, тогда есть полное основаніе говорить о нервномъ вѣкѣ» ⁷⁴).

Главнѣйшія причины усиленія нервнои въ современныхъ обществахъ лежатъ весьма глубоко во множествѣ основныхъ условій общественной жизни. Онѣ кроются въ значительной нерациональности существующихъ человѣческихъ отношеній и въ порождаемомъ ими множествѣ несправедливыхъ, пагубныхъ и истощающихъ жизненныхъ положеній, о которыхъ я мимоходомъ уже упоминалъ выше ⁷⁵). «Эти измѣненія общественнаго здоровья», совершенно справедливо замѣчаетъ Cullerge, «не случайны: они представляютъ собою резуль-

⁷³) „Клиническія лекціи“, лекціи VII, 8. „Почти всякій немного нейрастеникъ. Теперь эти слова будутъ, кажется, вѣрны и въ точномъ ихъ значеніи“, замѣчаетъ д-ръ Мухинъ. „Нѣтъ спора, что но для всей, хотя бы земли русской, они вѣрны. Есть въ ней, безъ сомнѣнія, такіе мѣста, такіе уголки счастливые, гдѣ жизнь текла такъ мирно, обстоятельства складывались на столько благопріятно, что и теперь въ нихъ можно найти людей крѣпкихъ, со стойкою нервной системой“. „Но это только уголки. А затѣмъ цѣлая масса населенія не могла удержать стойкой нервной системы“. „Какъ бы то ни было, но несомненно то, что мы вырождаемся. Рѣдкость теперь семьи, гдѣ бы вовсе не проявлялись симптомы этого прискорбнаго явленія“. См. Арх. псих., неврол. и судебн. психопат., т. XII, № 1. «Нейрастен. и дегенерация», 49 и сл.

⁷⁴) Über gesunde und kranke Nerven, 4, 5, 7.

⁷⁵) Одну изъ жизненныхъ картинокъ см. въ моихъ вышеупомянутыхъ статьяхъ: «Вопросы ремесленного быта».

татъ глубокихъ измѣненій. Тихая, правильная и уравновѣшенная жизнь, которую вели въ прежнія время, смѣнилась неровнымъ, возбужденнымъ и лихорадочнымъ существованіемъ» «Необъятные горизонты открылись для всѣхъ честолюбій, для всѣхъ энергій: наука, почести, власть суть цѣли для всѣхъ достижимыя. Но въ то же время препятствія умножились, конкуренція разнуздалась и жизнь сдѣлалась ожесточенной борьбой, въ которой менѣе одаренные гибнутъ, а богато одаренные истощаются въ нечеловѣческихъ усиліяхъ». «Мы живемъ не только очень скоро, но мы еще живемъ слишкомъ много». «Я не помню, кто то уже замѣтилъ», продолжаетъ онъ долѣе, «что нашъ національный характеръ начинаетъ теперь претерпѣвать глубокія измѣненія: мы становимся меланхоличны» «Недостаточное питаніе, слишкомъ дурная гигиена, нравственное вліяніе бѣдности и угнетающія страсти производятъ замедленіе всѣхъ функцій, задерживаютъ обмѣнъ и продолжаясь обусловливаютъ всѣ слѣдствія дурнаго питанія» ⁷⁶⁾. Къ этому надо прибавить крайне нераціональное воспитаніе подрастающихъ поколѣній, воспитаніе, которое, казалось бы, должно служить наибольшимъ противодѣйствіемъ нераціональнымъ условіямъ общественной жизни. Наши дѣти (часто происходящія при томъ отъ нервныхъ, а иногда и очень дурноуравновѣшенныхъ родителей и имп воспитываемыя) по большей части слишкомъ рано знакомятся съ вліяніями различныхъ сильныхъ возбудителей, вовсе не соответствующихъ ихъ возрасту, и часто слишкомъ рано начинаютъ принимать участіе въ жизни взрослыхъ и познавать всѣ эксцессы и тайны ея. Не мудрено поэтому, что ихъ не окрѣпшая и не развитая еще нервная система, подвергаясь воздѣйствію слишкомъ интензивныхъ стимуловъ, легко и рано истощается и даетъ основаніе для развитія

⁷⁶⁾ Цитированное сочиненіе, 10, 11, 12, 18, 25. См. интер. случ. въ сочин. Bouchut: «Du nervosisme». 122 и сл. «Христосъ уже 18 вѣковъ назадъ провозглашалъ, что всѣ мы братья», говоритъ Мантегацца, «и почти всѣ писатели и моравъ теченія этихъ 18 вѣковъ повторили на разныхъ ладахъ ту пѣсню, которая звучитъ въ слѣдующихъ стихахъ Манцони: «Мы братья, мы тѣсно связаны союзомъ. Проклятіе тому, кто его нарушаетъ, Кто доходитъ до такого вопіющаго нарушенія, Кто огорчаетъ безсмертный духъ». Оладкіи и свитыи мечты, которыя человекъ держитъ всегда замкнутыми въ садахъ Аркадіи! Ни великое жертвоприношеніе на Голгофѣ, ни море крови 89 года не дали намъ желаннаго человѣческаго братства. Купецъ продолжаетъ надувать своихъ братьевъ (а вѣдь мы всѣ купцы), продавая по весьма дорогой цѣнѣ то, что ему обходится дешево. Мы братья, мы тѣсно связаны союзомъ; но союзъ этотъ всегда таковъ: я—первое лицо, ты—второе лицо». Цитированное сочиненіе 31 и сл.

нервности и различныхъ нервныхъ болѣзней. Прибавимъ къ этому частую недостаточность физическаго развитія и воспитанія сферы чувствъ, сферы нравственности и гражданственности и усиленную заботу о чрезмѣрной ранней культурѣ ума въ полной ущербъ всѣмъ остальнымъ способностямъ въ высшихъ и достаточныхъ классахъ, и не рѣдко полную заброшенность, случайность и недостаточность въ классахъ бѣдныхъ и низшихъ — и мы поймемъ тогда вредное направленіе современнаго воспитанія, которое часто учитъ дѣтей всему, исключая самаго главнаго — умѣнію разумно, умѣренно и справедливо жить и пользоваться жизнію и давать жить другимъ.

Количественное и качественное нарощеніе въ обществѣ нервныхъ темпераментовъ или типовъ, неблагопріятно отражаясь на строѣ общественной жизни вообще, не можетъ, конечно, не отражаться и на той сферѣ, которая составляетъ предметъ нашего изученія — на сферѣ преступленія.

Здѣсь не излишне будетъ предварительно еще разъ замѣтить, что при оцѣнкѣ вліянія собственно нервнаго темперамента въ сферѣ преступленія, какъ и во всѣхъ другихъ сферахъ, необходимо быть весьма осторожнымъ. Нервный темпераментъ, какъ таковой, не существуетъ обособленно, а, напротивъ, сосуществуетъ въ организмѣ съ различными комбинаціями другихъ органическихъ особенностей, которыя вносятъ свою большую или меньшую долю участія въ конечный результатъ и измѣняютъ его въ большей или меньшей степени въ томъ или другомъ направленіи. Поэтому, говоря о вліяніи нервнаго темперамента на предрасположенность къ преступленію, необходимо всегда тщательно выдѣлять, что составляетъ результатъ вліянія этой органической особенности, какъ таковой, и что составляетъ присоединенный результатъ вліянія другихъ органическихъ факторовъ. Но и этого мало. Нервный темпераментъ вовсе не представляетъ собою одной равной величины. Это есть общее понятіе, подъ которое подходитъ цѣлый рядъ незамѣтныхъ переходовъ, цѣлый рядъ убывающихъ величинъ ослабленія и оскудѣнія, начиная отъ яркихъ представителей здороваго и устойчиваго сангвиническаго темперамента вплоть до оскудѣлыхъ представителей темперамента лимфатическаго. Въ средѣ начальныхъ членовъ ряда мы имѣемъ дѣло съ личностями, только нѣсколько болѣе впечатлительными и раздражительными, но еще вполне способными къ дѣльному и упорному труду, хотя, вслѣдствіе своей легкой возбу-

димости, склонными къ различнымъ эксцессамъ, а слѣдовательно и дальнѣйшему оскудѣнію; въ средѣ же конечныхъ членовъ ряда мы встрѣчаемъ личности, уже совсѣмъ вялыя и дряблыя, только по временамъ и на короткіе сроки немного оживляющіяся.

Первымъ органическимъ моментомъ, предрасполагающимъ — *при известныхъ, конечно, условіяхъ* — людей нервнаго темперамента ⁷⁷⁾ къ преступленію, является большая или меньшая доля ослабленія у нихъ способности *власно* руководствоваться предвѣдѣніемъ будущаго, ослабленіе задерживательной способности ⁷⁸⁾ и, напротивъ, усиленіе вліянія на ихъ дѣятельность легко и повышенно возбуждающихъ тѣхъ или иныхъ — смотря по индивидууму — чувственныхъ влеченій. Все существо нервныхъ людей часто слишкомъ легко всколыхивается и легко увлекается быстро развивающимися чувственными влеченіями, которыя тогда почти безпрепятственно овладѣваютъ ими, приводятъ ихъ въ соотвѣтствующее эмоціональное состояніе ⁷⁹⁾, вы-

⁷⁷⁾ По свидѣтельству д-ра Магго, «невропатическое состояніе обще многимъ преступникамъ по причинѣ болѣзненной наслѣдственности, злоупотребленій алкоголемъ и половыми наслажденіями, злоупотребленій, столь часто встрѣчающихся между ними». *I caratteri dei delinquenti*. 347.

⁷⁸⁾ Не трудно предвидѣть и напередъ, что слабость власти надъ своими чувственными влеченіями и подсказываемыми ими дѣйствіями представляетъ особенность громаднѣйшаго большинства преступниковъ. «Большинство заключенныхъ», замѣчаетъ опытный тюремный практикъ Bruun, «пало не вслѣдствіе злой воли, а вслѣдствіе недостатка воли» (*Mangel an Willen*). См. его статью: «*Über die Vollziehung der Strafarbeit*», 429. «Сотни тысячъ желаютъ наслаждаться», говоритъ тюремный директоръ Valentini, «а тысячи спекулируютъ на эту жажду наслажденій, которая становится тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе ее удовлетворяютъ. Единственно роскошь и жажда наслажденій приводитъ въ тюрьму и цухтхаусъ поддѣльвателей, злостныхъ банкротовъ, спекулирующихъ поджигателей и нечестныхъ чиновниковъ послѣ того, какъ матеріализмъ (въ смыслѣ преобладанія грубыхъ чувственныхъ влеченій) уничтожить въ нихъ все положительное, отниметъ у нихъ силу для отступленія и сдѣлаетъ для нихъ легче шагъ къ преступленію, нежели возвратъ на прежнюю дорогу». «Любовь, игры, танцы, кинѣ, а также пьянство», замѣчаетъ онъ далѣе объ одной изъ категорій воровъ, «составляютъ собою ихъ радости. А послѣднее есть то, что невинно начинающіяся удовольствія легко вырождаетъ въ оргіи, которыя, чѣмъ болѣе онъ повторяются, тѣмъ болѣе уничтожаютъ нравственность». См. его сочин. «*Das Verbrecherthum im Preussischen Staate.*», § 13 *Die psycholog. Unterscheidungen im Verbrecherthum*. 107 и 148—152.

⁷⁹⁾ См. Bouchut, цитир. сочин., 224 и сл. Moreau (de Tours) рассказываетъ про одного мальчика, у котораго, вслѣдствіе дѣющихся занятій онанизмомъ, развилось нервное истощеніе, а вмѣстѣ съ нимъ появилась повышенная чувствительность, впечатлительность, слабость и чрезмѣрная подвижность, такъ что малѣйшаго импульса было уже достаточно, чтобы вызвать сильное потря-

зываютъ въ ихъ сознаніи соотвѣтствующія представленія, необходимы для направленія дѣятельности данной минуты въ духѣ господствующаго въ этотъ моментъ чувственнаго влеченія, и исключаютъ возможность одновременнаго возникновенія и дальнѣйшаго развитія контрастирующихъ представлений, необходимыхъ для зрѣлаго обсужденія и яснаго предвѣдѣнія будущаго ⁸⁰⁾. Люди нервнаго темперамента

сеніе въ нервной системѣ и чрезмѣрную реакцію. Повременамъ же у него развивались приступы ужаснаго буйства и онъ самъ говорилъ тогда, что его голова мутится. De l'homicide commis par les enfants, 124. Этотъ случай представляетъ намъ чрезмѣрно рѣзко выраженный примѣръ того, что въ большей или меньшей степени наблюдается у нервныхъ людей вообще. Интересный примѣръ эмоціональнаго состоянія, вызываемаго чувственными влеченіями, о которомъ говорится въ текстѣ, мы находимъ, между прочимъ, въ одномъ уголовномъ случаѣ, приведенномъ у Despine. Это случай убійцы по влеченію къ карточной игрѣ, которое вполне поработило его и лишило воли и нравственнаго чувства. Psychol. naturel., II, 458 и слѣд. «Я представляю собою странную смѣсь добра и зла», писалъ аббату Crozes одинъ осужденный. «Часто въ церкви, скрывшись за колонной или удалившись въ темный уголъ, я плачу, слыша мощные звуки органа. Я думаю о моемъ запятнанномъ прошломъ, о моемъ безнадежномъ будущемъ и о горечи моей настоящей жизни. Я думаю также о Богѣ и прошу его сдѣлать меня лучшимъ; я взываю къ нему изъ глубины моей души: «Господи, Ты знаешь мою слабость, зачѣмъ ты отступился отъ меня? Зачѣмъ Ты не даешь мнѣ больше силъ для борьбы? Зачѣмъ Ты всегда оставляешь меня поддаваться искушенію?» «Иногда также разсказъ о добродѣтельномъ поступкѣ, чтеніе трогательной страницы заставляютъ меня проливать слезы; объясните мнѣ, прошу васъ, какъ это можетъ случиться, что, понимая прекрасное и доброе, даже живо чувствуя его, я всегда дѣлаю злое?» «Не будучи вполне развращеннымъ», пишетъ онъ въ другомъ своемъ письмѣ къ своимъ родителямъ, «я представляю собою добычу дурныхъ страстей, которыя подавляютъ меня и господствуютъ надо мною. Выброшенный изъ общества за свой первый проступокъ, я не вижу другихъ средствъ снова войти въ него, какъ навязавшись ему при помощи могущества денегъ. Это страстное, ненасытное и неотступное желаніе не имѣетъ другой узды, кромѣ страха предъ правосудіемъ. Но этотъ страхъ, будетъ ли онъ всегда достаточенъ? Увы! я боюсь, что нѣтъ». «Представляющіяся мнѣ вѣроятными, почти неизбежными послѣдствіями моего положенія: тюрьма, каторга и можетъ быть... Несчастный! Я не смѣю написать это слово и моему уму днемъ и ночью представляется этотъ кровавый фантомъ. Ужасно сказать, но послѣ процесса Barré и Libiez меня преслѣдуетъ ужасный кошмаръ гильотины. У меня ползаетъ мысль, что я не могу избѣгнуть ея. Иногда ночью я внезапно просыпаюсь, чувствуя свою голову какъ бы подъ ножомъ». «Я слѣдилъ за дебатами этой злосчастной драмы и я былъ охваченъ ужасомъ вдвойнѣ: ужасомъ отъ преступленія и ужасомъ отъ чувства, что я рабъ некоторыхъ изъ тѣхъ страстей, которыя потушили этихъ несчастныхъ. Это ужасно». L'abbé Moreau: «Souvenirs de la pet. et de la gran. Roquette, II, 79—89.

⁸⁰⁾ Говоря объ особенностяхъ, присущихъ всѣмъ категоріямъ преступниковъ,

живутъ больше данной минутой и въ значительной мѣрѣ представляются инстинктивными. Контрастирующія представленія большею частью возникаютъ у нихъ тогда, когда возбужденные въ данное время центры чувственныхъ влеченій временно истощаются, какъ бы опараживаются и самыя влеченія удегаются, замираютъ. Это и есть моментъ по большей части слишкомъ поздняго раскаянія и запоздалыхъ рѣшеній сдерживать свои влеченія и порывы ⁸¹⁾. Но и это запоздалое раскаяніе, какъ и все въ жизни людей *рѣзко выраженнаго нервнаго темперамента*, неустойчиво и не длительно ⁸²⁾: оно то вспыхиваетъ, какъ скоротечный душевный пожаръ, то остановится почти совершенно недѣятельно.

Люди нервнаго темперамента склонны поэтому—при извѣстныхъ, конечно, условіяхъ—къ совершенію преступныхъ дѣйствій въ запальчивости и раздраженіи, при чемъ содержаніе такихъ дѣйствій измѣняется въ значительной мѣрѣ въ зависимости отъ различій въ другихъ особенностяхъ организаціи, которыя подсказываютъ имъ ихъ

Fergus замѣчаетъ, между прочимъ, что у нихъ наблюдается «неодолимое влеченіе приносить въ жертву пользу будущаго грубымъ наслажденіямъ данной минуты». Des prisonniers, 186.

81) Въ тѣхъ случаяхъ, когда у людей нервнаго темперамента усиленно развиты тоны самолюбія и тщеславія, что бываетъ не рѣдко, они въ моменты похвалъ и одобреній окружающихъ легко увлекаются ими, и тогда будущія слѣдствія ихъ дѣйствій обыкновенно не возстаютъ передъ ними: они видятъ и сосредоточиваются только на удовольствіи и удовлетвореніи данной минуты и дѣйствуютъ очертя голову до самозабвенія.

82) «Пока я былъ запертъ»—разсказывалъ одинъ преступный профессиональный бродяга—«я думалъ, что и долженъ снова приняться за работу и быть трезвымъ человѣкомъ, когда я выйду. Такія мысли обычно приходили ко мнѣ *въ то время, когда я бывалъ работающей лошадью* (иначе говоря, когда непріятныя воздѣйствія вліяли на него), то есть въ то время, когда я бывалъ на колесѣ. Я скрывалъ эти мысли въ моей груди. Я не говорилъ ничего никому». «Когда я вышелъ изъ тюрьмы, всѣ эти мысли ушли прочь отъ меня, и я снова вернулся къ моимъ старымъ привычкамъ». Mayhew: «London labour and the London poor», III, Statment. of Vagrants, 390. Во время моего завѣдыванія мастерскими и убѣжищемъ Московскаго Общества пособія несовершеннолѣтнимъ, освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія, мнѣ пришлось имѣть дѣло съ однимъ изъ подобныхъ субъектовъ. Усидчивый трудъ былъ не по немъ. Жажда веселья, удовольствій, движеній и перемѣнъ въ немъ была развита до чрезвычайности. Это былъ довольно добрый малый, но рѣшительно забывавшій все для удовольствія минуты и рѣшительно неспособный руководствоваться предвидѣніемъ будущаго. Захваченный на мѣстѣ проступка и укоряемый за свои дурныя дѣйствія, онъ былъ способенъ къ горькому раскаянію но черезъ самое короткое время раскаяніе исчезало безслѣдно и все начинало идти попрежнему.

образъ дѣйствій. Легко до самыхъ основаній всколыхивающееся существо ихъ безъ большого труда приходитъ въ состояніе повышеннаго возбужденія даже подъ вліяніемъ сравнительно не особенно сильныхъ воздѣйствій, при чемъ душевное волненіе всецѣло овладѣваетъ ими, легко заставляетъ отпадать ихъ разсудочную дѣятельность и замыкаетъ ихъ въ ограниченный кругъ соотвѣтствующихъ представленій.

Другимъ не менѣе важнымъ органическимъ моментомъ, *при извѣстныхъ условіяхъ* вліяющимъ на повышение склонности къ преступленію людей нервнаго темперамента, является ихъ чрезмѣрная нервная раздражительность, дѣйствующая *à la longue* и ихъ поражаемая ею разнообразно непріятныя и тягостныя внутреннія состоянія. Благодаря этой раздражительности и этимъ состояніямъ ихъ характеръ нерѣдко представляется весьма тяжелымъ и неуживчивымъ. По свойственному и извѣстному всѣмъ намъ стремленію человѣка прививать и передавать свои настроенія, каковы бы они ни были, всѣмъ окружающимъ, эти раздражительные и въ данный моментъ весьма непріятно чувствующие себя люди часто намѣренно раздражаютъ, злятъ и дѣлаютъ всевозможныя непріятности другимъ, ихъ окружающимъ, и легко приходятъ въ столкновенія съ ними изъ-за всякихъ мелочей, легко портятъ свои отношенія, сравнительно безъ труда порываютъ установившіяся было связи и переходятъ во враждебныя положенія. Особенно дурно вліяетъ эта черта у первныхъ и при томъ грубо-эгоистичныхъ натуръ, у которыхъ она не смягчается другими хорошими качествами характера, у которыхъ почти вовсе не звучатъ тоны сочувствія и благожелательности къ людямъ, зависящіе отъ другихъ особенностей организаціи, и которые знаютъ одного лишь Бога—собственное я. Понятно, что такія личности, особенно если онѣ представляются малоодаренными, легко проигрываютъ въ жизни, портятъ свое положеніе, попадаютъ въ неблагопріятныя условія, вызываютъ къ себѣ недоброжелательныя отношенія со стороны окружающихъ ⁸³⁾ и тогда сравнительно легко становятся жизненными не-

83) Магго рассказываетъ, напр., про заключеннаго № 81. Онъ обвиненъ въ сопротивленіи муниципальной гвардіи, которая однажды воспрепятствовала ему пройти на желѣзно-дорожную станцію. На судѣ онъ не давалъ говорить свидѣтелямъ, показывавшимъ противъ него. Увѣщанія и порицанія президента, приглашенія защитника и знаки родныхъ, присутствовавшихъ на судѣ, не оказывали никакого дѣйствія. Казалось иногда, что онъ хочетъ успокоиться и уступить, но это только казалось: онъ снова поднимался и снова начиналъ рѣзко возражать. Его поведеніе на судѣ и рецидивъ того же преступленія вы-

задачниками. При сравнительной же скудости запасовъ ихъ жизненныхъ энергій и устойчивости, жизненная борьба въ легальныхъ формахъ при такихъ условіяхъ становится иногда не подъ силу для ихъ сравнительно легко истощающихся и чрезмѣрно во всѣхъ отношеніяхъ чувствительныхъ⁸⁴⁾ и любящихъ комфортъ и удовольствія натуръ. Тогда они сравнительно легко сбиваются съ пути и попадаютъ на покатую дорожку преступленія. Постоянныя ссоры, непріятныя столкновенія, запальчивыя выходки, крайне несправедливые поступки, вызываемые чувствомъ озлобленнаго раздраженія, насилія и произволъ въ дѣйствіяхъ—вотъ что слишкомъ часто представляютъ отношенія подобныхъ людей къ ихъ окружающимъ.

Еще однимъ весьма важнымъ органическимъ моментомъ, повышающимъ, при наличности, конечно, извѣстныхъ условій окружающей обстановки, склонность къ преступленію людей рѣзко выраженного нервнаго темперамента, является ихъ сравнительно меньшая способность къ длящемуся труду, ихъ скучливость однообразными впечатлѣніями и жажда сильныхъ возбужденій, длящагося праздника и удовольствій, легко увлекающая ихъ къ азартнымъ играмъ, кутежамъ и всевозможнымъ развращающимъ эксцессамъ. Эта жажда дѣлаетъ ихъ менѣе пригодными къ спокойной, будничной сѣренькой жизни, которая главнымъ образомъ всѣмъ своимъ строемъ и формируетъ характеры. «Я всегда любилъ возбужденіе и перемѣны», рассказывалъ извѣстный Bertrand, разрыватель женскихъ могилъ: «я не могъ оставаться спокойнымъ»⁸⁵⁾. Въ этихъ словахъ вполне охарактеризовалась его натура, поскольку она была нервная.

Не трудно видѣть, что всѣ указанные особенности натуры,—неохота и даже иногда отвращеніе къ длящемуся, однообразному и устойчивому труду, стремленіе къ разнообразію и быстрой смѣнѣ впечатлѣній, жажда сильныхъ возбужденій и удовольствій, необдуманность и непредусмотрительность легко могутъ способствовать, при извѣстныхъ, конечно, условіяхъ окружающей общественной обстановки, развитію у натуръ нервнаго темперамента склонности къ бро-

звали его осужденіе, «котораго очень вѣроятно онъ избѣгъ бы», говоритъ Марго, «если бы умѣлъ себя обуздывать», цитир. сочин., 347.

84) Эта чрезмѣрная чувствительность дѣлаетъ ихъ крайне невыносливыми. То, что для устойчивой натуры составляетъ только небольшую непріятность, то въ ихъ субъективной сферѣ часто переходитъ въ нестерпимую боль и страданіе.

85) Tardieu: «Attentats aux mœurs» 121.

дѣлѣ, легкимъ заработкамъ, удовольствіямъ и кутежамъ, не оплачиваемымъ личнымъ упорнымъ трудомъ и усиліями ⁸⁶⁾. Поэтому среди людей этихъ особенностей организаціи мы встрѣчаемъ въ сферѣ преступленія не мало воровъ-бродягъ, воровъ, постоянныхъ обитателей различныхъ темныхъ притоновъ разврата и кутежей, и столь же постоянныхъ обитателей тюремъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда ослабленіе нервно-кровеносной системы не подвинулось слишкомъ далеко впередъ, когда легкая впечатлительность, скорая истощаемость нервныхъ центровъ, беспокойная подвижность и пр. не осложнились какими либо слишкомъ рѣзко выдающимися неуравновѣшенностями и когда занимающія насъ особенности организма соединяются съ умственными способностями, сообразительностью и ловкостью—тогда, *при извѣстныхъ, конечно, условіяхъ воспитанія и общественной обстановки, а также и другихъ особенностей характера*, получаютъ въ сферѣ преступленія высшія категоріи бродягъ - воровъ, воровъ-мошенниковъ и различныхъ спокойно-подвижныхъ личностей. Таковъ, напр., подвижный и изобрѣтательный Collet, никогда не проливавшій крови. Онъ появлялся въ различныхъ мѣстахъ подъ различными именами—то въ роли епископа, то въ роли главнаго инспектора, то въ роли хирурга, супрефекта, важнаго политическаго изгнанника и пр., и всегда исполнялъ свою

⁸⁶⁾ «Эти молодые люди обыкновенно отличаются своимъ отвращеніемъ къ дѣлающемуся труду какого бы то ни было рода», говоритъ Mayhew, описывая бродягъ. «Они особенно сильно любятъ всякія удовольствія. Принужденіе, ограниченія и порядокъ рабочаго дома особенно досаждаютъ имъ». «Молодые люди бродячаго класса особенно отличаются своими сладострастными наклонностями». «Они обыкновенно очень беспокойнаго и непостояннаго нрава. Они обладаютъ большою быстротой пониманія, но малою силой дѣлающагося вниманія и постоянства». При увѣщаніяхъ и упрекахъ они часто разливаются въ слезахъ и обѣщаютъ исправиться, «но черезъ немного дней, иногда часовъ они все забываютъ и возвращаются къ своимъ старымъ привычкамъ». «Я не могъ себя принудить работать какъ бы то ни было», рассказывалъ одинъ бродяга. «Дѣло казалось мнѣ бременемъ». «Я не могу сказать почему, но мнѣ было непріятно сосредоточиваться долго на чемъ нибудь. Говори правду, и любилъ бродячую бездѣльную жизнь». Онъ, по его словамъ, очень любилъ свою мать, но когда онъ уходилъ отъ нея, то уже «не думалъ о ней». Посаженный въ тюрьму, онъ вспоминалъ о матери, сожалѣлъ о прошломъ и намѣревался по выходѣ работать и быть трезвымъ человѣкомъ. Когда же «я вышелъ изъ тюрьмы», рассказываетъ онъ, «все эти мысли ушли прочь отъ меня (went away from me) и я вернулся къ моимъ старымъ привычкамъ». «London labour and the London poor.», III, 382, 383, 389 и 390. См. также Cullerre: «Les front, de la folie» 121 и сл.

роль въ совершенствѣ. Онъ похищалъ большія суммы денегъ и, благодаря своей изобрѣтательности, часто избѣгалъ преслѣдованій или совершалъ побѣги ⁸⁷⁾

Въ средѣ людей нервныхъ особый интересъ представляетъ для насъ во всѣхъ отношеніяхъ одна изъ ихъ разновидностей—люди въ большей или меньшей мѣрѣ истеричные. Про истериковъ съ полнымъ основаніемъ можно сказать, что они представляютъ собою различныя измѣняющіяся функціональныя неуравновѣшенности. Весьма значительныя мѣстныя неравномѣрности въ функціонированіи различныхъ отдѣловъ ихъ кровеносной системы ⁸⁸⁾, мѣстныя сжатія или

⁸⁷⁾ Alhou: «Les baunes», 46—59. См. мою статью, помѣщен. въ ноябрьской книжкѣ «Юридич. Вѣстн.» за 1888 г.: «Замѣчательный случай ранней преступности». Въ ней читатель найдетъ довольно подробный анализъ вліянія нервносги на характеръ дѣятельности субъекта. Интересный примѣръ прирожденно нервной, неостоянной, непосѣдливой и крайне безпокойной натуры, боящейся всякаго дѣлающаго труда и склонной къ бродяжеству и всякимъ эксцессамъ, см., между прочимъ, въ сочин. Combemale. «La descendance des alcooliq.» 130 и сл. Въ своемъ докладѣ Антверпенскому конгрессу и въ послѣдующемъ докладѣ Вѣнскому Юридич. Обществу проф. Benedict основаніемъ профессиональной преступности считаетъ неврастенію физическую, нравственную и интеллектуальную, прирожденную или пріобрѣтенную въ раннемъ дѣтствѣ. Нѣсколько сходный взглядъ на преступность вообще проводить и Féré. См.: 1) мою статью въ октябрьской книжкѣ «Русской Мысли» за 1888 г., «Ходъ развитія новыхъ ученій въ уголовной антропологіи (научный обзоръ); 2) Compte-rendu du Congrès du phreniatr. et de neuropathol. tenu à Anvers, 1885, 306 — 322; 3) Biologie und Kriminalistik; 4) Dégénérescence et criminalité.

⁸⁸⁾ Какое вліяніе оказываютъ уклоненія въ функціонированіи кровеносной системы, а слѣдовательно и въ кровяныхъ орошеніяхъ, на истерическія проявленія въ психической области, показываетъ, напр., слѣдующій случай, сообщенный Armaingaud. Нѣкто N., 45 лѣтъ, перешелъ разомъ отъ весьма активной къ покойной сидячей жизни. Отпали прежніе многочисленные сильные стимулы, отпали прежнія заботы и возбужденія, а вмѣстѣ съ ними понизился и жизненный пульсъ, и тогда, какъ это часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, произошли значительныя измѣненія въ характерѣ. Спустя нѣкоторое время, въ 1872 г., у N. появились первыя страданія ревматизмомъ, не коснувшіеся сердца. Въ 1875 г. ревматическія страданія повторились и повлекли за собою эндокардитъ, оставившій органическіе пороки: констатировалось суженіе аорты и недостаточность заслонокъ. Послѣ этого N. сдѣлался очень впечатлителенъ и его характеръ сталъ не только весьма раздражительнымъ, но и крайне измѣнчивымъ и капризнымъ, какъ характеръ истеричной женщины: N. съ часу на часъ безъ всякихъ достаточныхъ мотивовъ переходилъ отъ радости къ печали и обратно. Въ томъ же году, вслѣдъ за однимъ непріятнымъ разговоромъ, у N. развился первый истеричный припадокъ съ конвульсіями. Съ этихъ

спазмы сосудовъ, ослабляющія и прекращающія доступъ крови къ опредѣленнымъ органическимъ участкамъ, неправильныя мѣстныя расширенія и расслабленія сосудовъ и проч.—все это вызываетъ и обусловливаетъ то болѣе или менѣе выраженыя мѣстныя анестезіи (нечувствительность), то такія же гиперестезіи (повышенная чувствительность) и порождаетъ иногда временныя ослабленія и даже полныя выпаденія тѣхъ или другихъ чувственныхъ тонацій, влеченій и склонностей, а иногда ихъ повышенную раздражительность.

Что наблюдается въ сферѣ чувствительности наружныхъ органовъ, которая у истериковъ колеблется въ самыхъ широкихъ предѣлахъ ⁸⁹⁾, то же наблюдается у нихъ и въ сферѣ чувствительности внутреннихъ органовъ и въ умственныхъ способностяхъ. «Недостатокъ уравновѣшенности умственныхъ способностей», замѣчаетъ Legrand du Saulle, «представляетъ главную характеристическую черту состоянія истериковъ» ⁹⁰⁾. Люди истеричные — конечно, говоря вообще—это люди наиболѣе измѣнчивые и неровные, люди крайнихъ неожиданностей и необычайныхъ странностей, на которыхъ трудно полагаться. «Ихъ характеръ измѣняется, какъ узоры въ калейдоскопѣ, что и дало поводъ Sydenham'у основательно замѣтить, что самое постоянное въ нихъ—ихъ непостоянство» ⁹¹⁾. «Если бы выраженіе прихо-

поръ припадки повторились разъ по 7 и 8 въ недѣлю, но замѣчательно, что они слѣдовали только послѣ долговременнаго сохраненія вертикальнаго положенія. Въ этомъ послѣднемъ N. не могъ также предаваться интеллектуальной работѣ безъ того, чтобы не испытывать легкихъ головокруженій и въ особенности потери памяти. Напротивъ, какъ только онъ ложился и принималъ горизонтальное положеніе—чтеніе и умственная работа вообще становились для него относительно легки. Употребленіе дигиталиса, возстановивъ повидимому тонусъ сердца и увеличивъ давленіе крови въ системѣ кровообращенія мозга, устранило и истеричные припадки. Заимствовано изъ работы д-ра Le Bel: «Des épilepsies par trouble de la circulation», 51 и сл.

⁸⁹⁾ Esquirol рассказываетъ про одну истеричную молодую 19 л. дѣвушку, которая попеременно становилась то слѣпой, то глухой, то нѣмой, то наконецъ теряла способность къ движенію. Эти временныя выпаденія той или другой функціи длились иногда нѣсколько часовъ, а иногда день, два и болѣе. Первоначально раздраженія отъ одной капли уксуса на ранку отъ мушки было достаточно, чтобы подѣйствовать на вазомоторы и возвратить ей зрѣніе, слухъ, языкъ или движеніе, смотря по тому, что въ данное время бывало парализовано. «Des malad. ment. I, 265 и сл. См. также Pougner: «L'hystér. chez les enfants», 85, 88, 98, 99, 100 и сл., 104 и сл., 113, 116; Legrand du Saulle цитир. соч. 79 — 106, 116—145, 145—159, 521.

⁹⁰⁾ «Les hystér.», 335.

⁹¹⁾ Arch. de neurol., 1882, № 8; Huchard. Caract., mœurs, état ment. des hystér., 188. Но на ряду съ этой крайней подвижностью впечатлѣній, какъ бы

тливый характеръ не существовало», говоритъ проф. Azam, «то его слѣдовало бы придумать для характера истериковъ». «Иногда мрачные, иногда веселые, говорливые или молчаливые, они или слишкомъ добры, или слишкомъ злы, слишкомъ жестоки, или слишкомъ чувствительны, и при томъ никто не знаетъ, почему это, и они сами не знаютъ того. Можно сказать, что холодный разумъ созданъ не для нихъ и нервная женщина, которая охотно пойдетъ сегодня присутствовать при произнесеніи смертнаго приговора или при гиліотинированіи, на завтра представитъ величественный примѣръ самопожертвованія около постели холернаго или раненаго» ⁹²⁾).

Воля истериковъ, «безпрерывно слабѣющая, безсильна обуздывать ихъ страстные импульсы, на столько же многочисленные и недлительные, насколько внезапные и инстинктивные» ⁹³⁾. Съ одной стороны бѣглая и повышенная чувствительность различныхъ отдѣловъ нервной системы, особенно усиленно и своеобразно звучащихъ въ такіе періоды, часто придаетъ крайне своеобразные оттѣнки самочувствію истериковъ и вслѣдствіе яркости своихъ красокъ невольно замыкаетъ ихъ въ своеобразный субъективный внутренній міръ и препятствуетъ возможности ихъ болѣе объективнаго отношенія къ окружающему. А съ другой — часто наблюдаемое *выпаденіе* различныхъ чувственныхъ тонацій, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и соответствующихъ склонностей и влеченій, а въ значительной мѣрѣ и соответствующихъ представленій, *выпаденіе*, являющееся результатомъ длительныхъ пониженій и упадка мѣстнаго оживляющаго кровообращенія въ различныхъ органахъ и ихъ нервныхъ центрахъ, представляетъ при этомъ самую выдающуюся, по моему мнѣнію, черту психологіи истериковъ, которая нерѣдко временно совершенно преобразажаетъ и дѣлаетъ ихъ неузнаваемыми ⁹⁴⁾ и которую всегда необхо-

по странному противорѣчію, истерики, по замѣчанію того же Huchard, иногда съ необычайной настойчивостью возвращаются все къ одной и той же устойчивой мысли, которую и проводятъ неуклонно. Тамъ же, 197 и сл.

⁹²⁾ Le caract. dans la santé et dans la malad. 203 и сл.

⁹³⁾ Legrand du Saulle: «Les hyster.», 335. См. также Moreau (de Tours): «La folie chez les enfants», 359. Д-ръ Compagne описываетъ истеричный характеръ, какъ весьма «подвижный, крайне склонный къ энтузіазму, странный, романическій, деспотичный и неустойчивый» Истеричныя женщины, по его словамъ, «почти въ одно и то же время трогательны по своему самопожертвованію и черствы, безжалостны и безсердечны при видѣ несчастья». «Онѣ представляютъ удивительную измѣнчивость въ идеяхъ и большую настойчивость во всемъ, что касается ихъ маленькихъ страстей. Ихъ характеръ при этомъ вполне эгоистиченъ». «La manie rais.», 308.

⁹⁴⁾ Мнѣ извѣстенъ случай одной женщины, которая надолго утратила движе-

димо имѣть въ виду психологу и криминалисту при оцѣнкѣ ихъ дѣятельности. Иногда въ нихъ совсѣмъ перестаютъ звучать тоны себялюбія и все существо ихъ охватывается неудержимымъ порывомъ влеченія къ людямъ, иногда, напротивъ, надъ всѣми ихъ душевными тонами начинаютъ безраздѣльно господствовать тоны узкаго эгоизма, иногда же все смѣняется полной беззвучностью сферы чувствъ и т. д. И всѣ эти смѣны совершаются безъ достаточныхъ основаній, неожиданно, странно и какъ-то причудливо ^{94*)}).

Конечно, и при нормальномъ теченіи психической жизни также наблюдаются смѣны различныхъ чувственныхъ тонацій и попеременное ихъ замираніе и вспыхиваніе въ зависимости отъ смѣны вліяній различныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ стимуловъ, дѣйствующихъ на

ніе конечностей, а въ то же время утратила и *полно звучащія* въ ней прежде тонаціи религіознаго чувства. Въ этотъ періодъ она не только не могла сама молиться, но ей непріятно было даже слышать молитву и видѣть священника. Гипнозъ и послѣдующее внушеніе вернули ей движеніе и выпавшія были тонаціи чувства.

94*) См. цитир. статью д-ра Nuchard, 188 и сл. Тонкими и художественными штрихами очерченную разновидность истеричнаго характера мы находимъ, напр., въ одномъ изъ произведеній нашего великаго психолога-романиста, Достоевскаго, въ его романѣ «Идіотъ». Въ немъ передъ читателемъ проходитъ множество ненормальныхъ и болѣе или менѣе неуравновѣшенныхъ личностей, жизнь и отношенія которыхъ воспроизводятъ намъ во многомъ, хотя и въ нѣсколько сгущенныхъ краскахъ, жизнь «нашего нервнаго вѣка», изобилующаго неврозами, душевными странностями и аномаліями.

Представительницей разновидности истеричнаго характера въ немъ является выпукло очерченная личность дочери одного незадачливаго и подъ конецъ «сошедшаго съ ума» человѣка, «худой и блѣдной» Настасьи Филипповны Боращковой. Еще когда она неожиданно явилась одна одинешенька изъ деревни въ Петербургъ къ воспитывавшему ее, а потомъ сожителствовавшему съ ней Тоцкому, прослышавъ, что онъ женится, то послѣдній съ удивленіемъ увидѣлъ, «что передъ нимъ сидѣла совершенно другая женщина, нисколько непохожая на ту, которую онъ зналъ досель и оставилъ всего только въ іюлѣ мѣсяцѣ, въ селѣ Отрядномъ». Теперь «хохотало передъ нимъ и кололо его ядовитѣйшими сарказмами *необыкновенное и неожиданное существо*, прямо заявившее ему, что никогда оно не имѣло къ нему въ своемъ сердцѣ ничего, кромѣ глубочайшаго презрѣнія, презрѣнія до тошноты, наступившаго тотчасъ же послѣ перваго удивленія», Тоцкій скоро понялъ, «что онъ имѣетъ теперь дѣло съ *существомъ изъ ряду вонъ*, что это именно такое существо, которое не только грозитъ, но и непремѣнно сдѣлаетъ, и, главное, *ни передъ чѣмъ рѣшительно не остановится*, тѣмъ болѣе, что рѣшительно ничѣмъ въ свѣтѣ не дорожитъ». *Настасья Филипповна въ состояніи была самое себя погубить безвозвратно и безобразно, Сибирью и каторгой, лишь бы надругаться надъ человекомъ, къ которому она питала такое безчеловѣчное отращеніе*. И вотъ это «совер-

различные отдѣлы нервной системы. Но не то у истериковъ. У нихъ происходитъ не временное замираніе тѣхъ или другихъ чувственныхъ тонацій отъ прекращенія вліянія соотвѣтствующихъ стимуловъ и сравнительно кратковременнаго прекращенія дѣятельности тѣхъ или другихъ органовъ, а, напротивъ, полное и часто, какъ мы видѣли, весьма долговременное ихъ выпаденіе, являющееся слѣдствіемъ неустойчивости и длительно неправильнаго функціонированія нервно-кровеносной системы. Определенные стимулы на организмъ и въ организмъ истериковъ дѣйствуютъ, но соотвѣтствующія чувственные тонаціи въ нихъ не звучатъ, потому что соотвѣтствующіе органы временно не функціонируютъ и не могутъ функціонировать.

шенно изъ ряду вонъ» выходившее существо, охватываемое и колеблемое сильно тонирующими, но бѣглыми, *выпадающими* и разнообразными чувствами, увлекающими его то въ ту, то въ другую сторону, совершаетъ передъ читателямъ самое странные и неожиданные поступки. Вотъ она, напр., увлекается мыслию войти въ семью, стать семьяниною, и тутъ же, подъ вліяніемъ, повидимому, чувства задѣятаго самолюбія, котораго въ ней было въ изобиліи, устраниваетъ въ той же семьѣ, куда она по собственному почину неожиданно является для перваго знакомства, поражающую своей наглостью сцену торга съ Рогожинымъ. «Сцена выходила чрезвычайно безобразная, но Настасья Филипповна продолжала смѣяться и не уходила, точно и въ самомъ дѣлѣ съ намѣреніемъ протигивала ее». А потомъ совершенно неожиданно поцѣловала руку у оскорбленной и униженной ею матери жениха. «Я вѣдь и въ самомъ дѣлѣ не такая, онъ угадалъ, прошептала она быстро, горячо, вся вдругъ вспыхнувъ и закрапившись». Однако въ тотъ же вечеръ она уже устроила новую и еще болѣе неожиданную сцену при нарочно собранномъ довольно многочисленномъ обществѣ. «Въ желаніяхъ своихъ Настасья Филипповна всегда была неудержима и беспощадна, если только рѣшалась высказывать ихъ, хотя бы это были самыя капризные и даже для нея самой бесполезныя желанія. И теперь она была какъ въ истерикѣ, *суетилась, смѣялась судорожно, припадочно*». Надругавшись надъ Тоцкимъ и своимъ бывшимъ женихомъ, швырнувъ въ печку сто тысячъ руб. и увлекшись княземъ Мышкинымъ, который предложилъ ей замужество съ собой, она тѣмъ не менѣе уѣхала съ Рогожинымъ и его пьяной компаніей, заявивъ, что Рогожинъ ее торговалъ: «началъ съ восемнадцати тысячъ, потомъ вдругъ скакнулъ на сорокъ, а потомъ вотъ и эти сто» и что она «мечтательница»; «безотыдница», «уличная» и «развратная», которой и вѣсто на улицѣ или въ прачкахъ. Послѣ этой безумной сцены она начала бѣгать «изъ подъ вѣнца» отъ Рогожина къ князю, а отъ князя къ Рогожину, прося каждаго изъ нихъ «спасти ее». «Точно сумасшедшая она была весь тотъ день», разсказывалъ Рогожинъ князю, *«то плакала, то убивать меня собиралась по-жемъ, то ругалась надо мной*. Залежева, Келлера и Замтюжникова, и всѣхъ созвала, на меня имъ показываетъ, срамить», а потомъ свадьбу назначила. Но и это была лишь вспышка неустойчивой натуры, которая слѣдомъ потомъ

Хотя наследственно передаваемые различія въ развитіи различныхъ органическихъ системъ съ ихъ нервными центрами несомнѣнно играютъ рѣшающую роль во вліяніи на особенности психической жизни по отдѣльнымъ истеричнымъ индивидуумамъ⁹⁵⁾, но помимо того у нихъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, наблюдаются и нѣкоторыя общія особенности, зависящія отъ общихъ условій невроза, иначе говоря, отъ лежащихъ въ основѣ его особенностей ихъ нервно-кровеносной системы⁹⁶⁾ съ ея крайне неравномѣрнымъ и неправильнымъ функционированіемъ, о которомъ я уже упоминалъ выше. Къ числу такихъ особенностей принадлежитъ весьма часто наблюдаемая у нихъ импульсивность и нѣкоторая невольность многихъ ихъ поступковъ по «необходимой потребности», источникъ которыхъ лежитъ не въ сферѣ

начала устроить бракъ любимого человека съ другой женщиной и для этого, между прочимъ, одѣлала грандіозный публичный скандалъ. «Б-ба! Да вѣдь вотъ онъ! То ни съ какими курьерами не отыщешь, то какъ нарочно тамъ сидитъ, гдѣ и не выразишь... Я вѣдь думала, что ты тамъ... у дяди!» громко и публично крикнула она на музыкѣ въ Павловскомъ вокзалѣ незнакомому ей человеку, возможному жениху ея соперницы. Тотъ вспыхнулъ, бѣшено посмотрѣлъ на нее, но поскорѣй опять отвернулся. «Что! Развѣ не знаешь? Онъ еще не знаетъ, представьте себѣ! Застрѣлился! Давеча утромъ дядя твой застрѣлился! Мнѣ еще давеча въ два часа сказывали; да ужъ полгорода теперь знаетъ; трехсотъ пятидесяти тысячъ казенныхъ нѣтъ, говорятъ, а другіе говорятъ: пятисотъ. А я то все рассчитывала, что онъ тебѣ еще наследство оставитъ; все просвисталъ. Развратившій былъ старикашка... Ну, прощай, *bonne chance!* такъ неужели не съѣдишь? То-то ты въ отставку заблаговременно вышелъ, хитрецъ! Да вздоръ, зналъ, зналъ заранѣе: можетъ, вчера еще зналъ»... Своей соперницѣ она писала какія то странныя письма, увѣряя, что она въ нее влюблена. «Что вамъ за дѣло до моей страсти къ вамъ», говоритъ она въ одномъ изъ своихъ писемъ. Но проектированную свадьбу она, конечно, не устроила. Послѣ происшедшей бурной сдѣлки между ней и Аглаей, она сама рѣшила выйти за князя. И что же? Уже садясь въ карету въ вѣнчальномъ нарядѣ она «вдругъ вскрикнула и бросилась съ крыльца прямо въ народъ» къ показавшемуся Рогожину. «Она добѣжала до него какъ безумная и схватила его за обѣ руки. — Спаси меня! Увези меня! Куда хочешь, сейчасъ!» И Рогожинъ увезъ, но, доведенный всѣмъ прошлымъ до ужаснаго состоянія, зарѣзалъ ее. Такъ закончилось жизнь это «существо изъ ряду вонъ», въ которомъ безпорядочно, бурно, бѣгло и конвульсивно тонировали самыя разнородныя чувства. Въ лицѣ Натасьи Филипповны мы имѣемъ передъ собою истеричный характеръ, но съ сравнительно хорошей основой, въ которомъ однако и особенности истеричнаго типа рѣзко выражены.

95) «Каждая эксцентричная», справедливо замѣчаетъ объ истеричныхъ *Logrand du Saulle*, «имѣетъ въ себѣ нѣчто господствующее. Эта надменна, та завистлива; эта другая ипохондрична, склонна къ мистицизму, пройдоха или въ основѣ нечестная и способная на весьма многое». Цитир. сочин. 331.

96) Здѣсь я имѣю въ виду вазомоторный отдѣлъ первой изъ нихъ.

разумнаго обсужденія, а въ сферѣ автоматическихъ раздраженій различныхъ отдѣловъ нервной системы, въ сферѣ «сотрясеній и импульсовъ въ тѣсномъ значеніи этого слова», по выраженію Legrand du Saulle ⁹⁷⁾. Всѣ такія импульсивныя душевныя движенія по большей части представляются «изолированными и не имѣютъ ни предшествующихъ, ни цѣли; они существуютъ и о нихъ нельзя сказать ничего болѣе» ⁹⁸⁾.

Другая довольно общая особенность истериковъ— «неодолимая потребность» постоянно сосредоточивать на себѣ вниманіе, занимать собою окружающихъ, «быть на сценѣ», заставлять говорить о себѣ и удивлять собою. «Истерикъ прежде всего и больше всего эксцентрикъ», замѣчаетъ Legrand du Saulle. «Крайній во всемъ, онъ охотно изыскиваетъ парадоксы». «Его дѣятельность дурно координирована». «Его трудъ неправиленъ и не длителенъ» и «его предпріятія, немедленно измѣняемая послѣ своего начала, никогда не могутъ привести къ цѣли». «Желая заставить всевозможными средствами говорить о себѣ, онъ придумываетъ самыя странныя вещи», «не останавливаясь ни передъ чѣмъ, ни передъ лицемѣріемъ, ни передъ ложью».

⁹⁷⁾ См. цитиров. сочинен. 301, 2 и 3.

⁹⁸⁾ J. Moreau (de Tours): «Folie névropathique», 17. Какъ рано и въ какихъ формахъ развиваются эти импульсивныя и иногда весьма опасныя движенія души у истериковъ, показываетъ между прочимъ слѣдующій случай. Нѣкто Marie G., двѣнадцатилѣтняя истеричная дѣвочка, происходила отъ застарѣлаго и весьма раздражительнаго алкоголика, который во время своихъ вспышекъ доходилъ иногда до того, что грызъ себѣ руки. Ея мать была очень впечатлительная женщина, страдавшая мигренями и сердцебиеніями. Ея прадѣдъ и прабабка съ материнской стороны покончили самоубійствами послѣ потери состоянія; дѣдъ былъ алкоголикъ, а бабка очень нервная женщина, страдавшая невралгіями. Пяти лѣтъ дѣвочка испытала корь, а потомъ начала страдать очень сильными и длящимися головными болями. При этомъ ея характеръ значительно измѣнился: она стала раздражительна, непослушна, подвергалась частымъ приступамъ гнѣва и, несмотря на природную робость, никогда не уступала; по ночамъ же она страдала кошмарами. Одиннадцати лѣтъ у нея развился приступъ маниакальнаго возбужденія, во время котораго—что весьма интересно—она говорила о томъ, чтобы биться съ солдатами на баррикадахъ и жаловалась, что ей хотить зарѣзать. При этомъ она однажды схватила ножъ и имъ хотѣла ударить свою бабушку. Спустя нѣкоторое время, она значительно успокоилась, но не вполне и продолжала проявлять импульсивность. На улицахъ она обращалась къ мужчинамъ и укоряла ихъ, что они смотрятъ на нее; при этомъ она бранила ихъ и плевала имъ въ лицо. Она ругала другихъ маленькихъ дѣвочекъ и пыталась ихъ бить и царапать. Свою мать она щипала и кусала ей руки и однажды снова бросилась на бабушку. Иногда же она смотрѣлась въ зеркало, находила себя кра-

«Онъ вступаетъ въ открытую войну со всѣми признанными обычаями, съ дерзостью навязываетъ свои самые вредные капризы, разрушаетъ всѣ традиціи и пѣтается замѣнить ихъ своими приѣмами». «Неспособный сдерживать свои страстные движенія, онъ можетъ рискнуть на все, чтобы дать успѣхъ своимъ комбинаціямъ». «Ничто его не останавливаетъ» ⁹⁹). Весьма интересный случай одной истеричной приводитъ, напр., Legrand du Saulle. Эта особа съ настойчивостью убѣждала италіанскаго короля Виктора Эмануила, что она побочная дочь его сестры. Для провѣрки ея разсказа императоромъ Наполеономъ, по просьбѣ короля, была поставлена на ноги вся французская полиція (эта особа жила во Франціи), но ея розыски не дали положительныхъ результатовъ. Тѣмъ не менѣе наша истеричная успѣла убѣдить въ правдивости своихъ словъ посланнаго на мѣсто адъютанта короля. Она была привезена послѣднимъ въ Италію и здѣсь поселена въ королевскомъ дворцѣ, въ которомъ она оставалась нѣкоторое время, а потомъ, по неизвѣстнымъ мотивамъ, она покинула Италію и вернулась въ Парижъ. Дальнѣйшее показало, что на самомъ дѣлѣ она была дочь одного парижскаго парикмахера и что во всемъ ея разсказѣ не было ни единого слова правды.

свой и говорила о замужествѣ; на студентовъ отдѣленій она поглядывала нахально и вызывающе. Ея характеръ представлялся черствымъ, индифферентнымъ, склоннымъ ко лжи, преувеличенію и притворству. См. Legrand du Saulle, цитиров. сочин. 26 и сл. Нѣкто F., еще маленькій мальчикъ, съ раннихъ поръ проявлялъ дурныя наклонности и пороки, которые обычно встрѣчаются въ болѣе поздній возрастъ. Первоначально, на ряду съ нравственнымъ извращеніемъ, онъ проявлялъ повышенную умственную дѣятельность. За ней безъ всякихъ видимыхъ причинъ послѣдовала полная умственная неспособность. При этомъ наблюдалась значительная инстинктивная извращенность и полное отсутствіе хорошихъ чувствъ. Слѣпыя импульсы сдѣлались единственными направлятелями дѣятельности и развилась неудержимая склонность къ бродяжеству, воровству, буйству и эротизму. Тогда его помѣстили въ лѣчебницу, гдѣ у него констатировали почти полную анестезію всей поверхности кожи и гдѣ онъ сначала проявлялъ самыя дурныя наклонности, самыя странныя эксцентричности и не поддавался никакимъ совѣтамъ и убѣжденіямъ. Подчиненный строгому и разумному режиму и принужденный работать, F. мало по малу значительно измѣнился къ лучшему какъ со стороны интеллектуальной, такъ и со стороны аффективной, но потомъ въ немъ наступилъ новый поворотъ въ сторону зла, хотя и въ нѣсколько измѣненномъ направленіи. Ложь, клевета, злобное наслажденіе страданіями другихъ—вотъ что стало рѣзко проявляться въ дѣятельности F. Потомъ наступило новое улучшеніе, и послѣ года пребыванія въ заведеніи онъ значительно измѣнился къ лучшему, не проявлялъ болѣе дурныхъ инстинктовъ и былъ взятъ домой родителями. Bonnet; «L'aliéné», 450 и сл.

⁹⁹) Цитиров. сочин. 330 и 1, 345, 457.

Истерики отличаются «духомъ оппозиціи, противорѣчія и контроверсовъ. Они съ одинаковой настойчивостью отрицаютъ и утверждаютъ; сегодня они уже отказываются отъ того, чего просили и требовали еще вчера. Они испытываютъ тайное удовольствіе опровергать съ увѣренностью, равняющеюся только отсутствію въ нихъ убѣжденій, мнѣній, противъ которыхъ они возмущались бы прежде, или же вызывать вокругъ себя удивленіе и изумленіе защищаемыми ими болѣе или менѣе странными и парадоксальными положеніями». Они охватываются настроеніями, «которые влекутъ ихъ организовать интриги, вызывать ссоры и несогласія, порождать затрудненія, писать анонимныя письма, чтобы сѣять раздоры, и симулировать болѣзни по странному удовольствію порождать сильныя безпокойства въ окружающихъ». Они «все доводятъ до крайности, не умѣя жить просто» и «все драматизируютъ на великой общественной сценѣ, на которой они всегда бываютъ и остаются истинными актерами». Истерики весьма склонны ко лжи, обманамъ и симуляціи, которые въ значительной мѣрѣ являются и слѣдствіемъ ихъ крайней измѣнчивости въ чувствахъ, влеченіяхъ, а потому и мысляхъ. «Сегодня они уже не хотятъ того, чего хотѣли еще вчера ¹⁰⁰⁾, они хотятъ того, чего бы они не должны были хотѣть. Если по временамъ они и способны проявлять большую энергію, то они неспособны къ послѣдовательности въ своихъ хотѣніяхъ, какъ и въ своихъ чувствахъ. Вы можете ихъ видѣть составляющими великіе проекты, принимающими прекрасныя рѣшенія: они будутъ работать, они съ жаромъ работаютъ уже. И дѣйствительно, въ теченіе нѣсколькихъ дней все идетъ по желанію.... Какъ вдругъ угасаетъ жалкимъ образомъ этотъ слишкомъ прекрасный огонь соломы и рушится эта слишкомъ неустойчивая постройка прекрасныхъ обѣщаній». Ихъ власть надъ ихъ легко

¹⁰⁰⁾ Tardieu рассказываетъ, напр., про одну истеричную, которая, прокормивъ своего новорожденного ребенка восемь или десять дней, прекратила кормленіе, *потому что оно ей «надоело»*. Не трудно понять, на сколько неустойчива должна быть та натура, у которой слово надѣдать можетъ имѣть рѣшающее значеніе даже по отношенію къ такимъ функціямъ, какъ кормленіе и воспитаніе ребенка. «Etude médico-légale sur la folie» 178 и сл. Legrand du Saullen рассказываетъ про одну истеричную X., которая отличалась такою подвижностью характера и настроенія, что она не могла осуществить ни одного своего плана, требовавшего хотя небольшого періода времени для своего выполненія, и «ежеминутно измѣняла направленіе своего жизненнаго пути». Она происходила отъ отца, отличавшагося большими странностями и развратнымъ поведеніемъ. Ея единственная сестра была истерична, а два единственные брата были преступники. Цит. сочин. 36 и сл.

всколыхивающимися чувственными влеченіями представляется крайне ослабленной и эти обуревающія ихъ влеченія безъ труда несутъ ихъ по теченію. Про нихъ можно сказать, какъ замѣчаетъ д-ръ Huchard, что они «не умѣютъ, не могутъ и не хотятъ хотѣть».

При такихъ особенностяхъ нравственной сферы, истерики нерѣдко обладаютъ блестящими умственными способностями. Въ нихъ наряду съ волею, затрогивается преимущественно область чувствъ, а не область интеллекта. Последняя въ своихъ логическихъ формахъ, но, конечно, не въ своемъ содержаніи ¹⁰¹⁾, остается нетронутой и про истериковъ, можно сказать вмѣстѣ съ Legrand du Saulle, что у нихъ «разумъ присутствуетъ при гибели сердца» ¹⁰²⁾.

Таковы, повидимому, въ самыхъ общихъ чертахъ главнѣйшія особенности рѣзко выраженнаго истеричнаго типа, если только его можно назвать такъ. Эти, повидимому, общія психическія особенности характера вовсе не представляется при этомъ чѣмъ то неизвѣстно откуда истекающимъ. Напротивъ, онѣ являются прямыми слѣдствіями органическаго функционированія, на которыя я указывалъ у нервныхъ вообще и у истериковъ въ частности.

Истеричный типъ, какъ и все въ мірѣ природы, представляетъ безчисленные и неувлимые оттѣнки и переходы отъ ярко выраженныхъ явленій къ тѣмъ слабо выраженнымъ разновидностямъ, которыя можно назвать истеричнымъ характеромъ ¹⁰³⁾. «Существуютъ личности», замѣчаетъ Despine, «которыя представляютъ только истеричный характеръ, не проявляя соматическихъ симптомовъ истеріи. И такія личности вовсе не рѣдки. Ихъ психическая аномалія характеризуется въ особенности большою подвижностью и большою неровностью характера, чрезмѣрностью, странностями и даже извращеніями чувствованій, которыя, какъ только они зарождаются, приводятъ ихъ въ

101) Здѣсь я имѣю въ виду уже много разъ отмѣченное мною вызываніе и подсказываніе опредѣленными чувственными тонаціями и опредѣленныхъ соотвѣтствующихъ представленій.

102) См. Huchard, цитир. работу, 190, 1, 4, 9 и 202 и 3. См. также Tardieu, цитир. сочин., 169, 170, 174 и 176, и Legrand du Saulle, цитир. сочин., 202 и сл. 498.

103) «Въ теченіе своего существованія», замѣчаетъ д-ръ Huchard, «истерики могутъ представлять расстройства умственныхъ способностей или простыя уклоненія характера, не представляя ни приступовъ (attaques), ни другихъ проявленій невроза», цитир. сочин., 187. См. также Penznitz: «De l'hyster. chez les enfants», 28.

возбужденное состояніе, и наконецъ, наклоностью обманывать всѣхъ или по тому, что, въ интересѣ господствующихъ въ нихъ страстей, они имѣютъ намѣреніе обманывать, или потому, что они сами обманываются этими страстями, заставляющими ихъ видѣть все различно съ общимъ взглядомъ. Когда активная развращенность, сопровождаемая нравственной нечувствительностью, осложняетъ этотъ характеръ, тогда получаютъ преступники, подобные г-жѣ Lafarge» ¹⁰⁴⁾).

Зародыши истеричнаго характера отходятъ и начинаютъ замѣчаться съ ранняго дѣтства, когда уже могутъ быть наблюдаемы чрезмѣрная впечатлительность, живость, раздражительность, большая подвижность настроенія, бѣглость чувствъ, странности характера, живость, склонность разыгрывать комедіи ¹⁰⁵⁾, стремленіе возбуждать интересъ и удивленіе и привлекать къ себѣ вниманіе и пр. ¹⁰⁶⁾. Вообще дѣти

¹⁰⁴⁾ «Psych. natur» 156 и 7. Дѣло Мариі Lafarge, урожденной Carrelle, разбиралось въ 1840 г. Оно надѣлало большаго шума не только во всей Франціи, но и во всей Европѣ и породило цѣлую полемическую литературу, а личность осужденной Lafarge, вызывавшая со стороны весьма многихъ самыя горячія симпатіи, до самаго конца ея жизни въ 1852 г. не переставала сосредоточивать на себѣ вниманіе и дѣлить людей на два лагѣря,—ея убѣжденных обвинителей и ея страстныхъ сторонниковъ. Мариі Lafarge, по ея исполнѣнному выраженію, вышедшая замужъ «на почтовыхъ», обвинялась въ предательскомъ отравленіи своего мужа при помощи подмѣшиванія мышьяка къ его пищѣ и лекарствамъ и въ кражѣ брилліантовъ. До самаго конца жизни она не переставала страстно протестовать противъ признанія ея виновности и ея дѣло остается крайне темнымъ, а ея процессъ представляетъ много страннаго и таинственнаго. Отравила ли она своего мужа и похитила ли брилліанты? Тайну эту она унесла съ собой въ могилу. Несомнѣнно, повидимому, одно, что Мариі Lafarge, очаровавшая и подкупавшая своею прелестью всѣхъ соприкосавшихся съ ней повсюду и даже въ тюрьмѣ, въ которой она преобразила по отношенію къ себѣ ея грубыхъ обитателей, была отъ природы очень нервная женщина. Ея характеръ представлялся эксцентричнымъ, порывистымъ, отчасти сумасброднымъ, измѣнчивымъ и весьма склоннымъ къ позированію и разыгрыванію ролей въ жизни, а потому его, помимо послѣдующихъ нервнымъ проявленій на судѣ, основательно можно отнести, по многимъ его особенностямъ, къ разряду истеричныхъ. См. Fouquier: «Causes célèbres», т. I, тетр. 2.

¹⁰⁵⁾ Одна еще 6 лѣтняя дѣвочка, завидуя своему брату, начала жаловаться на головныя боли, головокруженія и невралгіи; она стала проявлять боязнь свѣта и звуковъ, стала отказываться отъ пищи и пр. И все это, какъ оказалось потомъ, было плодъ притворства и комедія, искусно разыгранная скоро-спѣлой актрисой. Huchard, цитир. соч. 208. Тамъ же см. другіе подобные примѣры.

¹⁰⁶⁾ Moreau (de Tours) «La folie chez les enf.», 358 и сл. Falibillu: «Contribut. à l'étud. de la fol. chez les enfants», 61; Peugniez, цитир. соч. 28 и слѣдующія. Legrand du Saulle, цитир. соч. 265 и сл.

съ такими задатками «представляютъ», по словамъ д-ра Huchard, «недостатокъ равновѣсія между высшими нравственными способностями, волею и сознаніемъ, и способностями низшими, инстинктами, страстями и чувственными влеченіями» ¹⁰⁷⁾).

Само собою понятно, какъ должны проявляться характеры, представляющіе такія особенности, въ семейной и общественной жизни и какіе результаты должны получаться въ ней отъ ихъ дѣятельности. Говоря объ изученіи характера истериковъ, д-ръ Huchard съ значительной долей справедливости замѣчаетъ: «не существуетъ вопроса, который могъ бы болѣе интересовать криминалиста и судебного медика; нѣтъ равнымъ образомъ вопроса, который могъ бы сдѣлаться предметомъ болѣе важныхъ изученій для психолога и моралиста, по причинѣ возможной роли истериковъ въ высшихъ и низшихъ сферахъ общества, гдѣ они очень часто остаются неузнаваемы» ¹⁰⁸⁾. Свою неустойчивость, измѣнчивость, свои странности, свою частую эгоистичность, свои капризы, отсутствіе твердыхъ правилъ и стойкаго уваженія къ какимъ либо нормамъ, истерики, понятно, заносятъ съ собою въ частно-семейную и общественную жизнь, и повсюду вліяютъ въ этомъ направленіи и при томъ не рѣдко со всею импульсивностью, свойственной ихъ натурѣ. Немудрено поэтому, что слишкомъ большое скопленіе подобныхъ личностей налагаетъ особый, болѣе или менѣе рѣзко выраженный отпечатокъ неустойчивости, причудливости и большей или меньшей инстинктивности на самую жизнь общественныхъ группъ, ихъ включающихъ.

Къ сожалѣнію, число истериковъ, какъ и нервныхъ вообще — о чемъ уже было говорено выше, повидимому, увеличивается и они играютъ иногда печальную роль въ общественныхъ движеніяхъ. Такъ было, напр., въ 1871 г., когда, по свидѣтельству Legrand du Saulle, истеричныя женщины принимали не малую долю участія въ бригадахъ парижскихъ петролейщицъ ¹⁰⁹⁾).

Истерія, считавшаяся долгое время печальной привилегіей однихъ лишь женщинъ, не щадитъ, какъ оказывается, и мужчинъ, описанія рѣзко выраженныхъ случаевъ истеричности которыхъ появляются въ медицинской литературѣ все чаще и чаще. Истерія поражаетъ даже

¹⁰⁷⁾ Huchard, цитир. соч. 206 и сл.

¹⁰⁸⁾ Huchard, цитир. сочин., 187.

¹⁰⁹⁾ Legrand du Saulle, цитир. соч. 390. Тотъ же авторъ указываетъ, что наибольшее число истеричныхъ встрѣчается между публичными женщинами, 41. См. также Parent-Duchatelet: «De la prostitution», I, 234 и сл.

армію, а въ ней мы привыкли видѣть наиболѣе крѣпкихъ и выносливыхъ людей ¹¹⁰⁾).

Причины повышеннаго развитія истеріи, какъ и нервности вообще, кроются глубоко во множествѣ условій современной лихорадочной общественной жизни съ ея ожесточенной и неразумной борьбой за существованіе человѣка съ человѣкомъ и въ вызываемомъ этой борьбой обѣднѣніи организмовъ ¹¹¹⁾). Наслѣдственность при этомъ играетъ выдающуюся роль, какъ и вообще въ сферѣ нервныхъ болѣзней и вырожденій ¹¹²⁾). «Истерія наследственна въ высшей степени», замѣчаетъ д-ръ Guillemin, «и большинство авторовъ приписываетъ другимъ причинамъ лишь второстепенное значеніе, потому что онѣ дѣйствуютъ только уже на подготовленной почвѣ» ¹¹³⁾).

Но наследственность въ случаяхъ истеріи, какъ и въ случаяхъ прочихъ явленій, сама, конечно, не является факторомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Она закрѣпляетъ лишь пріобрѣтенное, уже выработанное и вполне подготовленное. Подготавливается же это уже пріобрѣтенное дѣйствіемъ цѣлой массы факторовъ, кроющихся, какъ замѣчено выше, въ условіяхъ современной общественной жизни. Алкоголизмъ, въ большинствѣ случаевъ проистекающій изъ предшествующаго органическаго обѣднѣнія и сопровождающаго его усиленнаго влеченія къ искусственнымъ возбудителямъ, также, повидимому, играетъ не послѣднюю роль въ развитіи истеріи ¹¹⁴⁾).

Въ сферѣ преступленія, какъ и слѣдуетъ ожидать, истеричный темпераментъ, если его можно назвать такъ, проявляется со всеми

¹¹⁰⁾ «Нужно привыкнуть къ мысли встрѣчать истеричныхъ солдатъ», говоритъ д-ръ Duponchel. См. *Ann. méd.—psych.*, 1886, 6 сер. т. 4., 337 и сл.

¹¹¹⁾ *Peugniez*, цитир. соч., 24. *Legrand du Saulle*, цитир. соч. 321 и сл.

¹¹²⁾ «Она обыкновенно принадлежитъ», говоритъ про истеричныхъ *Legrand du Saulle*, «къ семьѣ невропатовъ, конвульсіонеровъ, апоплектиковъ, душевнобольныхъ или самоубійцъ, и, на языкѣ науки, ее называютъ предрасположенной, наследственницей и даже «*cerebrale*». Цитир. соч. 331 и сл.

¹¹³⁾ См. *Ann. méd.—psych.*, 1888, № 2, «*Contrib. à l'étude de l'hyst alcool.*», 230. «Если существуетъ разстройство», замѣчаетъ *Moreau (de Tours)*, при которомъ наследственность должна быть понимаема въ своемъ самомъ широкомъ значеніи, то это именно истерія». См. «*La fol. chez les enfants*». 355. *Peugniez*, цитир. соч., 18, 25. Статист. данныя на стр. 20 и 21. *Legrand du Saulle*, цитир. сочин., 31 и сл. 49 и сл.

¹¹⁴⁾ См. цитиров. стат. д-ра *Guillemin*. *Paul Richer*: «*Etud. clin. sur la gran. hyst.*», 324. *Grenier*: «*Contrib. à l'étud. de la descend. des alcooliq.*», 55, 56, 57 и 109; *Legrand du Saulle*, цитир. соч., наблюд. VI.

своими уже известными намъ особенностями. Чрезмѣрная впечатлительность, временныя частичныя выпаденія и такая же временная раздражительность, бѣглость настроеній и влеченій, частичныя и чрезмерно усиленныя вибрированія различныхъ чувственныхъ тонацій, вслѣдствіе которыхъ измѣнившіеся до неузнаваемости истеричныя могутъ въ известные моменты своего существованія совершать дѣйствія, рѣшительно несовѣстимыя съ ихъ болѣе обычными настроеніями, значительная импульсивность, недостаточность задерживательной власти по отношенію къ ихъ легко вскалыхивающимся бурнымъ чувственнымъ влеченіямъ, которыя, смотря по индивидуумамъ, бываютъ весьма различны, недостатокъ предусмотрительности, неудержимое стремленіе такъ или иначе обращать на себя вниманіе— все это и многое другое придаетъ весьма измѣнчивый и часто причудливый характеръ и самой преступности истериковъ, при изученіи которой наблюдателя поражаютъ иногда большія неожиданности. Примеры изъ живой дѣйствительности всего лучше познакомятъ насъ съ болѣе общими характерами проявленій преступности у истериковъ, содержание которыхъ обуславливается, впрочемъ, индивидуальными особенностями натуры.

Одна молодая дѣвушка Х. начала страдать нѣкоторыми истерическими явленіями въ періодъ полового развитія. Въ пансіонѣ, гдѣ она находилась въ это время, у нея стала замѣчаться сильно выраженная склонность къ воровству, носившая, очевидно, импульсивный характеръ. Родители дѣвушки думали противодѣйствовать порочнымъ влеченіямъ, развивая въ ней и до этого уже сильно выраженныя религіозныя чувства. Подъ вліяніемъ этихъ чувствъ, Х. стала проявлять экзальтированное благочестіе. Увлекаемая имъ, она вступила въ монастырь, будучи 20 лѣтъ отъ роду.

Устойчивость настроенія истеричной не могла, однако, длиться долго, не претерпѣвая рѣзкихъ перемѣнъ. Уже послѣ 6 мѣсяцевъ пребыванія въ монастырѣ, Х. стала сварлива, причудлива и тщеславна. Она обманывала всѣхъ, сочиняла множество лживыхъ разсказовъ, которые производили раздоръ повсюду, писала анонимныя письма, обвинила священника, что онъ ее изнасиловалъ и, наконецъ, бѣжала изъ монастыря.

Въ родительской семьѣ, гдѣ она поселилась послѣ своего побѣга, Х. вскорѣ стала ужасной тягостью для всѣхъ своихъ семейныхъ. Ея набожность смѣнилась теперь настроеніями и влеченіями любострастного характера. Въ это время она съ увлеченіемъ читала романы, принимала вызывающія позы и дѣлала вызывающія предложенія.

Тогда ея родители — какъ это, къ несчастію, не рѣдко бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, рѣшили ея выдать замужъ.

Два первые года брака протекли спокойно и счастливо. Но послѣ двухъ послѣдовательныхъ родовъ, которые, вѣроятно, нѣсколько ослабили и безъ того далеко неустойчивую организацію Х., она стала пить водку, стала бить мужа и слугъ (вѣроятныя проявленія чрезмѣрной раздражительности), воровать изъ магазиновъ и посѣщать дѣвицъ вольнаго обращенія.

Тогда между супругами послѣдовало добровольное разлученіе, послѣ котораго Х. бѣжала за-границу съ однимъ торговымъ комиссіонеромъ, увлеченнымъ ея красотой, и тамъ вела развратную жизнь проститутки, была осуждена за покушеніе на убійство (интересна эта послѣдовательность: экзальтированная набожность, сладострастіе и половая распущенность и, наконецъ, покушеніе на убійство), и кончила жизнь, зараженная сифилисомъ.

Въ бурной жизни этого крайне страннаго и въ то же время глубоко несчастнаго по особенностямъ своей психофизической организаціи существа, запятнавшаго себя многими преступленіями, наблюдателя прежде всего невольно поражаетъ пестрая смѣна противоположныхъ влеченій души, ихъ крайняя неустойчивость и инстинктивность поступковъ и дѣйствій. Сама Х., повидимому, ясно чувствовала и хорошо сознавала гнетъ послѣдней. Не будучи, однако, въ состояніи противодѣйствовать ему, она всетаки хотѣла избавить, по крайней мѣрѣ, своихъ родственниковъ отъ позора и потому нѣсколько разъ перемѣняла фамилію; наконецъ, она распустила слухъ, что, терзаемая угрызеніями совѣсти за свое дурное поведеніе, она посягнула на самоубійство и утопилась ¹¹⁵⁾).

Другой примѣръ. Нѣкто Целія М. съ раннихъ поръ проявляла самые дурные инстинкты. Она была жадна на ѣду, была нечистоплотна, безпорядочна, лѣнива, вѣроломна и склонна ко лжи. Тѣмъ не менѣе ея красота, ея умъ и таланты производили чарующее вліяніе на соприкасавшихся съ нею. Эта женщина была способна и на великодушное самопожертвованіе, и на самые дурные поступки. Она неудержимо предавалась всѣмъ своимъ страстямъ и особенно наслажденіямъ любви, въ которыхъ она не знала границъ. Она рано вышла замужъ, но ея измѣнчивая натура скоро увлекла ее по пути приключеній и она очутилась среди бандитовъ Америки. Здѣсь она отличалась безумной храбростью. Съ гордымъ и вызывающимъ взглядомъ и съ револьверомъ въ рукахъ она не останавливалась ни передъ

¹¹⁵⁾ Legrand du Saulle, цитир. сочин., 335 и сл.

какою опасностью. Со смѣхомъ переходила она черезъ пропасти, бравировала холерой, бросалась между ножей игроковъ и вообще совершала самыя отчаянныя выходки. Она всегда нарушала спокойствіе семей, въ которыхъ появлялась, увлекаая мужей, сыновей и пр.

Утомленная своей бурной жизнью она вернулась къ роднымъ во Францію. Здѣсь она проявляла наклонность къ самоубійству, истерическія явленія и разстройства со стороны матки ¹¹⁶⁾.

И въ этомъ примѣрѣ мы имѣемъ передъ собой ярко обрисованный типъ непостоянной, измѣчивой, инстинктивной и разнузданной истеричной натуры, быстро проходящей чрезъ самыя разнообразныя тѣни и оттѣнки разнородныхъ и причудливыхъ настроеній съ сильно выраженною склонностью къ преступленію и нарушеніямъ общественнаго порядка.

Впрочемъ, истерики, по свидѣтельству Legrand du Saulle ¹¹⁷⁾, не особенно склонны доходить до серьезныхъ преступленій, предполагающихъ нѣсколько иныя качества натуры ¹¹⁸⁾. Они чаще являются авторами эксцентричныхъ, дурныхъ, вредныхъ и злостныхъ поступковъ, не рѣдко составляющихъ источникъ мученій для ихъ окружающихъ.

Стремясь обращать на себя вниманіе какою бы то ни было цѣной и поддаваясь влеченію своихъ легко всколыхивающихся чувствъ, истерики являются подъ часъ самообвинителями на судѣ, но чаще обвинителями другихъ въ небывалыхъ преступленіяхъ ¹¹⁹⁾, въ основѣ разсказовъ о которыхъ лежатъ, впрочемъ, иногда и ихъ ложныя ощущенія.

Импульсивность истеричныхъ, доходящая въ нѣкоторыхъ случаяхъ до степени неудержимости, и ихъ подражательность, являющаяся слѣдствіемъ слишкомъ большой впечатлительности и слишкомъ бурной и легкой всколыхиваемости ихъ сферы чувствъ, иногда также играютъ рѣшающую роль въ ихъ преступности ¹²⁰⁾.

¹¹⁶⁾ Тамъ же, 337 и сл.

¹¹⁷⁾ Тамъ же, 302. Въ своей статьѣ: «Душевно-больные арестанты» д-ръ Чижевскій насчитываетъ на 140 случ. (изъ нихъ не психически больныхъ было 3, здоровыхъ — 15, состояніе которыхъ было не выяснено — 3) истеричныхъ 5. См. Вѣстн. клинич. и судеб. психіатріи, годъ 6, вып. I, 39.

¹¹⁸⁾ Конечно, насчитывается также и не мало исключеній, въ которыхъ истерики являются дѣятелями цѣлаго ряда тяжкихъ преступленій. Примѣръ см. у Legrand du Saulle, цитиров. соч. 471. При преступленіяхъ, какъ и при всѣхъ прочихъ поступкахъ человѣка, опредѣленіе зависитъ не отъ одной какой либо стороны натуры, а отъ ихъ совокупности и ихъ комбинацій.

¹¹⁹⁾ Примѣры см. въ цитиров. сочин. Tardieu, 174, Legrand du Saulle, цит. соч. 402 и сл., 405 и сл.

¹²⁰⁾ Примѣры см. у Tardieu, 178, 179 и сл., и Legrand du Saulle, 421 и сл., 478 и сл.

Не меньшій интересъ, сравнительно съ истериками, представляютъ для криминалиста по своей связи съ сферою самыхъ ужасныхъ и жестокихъ преступленій представители другого тяжелаго невроза—эпилепсiи. Последняя представляетъ особый интересъ и значеніе еще и по своей слишкомъ ясно выраженной связи съ постоянно и неудержимо развивающейся и не щадящей даже дѣтей ¹²¹⁾ склонностью къ алкоголизму общественныхъ массъ, которая, по справедливому замѣчанію д-ра Grenier, «болѣе, нежели когда нибудь сдѣлалась общественнымъ вопросомъ» ¹²²⁾ и вызываетъ мысль о дѣйствительной общественной опасности «и о настоятельной необходимости мужественнаго крестоваго похода» для прекращенія ея дальнѣйшаго развитія ¹²³⁾.

Начнемъ съ алкоголизма, какъ одного изъ могущественныхъ факторовъ, порождающихъ и распространяющихъ эпилепсiю ¹²⁴⁾ и вырож-

¹²¹⁾ Kerr: „Пьянство“, 100 и сл.; Archiv. di psichiatri. VI vol., 205.

¹²²⁾ Contribut. a l'étude de la descend. des alcool., 5.

¹²³⁾ См. Claude: „Rapport sur la consommation de l'alcool“, 3 и 5. Этотъ докладъ одѣланъ отъ имени сенатской комиссiи, которой было поручено изслѣдовать злоупотребленія алкоголемъ во Франціи. Въ моей повседневной дѣятельности мнѣ приходится сталкиваться и наблюдать явленія ужаснаго пьянства въ средѣ московскихъ ремесленныхъ рабочихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ приходится присматриваться и къ непривлекательнымъ типамъ, вырабатывающимся подъ его вліяніемъ. Часто пьютъ до полнаго озвѣренія и при томъ пьютъ и заглушиваютъ не только отдѣльные лица, а и цѣлыя мастерскія и иногда по цѣлымъ недѣлямъ. Жалобы на это ужасное пьянство слышатся почти отъ всѣхъ, имѣющихъ дѣло съ «народомъ». Значительное огрубѣніе, отупѣніе, упадокъ работоспособности, лѣнность, замираніе нравственнаго чувства и раздоры и развращеніе въ семьяхъ — вотъ что получается въ результатѣ этого пьянства. Цѣлесообразныя, разумныя мѣры противъ развивающагося зла являются, поистинѣ, настоятельной общественной нуждой. Пьянство есть болѣзнь, говоритъ наука. Но эта болѣзнь, во первыхъ, имѣетъ свои производящія причины, а, во вторыхъ, она предшествуется и здоровымъ состояніемъ, затѣмъ склонностью къ заболѣванію, потомъ его легкими степенями и, наконецъ, полнымъ развитіемъ болѣзни. Вслѣдствіе этого и мѣры противъ пьянства должны быть различны. На первомъ планѣ должны стоять мѣры широкаго предупрежденія, затѣмъ, мѣры леченія, а также и исправительно-караательныя мѣры для тѣхъ случаевъ, когда послѣдніе могутъ быть полезны. Оверхъ того государство должно отказаться отъ взгляда на акцизъ съ спиртныхъ напитковъ, какъ на выгодную и безвредную статью дохода, и должно возможно болѣе стѣснять торговлю ими.

¹²⁴⁾ Алкогольные злоупотребленія могутъ порождать эпилептическіе припадки у самихъ злоупотребляющихъ. Kerr рассказываетъ, напримѣръ, что сынъ одного богатаго землевладѣльца, не имѣвшій отягощенной наследственности и никогда не страдавшій эпилепсiей, попалъ въ дурное общество, научился пить и сталъ

деніе породы вообще. Предрасположеніе и влеченіе къ алкоголизму, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, развивается, — по меньшей мѣрѣ въ очень значительномъ числѣ случаевъ — на почвѣ предшествующаго органическаго ослабленія и оскудѣнія и истекающаго отъ того стремленія къ искусственному возбужденію недостаточныхъ жизненныхъ силъ ¹²⁵).

Этой своей стороною широко развивающійся алкоголизмъ стоитъ

пьяницей. Вскорѣ у него появились эпилептическіе припадки, за которыми каждый разъ слѣдовала эпилептическая манія. См. цитир. соч., 21; см. также ст. 57 и 67. Проф. Lasègue: «Etudes médicales», II, 111. Нѣкто Jous... происходилъ отъ отца, страдавшаго туберкулезомъ, и очень нервной матери. Самъ онъ не страдалъ конвульсіями въ дѣтствѣ, но съ ранней молодости началъ предаваться злоупотребленіямъ горячительными напитками. Когда ему было 48 лѣтъ, то онъ, по случаю потери денегъ, еще болѣе усилилъ свои злоупотребленія и къ 56 годамъ представлялъ уже всѣ признаки хроническаго алкоголизма, за которымъ послѣдовала и эпилепсія алкогольнаго происхожденія. Изъ 10 чел. его дѣтей 4 умерли, а изъ шести оставшихся въ живыхъ двое находятся въ Бисетрѣ. Одинъ изъ нихъ эпилептикъ, а другой идіотъ. Третій сынъ душевно-больной, четвертый совсѣмъ безмолвный и страдаетъ кошмарами и невольнымъ испусканіемъ урины. Изъ двухъ остальныхъ одинъ рахитикъ, а другой страдаетъ хронической болѣзнію сердца. Въ этомъ случаѣ наследственно переданное органическое истощеніе породило, повидимому, влеченіе къ алкоголизму, а этотъ послѣдній породилъ эпилепсію. См. Desforges: „De l'alcool. aigu et chron. dans ses rapports avec l'épilepsie“, 36 ч. См. также другія наблюденія. Drouet наблюдалъ приобретенную эпилепсію у 45 мужчинъ и 9 женщинъ на 529 алкогол. Тамъ же, 25, 27, 31 и сл. Въ другихъ же случаяхъ, какъ мы это увидимъ ниже, алкогольные злоупотребленія порождаютъ эпилепсію и другія разстройства въ потомствѣ. Въ свою очередь, повидимому, и значительное число эпилептиковъ проявляетъ усиленное влеченіе къ алкоголю. См. Richon: «Les malad. de l'esprit», 104 и сл.

¹²⁵) „Я всегда находилъ“, замѣчаетъ Kerr, „что длительное и истощающее воздѣйствіе всякаго рода болѣзней на столько обезсиливаетъ организмъ, на столько разстраиваетъ и подрываетъ нервную систему, что легко располагаетъ организмъ къ постоянному или періодическому злоупотребленію алкоголемъ. Очень и очень часто мнѣ приходилось видѣть это въ чахоткѣ и другихъ истощающихъ болѣзняхъ“. „У купцовъ и прикащиковъ“, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „я наблюдалъ приступы пьянства послѣ каждой трудной еженедѣльной или двухнедѣльной иностранной почты. Въ другихъ занятіяхъ я также замѣтилъ связь этихъ приступовъ съ тѣми днями, когда особенно много приходится работать“. Слѣдомъ за этимъ приводится, между прочимъ, примѣръ одного клерка, не имѣвшаго отягощенной наследственности, который записывалъ только 2 раза въ году, когда совершалась очень трудная операція сведенія счетовъ, производившая утомленіе и истощеніе. Въ эти періоды, несмотря на всѣ его усилія побороть свое влеченіе, онъ неудержимо увлекался къ алкоголю. См. цитир. соч. 137 и сл., 147 и сл., 35, 41, 47, 129,

въ самой тѣсной связи со множествомъ наиболѣе темныхъ сторонъ общественныхъ отношеній, приводящихъ къ фізіологической бѣдности и пауперизму. «Извѣстно, что отсутствіе или недостаточность умственной культуры, недостаточное питаніе, плохо вознаграждаемый трудъ, сильное утомленіе при зависимомъ и необезпеченномъ положеніи, требующемъ постояннаго напряженія физическихъ или умственныхъ силъ, должны быть причислены къ вліяніямъ, располагающимъ къ алко-

142, 144, 158. Рѣзко выраженный примѣръ приводитъ и Esquirol. Одна дама вела постоянно трезвую и регулярную жизнь. 42 лѣтъ у нея произошли первыя разстройства въ менструаціяхъ. Она стала испытывать боли въ желудкѣ и безпричинное (по отсутствію утомляющихъ упражненій) *утомленіе*. Въ надеждѣ *подкрѣпиться*, она начала прибѣгать къ вину и чувствовала облегченіе. Мало по малу она увеличивала дозу, а потомъ стала пить водку и напивалась до того, что большую часть дня вынуждена была проводить въ постели. Въ это время она бросила свои обычные занятія, *не чувствовала болѣе привязанности къ своей семьѣ* и раздражалась и сердилась, когда ей противорѣчили. Такое извращеніе продолжалось 6 лѣтъ. Но вотъ менструаціи прекратились совсѣмъ, а затѣмъ вернулось и здоровье и, — что весьма интересно — вмѣстѣ съ нимъ *явилось сильнѣйшее отвращеніе даже къ вину*. См. цитир. соч. I, 367. Kerg также приводитъ случай, въ которомъ образованная и семейная женщина предавалась неудержимому пьянству въ теченіе 2 дней въ каждый менструальный періодъ. Цит. соч. 32. „Иногда съ началомъ душевнаго разстройства“, говоритъ Esquirol, „нравственная сторона ослабляется: больной лишенъ энергіи, онъ не способенъ думать и дѣйствовать, онъ подавленъ тоской и угрюмостью и онъ сначала пьетъ для возбужденія и развлеченія, а потомъ онъ напивается“, I, 370. „Дать рабочему достаточный заработокъ и хорошее воспитаніе“, говоритъ въ своемъ отчетѣ главный врачъ госпиталя въ Шалонѣ на Марнѣ, — „это значитъ оградить его отъ алкоголизма. Для насъ представляется доказаннымъ“, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „что бѣдность и праздность, часто тѣсно связанныя, суть очень могущественныя причины алкоголизма“. См. акты сенатской комиссіи по изслѣдованію алкоголизма сенатора Claud'a, ч. II, 220. Вообще можно сказать, что недостаточность питанія объективная (отъ недостаточности или дурнаго качества поступающихъ въ организмъ пищевыхъ веществъ) или субъективная (отъ уклоненій и разстройствъ въ органической пищеварительной системѣ) играетъ, повидимому, самую рѣшительную роль въ произведеніи болѣе или менѣе неудержимыхъ влеченій къ возбудителямъ. То же нужно сказать и объ уклоненіяхъ и разстройствахъ въ кровеносной системѣ, питающей мозгъ.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, можетъ ли быть признано употребленіе такихъ возбудителей, какъ алкоголь, *всегда безусловно вреднымъ*, мы во всякомъ случаѣ можемъ признать несомнѣннымъ, что, при существующихъ фактическихъ условіяхъ современной лихорадочной общественной жизни съ ея неправильными и неблагопріятными взаимными общественными отношеніями, эти искусственные возбудители, въ такомъ обиліи находящіеся въ распоряженіи человѣка, оказываютъ ему самую пагубную услугу. Не переходящее

голизму». ¹²⁶⁾ Распространяющийся алкоголизм въ свою очередь могутъ существенно усиливаетъ вырожденіе и деградацию породы, поражая двигательную умственную и чувствительныя сферы человѣка. Чувстви-

границы нервное возбужденіе пріятно и необходимо для успѣшной жизненной дѣятельности. И современный нервный человѣкъ жадно ищетъ его. Временно истощившись отъ предшествовавшихъ наслажденій или отъ чрезмѣрной дѣятельности въ погонѣ за избыткомъ жизненныхъ благъ, а чаще и за трудно дающимся кускомъ хлѣба, онъ часто не отдается необходимому для него отдыху (впрочемъ, иногда при существующихъ условіяхъ и не можетъ отдаться) и не поджидаетъ новаго естественнаго накопленія силъ для новой дѣятельности, для которой въ данное время у него уже не хватаетъ естественныхъ подвижныхъ запасовъ. Неизменно-нестерпимой въ своей вѣчной погонѣ за успѣхами и удовольствіями или—что бываетъ неизмѣримо чаще—вынужденный къ чрезмѣрной работѣ несоразмѣрно низкой оцѣнкой его тяжелаго труда, онъ вмѣсто того прибѣгаетъ къ различнымъ искусственнымъ возбуждителямъ и въ нихъ ищетъ источникъ восполненія недостающей энергіи для продолженія наслажденій или труда. Но искусственные возбуждители не создаютъ силы и не представляютъ собою возстановляющаго матеріала. Они лишь освобождаютъ силы изъ органическихъ запасовъ, играющихъ роль основнаго капитала и, понятно, освобождаютъ ихъ за счетъ будущаго обѣдненія и уменьшенія органическихъ богатствъ индивида. Куда можетъ повести общество такое нарощающееся истощеніе, являющееся слѣдствіемъ нераціональности отношеній — трудно сказать. См. Вагг: «Der Alkoholisimus», 5 — 10; 318 и сл. Bouchardat: «Traité d'hygiène», 347—359; 361—376, 619, Bouchut: «Du nervosisme» 33 и сл.

¹²⁶⁾ См. пр. Мержеевскій: «Къ вопросу объ алкоголизмѣ». «Вѣст. клинич. и судебн. психіатр.», ч. I, в. II; ст. 18. «Почему же они падаютъ?» спрашиваетъ Керг о предрасположенныхъ. «Не потому, что они бѣльшіе грѣшники, нежели ихъ товарищи, — не потому, что они нравственно ниже стоятъ, а потому, что они физически слабѣе». Цит. соч. 15; см. также 128 и 135. Говоря объ испытывающихъ влеченіе къ алкоголю, проф. Lasègue замѣчаетъ: «и если онъ дозволяетъ себѣ увлекаться, то это потому, что онъ представляетъ собою существо, дурно уравновѣшенный мозгъ котораго не представляетъ достаточнаго сопротивленія». Цит. соч., I, 425 и сл. Алкоголизмъ нисходящихъ насчитываетъ въ своей этиологіи, по видимому, не мало случаевъ туберкулеза восходящихъ, этого яркаго признака органическаго обѣдненія. Въ 188 наблюденіяхъ семей алкоголиковъ, приведенныхъ въ сочиненіи д-ра Grenier, и отмѣтилъ 31 случай туберкулеза у одного или нѣсколькихъ восходящихъ алкоголиковъ, что составляетъ 16,3%, и 9 случаевъ туберкулеза у братьевъ или сестеръ ихъ, т. е. всего 40 случ. или 21,3%. Но этимъ, конечно, не исчерпываются проявленія органическаго оскуднѣнія, и въ 188 наблюд. Grenier, какъ и во всѣхъ прочихъ, на пути къ точному опредѣленію стоитъ недостатокъ получаемыхъ свѣдѣній. Приведенныя цифры указываютъ лишь вѣрный minimum. Д-ръ Керг говоритъ, что онъ наблюдалъ случаи пьянства, развившагося изъ острыхъ и хроническихъ заболѣваній. Большею частью это наблюдалось при чахоткѣ и другихъ легочныхъ страданіяхъ и при анеміи, вызванной изнурительными болѣзнями. Цит. соч. 47.

тельность повышается, уменьшается или извращается и это одинаково наблюдается какъ по отношенію къ чувствительности физической, такъ и нравственной. Нравственная энергія ослабляется до крайности, появляется неувѣренность и постоянныя сомнѣнія въ себѣ, своихъ силахъ и способностяхъ и развивается значительная слабость характера. Подъ дѣйствующимъ вліяніемъ алкоголя человѣкъ становится «другимъ человѣкомъ», по выраженію д-ра Magnan. Онъ преждевременно старѣется. «Вообще алкоголизмъ», по выраженію Lancereaux, «есть не болѣе, какъ преждевременная старость». «Алкоголь», говоритъ Kerr, «разстраиваетъ перцепцію, разстраиваетъ разумъ, парализуетъ волю и убиваетъ совѣсть. Исходной точкой всей этой серіи болѣзненныхъ явленій служитъ извращеніе или недостаточность питанія». Развивается недовольство, мрачное настроеніе и подозрительность, а иногда зарождаются и идеи преслѣдованія. «Кромѣ раздражительности, грусти, недовѣрчивости и подозрительности, плохое питаніе мозга, совмѣстно съ дегенеративными измѣненіями его ткани, вызываетъ развитіе еще худшихъ качествъ: крайняго эгоизма и безсердечія». Гибельна также и «утрата задерживательной способности. Сюда должно отнести постепенное парализованіе воли» и «упадокъ самообладанія» ¹²⁷⁾).

127) Voisin: «Leçons clin. sur les maladies ment.» 231, 244, 250 и 255. Magnan: «De l'alcoolisme», 167; докладъ сенатора Claud, I, 67 и сл.; Kerr, цит. сочин. 173—176. «Если прирожденное слабоуміе и идиотизмъ представляютъ собою крайніи степени вырожденія и деградации нисходящихъ алкоголиковъ», замѣчаетъ Morel, «то значительное число посредствующихъ состояній проявляется наблюдателю умственными уклоненіями и *столь необычайными извращеніями чувствъ*, что напрасно было бы искать выясненіе этихъ аномальныхъ явленій исключительно въ изученіи природы человѣка, уклонившагося отъ своихъ умственныхъ и нравственныхъ цѣлей. Намъ было бы невозможно составить себѣ вѣрное понятіе ни положительныхъ данныхъ, которыя намъ доставляетъ наблюденіе наследственныхъ вліяній, о нѣкоторыхъ физическихъ и нравственныхъ уродствахъ». Traité des dégén., 80. Объ органическихъ измѣненіяхъ, производимыхъ алкоголемъ, см., между прочимъ, у Combe male: «Le descendant. des alcool.» 55—67; Kerr, 172—179; Bouchardat, цит. соч. 299 и сл.; Baer: «Der Alcoholismus», 52 и сл. 66—70. «Питаніе разстроено во всѣхъ органахъ, во всѣхъ системахъ, во всѣхъ тканяхъ», говоритъ Magnan о хроническихъ алкоголикахъ; «сама клетка живетъ другою жизнью», 167. Нервные клетки уменьшаются въ числѣ и подвергаются жировому перерожденію. Luys: «Des malad. ment.» 256. На кровообращеніе вообще и мозговое въ частности пьянство оказываетъ самое пагубное вліяніе. Сосуды, даже мельчайшіе, вслѣдствіе приливовъ крови къ мозгу, ея застоевъ и увеличеннаго давленія во время опьянѣлыхъ состояній, значительно расширяются; ихъ стѣнки подвергаются порчи. Кровь измѣняется въ своемъ составѣ и, повидимому, становится неспособна поглощать кислородъ въ прежней мѣрѣ.

Но самое, быть можетъ, важное въ алкоголизмѣ — это его наследственное вліяніе. «Наиболѣе печальнымъ и, можетъ быть, наиболѣе серьезнымъ изъ безчисленныхъ золъ, производимыхъ алкоголемъ въ человѣческомъ родѣ», замѣчаетъ Kerr, «является наследственная передача, какъ въ видѣ страсти къ пьянству, такъ и въ видѣ патологическихъ измѣненій, вызываемыхъ алкогольнымъ излишествомъ». «Кровь родителей пьяницъ и мощь ихъ такъ истощены, что даже при трезвой матери несчастный ребенокъ часто является на свѣтъ хилымъ, истощеннымъ и тупымъ» ¹²⁸).

Въ своемъ наследственно нарастающемъ вліяніи алкоголизмъ производитъ уменьшеніе физическихъ силъ и органической устойчивости, уменьшеніе роста и размѣра органовъ вообще, увеличеніе смертности, извращеніе инстинктовъ и чувствъ и ослабленіе умственныхъ способностей и силы самообладанія ¹²⁹). Онъ порождаетъ въ потомствѣ

¹²⁸) См. цитир. сочин. 113 и сл. Въ сочиненіи д-ра Combe male, сверхъ описанія того, что независимо отъ наблюдателя представляетъ сама дѣйствительность, мы находимъ еще и описаніе прямыхъ и рассчитанныхъ опытовъ для выясненія вліянія злоупотребленій алкоголемъ на судьбы потомства. Опыты производились авторомъ и проф. Mairet надъ собаками. Спавались до зачатія или во время беременности то самецъ, то самка. Въ результатъ въ потомствѣ получалась мертворожденность, недостаточная жизнеспособность, слабость, хилость и худоба родившихся живыми, различныя весьма важныя аномаліи въ органическомъ развитіи, утрата нѣкоторыхъ чувствъ, лѣность, слабость умственныхъ способностей и проч. Интересно, что самка втораго поколѣнія, уже не отравлявшаяся алкоголемъ и слученная съ сильнымъ и здоровымъ самцомъ, дала частью нежизнеспособное, и частью хилое и аномально развитое потомство. См. цит. соч. 43 и сл. А какое число людей нарождается теперь при подобныхъ же условіяхъ наследственной передачи?! Удивительно-ли послѣ этого, что мы встрѣчаемъ такъ много лицъ, *нежизнеспособныхъ въ общественномъ отношеніи*?!

¹²⁹) См. Claude, цитир. сенатскій докладъ, 68—77; Kerr, цитир. соч. 113, 114 и 115; Combe male, цит. соч. 91. Говоря о вліяніи злоупотребленій алкоголемъ восходящихъ на потомство, Morel замѣчаетъ: «Захирѣніе расы, развитіе паралитическихъ и конвульсивныхъ явленій, дурное образованіе черепа, общее пониженіе интеллектуальныхъ способностей, безнравственность, увеличеніе населенія въ азилахъ и тюрьмахъ—таковы печальныя факты, которые я наблюдалъ всегда и вездѣ съ постояннымъ однообразіемъ». См. цитир. сочин. 352. Въ первомъ поколѣніи, говоритъ Cruveilhier о потомствѣ алкоголиковъ, «появляются безнравственность, развращеніе, злоупотребленія алкоголемъ и нравственное озвѣреніе (abrutissement); во второмъ—наследственное влеченіе къ пьянству, маниакальныя приступы и прогрессивный параличъ; въ третьемъ—склонность къ гипохондріи, лихеманія и влеченіе къ убійству; наконецъ, въ четвертомъ—умственные способности представляются мало развитыми и тупой или идиотичный и деградированный ребенокъ не достигаетъ зрѣлости и раса

своихъ жертвъ слабоумныхъ, идіотовъ, наследственно предрасположенныхъ пьяницъ, обыкновенныхъ и запойныхъ, людей, по всѣмъ своимъ физическимъ и психическимъ особенностямъ часто предрасположенныхъ къ преступленію и всевозможнымъ порокамъ ¹³⁰⁾, невропатовъ, сумасшедшихъ, конвульсіонеровъ, истериковъ и эпилептиковъ. «Алкоголизмъ и преступленіе, это—два явленія общественной жизни, находящіяся въ тѣсной связи другъ съ другомъ. Опытъ большинства странъ показываетъ, что отъ 50 до 60% преступленій совершается подъ вліяніемъ спиртнаго отравленія, и спиртъ, быть можетъ, больше способствуетъ развитію преступныхъ дѣяній человѣка, нежели невѣжество и нищета, обычные спутники правонарушеній». «Мало того, что непосредственными послѣдствіями мѣлкоалкоголизма явля-

угасаетъ». См. Vétault: «Des condit. de la responsabil. au point de vue pénal chez les alcool.» 18. Едва-ли нужно говорить, что приведенная схема представляетъ собою наиболѣе типичную формулу и что въ отдѣльныхъ случаяхъ дѣйствительности степень тяжести разстройствъ и глубины уклоненій какъ у самого злоупотребляющаго алкоголемъ, такъ и у его нисходящихъ въ значительной мѣрѣ будетъ зависеть, съ одной стороны, отъ начальной силы, крѣпости и особенностей организаціи злоупотреблявшаго, иначе говоря, отъ его родословной исторіи и прошедшей личной жизни, предшествовавшей злоупотребленіямъ, а съ другой—отъ продолжительности и степени самыхъ злоупотребленій и сопутствовавшихъ имъ обстоятельствъ повседневной жизни.

¹³⁰⁾ «Въ Америкѣ нашли», говоритъ Dumesnil, «что дѣти, происшедшія отъ родителей пьянецъ, въ десять разъ болѣе, нежели другія дѣти, предрасположены къ преступленію, тюрьмѣ и эшафоту». См. Vétault, цит. соч., 19 и 20. Нѣкто С., 19 лѣтъ, типографъ. Его отецъ былъ пьяница; онъ умеръ отъ туберкулеза. С. помнитъ тѣ ужасныя сцены, которыя онъ дѣлалъ въ семьѣ, когда возвращался домой пьянымъ. Одинъ братъ С. уже подвергся тремъ осужденіямъ за кражи; одна его сестра занимается проституціею. Самъ С. малограмотенъ. Еще маленькимъ онъ сталъ злоупотреблять алкоголемъ и напивался виномъ, ромомъ и абсентомъ. Хотя онъ не испытывалъ нужды и имѣлъ хорошій заработокъ, тѣмъ не менѣе съ 16 лѣтъ онъ началъ заниматься кражами съ магазинныхъ выставокъ. За такія кражи онъ уже подвергся 5 осужденіямъ. Когда онъ проходитъ мимо такихъ выставокъ, онъ чувствуетъ себя притягиваемымъ противъ воли и воруетъ, что ни попадетъ, часто вещи, не имѣющія цѣны, съ которыми онъ не знаетъ, что дѣлать. По его словамъ, онъ имѣлъ только одно сношеніе съ женщиной и это ему опротивѣло. Онъ регулярно онанируетъ два раза въ недѣлю и за стаканъ вина охотно предоставляетъ себя своимъ товарищамъ по заключенію для пассивной педерастіи. Ходить онъ началъ только 18 мѣс., а говорить лишь въ 2 года. У него еще сохраняются молочные зубы. Отъ своего отца онъ унаследовалъ чахотку. «Arch. d'anthropol. crim.»: «Les dégénérés dans les pris.» 569. См. другіе сходные случаи, приведенные въ этой работѣ и въ работѣ д-ра Grenier. О связи алкоголизма съ преступностью см., между прочимъ, докладъ сенатора Claud'a, I, 224 и сл. Luys, цитир. соч. 253.

ются бѣдность нищета, извращеніе нравственнаго чувства, распушенность нравовъ, помѣшательство кратковременное или продолжительное, но всѣ эти болѣе или менѣе прямые исходы служатъ удобной почвой, на которой зарождаются и зрѣютъ моменты, побуждающіе и наталкивающіе на преступленіе», ¹³¹⁾. «Эпилепсія», замѣчаетъ д-ръ Grenier, «представляетъ собою неврозъ, который можно разсматривать, почти какъ характеристичныи для потомства алкоголиковъ» ¹³²⁾. Въ 188 наблюденіяхъ семей пьяницъ этого автора насчи-

¹³¹⁾ См. цитир. стат. проф. Мержеевскаго 14 и 16. «Множество сумасшедшихъ, эпилептиковъ, идиотовъ, слабоумныхъ, истериковъ и всевозможныхъ невропатовъ вообще», говоритъ въ своемъ отчетѣ главный врачъ одного азіля для душевно больныхъ, «суть дѣти алкоголиковъ». «Въ извѣстныхъ дозахъ алкоголь ужасный ядъ», замѣчаетъ главный врачъ другаго азіля. Его разрушительное вліяніе обнаруживается не только на индивидуумѣ, который имъ злоупотребляетъ, но также и на его потомствѣ и, такимъ образомъ, алкоголь становится причиною вырожденія породы. Въ настоящее время его необходимо разсматривать, какъ дѣйствительное бѣдствіе, которое влечетъ за собою болѣзнь, вырожденіе, обезлюживаніе (*dérépopulation*), самоубійства и сумасшествія». См. докладъ сенат. Claud'a II, 265 и 196». Вообще въ немъ крайне интересны выдержки изъ отчетовъ директоровъ заведеній для душевно-больныхъ. II, 154—293. «Не доказано ли въ настоящее время», замѣчаетъ Legrand du Sault, «что дѣти, зачатые во время опьяненія, при отсутствіи, конечно, постоянныхъ разстройствъ, порождаемыхъ хроническимъ алкоголизмомъ, часто бываютъ эпилептиками или идиотами? Эти явленія были предчувствуемы издавна. Одинъ карфагенскій законъ запрещалъ употребленіе всѣхъ другихъ напитковъ, исключая воды, въ дни супружескаго сожитія, а Амуот говоритъ своимъ картиннымъ языкомъ, что «пьяница не производитъ ничего годнаго», *Les épilept.*, 142. «Пьянство и сумасшествіе», замѣчаетъ Kerg, «имѣютъ общее въ наслѣдственности. Пьяницы родители могутъ произвести на свѣтъ сумасшедшаго и сумасшедшій — пьяницъ дѣтей. Далѣе, потомство душевно-больнаго родителя поражается очень разнообразными неврозами: одинъ идиотъ, другой эпилептикъ, третій сходитъ съ ума въ періодъ отрочества, четвертый пьяница, пятый нейрастеникъ. То же самое мы видимъ въ потомствѣ многихъ пьяницъ: одинъ душевно-больной, другой истеричный, третій меланхоликъ, четвертый астматикъ, пятый пьяница». Д-ръ Howe въ своемъ извѣстномъ отчетѣ объ идиотизмѣ въ Массачузеттѣ сообщаетъ, что изъ 300 идиотовъ почти половина имѣла родителей запойныхъ пьяницъ; тотъ же авторъ приводилъ случай, гдѣ пьяница былъ отцомъ семьи идиотовъ». «На митингѣ британскаго медицинскаго общества въ Кембриджѣ д-ръ Fletcher Welch заявилъ, что на 430 случаевъ, бывшихъ подъ его наблюденіемъ, 31,6% дѣтей-идиотовъ были потомками дѣтей пьяницъ. Въ частной практикѣ и постоянно сталкиваюсь съ доказательствами вліянія алкогольныхъ излишествъ родителей на возникновеніе тупоумія въ послѣдующихъ поколѣніяхъ. Всѣ мои сосоварищи по специальности раздѣляютъ то же мнѣніе». См. цитир. сочиненіе 25 и 115.

¹³²⁾ См. цитир. сочиненіе. 95; см. также, стр. 45 и сл., 54 и сл., 62 и сл.

тывается 142 конвульсіонера. Изъ нихъ 46 эпилептиковъ, 17 истериковъ и 79 страдавшихъ конвульсіями въ раннемъ дѣтствѣ ¹³³).

Приведу здѣсь одно изъ многочисленныхъ наблюденій. Нѣкто К., слабоумный мальчикъ, 12 лѣтъ; онъ не могъ научиться ни читать, ни писать. Онъ представляетъ извращеніе инстинктовъ и грозитъ отцу и матери убійствомъ. Въ трехлѣтнемъ возрастѣ К. страдалъ судорогами и его говорящая за себя родословная представляется въ слѣдующемъ видѣ.

О т ц о в с к а я л и н і я.			Материнская линія.		
Два двоюродныхъ дѣда пьаницы и развратники.	Дѣдъ первично слабоумный.		Бабка, нервная женщина, страдавшая нервными припадками.		?
	Отецъ застарѣлый пьаница; онъ умеръ истощенный отъ пьянства.		Мать 57 лѣтъ, пьаница и страдаетъ истеричными припадками.		
I.	II.	III.	IV.	V.	VI.
Дочь 36 лѣтъ; истерична; имѣла 9 чел. дѣтей, многія изъ которыхъ умерли отъ конвульсій	Дочь 36 лѣтъ; слабая, шепелявить.	Дочь 29 лѣтъ; очень нервная.	Сынъ 24 лѣтъ; эпилептикъ.	Дочь 17 лѣтъ; очень нервная; блѣднѣетъ и начинаетъ дрожать при малѣйшемъ поводѣ.	Больной К., особенности котораго описаны выше ¹³⁴).

¹³³) Вѣдѣхъ наблюдавшихся имъ больныхъ эпилептиковъ, родословныя которыхъ извѣстны (ихъ 83 чел.), д-ръ Martin дѣлитъ на 2 группы. Къ первой (включающей 60 чел.) онъ относитъ тѣхъ изъ нихъ, злоупотребленія алкоголемъ со стороны родителей которыхъ достовѣрны, а ко 2-й (включающей 23 чел.) тѣхъ, у родителей которыхъ такія злоупотребленія сомнительны или вовсе не имѣли мѣста. Первые имѣли 244 брата и сестры. Изъ нихъ 48 страдали конвульсіями въ раннемъ дѣтствѣ; 132 чел. уже умерло и только 112 выжили. Это были еще молодые люди, при чемъ нѣкоторые уже страдали болѣе или менѣе серьезными нервными расстройствами. Вторые имѣли 83 брата и сестры. Изъ нихъ только 10 страдали конвульсіями; 37 чел. уже умерло, а 46 оставались въ живыхъ. См. Ann. méd.-psych. 1879 г. «De l'alcoolisme des parents consid. comme cause d'épilepsie chez leurs desc.». По Lavareau, наблюденія котораго охватываютъ 83 семьи, имѣвшихъ одного или нѣсколько членовъ, страдавшихъ болѣзнями алкогольнаго происхожденія, изъ 410 дѣтей 69 чел. умерло отъ болѣзней, не касавшихся нервной системы, 100 чел. умерло отъ конвульсій въ раннемъ возрастѣ, а изъ 241 оставшихся въ живыхъ 83 было эпилептика. По наблюденію Bouneville, изъ 350 эпилептиковъ 136 чел. имѣли восходящими алкоголиковъ. См. Desforges, цитир. сочин. 14 и сл. См. также на стр. 16 подробную таблицу родословной 350 эпилептиковъ Bouneville, въ которой, кромѣ алкоголизма, указаны и все прочіе неблагопріятные прецеденты наследственности.

¹³⁴) Grenier, цитир. сочин. 21. На основаніи изученныхъ имъ особенностей

Таковъ одинъ изъ множества примѣровъ коротко пересказанныхъ семейныхъ исторій алкоголиковъ и таковы въ общихъ чертахъ физическія и психическія качества ихъ несчастнаго потомства, которымъ они пагубляютъ общество и которое становится въ немъ его полноправными членами. Не трудно предвидѣть, какое вліяніе можетъ оказывать такое потомство на ходъ общественной жизни и во что оно часто можетъ обходиться обществу ¹³⁵⁾.

188 семей алкоголиковъ, этотъ авторъ приходитъ, между прочимъ, къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) Алкоголизмъ есть одна изъ причинъ вырожденія. 2) Нисходящіе алкоголиковъ часто представляютъ собою низшія существа. Они въ значительной пропорціи принадлежатъ къ категоріямъ идіотовъ, слабоумныхъ и тупоумныхъ. 3) Болѣзненное вліяніе родителей достигаетъ maximum'a, когда зачатіе имѣло мѣсто въ моментъ опьяненія одного или обоихъ супруговъ. 4) Наслѣдственники алкоголиковъ представляютъ ясно выраженную наклонность къ злоупотребленіямъ алкоголемъ. Они сами въ значительномъ числѣ—по нашимъ статистическимъ даннымъ около половины—становятся алкоголиками. 5) Большое число неврозовъ имѣетъ своей главной причиной алкоголизмъ восходящихъ поколѣній. 6) Большая часть дѣтей алкоголиковъ страдаетъ конвульсіями въ раннемъ дѣтствѣ. Эпилепсія потомства представляетъ собою неврозъ, который можно разсматривать почти какъ характеристическое слѣдствіе алкоголизма родителей. См. цитир. соч., 95. Одинъ прекрасный работникъ предался пьянству и умеръ отъ хроническаго алкоголизма, оставивъ 7 челов. дѣтей, рожденныхъ послѣ начала злоупотребленій. Два первыхъ умерли въ раннемъ дѣтствѣ въ конвульсіяхъ. Третій двадцати двухъ лѣтъ впалъ въ душевное разстройство и умеръ слабоумнымъ. Четвертый впалъ въ идіотизмъ послѣ попытки самоубійства. Пятый, мизантропъ и крайне раздражительный человекъ; онъ порвалъ всѣ отношенія со всѣми членами своей семьи. Его сестра страдаетъ истеріей и перемежающимся душевнымъ разстройствомъ. Седьмой, весьма развитой рабочій, отличается очень нервнымъ темпераментомъ и заставляетъ опасаться за его будущность. Заим. изъ сочин. Ribot: «L'hérédité» пер. изд. 123 и сл.

¹³⁵⁾ Относительно заключительныхъ поколѣній въ семьяхъ алкоголиковъ можно повторить лишь слова Morel'я. «Существуютъ индивидуумы», говоритъ онъ, «которые резюмируютъ въ своемъ лицѣ порочныя органическія наклонности нѣсколькихъ предшествующихъ генерацій». Выражающіяся разновидности потомства алкоголиковъ Morel подраздѣляетъ на двѣ группы. «Первая разновидность», говоритъ онъ, «включаетъ въ себя тѣ натуры, которыя не поддались бы опредѣленію, если бы ихъ не приурочить къ ихъ дѣйствительному источнику. Индивидуумы, рожденные въ такихъ фатальныхъ условіяхъ, съ раннихъ поръ отличаются извращеніемъ своихъ влеченій. Они странны, раздражительны, буйны, съ трудомъ сносятъ узду дисциплины и чаще всего не поддаются никакому воспитанію. Они инстинктивно предаются злу, и ихъ вредныя и извращен-

Помимо всего прочаго, въ явленіяхъ алкогольнаго отравленія значительный интересъ для криминалиста представляетъ развитіе явленій импульсивности, а часто и господства слѣпыхъ и неудержимыхъ влеченій, съ полнымъ и рельефнымъ проявленіемъ которыхъ мы встрѣтимся—на что я считаю нужнымъ обратить особое вниманіе читателя—и у близкихъ родственниковъ алкоголиковъ—эпилептиковъ ¹³⁶). «Часто мысль объ убійствѣ проявляется совмѣстно съ мономаніей самоубійства», говоритъ объ алкоголикахъ Bièrre de Boismonct. «Нѣтъ ничего болѣе обыкновеннаго, какъ присутствовать при сценахъ ярости, во время которыхъ эти несчастные восклицаютъ: «Я хочу убить себя, но предварительно я убью мою жену, мою любовницу, моихъ дѣтей» ¹³⁷). Въ дѣлѣ Henry

ценныя дѣйствія часто неосновательно обозначаются именемъ мономаній. Одна изъ существенныхъ интеллектуальныхъ особенностей, которая отмѣчаетъ эти выражающіяся разновидности, состоитъ въ томъ, что нѣкоторыя особенности, замѣчавшіяся въ молодые годы, исчезаютъ, такъ сказать, внезапно. Индивидуумы впадаютъ въ преждевременное слабоуміе и ихъ интеллектуальное существованіе ограничено». «Вторая категория наследственныхъ трансформаций въ расахъ включаетъ въ себя тѣ вырождающіяся существа, которыя вульгарно обозначаются именемъ слабоумныхъ и идіотовъ». «Я замѣтилъ», говоритъ въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ, «раннее развитіе самыхъ жестокихъ инстинктовъ у многихъ дѣтей, рожденныхъ отъ алкоголиковъ». При этомъ онъ приводитъ исторію сына одного господина, занимавшаго видное положеніе въ обществѣ и втихомолку предававшагося чрезмѣрнымъ злоупотребленіямъ алкоголемъ. Изъ его 5 дѣтей выжилъ только одинъ сынъ. Несмотря на заботливое воспитаніе, этотъ послѣдній съ раннихъ поръ началъ проявлять самые жестокіе инстинкты и испытывалъ наслажденіе мучить животныхъ съ неслыханной и изысканной жестокостью. Будучи только 5 лѣтъ отъ роду, онъ уже отнималъ у животныхъ ихъ дѣтенышей, чинилъ надъ ними родъ суда и потомъ убивалъ ихъ на глазахъ ихъ матерей. И онъ продолжалъ все это, не смотря на самыя строгія наказанія. Закончилъ онъ свое грустное существованіе пьянствомъ и сумасшествіемъ. «Другой», прибавляетъ Morel, «будучи еще 3 лѣтъ, внушалъ уже ужасъ маленькимъ дѣтямъ своей окружи, которыхъ онъ подвергалъ невѣроятнымъ мучительствамъ». «Traité des dégéné.» 62, 391 и сл., 116 и сл.

¹³⁶) Vétault, цит. соч., 13, 37 и сл., 60.

¹³⁷) Цитировано по соч. Vétault, 17. Gall рассказываетъ про нѣкую Марію Franck, которая была казнена въ 1802 г. за двѣнадцать совершенныхъ ею поджоговъ. Во время казни ей было 38 лѣтъ. Это была женщина почти безграмотная и обладавшая весьма ограниченными умственными способностями. Въ молодости она много разъ страдала болѣзнями, по поводу которыхъ обращалась не къ врачу, а къ заклинателю изъ монастыря францисканцевъ. Своего мужа, который обращался съ нею весьма дурно, Маріа не любила и не была съ нимъ счастлива. Впослѣдствіи она предалась пьянству и для добыванія средствъ на водку стала обкрадывать мужа. Однажды въ обитаемой ею мѣстности случился пожаръ, на которомъ она присутствовала. Съ этихъ поръ въ ней зародилось желаніе совершать поджоги. Послѣднее «вырождалось въ не-

убійца, вооруженный ножомъ, который онъ предназначалъ для другаго употребленія, внезапно обратился къ женщинѣ, находившейся по близости, и сказалъ ей: «Эй ты, женщина, я хочу убить тебя, спасайся». Преслѣдуя ее, онъ встрѣтилъ троихъ и послѣдовательно нанесъ имъ удары. Послѣ этого Henry сталъ покоенъ; онъ обратился къ своему другу и сказалъ ему: «Прійдешь ли ты»? Но на крикъ: убійца, онъ бросилъ свой ножъ, кинулся бѣжать и, прибѣжавъ домой, легъ въ постель. На другой день онъ выражалъ крайнее удивленіе и ничего не помнилъ ¹³⁸⁾).

«Прежде я имѣлъ въ своемъ отдѣленіи», рассказываетъ Max Simon, «нѣкоего S., издавна предававшагося злоупотребленіямъ алкоголемъ. Подъ ихъ повторнымъ вліяніемъ онъ впалъ въ состояніе *ужаснаго ослабленія*, за которымъ слѣдовали бурные приступы маниакальнаго возбужденія. Во время послѣднихъ S. испытывалъ крайне опасныя импульсивныя влеченія и ощущалъ потребность убивать. Въ теченіе одного изъ такихъ приступовъ, подчиняясь импульсу, онъ схватилъ молотъ и имъ нанесъ страшный ударъ лошади. Послѣ этого онъ разбилъ выставочное окно у одной лавки и началъ выбрасывать на улицу все, что ему попадалось подъ руку» ^{138*)}).

Д-ръ Motet передаетъ слѣдующій случай. Нѣкто А., мясникъ по профессіи и привычный пьяница, пилъ ежедневно и постоянно находился подъ дѣйствіемъ алкоголя, хотя и могъ исполнять всѣ свои обязанности, не обращая на себя вниманія. Однажды хозяинъ поручилъ ему съ другимъ его товарищемъ разлить въ погребѣ вино по бутылкамъ. Разливатели, конечно, не вытерпѣли и сами хорошо выпили. Когда А. вышелъ потомъ изъ погреба, то онъ почти немедленно былъ охваченъ приступомъ какого-то бѣшенства. Онъ схватилъ ножъ и безъ всякой ссоры, безъ всякаго повода, очевидно, руководимый только слѣпымъ безотчетнымъ импульсомъ, ударилъ имъ своего товарища, а потомъ себя. Приведенный въ полицейскій постъ, онъ находился часть ночи въ бреду, а потомъ впалъ въ тяжелый

удержимое влеченіе» каждый разъ, когда она выпивала водки. Не смотря на страхъ и раскаяніе, испытываемые ею всякій разъ послѣ совершения преступленій, она все снова и снова повторяла ихъ. Уличенная на тринадцатой попыткѣ, она многократно была подвергнута медицинскому осмотру, но врачи заявили, что въ ней не замѣчается никакихъ признаковъ сумасшествія. Она выслушала свой приговоръ съ христіанской покорностью и была обезглавлена, а тѣло ея было сожжено. «Sur les fonctions du cerveau», 4 т., 158 и сл.

¹³⁹⁾ Vétault, цитир. сочин. 59.

^{138*)} «Crimes et delits dans la folie», 59.

сонъ. На утро онъ рѣшительно ничего не помнилъ и сначала не вѣрилъ тому, что ему рассказывали. Даже собственная рана ничего не могла пробудить въ его памяти.

Тотъ же д-ръ Motet рассказываетъ и другой сходный случай, съ тою лишь разницею, что герой послѣдней драмы не былъ привычнымъ пьяницей. Онъ обычно работалъ въ сгущенномъ воздухѣ и однажды, завлеченный товарищами въ кабакъ, выпилъ черезъ мѣру. Выйдя изъ кабака въ состояніи полного опьяненія, онъ безъ всякаго повода и не говоря ни слова яростно напалъ съ ножомъ въ рукахъ на стоявшую на улицѣ кучку незнакомыхъ людей и тяжело ранилъ четырехъ лицъ. Приведенный въ полицейскій постъ, онъ тяжело заснулъ и на другой день также ничего не помнилъ. Онъ не говорилъ, что приписываемое ему невозможно, но утверждалъ лишь, что не знаетъ, какъ все это могло случиться. Его воспоминанія обрывались на томъ моментѣ, когда его покинулъ провожавшій его каватчикъ при началѣ бульвара Diderot. Все случившееся потомъ задержала темная ночь ¹³⁹).

Despine обратилъ, между прочимъ, особое вниманіе на особую форму вліянія алкоголя. По его словамъ, эта форма алкогольнаго отравленія неизвѣстна публикѣ и недостаточно оцѣнивается большинствомъ юристовъ, судей и даже медиковъ. При этой формѣ отравленія, зависящей конечно отъ особенностей натуры отравляющагося, инстинктивная сторона подвергается особенно сильному вліянію. Ея разстройства характеризуются извращеніемъ и возбужденіемъ. Нравственные чувства подавляются и на время какъ бы исчезаютъ совершенно, замѣняясь самыми дурными страстями, которыя властно господствуютъ тогда надъ психикою и увлекаютъ человѣка къ страннымъ, вреднымъ и преступнымъ поступкамъ. «Хорошіе инстинкты исчезаютъ и замѣняются самыми причудливыми, дурными и разрушительными». Напротивъ, умственные способности по внѣшности сохраняются почти нетронутыми и двигательная сфера не только не подавляется и не расслабляется, а часто пріобрѣтаетъ еще особую силу. При этой-то формѣ отравленія часто и развиваются характеризующіе и импульсивное сумасшествіе слѣпыя, бессмысленные и неудержимые импульсы къ самоубійству, убійству и другимъ разрушительнымъ дѣйствіямъ ¹⁴⁰). Въ сочиненіяхъ Despine приведено мно-

¹³⁹) Vétault, цит. сочин. 69 и сл., 72 и сл. См. также и многія другія наблюденія, собранныя въ этой работѣ.

¹⁴⁰) „Psychologie natur.“, II, 475 и сл.; „De la folie“, 443 и сл. Здѣсь весьма интересно отмѣтить разительное сходство этихъ временныхъ состояній, вызываемыхъ раздраженіями различныхъ отдѣловъ нервной системы, порождаемыхъ

жество подобныхъ примѣровъ. Въ одномъ изъ нихъ трое рабочихъ, обычно предававшихся злоупотребленіямъ алкоголемъ, подъ вліяніемъ этого послѣдняго и не будучи на видъ пьяными совершили ужасное избіеніе, подчиняясь исключительно слѣпому влеченію драться и убивать. Въ другомъ случаѣ нѣкто D., подъ вліяніемъ того же фактора, заявилъ своему товарищу, что онъ хочетъ купить ножъ и вечеромъ убить нѣкоего Tronche, а потомъ онъ сказалъ и самому Tronch'у, что ему очень хочется взять ножикъ и всадить ему его въ животъ, что онъ потомъ и исполнилъ изъ засады. Въ третьемъ случаѣ нѣкто Gautier, лѣнтяй и привычный пьяница, подъ вліяніемъ постоянныхъ злоупотребленій алкоголемъ, билъ свою жену, самъ «не зная почему», и, наконецъ, также «не зная почему» убилъ ее, а потомъ двѣ ночи приходилъ спать на ту самую постель, на которой лежалъ трупъ убитой. Наконецъ, въ четвертомъ случаѣ одинъ механикъ Negtan, лишь только вышивалъ, то *начиналъ видѣть исключительно дурныя стороны всего и питать отвращеніе ко всему человеческому роду*. Въ такіе моменты собственное существованіе становилось ему въ тягость и онъ не замедлилъ покончить съ нимъ въ одинъ изъ подобныхъ періодовъ опьянѣнія ¹⁴¹⁾. Esquirol также приводитъ случаи одной публичной женщины и одного сапожника, которые неиз-

алкогольнымъ отравленіемъ, съ тѣми постоянными состояніями дурнаго само-чувствія, которыя иногда наблюдаются, какъ мы уже видѣли, у нисходящихъ алкоголиковъ и у наслѣдственныхниковъ вообще и характеризуются названіемъ нравственнаго извращенія и помѣшательства. Лица, отличающіеся такими особенностями опьяненія представляютъ значительныя черты сродства съ тѣми, которыхъ Legrand du Saulle описалъ подъ именемъ *épileptiques diflus* и которыя также весьма склонны къ злоупотребленіямъ алкоголемъ. Они не теряютъ сознанія во время опьяненія, въ которомъ находятся почти непрерывно. Legrand du Saulle описываетъ ихъ, какъ людей раздражительныхъ, пристрастныхъ, злыхъ и лишенныхъ нравственнаго чувства. Ихъ дурныя и порочныя поступки внезапны и непредвидѣнны. Они заставляютъ ненавидѣть себя повсюду, гдѣ только появляются. *Les épilept.*, 136 и сл.

¹⁴¹⁾ «Psychologie natur.», II, 478—591; «De la folie», 445—459. Тотъ же авторъ приводитъ случай одной женщины, которая явилась въ состояніи опьянѣнія въ одинъ изъ лондонскихъ госпиталей съ отрѣзанною кистью руки. Она заявила при входѣ, что забыла руку дома и пришла узнать, нельзя ли ее снова приставить. «Это была, увѣряю васъ, прелестная рука» говорила она. Оказалось, что она намеренно сама себя отрѣзала руку въ состояніи опьянѣнія. «De la fol.», 448. Приведи одинъ изъ случаевъ извращенія нравственной стороны подъ вліяніемъ алкоголя, Despine замѣчаетъ: «Происходитъ полное измѣненіе въ обычныхъ чувствахъ этого индивидуума; мрачныя и бурныя страсти охватываютъ его душу, заглушаютъ въ немъ все добрыя чувства и направля-

мѣнно испытывали всегда неодолимое влеченіе къ самоубійству, лишь только приходили въ опьянѣлое состояніе ¹⁴²⁾).

Многія сходныя явленія, особенно въ отношеніяхъ, занимающихъ криминалиста, наблюдаются и въ случаяхъ близкой родственницы алкоголизма—эпилепсіи, которая, по выраженію д-ра Magnan, является

ють его мысль безъ того, чтобы какое либо нравственное чувство, какой либо элементъ разума явился противодѣйствовать пагубному желанію, возникшему подъ вліяніемъ горячительнаго напитка». Тамъ же, 446

142) «Des malad. mental.», 291. «Ты увидишь, что я сейчасъ сдѣлаю», внезапно заявилъ послѣ долгой попойки одинъ изъ кутившихъ другому. И съ этими словами онъ ни съ того, ни съ сего перерѣзалъ себѣ горло. Тамъ же, 449. И подобныя, а также и еще болѣе ужасныя движенія души порождаются раздраженіями, вызываемыми алкоголемъ, который государства столь легко-мысленно дѣлаютъ одной изъ наиболѣе важныхъ статей своего дохода, вовсе почти не заботясь объ ужасныхъ слѣдствіяхъ злоупотребленія имъ—нравственнымъ извращеніи породы. «Наше общество и нашъ законъ», справедливо замѣчаетъ проф. Ковалевскій, «считаютъ пьянство порокомъ. Общество порицаетъ пьянство. Законъ запрещаетъ пьянство «всѣмъ и каждому». Но это не препятствуетъ обществу спиваться, а высшей администраціи способствовать добыванію и распространенію алкоголя въ обществѣ. Странный дуализмъ». «Пьянство», 3 и сл. Но такое небреженіе не проходитъ даромъ и влечетъ за собою дорогую расплату. Широко распространяющійся алкоголизмъ играетъ важную роль въ печальныхъ народныхъ движеніяхъ. Такую роль онъ игралъ непосредственно и посредственно, напр., въ несчастномъ парижскомъ междоусобіи, послѣдовавшемъ за несчастной войной, какъ о томъ свидѣлствуютъ многіе изслѣдователи и приводимые ими факты. Rossel заявилъ, напр., при допросѣ, что войска Коммуны были крайне недисциплинированы и что главной причиной дезорганизаціи этихъ войскъ было пьянство. «Во время недавняго посѣщенія руанской тюрьмы», писалъ въ 1871 г. Д-ръ Morel въ *Nouvelliste de Rouen*, «мы съ докторомъ Vingtrinier произвели медицинское изслѣдованіе 150 дѣтей отъ 10 до 17 лѣтъ, большинство изъ которыхъ было захвачено съ оружіемъ въ рукахъ на баррикадахъ. Это изслѣдованіе подтвердило мои предшествующія убѣжденія о пагубномъ вліяніи алкоголя не только на индивидуумовъ, злоупотреблявшихъ имъ, но также и на нисходящихъ тѣхъ, которые предавались употребленію этого отвратительнаго напитка. Они поистинѣ достойныя дѣти ихъ отцевъ, эти скороспѣлые убійцы и поджигатели, фizioноміи которыхъ носятъ тройственный отпечатокъ вырожденія умственнаго, физическаго и нравственнаго. Они намъ представили раздирающую душу картину, которая способна заставить задуматься моралистовъ. Дурныя и иногда отталкивающія фizioноміи, несимметричныя головы съ отсутствіемъ гармоніи, ростъ ниже средней — вотъ физическіе признаки этихъ несчастныхъ дѣтей. На 150 чел. мы съ трудомъ нашли 10 симпатичныхъ лицъ. Юноша 17 лѣтъ казался имѣющимъ не болѣе 14, а четырнадцатилѣтняго едва можно было признать

«болѣзнью существенно наследственной» ¹⁴³⁾ и которая представляет для насъ большой интересъ также и по особенностямъ характера большинства страдающихъ ею въ промежутки между приступами явными или замаскированными, т. е. такими, при которыхъ не наблюдается обычныхъ физическихъ проявленій эпилепсiи. Последнія замѣщаются одними психическими извращеніями, отмѣченными механически принудительнымъ характеромъ ¹⁴⁴⁾.

«Характеръ, свойственный каждому индивидууму», говоритъ Legendre du Saulle, «есть нравственная результирующая особенностей его организациі». Такую нравственную результирующую представляет собою и развивающійся на почвѣ органическаго вырожденія обычный характеръ эпилептиковъ, напоминающій нѣкоторыми своими чертами

за десятилѣтняго. Отсутствие нравственнаго чувства проявлялось съ очевидностью у большинства. Между тѣмъ они почти все умѣли читать и писать; только 15 чел. были безграмотны. См. Laborde «Les hommes et les actes de l'insurrection. de Paris, 92—125; Despine: «De la fol», 459, 460 и 461, а также главу «Epidemie morale qui a présidé aux désastres de Paris sous la Commune», 771—805. При этомъ необходимо замѣтить, что никакъ нельзя согласиться съ замѣчаніями послѣдняго автора о достоинствахъ самыхъ воззрѣній и идей, которыя высказывались и во имя которыхъ совершались многія народныя движенія. Нераціональный строй отношеній, осуждаемый съ точки зрѣнія этихъ идей, несомнѣнно вырабатываетъ выражающіяся разновидности, которыя обыкновенно принимаютъ значительную долю участія въ подготовляющихся недостатками этого строя движеніяхъ и которыя слишкомъ часто придаютъ послѣднимъ ихъ дурныя, часто ужасныя и отталкивающія формы. Но вина въ томъ не новыхъ идей, а строя отношеній, обуславливающаго вырожденія и печальныя народныя движенія со всеми ихъ ужасами. Каковы бы ни были нравственныя аномаліи, развращеніе и деградация даже громаднаго большинства дѣятелей тѣхъ или другихъ движеній, они не должны заслонять отъ насъ содержанія самыхъ воззрѣній, защиту и проведеніе которыхъ они на себя принимаютъ. Мы должны умѣть строго различать то и другое. Способны ли были данные дѣятели осуществить и правильно провести въ жизнь защищаемыя ими идеи—вопросъ иной, рѣшеніе котораго не можетъ и не должно вліять на нашу оцѣнку достоинства послѣднихъ.

¹⁴³⁾ „Leçon cliniq. sur l'épilep.“, 4; см. также Dejerine: L'hérédité dans les malad. du système nerveux“, 114 и 116. „Болѣзни нервной системы“, говоритъ Féré, проявляются ли онѣ психическими, сенсоріальными или двигательными расстройствами, представляютъ между собою большое сходство и многочисленныя точки соприкосновенія“; „можно сказать, что онѣ образуютъ одну семью неразрывно объединенную законами наследственности. Эта громадная болѣзненная семья не изолирована вполне отъ другихъ патологическихъ группъ; но ея связи съ вырожденіями и съ болѣзнями питанія только увеличиваютъ неумолимую фатальность ея эволюціи“. „La famille neuropathique“. Archiv. de neurol., январь 1884 г.

характеръ ихъ близкихъ родственниковъ—алкоголиковъ, вырабатывающійся у послѣднихъ въ результатъ совершаемыхъ ими злоупотребленій. «Раздражительность и гнѣвъ суть выдающіяся особенности темперамента этихъ больныхъ», говоритъ Morel ¹⁴⁵), а Falret прибавляетъ: «Переменяемость ихъ чувствъ, такъ же, какъ и ихъ умственныхъ способностей есть выдающаяся черта ихъ характера» ¹⁴⁶). Раздражительность, о которой упоминаетъ Morel, обща эпилептикамъ съ нервными людьми вообще, но у нихъ она, какъ и импульсивность, достигаетъ крайней степени и можетъ равняться лишь съ ихъ чрезмѣрною впечатлительностью къ вліяніямъ изъ окружающей среды ¹⁴⁷), которыя необычайно легко вызываютъ у нихъ нарушеніе въ мозговомъ кровообращеніи и безпорядочныя распределенія крови, въ свою очередь являющіяся, повидимому, исходными моментами самыхъ бурныхъ проявленій. «Одного слова, одного жеста достаточно, чтобы ихъ раздражить», замѣчаетъ Morel. «Нѣкоторые не могутъ выносить вашего взгляда; если ихъ фиксируютъ—они омрачаются, ихъ венозная система переполняется, кровь приливаетъ къ головѣ, глаза дѣлаются блестящими и гнѣвъ раздражается» ¹⁴⁸). Эта доведенная до крайности впечатлительность и раздражительность всей нервной системы, не выключая и нервной системы растительной жизни, порождающая подъ вліяніемъ постоянно дѣйствующихъ стимуловъ массу чрезвычайно не-

¹⁴⁴) Legr. du Saulle „Les épilept.“ 84.

¹⁴⁵) «Traité des malad. ment.», 699.

¹⁴⁶) J. Falret: «De l'état mental des épileptiques», 13; см. также 10—13.

¹⁴⁷) Morel, цит. соч., 199. Falret, цитир. сочин., 11.

¹⁴⁸) Тамъ же. Эпилептические приступы весьма нерѣдко предшествуются ощущеніемъ восхожденія крови отъ сердца къ головѣ, распространенія жара въ направленіи къ послѣдней, жара въ лицѣ, ушахъ и пр., при чемъ лицо и голова дѣйствительно дѣлаются красными и переполняются кровью. Въ другихъ случаяхъ эти приступы, напротивъ, предшествуются ощущеніемъ пустоты въ головѣ и страшнымъ поблѣднѣніемъ лица: Le Bel: «Des épilepsies», 26, 27, 28, 35, 36, 40, 48, 51. Krafft-Ebing: «Lehrb. der Psychiatr.» 2 изд., II т., 182. Esquirol, I, 199. Весьма большой интересъ представляютъ опыты лѣченія нѣкоторыхъ случаевъ эпилепсiи посредствомъ перевязки приносящихъ кровь къ мозгу позвоночныхъ артерій или постоянного нажатія особымъ аппаратомъ каротидъ. Такъ, напр., 7-лѣтній ребенокъ, идіотъ, происходившій отъ родителей алкоголиковъ, страдалъ эпилепсiей съ 22 мѣсячнаго возраста. Перевязка у него лѣвой позвоночной артерiи уменьшила эпилептические приступы, а послѣдующая перевязка и правой такой же артерiи устранила ихъ вполне и значительно прояснила умственные способности. Сходныя явленія наблюдались и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ перевязки и нажатія. Le Bel, цит. соч., 12 и 13; см. также 16, 17, 18 и 24. См. Magnan: «Leçons cliniq. sur l'épilept.», 6.

пріятныхъ и болѣзненныхъ ощущеній, изъ которыхъ и слагается самочувствіе эпилептиковъ часто съ злобнымъ оттѣнкомъ, чувство недостаточности силы и запасовъ ея, большая склонность нервно-кровеносной системы къ безпорядочнымъ распредѣленіямъ крови по органамъ и ихъ нервнымъ центрамъ и къ чрезмѣрнымъ скопленіямъ и приливамъ крови, часто влекущимъ за собой большую или меньшую степень потемнѣнія и утраты сознанія, слѣпыя и неудержимыя разряженія скопившагося раздраженія ¹⁴⁹⁾ и, наконецъ, вытекающія изъ всего этого измѣнчивость, неустойчивость и бѣглость настроеній, повышенность самочувствія и почти постоянныя эгоистическія сосредоточиванія на себѣ — представляютъ собою, повидимому, наиболѣе основныя и выдающіяся черты характера большинства эпилептиковъ, какъ таковыхъ ¹⁵⁰⁾, изъ которыхъ въ свою очередь развиваются и къ которымъ присоединяются и другія ¹⁵¹⁾. «Большинство эпилептиковъ», говоритъ Шюле, «отличается особеннымъ складомъ ума и настроенія». «Это такъ называемый *эпилептический характеръ*. Онъ «заключается въ чрезвычайной раздражительности, въ болѣзненной вспыльчивости, которая, подобно конвульсивной судорогѣ, неудержимо влечетъ къ двигательному разряженію, по большей части въ формѣ насплія. Это утрюмые, подозрительные, правные люди, живущіе въ разладѣ сами съ собою и съ другими». «Но, рядомъ съ этимъ мрачнымъ, отталкивающимъ обликомъ, эпилептическая конституція проявляетъ и черты болѣзненной веселости, — однакоже, опять-таки не вселяющія довѣрія, непонятныя, не мотивированныя, идущія не изъ сознающей свое благополучіе души». «Въ умственной области тѣ же шатанія, тѣ же безпричинные переходы изъ одной крайности въ другую: умственная вялость и неподвижность неожиданно смѣняется шумнымъ теченіемъ представленій, форсированнымъ вниманіемъ, — и все это безпорядочно, непредвидѣнно. — Та же исторія и въ поступкахъ». «Если съ антро-

¹⁴⁹⁾ «Одинъ заключенный эпилептикъ, которому я пускалъ токъ», рассказываетъ Lombroso, «говорилъ, что онъ ощущаетъ пробуждающимся въ немъ то раздраженіе, которое было причиной его злодѣянія: «Я бы съѣлъ самого себя, если бы мнѣ не мѣшали», говорилъ онъ. Mideu испытывалъ тѣ же чувства». «Акты антроп. конгр.», 245

¹⁵⁰⁾ См., напр., цитир. сочин. Krafft-Ebing'a, II, 182 и сл.

¹⁵¹⁾ Говоря о «характерѣ эпилептиковъ», понятно, можно говорить лишь объ общихъ его особенностяхъ, вытекающихъ изъ общихъ особенностей и условій функционирования у нихъ нервно-кровеносной системы въ качествѣ нервныхъ вообще и эпилептиковъ въ частности. Другія же особенности организациі, крайне разнообразныя по отдѣльнымъ индивидуумамъ, до бесконечности варьируютъ своимъ присоединеніемъ эти болѣе общія черты.

пологической стороны, основная черта эпилепсии выступает въ видѣ нравственнаго вырожденія, въ наклонности ко злу (часто мучительно сознаваемой самимъ больнымъ въ видѣ органическаго принужденія), то инстинктивность, неожиданность, непредвидимая смѣна настроенія и хода идей составляютъ характеристическую особенность постепенно возростающаго отупѣнія души» ¹³²⁾. Эпилептики имѣютъ «черствое сердце» и въ ихъ характерѣ «все представляетъ противорѣчія», какъ выражается Legrand du Saulle ¹³³⁾. Они испытываютъ разнообразныя и слишкомъ сильныя и непріятныя внутреннія ощущенія, иногда переходящія въ самыя дурныя влеченія и опасныя движенія души. Эти измѣнчивыя ощущенія вліяютъ на ихъ сужденія, а главное настроеніе, вслѣдствіе чего послѣднее представляетъ крайнія странности, измѣнчивость, неровности и рѣзкую противоположность переходовъ, не дающую возможности полагаться на нихъ. Таковъ былъ, напр., извѣстный отравитель своей жены, эпилептикъ, графъ Chorinski. Когда ему было 6 лѣтъ, то его врачъ Tinskein сказалъ про него: «Вотъ ребенокъ, котораго надо будетъ лѣчить всю жизнь, какъ сумасшедшаго». И дѣйствительно, еще въ раннемъ дѣтствѣ графъ Chorinski былъ непослушнымъ, неосновательнымъ, страннымъ, крайне впечатлительнымъ и вспыльчивымъ ребенкомъ. На пространства нѣсколькихъ минутъ онъ переходилъ изъ одной крайности въ другую и былъ для своего воспитателя предметомъ постоянного удивленія, огорченій и тревогъ. «Едва достигнувъ періода половой возмужалости, онъ пустился уже въ самыя романическія приключенія. Онъ плакалъ, раздражался и грозилъ самоубійствомъ, если встрѣчалъ сопротивленіе. Если же онъ успѣвалъ, то онъ воссламенялся и одновременно представлялся и ревнивымъ, и ребячливымъ, слабымъ и тираническимъ. Его требованія были безпорядочны. Отъ порывовъ сильнѣйшаго энтузіазма онъ рѣзко переходилъ къ индифферентности, отвращенію и ненависти. Всегда находясь на вершинѣ одного изъ двухъ противоположныхъ состояній, онъ перескакивалъ съ одного полюса на другой». Во время войны «его полковникъ видѣлъ, какъ онъ переходилъ отъ самаго неодолимаго возбужденія къ самой глубокой подавленности. Непостоянный, капризный, нетерпѣливый, лгунъ, расточительный, буйный и управляемый своей инстинктивной натурой, онъ не умѣлъ заслужить уваженія своихъ начальниковъ и продолжительной привязанности сво-

¹³²⁾ «Душевные болѣзни», 351 и сл.

¹³³⁾ «La folie dev. les tribun.», 366 и сл.; «Les épilept.», 45 и сл.; Voisin «Lecon. clin. sur les mal. ment.», 579 и сл.

ихъ товарищей по оружію». Во время грозъ онъ испытывалъ невыразимый ужасъ, катался по полу и кричалъ, что огонь повсюду. Его эмотивность была необычайна и его приступы раздражительности и гнѣва проявлялись въ актахъ насилія противъ братьевъ и сестеръ ¹⁵⁴).

Если настроеніе и характеръ эпилептиковъ являются крайне непостоянными и измѣнчивыми, то наблюдающіяся у нихъ импульсивныя влеченія, которыя представляютъ для насъ особый интересъ и на изученіи которыхъ, какъ особенно *типичныхъ*, мы и остановимся теперь, напротивъ, подобно самому характеру приступовъ или припадковъ, большею частью представляются вполне однообразными, какъ «повторяющійся механизмъ» ¹⁵⁵). Внутреннія автоматическія раздраженія, порождающія эти влеченія, повидимому, слѣдуютъ по однимъ и тѣмъ же нервнымъ путямъ и въ значительно большей степени оттѣняются роковымъ характеромъ, сравнительно съ импульсивными влеченіями истериковъ. «Типъ импульсивнаго», по справедливому замѣчанію Tissie, «есть эпилептикъ», дѣйствующій «подъ господствомъ давленія» (*poussée*) ¹⁵⁶). Импульсивныя влеченія истериковъ представляютъ собою какъ бы низшую ступень такихъ же влеченій эпилептиковъ, у которыхъ они большею частью носятъ на себѣ отпечатокъ какой-то зловѣщей неотвратимости и «роковой неудержимости, далеко превосходящей принудительную потребность запойныхъ пьяницъ напиваться, и часто столь упорную настойчивость меланхоликовъ-галлюцинантовъ посягать на свою жизнь или убивать своихъ окружающихъ и вообще всѣ импульсивныя влеченія всѣхъ прочихъ душевно-больныхъ» ¹⁵⁷). Вообще можно сказать, что, пере-

¹⁵⁴) Legrand du Saulle: «Les épilept.», 155 и сл.

¹⁵⁵) Legrand du Saulle, цитир. соч., 84; Voisin, цит. соч., 578. Falret, цит. соч., 6 и сл. «Припадки у одного и того же индивидуума иногда настолько походятъ другъ на друга», говоритъ объ эпилептикахъ д-ръ Magnan, «что можно предсказать навѣрно, что должно произойти, и даже можно предвидѣть продолжительность припадка» *Leçon. clin. sur l'épilepsie*, 57; см. также стр. 7, 50, 51 и 55.

¹⁵⁶) См. уже цитир. соч. Одинъ эпилептикъ безпричинно билъ другихъ больныхъ, а иногда съ поразительнымъ спокойствіемъ собственноручно увѣчилъ себя и однажды пытался лишить себя жизни. Когда его спрашивали о причинахъ всѣхъ этихъ поступковъ, то онъ ограничивался отвѣтомъ, что «мысли толкали его» (*des idées le poussaient*). Delasiauve: «Des pseudo-monomanies», оттискъ изъ «Ann. méd-psych.» 1859, 28.

¹⁵⁷) Magnan, цит. соч., 3. Здѣсь будетъ весьма не лишнее повторить замѣ-

ходя отъ нервности или нервозизма ¹⁵⁸⁾ къ истеріи, а затѣмъ къ эпилепсіи, мы вмѣстѣ съ тѣмъ переходимъ какъ бы по ступенямъ нарастающей тяжести разстройствъ и уклоненій, а вмѣстѣ съ тѣмъ, повидимому, и нарастающаго органическаго вырожденія ¹⁵⁹⁾.

чаніе Guislain. «Чѣмъ болѣе глубокими разстройствами воли характеризуются случаи сумасшествія», говоритъ онъ, «тѣмъ болѣе мы наблюдаемъ въ нихъ склонность вырождаться въ конвульсивныя состоянія. Такимъ то образомъ, причудливыя рѣшимости часто сопровождаются конвульсіями». Очевидно, что можно сказать и наоборотъ, что конвульсивныя состоянія сопровождаются «глубокими разстройствами воли» и часто «причудливыми рѣшимостями».

¹⁵⁸⁾ Говоря о патологическихъ одержаніяхъ, д-ръ Луиз замѣчаетъ: «Лица слабохарактерныя, эмотивныя и называющія себя нервными темпераментами— всѣ болѣе или менѣе напередъ предназначенныя жертвы патологическихъ одержаній». Въ числѣ причинъ послѣднихъ онъ указываетъ на мозговое переутомленіе, на слишкомъ продолжительныя однообразныя умственныя занятія, на удручающія вліянія, печальныя эмоціи, дѣлающаяся горе и пр.—однимъ словомъ, на всѣ вліянія, истощающія мозговую жизненность. При этомъ онъ, между прочимъ, приводитъ слѣдующій интересный случай. Одинъ молодой человѣкъ—вѣроятно, неустойчивой органической конституціи—чрезмѣрно утомилъ себя продолжительными занятіями. Злоупотребленія не прошли даромъ и онъ почувствовалъ себя *автоматически вынужденнымъ* продолжать свои вычисленія. Это одержаніе не давало ему покою даже по ночамъ. «Я принялся безъ всякаго желанія съ моей стороны», рассказываетъ онъ, «вычислять и рѣшать тѣ же вопросы, какъ и за бюро». «Эта принудительная работа продолжалась противъ моей воли и несмотря на всѣ средства, которыя я употреблялъ, чтобы прекратить ее». Въ данномъ случаѣ постоянныя возбужденія однихъ и тѣхъ же частей мозга, повидимому, обусловили привычно усиленные активныя приливы къ нимъ крови, какъ къ работающимъ органамъ, которые въ свою очередь являлись раздражителями и порождали автоматическую работу этихъ частей. Съ другой стороны, общее переутомленіе и ослабленіе мозга парализовало его способность регулировать вазомоторы и тѣмъ устранять мѣстныя усиленные раздраженія крови. Въ другомъ не менѣе интересномъ случаѣ, приводимомъ у того же автора, одинъ нервный человѣкъ сталъ слышать принудительные голоса. «Ты будешь чесать себя!» говорилъ, напр., ему повелительный голосъ, и «я не могъ удержаться», рассказывалъ онъ, «чтобы не чесать себя и не могъ остановиться». Однажды онъ ощутилъ странную тяжесть въ головѣ и при этомъ потерялъ «способность употребленія своей воли». Онъ почувствовалъ, что теченіе его мыслей измѣнилось, что у него есть мысли, которыхъ онъ не можетъ прогнать и которыя докучаютъ ему. «Онъ присутствовалъ безсильнымъ зрителемъ при этомъ теченіи мыслей и напрасно говорилъ себѣ: «Ты не будешь думать объ этомъ! Думай о другомъ!». «Des obsessions pathologiques», 32, 35 и сл., 55 и сл. Оттискъ изъ жур. l'Encéphale за 1883 г.

¹⁵⁹⁾ На это уже указываетъ близкое сродство алкоголизма и эпилепсіи, о которомъ подробно говорилось выше. «Эпилептики, послѣ идіотовъ, суть вырождающіеся по преимуществу», замѣчаетъ д-ръ Tonini, и многочисленныя аномаліи ставятъ ихъ «на низкій уровень развитія». «Le epilepsie», 17. См. Magnan,

Преступленія, совершаемыя подъ вліяніемъ эпилептическихъ импульсовъ, равно какъ и самые импульсы, отличаются какой-то слѣпой неотвратимостью, энергіей рѣшимости и часто крайней жестокостью выполненія ¹⁶⁰⁾.

Иногда импульсивныя влеченія и порождаемыя ими вредоносныя дѣйствія наблюдаются у эпилептиковъ въ періодъ ясно-выраженнаго эпилептического припадка, или во время полнаго душевнаго тумана ¹⁶¹⁾,

цитир. соч. 61. Esquirol I, 156; Pichon, цитир. соч. 63 и сл., 98 и сл.; Morel: «Etudes cliniques», II, 309; «Traité des mal. ment.», 695 и сл.; «Actes du Congrès intern. d'anthrop. crim.», 212 и сл., 242.

¹⁶⁰⁾ Legrand du Saulle: «Les éпил.», 162.

¹⁶¹⁾ Явленія психическаго тумана наблюдаются и при экспериментально вызванныхъ эпилептическихъ припадкахъ у животныхъ. По окончаніи такого припадка «животное остается инертнымъ, истощеннымъ, въ состояніи въ родѣ коматознаго, или же, напротивъ, оно возбуждается, лаетъ, бѣшено бросается изъ стороны въ сторону, щелкаетъ зубами и какъ бы дерется съ воображаемымъ существомъ». См. François-Franck: «Leçons sur les fonct. motrices du cerveau et sur l'épilepsie cérébr.». 70 и 71. Не безъинтересно замѣтить, что конвульсивныя состоянія вообще порождаютъ иногда чрезвычайно длительныя состоянія полнаго душевнаго тумана и замѣчательныя отпаденія цѣлыхъ сторонъ, цѣлыхъ отдѣловъ, если можно такъ выразиться, психическаго существа. Необычайно интересный случай рассказываетъ, напр., д-ръ Morel объ одномъ Dog...., находившемся подъ его наблюденіемъ. Этотъ послѣдній въ теченіе 5 лѣтъ лежалъ въ постели, потому что его ноги были сведены. Все это время онъ ничего не говорилъ, а испускалъ только ворчанья, подобно дикому звѣрю. Ворчанья усиливались, когда кто-либо приближался къ нему, и ухаживать за нимъ надо было съ большей осторожностью, потому что онъ возбуждался, бросался на подходившихъ, билъ и кусалъ ихъ. Его умственныя способности въ теченіе его пятилѣтняго лежанія въ постели представлялись вполне угасшими. Но вотъ однажды онъ совершенно неожиданно обратился къ ухаживавшей за нимъ сестрѣ милосердія. — «Я чувствую себя очень дурно», сказалъ онъ, «подите, приведите мнѣ священника». Его желаніе, конечно, было немедленно исполнено и онъ въ теченіе получаса бесѣдовалъ со священникомъ госпиталя, который былъ пораженъ обнаруженными имъ чувствами и ясностью проявленныхъ имъ умственныхъ способностей. Morel замѣчаетъ по этому поводу: «Отъ точки зрѣнія физиологической, состояніе общаго спазма и мускульнаго сокращенія, кажется исчезло при наступленіи послѣдняго часа; лицо потеряло выраженіе той свирѣлости, которое ему стало обычно; ноги, никогда не выпрямлявшіяся при наибольшихъ усиліяхъ съ нашей стороны, выпрямились сами собой», и «онъ умеръ послѣ часа пользованія всей полнотой своихъ умственныхъ способностей» «Etud. cliniques» I, 142 и сл. Дѣйствія, совершаемыя въ эпилептическомъ душевномъ туманѣ, всего лучше показываютъ намъ, какъ дѣйствуютъ чувствованія, не регулируемыя разумомъ.

то близко предшествующаго, то послѣдующаго за нимъ, и не сопровождаются сознательностью, а въ послѣдствіи воспоминаніями. Весь этотъ періодъ времени совершенно выпадаетъ изъ объединяемой воспоминаніями сознательной жизни субъекта и не оставляетъ въ ней слѣдовъ. Онъ проходитъ при рѣзко измѣненныхъ условіяхъ психической жизни.

Въ такихъ случаяхъ—разъ особенности состоянія уловлены—болѣзненный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и автоматическій характеръ всего явленія выступаетъ съ полной ясностью. Тогда для каждаго, кто имѣлъ случай видѣть открытые эпилептическіе припадки съ ихъ послѣдующими періодами, бываетъ очевидно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ автоматическими раздраженіями ¹⁶²⁾ и такими же автоматически-принудительными, хотя иногда и весьма сложными органическими отвѣтами на нихъ, при которыхъ нѣтъ мѣста ни сознательности, ни обсужденію, ни даже мысли съ нашей стороны о возможности сдерживаться, потому что нѣтъ на лицо элемента, который могъ бы сдерживать ¹⁶³⁾.

Иногда, однако, характеръ явленій въ значительной мѣрѣ маскируется временемъ ихъ развитія.

Случается, что сами эпилептическіе припадки протекаютъ ночью,

¹⁶²⁾ См. François-Frank, цитир. соч., 66 - 71, 79—91, 93, 95, 96, 104, 107, 117, 111, 115—126, 305 и 306. Albertoni: «Influenza del cervello nella produzione dell'epilessia. Являющаяся результатомъ нарушенія питанія раздражительность корковой мозговой ткани играетъ, повидимому, важную роль въ эпилепсіи. François-Frank, цитир. соч. 110.

¹⁶³⁾ Помню я, въ наблюдательное отдѣленіе къ Krafft-Ebing'у въ Грацѣ былъ доставленъ нѣкто Р., уже много разъ осужденный за кражи, бродяжество, насилие, буйство и пр., и не разъ наказанный также и въ самой тюрьмѣ. Хотя кое-что въ обстоятельствахъ прошлой жизни Р. и въ условіяхъ его преступности представлялось страннымъ и вызывало сомнѣнія, тѣмъ не менѣе въ ней все-таки не находилось достаточныхъ данныхъ для опредѣленнаго заключенія. Во время своего пребыванія въ отдѣленіи Р. велъ себя прекрасно и долгое время не представлялъ ничего особеннаго. Krafft Ebing говорилъ, что этотъ случай тяжело лежитъ у него на душѣ: не ясно чувствуется что то странное, но опредѣленно ничто не выступаетъ, а потому и отъ опредѣленнаго заключенія приходится отказаться. Но вотъ, во время послѣдней демонстративной лекціи, за которой долженъ былъ послѣдовать возвратъ въ тюрьму, Р. вдругъ запросилъ судно, при чемъ по лицу его пробѣжалъ туманъ и оно измѣнилось. Р. внезапно бросился бѣжать изъ аудиторіи въ палаты. Мы все послѣдовали за нимъ и застали его сидящимъ за столомъ въ крайне возбужденномъ и своеобразномъ состояніи полной психической спутанности, которое сопровождается эпилептическіе приступы.

во время сна, иногда никѣмъ не замѣченные, а вредоносныя дѣйствія совершаются уже въ періодъ, слѣдующій за ними и подъ непосредственнымъ ихъ вліяніемъ, обуславливаясь слѣпыми и часто кровожадными импульсами, которые развиваются на почвѣ эпилептического невроза. Esquirol приводитъ, напр., одинъ случай ночной эпилепсiи у одного своего пациента. У него эпилепсiя осложнялась приступами бѣшенства и эпилептическіе припадки происходили исключительно ночью, а если рѣдко случались и днемъ, то неизмѣнно предшествовались засыпаніемъ. Если же сну препятствовали наступить или во время будили больного, то тѣмъ самымъ предупреждали и приступъ ¹⁶⁴).

Случается также, что ясно выраженные припадки происходятъ ночью, тогда какъ тѣ или другія порочныя или преступныя дѣянія совершаются во время бодрствованія и иногда какъ бы *по определенному и возможному поводу*, но въ томъ странномъ и болѣе или менѣе долго длящемся состояніи, въ которомъ человѣкъ разговариваетъ и совершаетъ сложные поступки, какъ бы ясно сознавая и обсуждая ихъ, а между тѣмъ оказывается, что онъ дѣйствовалъ, по видимому, совершенно автоматически и не сохранилъ никакихъ воспоминаній о цѣломъ соотвѣтствующемъ періодѣ времени и о всемъ совершенномъ въ его продолженіе ¹⁶⁵). Одинъ изъ подобныхъ примѣровъ намъ представляетъ случай Roegiers, страдавшаго ясно выраженными, чрезвычайно сближенными и весьма опасными припадками ночной эпилепсiи, внушавшими страхъ всѣмъ знавшимъ его.

Однажды въ состояніи бодрствованія онъ поссорился съ нѣкимъ В., былъ привлеченъ къ суду и присужденъ къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія. Выходя изъ суда, Roegiers пожалъ руку своему противнику и заявилъ ему, что онъ рѣшительно ничего противъ него не имѣетъ, потому что тотъ нисколько не виноватъ, что судъ разсудилъ дурно. Послѣ этого онъ, однако, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ безъ перерыва спокойно натачивалъ ножъ и приговари

¹⁶⁴) Цитир. сочин., I, 140.

¹⁶⁵) Мнѣ уже приходилось приводить примѣры подобныхъ состояній въ моей работѣ: «Психологія преступности», стр. 33 и слѣд. Д-ръ Magnan рассказываетъ про одного больного, съ которымъ онъ велъ получасовой разговоръ во время такого состоянія. «Онъ мнѣ отвѣчалъ съ нѣкоторой ясностью на все вопросы, говоритъ Magnan, и, несмотря на это, на другой день, послѣ быстрого исчезновенія бреда, я рѣшительно не могъ вызвать въ его воспоминаніи ни малѣйшаго слѣда нашего разговора. По его мнѣнію, онъ только въ первый разъ разговаривалъ со мною послѣ своего предшествующаго пребыванія въ отдѣленіи». «Leç. clin. sur l'épilepsie» 56.

валъ: «Попадешься ты мнѣ», а потомъ съ ножомъ въ рукѣ среди бѣла дня отправился къ В., который, завидѣвъ его вооруженнаго, бросился бѣжать. Koeziere при этомъ сначала нанесъ ударъ сестрѣ В., хотѣвшей защитить брата, а потомъ, настигнувъ самого В., какъ тигръ съ бѣшенствомъ напалъ на него, нанесъ ему рану въ горло и потомъ, запустивъ въ нее пальцы, старался разорвать. На всѣ вопросы и напоминанія президента о подробностяхъ его страшнаго и почти немотивированнаго преступленія Koeziere отвѣчалъ лишь одно: «Такъ какъ вы мнѣ это говорите, то я долженъ вѣрить, но я самъ объ этомъ ничего не знаю» ¹⁶⁶).

Бываетъ также, что предшествующіе или послѣдующіе эпилептическіе припадки выражаются въ моментальныхъ и почти неуволнимыхъ головокруженіяхъ, потеряхъ сознанія, поблѣднѣніяхъ и проч. ¹⁶⁷).

Возникающіе во всѣхъ этихъ случаяхъ вопросы могутъ быть весьма важны, интересны и сложны, тѣмъ не менѣе они не могутъ вызывать у криминалиста того спеціальнаго и напряженнаго интереса, какой вызываютъ въ немъ нѣкоторыя состоянія, повидимому, связанные съ эпилепсіей и за послѣдніе годы все болѣе и болѣе сосредоточивающія на себѣ вниманіе. Въ особенности это нужно сказать о тѣхъ болѣе темныхъ случаяхъ, въ которыхъ весьма многое въ дѣятельности и характерѣ человѣка отличается эпилептическимъ оттѣнкомъ и въ которыхъ въ то же время не наблюдается никакихъ эпилептическихъ приступовъ въ ихъ физическихъ проявленіяхъ ¹⁶⁸).

Случаи этой второй категоріи представляютъ сравнительно большое разнообразіе, начиная отъ случаевъ трансформации и иногда чередующейся замѣны эпилептическихъ припадковъ нравственными извращеніями и импульсивными влеченіями до случаевъ существованія, повидимому, однихъ только подобныхъ влеченій, болѣе или менѣе интенсивныхъ и возбуждаемыхъ автоматическими раздраженіями, которыя часто затрогиваютъ, повидимому, и половую сферу въ ея первичныхъ центрахъ и вызываютъ влеченія къ крови и кровавымъ преступленіямъ ¹⁶⁹), столь свойственнымъ эпилептикамъ. Случается при этомъ—

¹⁶⁶) Legrand du Saulle: «Les épilept.», 55 и сл.

¹⁶⁷) См. Falret: «Des malad. ment.» 478 и сл. Magnan: «Leçons clin. sur l'épilept.», 2 и 3.

¹⁶⁸) Legrand du Saulle: «Etud. méd.-lég. sur les épilept.», 138.

¹⁶⁹) Въ первомъ выпускѣ своей работы, озаглавленной «Малолѣтніе преступники» я уже имѣлъ случай указывать на соотношеніе раздраженій половой

что для насъ особенно интересно,—что автоматическія раздраженія и вызываемыя ими импульсивныя влеченія осложняются и какъ бы одѣваются и соотвѣтствующими представленіями, вызываемыми тѣмъ же механизмомъ.

Всѣ такіе случаи постепенно незамѣтными и вполнѣ однородными переходами вводятъ насъ изъ области ясно выраженной автоматичности въ область явленій, одѣвающихся сознательностью, съ которыми мы имѣемъ дѣло и въ сферѣ фізіологической. Вмеѣстѣ съ тѣмъ они вскрываютъ передъ нами тотъ общій механизмъ, который лежитъ въ основѣ всѣхъ этихъ явленій, а также и тѣ придатки, которые постепенно присоединяются, наслаются и болѣе или менѣе маскируютъ его. Въ этомъ отношеніи изученіе эпилептическихъ импульсивныхъ влеченій представляетъ большой научный интересъ и имѣетъ важное психологическое значеніе вообще и по отношенію къ сферѣ преступленій въ частности. Въ этой послѣдней могущественно вліяетъ инстинктивный элементъ, особенно рѣзко выступающій на почвѣ органическаго оскудѣнія ¹⁷⁰⁾, при которомъ усиленно тонируетъ разстроен-

сферы съ кровожадностью и кровавыми преступленіями (93—116 стр.) То же соотношеніе я не разъ отмѣчалъ и въ дальнѣйшемъ продолженіи моей работы при изложеніи и анализѣ отдѣльныхъ наблюденій. Болѣе подробно и обстоятельно я коснусь этого вопроса въ одномъ изъ послѣдующихъ этюдовъ. Здѣсь же будетъ не безъинтересно привести слѣдующее замѣчаніе Esquirol'я. «Органы воспроизведенія», говоритъ онъ, «также представляютъ собою сферу, на которую начально дѣйствуетъ причина эпилепсіи и отъ которой, какъ бы путемъ излученія, исходятъ начальныя явленія припадка. Эта разновидность, которую можно назвать генитальной и которая чаще встрѣчается у женщинъ, отлична отъ истеріи. Есть столько аналогичнаго между легкимъ эпилептическимъ припадкомъ и спазмодическимъ возбужденіемъ, сопровождающимъ воспроизведеніе, что древніе называли актъ совокупленія скоротечной эпилепсіей (*epilepsia brevis*). Этотъ актъ иногда сопровождается эпилепсіей. Sauvages рассказываетъ объ одной личности, у которой совокупленіе постоянно сопровождалось эпилептическимъ припадкомъ. G. Cole цитировалъ примѣръ одной женщины, начавшей страдать эпилепсіей черезъ три дня послѣ своей свадьбы. Онанизмъ предрасполагаетъ къ этой ужасной болѣзни и становится возбуждающей причиной даже въ дѣтствѣ. Zimmermann зналъ одного молодого человѣка, который имѣлъ эпилептическій припадокъ каждый разъ, когда онъ предавался онанизму». I, 149.

¹⁷⁰⁾ Напомню, что съ нарощеніями импульсивности мы встрѣчаемся, между прочимъ, при алкоголизмѣ, но мѣрѣ нарощенія порождаемаго алкоголемъ органическаго оскудѣнія, изъ котораго вообще, какъ изъ источника, въ свою очередь, повидимому, часто происходитъ предрасположеніе къ алкоголизму и къ эпилепсіи, и на почвѣ котораго развивается алкогольная и эпилептическая импульсивность. Въ этомъ отношеніи большой интересъ представляетъ слѣ-

ная и раздражительная растительная сфера, а умѣряющее вліяніе ослабленныхъ высшихъ психическихъ процессовъ значительно уменьшается.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи я послѣдовательно разсмотрю различные постепенно осложняющіяся формы эпилептическихъ импульсивныхъ влеченій. Рядъ явленій, который мы получимъ при этомъ, освѣтитъ намъ весьма многое въ механизмѣ многихъ явленій преступной души. Послѣдній станетъ намъ еще болѣе понятенъ, когда отъ изученія нервныхъ разновидностей—этихъ болѣе слабыхъ степеней, мы перейдемъ къ изученію формъ крайняго органическаго оскудѣнія.

Сопутствующія и связанные съ эпилептическими приступами импульсивныя влеченія обыкновенно, какъ мы видѣли, сопровождаются потерей сознанія и послѣдующимъ отсутствіемъ воспоминаній о случившемся и совершенномъ. Въ такихъ случаяхъ болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени выпадаетъ изъ сознательной жизни субъекта и послѣдній ничего о немъ не знаетъ и не вѣдаетъ. Но

дующее наблюденіе д-ра Mctet. Нѣкто Roubier молодой человекъ, 22 лѣтъ; онъ происходилъ отъ отца, нѣсколько разъ судившагося за кражи, и матери, умершей отъ легочнаго туберкулеза, который предрасполагаетъ нисходящихъ, между прочимъ, и къ эпилепсіи. Въ дѣтствѣ онъ не страдалъ послѣдней и не представлялъ ея проявленій также и въ юности. Въ эту пору своей жизни онъ занялся изученіемъ философіи и астрономіи и при этомъ измыслилъ особую систему религіи. Послѣднее обстоятельство представляетъ для насъ особый интересъ, потому что отчасти можетъ служить иногда нѣкоторымъ указаніемъ на предрасположеніе къ эпилепсіи, а можетъ быть уже и на скрытую эпилепсію. Эпилептики, какъ извѣстно, очень склонны къ религіознымъ проявленіямъ патологическаго характера (см., напр. цит. сочин. Krafft Ebing'a, II, 182 и цит. соч. Шюле, 352. Ковалевскій: «Психіатрія», II, 297). Спустя нѣкоторое время послѣ того, Roubier поступилъ къ торговцу виномъ и пріобрѣлъ тамъ привычку злоупотребленія алкоголемъ. Отравленіе послѣднимъ вызвало у него ясно выраженные эпилептическіе припадки, развившіеся на подготовленной почвѣ. Въ то же время у Roubier, какъ у алкоголика, и, вѣроятно, главнымъ образомъ подъ толчкомъ отъ алкоголя, развилась импульсивность и онъ совершилъ дѣлую серію странныхъ кражъ, при чемъ, что совершенно необычно для начинающаго преступника, пряталъ часть добытаго воровствомъ. Заключенный въ тюрьму Clairvaux, онъ имѣлъ нѣсколько эпилептическихъ приступовъ. По отбытіи наказанія, Roubier вернулся въ Парижъ, гдѣ, во время приступа гнѣва, зарѣшетилъ одну женщину ударами ножа, какъ рѣшетить почти только одни эпилептики. Въ госпиталѣ S-te Anne, куда Roubier былъ помѣщенъ послѣ этого, онъ имѣлъ приступы дѣйствительной эпилепсіи.

Въ этомъ случаѣ алкоголизмъ возникъ и развився на предрасположенной истощенной почвѣ, а развившись, онъ въ свою очередь на предрасположенную же почву и оказалъ свое пагубное вліяніе. Цитир. по Deslorges, 33 и сл.

иногда характерное явленіе утраты сознанія, повидимому, отсутству-
етъ и воспоминаніе о совершенномъ подъ вліяніемъ импульса сохра-
няется съ большей или меньшей ясностью, а самое импульсивное
влеченіе даже обособляется ¹⁷¹).

Начну съ простѣйшихъ случаевъ и приведу слѣдующее наблюденіе
изъ сочиненія Georget. Одинъ крестьянинъ, Jacques Moupin, по про-
званію Galinet, страдалъ эпилепсіей, но при этомъ онъ прекрасно
велъ всѣ свои дѣла, занимался торговлей скотомъ и никто прежде
не замѣчалъ въ немъ ни разстройства умственныхъ способностей, ни
приступовъ ярости. Однажды послѣ ярмарки мать разбранила его за
одну торговую сдѣлку, послѣ чего онъ казался раздраженнымъ, но
въ этотъ день не проявлялъ ничего особеннаго. На слѣдующее же
утро онъ еще дома началъ совершать акты насилія, а потомъ побѣ-
жалъ по дорогѣ въ поле и здѣсь безъ всякаго вызова и поводовъ по-
слѣдовательно напалъ на троихъ работавшихъ или проходившихъ по
дорогѣ, изъ которыхъ одинъ былъ его родственникъ, и звѣрски убилъ
ихъ. Съ большимъ трудомъ схваченный сбѣжавшимся народомъ, онъ
объяснилъ слѣдственному судѣ, что въ теченіе двухъ предшество-
вавшихъ дней онъ былъ въ ужасномъ состояніи, *повсюду видѣлъ*
пламя, а видѣ крови былъ пріятенъ ему, и что онъ *хорошо помнитъ,*
что убилъ троихъ. Одинъ изъ нихъ былъ его родственникъ, кото-
раго онъ очень жалѣетъ и проситъ, чтобы его въ свою очередь
убили, потому что онъ причинилъ слишкомъ много зла ¹⁷²).

Въ этомъ случаѣ передъ нами уже нѣтъ ничего неомнящаго че-
ловѣка, совершающаго разрушительныя дѣйствія вполнѣ безсозна-

¹⁷¹) Maudsley: «La pathol. de l'espr.» 359—355. Ковалевскій: «Психіатрія, II, изд. 3-е, 284 — 301. Legrand du Saulle, цитир. соч, 136 — 140. François-Franck, цит. соч. 70. См. также очень интересную статью проф. Lombroso, напечатанную имъ въ майской книжкѣ «Юрид. Вѣстн.» за 1887 г., 3 — 16, «Преступность и эпилепсія» «Actes du Congrès internat. d'anthropol. crimin», 222—227. «Одержаніе есть особое душевное состояніе», замѣчаетъ Луиз, «вслѣд-
ствіе котораго индивидуумъ, осаждаемый принудительными идеями и эмоціями, которыхъ онъ не можетъ обуздать, и неодолимыми импульсами совершать дѣй-
ствія нелѣпыя и странныя, чувствуетъ себя вынужденнымъ думать, чувство-
вать и дѣйствовать противъ своей воли, и—что характерно—въ то же время его сознаніе ясно и онъ обсуждаетъ свое положеніе» «Des obsess. patholog.», 29. Во всемъ послѣдующемъ я не касаюсь вопроса о единствѣ или двойствен-
ности источника нѣкоторыхъ наблюдавшихся импульсивныхъ влеченій. См. Pichon: «Les malad. de l'esprit», 129, 130, 142, 153, особенно 131, 132, 140 и 141. Magnan, цит. сочин. 60 — 77.

¹⁷²) «Discuss. méd.-légale sur la folie», 57 и сл., 153 и сл.

тельно, подъ вліяніемъ органическаго раздраженія. Напротивъ, мы имѣемъ дѣло съ лицомъ, обладающимъ по меньшей мѣрѣ нѣкоторой степенью сознанія и въ послѣдствіи вспоминающаго совершенное имъ, но у котораго сильное органическое раздраженіе съ своими слѣдствіями, субъективно выражающееся чувствованіемъ ярости, ощущеніемъ пламени передъ глазами и пріятности при видѣ крови, устраняетъ возможность вліяющаго обсуждения послѣдствій совершаемаго, и какъ бы парализуетъ задерживательную способность. При этомъ всѣ особенности бурныхъ формъ проявленія внутреннихъ состояній на столько аномальны, самыя влеченія на столько немотивированы, странны и дики, что болѣзненный и раздражительно-автоматическій характеръ всей дѣятельности слишкомъ очевиденъ для каждаго, чтобы его нужно было доказывать.

Въ другихъ случаяхъ также сознаваемое и воспоминаемое, но не-удержимое и немотивированное влеченіе предшествуетъ эпилептическимъ припадкамъ. Я уже однажды приводилъ подобный случай изъ работы Moreau (de Tours). Молодой эпилептикъ, страдавшій этой болѣзнію съ самаго дѣтства, со страхомъ рассказалъ доктору, что какъ-то въ промежуткѣ между припадками къ нему зашелъ его близкій пріятель. Они много разговаривали и по обыкновенію не во всемъ соглашались другъ съ другомъ, при чемъ разговоръ ихъ не имѣлъ никакого непріятнаго оттѣнка и они, какъ всегда, разстались лучшими друзьями. Онъ уже хотѣлъ ложиться спать, но вдругъ, *раздумывая надъ бывшимъ разговоромъ*, почувствовалъ себя охваченнымъ тоскливымъ раздраженіемъ и глухимъ чувствомъ гнѣва. Его глаза при этомъ случайно остановились на кинжалѣ, лежавшемъ на столѣ. Тогда онъ взялъ его и пошелъ къ своему пріятелю съ твердымъ намѣреніемъ убить его (интересно, какъ легко темное органическое влеченіе пріурочивается къ случайному и независимому отъ него событію и подсказываетъ по отношенію къ нему соотвѣтствующую себѣ мысль, достигающую степени намѣренія и рѣшимости). Онъ позвонилъ и въ то время, какъ ему отпирали, упалъ на землю въ сильномъ припадкѣ ¹⁷³).

Въ этомъ весьма интересномъ случаѣ импульсивное влеченіе непосредственно сливается съ послѣдующимъ эпилептическимъ припадкомъ, составляя съ нимъ какъ бы одно длящееся цѣлое. При этомъ первое представляетъ собою какъ бы ступень низшую и начальную, а второй конечную ступень проявленій органическаго раздраженія,

¹⁷³ «De la contagion du suicide», 15 и сл.

вызывающаго въ своемъ крайнемъ результатѣ полное отпаденіе сознанія и бурныя физическія явленія.

Дѣлаемъ еще шагъ впередъ, и мы сталкиваемся съ случаями, въ которыхъ импульсивныя влеченія, сопровождаемыя яснымъ сознаніемъ, обособляются отъ эпилептическихъ припадковъ и существуютъ на ряду съ ними, истекая, повидимому, изъ одного и того же источника. Иногда такія обособленныя влеченія представляются въ сравнительно слабыхъ, зачаточныхъ формахъ, болѣе въ формахъ какъ бы проявленій нравственнаго извращенія съ импульсивнымъ характеромъ, а иногда они принимаютъ обычные формы болѣе или менѣе рѣзко выраженныхъ неодолимыхъ влеченій.

Примѣръ перваго намъ представляетъ случай, рассказанный д-мъ Магго про одного наблюдавшагося имъ въ тюрьмѣ, эпилептика-поджигателя, съ склонностью къ бродяжеству и съ *кровожадными импульсами, побудившими его избрать ремесло мясника*. Однажды онъ едва было не всадилъ ножъ въ горло маленькаго брата, желая изобразить изъ него быка, а изъ себя мясника. Въ тюрьмѣ онъ съ большимъ удовольствіемъ слушалъ ревъ быковъ на сосѣдней бойнѣ. «Который реветъ теперь, завтра будетъ зарѣзанъ», говорилъ онъ д-ру Магго, съ выраженіемъ кровожадной радости. На вопросъ, что, значить, ему нравится ремесло мясника, онъ отвѣчалъ: «О, конечно, потому что тамъ употребляютъ ножъ; мнѣ ужасно нравится видѣть текущую кровь (то же испытывалъ, какъ мы помнимъ, и Jacques Moynier во время своего приступа). Впослѣдствіи эпилептическіе припадки у него исчезли, но нравственное извращеніе, развивавшееся на почвѣ невроза вырожденія, осталось безъ переменъ ¹⁷⁴⁾».

Примѣръ втораго мы можемъ видѣть въ слѣдующемъ интересномъ наблюденіи, деменстрированномъ д-мъ Магнаи во время одной изъ

¹⁷⁴⁾ «J caratteri dei delinq.», 332. «У многихъ изъ этихъ больныхъ» (эпилептиковъ), замѣчаетъ Delusianve, «конвульсивныя сотрясенія парализуютъ нравственное чувство и всѣ замѣчанія, которыя имъ можно сдѣлать относительно столь часто совершаемыхъ ими жестокостей, до возстановленія равновѣсія, вызываютъ у нихъ болѣе презрѣніе и гнѣвъ, нежели смѣхъ и сожалѣніе». См. цит. стат., 43. Въ одномъ нѣсколько темномъ случаѣ, приводимомъ Dagonet, больной, представлявшій періодическія явленія крайней и весьма опасной нравственной извращенности, прекрасно разсуждалъ въ такіе періоды. Онъ хорошо сознавалъ, что онъ дѣлаетъ дурно и что онъ золъ и опасенъ; онъ признавалъ все это и въ то же время прибавлялъ, что не имѣетъ ни малѣйшаго желанія измѣниться, потому что дѣйствовать такимъ образомъ ему доставляетъ наслажденіе. «Folie morale»; оттискъ изъ «Ann. méd.-psych.» 1877, 19. См. также случай на стр. 30 и сл.

его лекцій. Нѣкто В., 50 лѣтъ, происходилъ отъ матери, крайне невропатической женщины, страдавшей мигренями. Обыкновенно она была очень печальна и подавлена и даже совершила одну попытку самоубійства. Впослѣдствіи она однажды была задержана пограничной стражей за проносъ табаку. Потрясенная этимъ случаемъ, она имѣла приступъ остраго душевнаго расстройства, послѣ котораго черезъ нѣсколько дней умерла. Отецъ В. былъ пьяница и вскорѣ послѣ смерти жены впалъ въ меланхолію. Одинъ изъ братьевъ В., по унаслѣдованію отъ алкоголика отца, страдалъ эпилепсіей, а другой былъ алкоголикъ и также имѣлъ эпилептическія головокруженія.

Самъ В. съ трехъ лѣтъ подвергался черезъ довольно долгіе періоды времени конвульсивнымъ припадкамъ, во время которыхъ онъ безъ сознанія падалъ на землю. Но чаще онъ имѣлъ эпилептическія головокруженія, сопровождавшіяся непродолжительнымъ бредомъ и импульсивными дѣйствіями, о которыхъ онъ потомъ не сохранялъ никакихъ воспоминаній. Въ одинъ изъ такихъ приступовъ онъ сжегъ иматье среди комнаты, а во время другаго пытался задушить свою дочь.

Въ 1862 г. В. имѣлъ приступъ меланхоліи, длившійся нѣсколько мѣсяцевъ и сопровождавшійся попыткой на самоубійство (повидимому, наслѣдіе отъ матери). Послѣ этого въ 1879 г. В. одѣлался неспокоенъ. Онъ не могъ оставаться на мѣстѣ, ощущалъ тяжесть въ головѣ и сжатія въ желудкѣ. *Иногда ему казалось, что онъ совершитъ какое нибудь преступленіе и окончитъ жизнь на эшафотѣ.* По временамъ же онъ чувствовалъ влеченіе убить жену и дѣтей. Эта мысль, говоритъ онъ, увлекаетъ его, господствуетъ надъ нимъ и отъ нея онъ не можетъ отдѣлаться. Слыша голосъ кого либо изъ своихъ, онъ иногда противъ своей воли хваталъ ножъ, колебался нѣкоторое время и потомъ съ ужасомъ отбрасывалъ его прочь отъ себя. Эти импульсивныя влеченія по временамъ пріобрѣтали такую интенсивность, что онъ приходилъ въ отчаяніе и лишь съ величайшимъ трудомъ могъ сдерживаться. Въ послѣдніе годы онъ сталъ пить и злоупотреблять ромомъ, вслѣдствіе чего у него развились явленія алкоголизма и характерный алкогольный бредъ. Въ такомъ состояніи онъ въ апрѣлѣ 1880 г. поступилъ въ больницу. Въ іюлѣ онъ вышелъ изъ нея поправившись, но черезъ нѣсколько уже дней снова одѣлался печаленъ, безпокоенъ, потерялъ бодрость духа, началъ чувствовать влеченіе дѣлать зло и влеченіе убить доктора, лечившаго его въ больницы, по отношенію къ которому онъ питалъ добрыя чувства. Эти влеченія приводили его въ отчаяніе и онъ тогда

снова обратился къ Magnan'у и рассказалъ ему свое невыносимое положеніе. «Я боюсь», говорилъ онъ, «что не буду болѣе господиномъ себя и совершу ужасное дѣло, а потому я непременно и хочу снова поступить въ больницу» ¹⁷⁵).

Въ этомъ случаѣ мы наблюдаемъ у В. какъ бы два рода импульсовъ: одни вполне безсознательные, роковые, которые дѣйствуютъ во время приступовъ эпилептическихъ головокруженій и о которыхъ у него потомъ не сохраняется рѣшительно никакихъ воспоминаній. Другіе—сознательные, развивающіеся наряду съ ними и независимо отъ нихъ, хотя, повидимому, и изъ одного источника. Послѣдніе представляютъ собою какъ бы болѣе слабую степень первыхъ и напряженіе ихъ—что для насъ особенно интересно—въ различные моменты значительно колеблется *отъ одной подсказанной влеченіемъ мысли и внушаемой боязни совершить преступленіе до неудержимаго порыва къ нему*, при которомъ ежесекундно является почти неминуемая опасность, что вотъ, вотъ не устоитъ, вотъ, вотъ прорвется и противъ желанія пуститъ въ дѣло ножъ, который уже въ рукѣ и совсѣмъ готовъ дѣйствовать.

Въ другихъ случаяхъ инстинктивные влеченія не обособляются отъ эпилептическихъ приступовъ, какъ мы только что видѣли. Напротивъ, по временамъ, но не всегда, происходитъ трансформация и замѣщеніе послѣднихъ первыми — ихъ психическими эквивалентами. Marandon de Montjel приводитъ наблюденіе одной молодой эпилептики, у которой обычные припадки эпилепсіи не всегда наступали въ данное время. Тогда, какъ бы замѣня ихъ, и въ качествѣ ихъ психическаго эквивалента развивалось импульсивное влеченіе къ убійству и самоубійству. Во время такихъ состояній больная, чувствуя свою слабость, просила обыкновенно надѣть на нее смирительную рубашку и вызвать у нея припадокъ, *который, по ея словамъ, избавлялъ ее отъ ея дурныхъ мыслей* ¹⁷⁶).

Нѣкто Graßano Celestino, мальчикъ, 16 лѣтъ, происходилъ отъ отца алкоголика, отличавшагося весьма злымъ характеромъ. Его наблюденіе особенно интересно для насъ, вслѣдствіе замѣчавшагося у него длящагося инстинктивнаго нравственнаго извращенія, подсказывающаго, какъ это бываетъ всегда, соответствующія влеченія, намѣренія и мысли.

¹⁷⁵) «Étude clin. sur les impuls. et les actes des alién.», 19 и сл.

¹⁷⁶) «Arch. de neurol.», т. XIII, 1887 г. «De la pyromanie», 49. См. также случай въ цитир. ст. Dogonet, 28 и сл.

Celestino страдалъ эпилепсіей съ семилѣтняго возраста и съ раннихъ поръ началъ пьянствовать и заниматься онанизмомъ. Онъ бѣгалъ изъ дому и предавался бродяжеству. Если его запирали, то онъ начиналъ ломать мебель и угрожалъ матери. О своихъ братьяхъ Celestino говорить дурно; онъ даже пытался убить одного изъ нихъ, «чтобы», какъ поясняетъ онъ, «сдѣлать изъ его головы трубку». Онъ наслаждался мученіями животныхъ и хотѣлъ быть мясникомъ (то же желаніе, какъ мы помнимъ, было и у наблюдавшагося д-мъ Магго эпилептика - поджигателя). Его много разъ отдавали въ ученіе, но отовсюду онъ былъ изгоняемъ за неспособность, наглость и крайне дурное поведеніе. Десяти лѣтъ онъ убѣжалъ изъ дому и поступилъ въ труппу акробатовъ. Одиннадцати лѣтъ онъ попалъ въ исправительный пріютъ въ Генуѣ, гдѣ вмѣстѣ съ товарищами пытался поджечь заведеніе, за что и былъ помѣщенъ на 8 мѣсяцевъ въ келью. Послѣ второй попытки поджога ¹⁷⁷⁾ онъ былъ переведенъ въ тюрьму. Здѣсь у него были замѣчены эпилептическіе припадки, по большей части скрытой эпилепсіи, проявлявшіеся въ психической области, но иногда съ ними чередовались и обычные конвульсивные припадки; во время одного изъ таковыхъ онъ пытался удавиться.

Разговоры, поведеніе и привычки Celestino и внѣ періода приступовъ обнаруживали полное отсутствіе нравственныхъ чувствъ. У него не наблюдается ни справедливости, ни честности, ни привязанности къ кому либо. По его словамъ, онъ любитъ свою мать только тогда, когда она ему приноситъ деньги и табакъ. Когда же она этого не дѣлаетъ, то она для него вполне одинакова со всѣми другими женщинами. Celestino не краснѣетъ, когда о немъ говорятъ дурно. Его фیزیомія немного оживляется лишь тогда, когда его обвиняютъ въ пассивной педерастіи. Самъ же онъ гордится активной ролью въ ней. Лѣнивый, сварливый и съ страстью къ игрѣ, онъ проводитъ свои дни, нисколько не заботясь о завтрашнемъ. Когда его спрашиваютъ, что онъ сталъ бы дѣлать, если бы его выпустили на свободу безъ

¹⁷⁷⁾ Въ сентябрѣ 1882 г. мнѣ удалось осмотрѣть это исправительное заведеніе— Casa di Patronato. Въ него помѣщаются бродяги, въ возрастѣ отъ 9—18 лѣтъ, или по распоряженію общественной власти, или по волѣ родителей, отдающихъ ихъ туда для исправленія. Заведеніе это произвело на меня одно изъ самыхъ неблагоприятныхъ впечатлѣній. Помѣщеніе содержится грязно. Дѣти одѣты также очень грязно и рубашки на нѣкоторыхъ состоятъ изъ лоскутовъ, сквозь которые просвѣчиваетъ грязное голое тѣло. При выходѣ изъ мастерскихъ всѣхъ до одного обыскиваютъ и перещупываютъ каждый разъ, чтобы убѣдиться, не укралъ ли кто чего-либо изъ матеріаловъ или инструментовъ.

денегъ, то онъ, нисколько не стѣсняясь, отвѣчаетъ, что онъ взялъ бы ихъ въ карманъ другаго, но ни въ какомъ случаѣ не сталъ бы работать ¹⁷⁸⁾.

Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ, особенно въ первомъ изъ нихъ, ярко выступаетъ непосредственная связь между автоматическими внутренними раздраженіями и дѣятельностью. Пока у эпилептической, наблюдавшейся Marandon de Montjel, автоматическое внутреннее раздраженіе, порождающее кровожадное влеченіе и соотвѣтствующія ему мысли, не разряжается въ мускульныхъ сокращеніяхъ, — въ бурныхъ эпилептическихъ припадкахъ, до тѣхъ поръ оно создаетъ у больной своеобразно окрашивающееся, съ психической стороны, томящее и тоскливое состояніе напряженности, порывающееся разрядиться въ соотвѣтствующихъ преступныхъ дѣяніяхъ.

Въ послѣднемъ же изъ двухъ только что приведенныхъ мною случаевъ трансформация и замѣщеніе конвульсивныхъ эпилептическихъ припадковъ психическимъ эквивалентомъ уже болѣе постоянно и состояніе, порождаемое внутреннимъ автоматическимъ раздраженіемъ, рѣдко доходитъ до первыхъ. Въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ трансформация представляется еще болѣе устойчивой и длительной. Тотъ же Marandon de Montjel приводитъ слѣдующій случай. Нѣкто Vuil..., рабочій на фермѣ, совершилъ съ 1882 — 1885 г. 7 поджоговъ. (2 под. въ 1882, 2—въ 1884 и 2—въ 1885 г.). Послѣ пяти первыхъ онъ судился, но, *благодаря своей необычайно ловкой защитѣ*, былъ оправданъ. Вскорѣ послѣ этого, проходя съ однимъ свидѣтелемъ мимо одной риги, наполненной хлѣбомъ, онъ не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть: «Какое бы прекрасное она дала пламя!» Послѣ седьмого поджога онъ былъ, наконецъ, осужденъ. Слѣдствіе выяснило, что до 1882 г.—времени начала поджоговъ, Vuil... былъ раздражителенъ, буенъ и золъ; онъ предавался пьянству и имѣлъ ясно выраженные эпилептическіе припадки. Съ 1882 г. припадки прекратились, *а вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнился и характеръ: Vuil... сталъ тихъ, послушенъ и трезвъ*, но за то появилось по временамъ вспыхивавшее неодолимое желаніе видѣть пламя, желаніе, *часто отличавшееся характеромъ одержанія, которому, по большей части, нельзя было противостоятъ* и которое являлось преимущественно послѣ того, какъ онъ имѣлъ сношенія съ женщинами. Въ эти періодически наступавшія эпохи одержаній онъ становился мраченъ, молчаливъ и избѣгалъ общества людей или безпрестанно толковалъ

¹⁷⁸⁾ «Actes du Congrès d'anthropol. crimin.», 1886—87, 250 и сл.

о пожарахъ. Согласно его послѣдовавшему признанію, ему иногда удавалось, послѣ долгой внутренней борьбы, преодолѣть одержаніе. Но большею частью послѣднее овладѣвало имъ съ такою силой, что онъ немедленно подчинялся. Въ послѣдній разъ онъ также пытался противостоять: онъ легъ, но никакъ не могъ сомкнуть глазъ, испытывая одержаніе, которое неотступно мучило его. Въ три часа ночи онъ уже не могъ болѣе противостоять и уступилъ бурному напору охватившаго его влеченія. Совершивъ поджогъ, Vuil... сперва нѣкоторое время восторгаясь видомъ пламени, а потомъ его внутреннее состояніе приходило въ норму и онъ спѣшилъ на помощь ¹⁷⁹⁾.

Въ этомъ наблюденіи особенно замѣчательны два обстоятельства. Во первыхъ, рѣзкое измѣненіе въ характерѣ. Раздраженіе, злость, склонность къ буйству и пьянству, наблюдавшіяся въ первомъ періодѣ въ промежутки между припадками, какъ бы замѣщаются во второмъ влеченіемъ къ виду пламени, а самые эпилептическіе припадки первого періода какъ бы замѣняются иногда только наступающимъ высшимъ развитіемъ этого влеченія, получающаго тогда характеръ одержанія, которому уже нельзя противостоять. Во вторыхъ, въ этомъ наблюденіи крайне интересно и то, что неодолимое влеченіе какъ бы входитъ въ кругъ всѣхъ другихъ психическихъ явленій и съ ними связывается. Самъ Vuil..., повидимому, не смотритъ на него, какъ на совершенно чуждое и какъ бы откуда-то извнѣ исходящее. Привлеченный къ суду, онъ откровенно не заявляетъ о немъ, какъ о чемъ-то для него вполне необъяснимомъ, странномъ и стоящимъ внѣ всякой связи съ его существомъ. Напротивъ, онъ скрываетъ его, отрицаетъ свою виновность и необычайно ловкой защитой устраняетъ обвиненіе.

Сходный случай рассказанъ у Gall'я и ему сообщенъ Zimmermann-омъ. Одинъ крестьянинъ съ 8 до 25 лѣтъ страдалъ частыми и ясно выраженными припадками эпилепсіи. Въ двадцатипятилѣтнемъ возрастѣ явленія безъ всякой видимой причины измѣнили свой характеръ и въ теченіе послѣдующихъ двухъ лѣтъ вмѣсто судорожныхъ припадковъ наблюдались сопровождавшіеся яснымъ сознаніемъ приступы неудержимаго влеченія убить кого либо. Наступленіе влеченія, какъ и эпилептическихъ припадковъ, больной предчувствовалъ напередъ за нѣсколько часовъ или даже за день. Тогда онъ просилъ, чтобы его связали, наложили на него цѣпи и тѣмъ помѣшали бы совершенію ужаснаго преступленія. «Когда это случается со мной», рассказы-

¹⁷⁹⁾ См. цитиров. уже стат., стр. 47 и сл.

валъ онъ, «тогда необходимо, чтобы я убилъ или задушилъ кого нибудь, будь-то ребенокъ». Отецъ и мать, которыхъ онъ очень любилъ, были бы его первыми жертвами. «Матушка», кричалъ онъ въ такіе періоды своей матери, спасайся, или я долженъ буду убить тебя!». Во время приступовъ, длившихся отъ 1 — 2 дней и предшествовавшихся подавленностью, сонливостью и легкими конвульсивными подергиваніями въ конечностяхъ, онъ сохранялъ ясное сознаніе своего существованія и грозящей отвѣтственности. Связанный онъ гримасничалъ, пѣлъ и говорилъ стихами. Проходилъ приступъ — онъ просилъ, чтобы его развязали и радовался, что не убилъ никого ¹⁸⁰).

Въ приведенномъ наблюденіи и послѣ наступившей трансформациі эпилептическихъ припадковъ въ импульсивныя влеченія все еще сохраняются, какъ мы видѣли, нѣкоторые слѣды конвульсивныхъ явленій въ подергиваніяхъ конечностей. Въ другихъ же случаяхъ не наблюдается и этихъ слѣдовъ, а также, повидимому, и самой трансформациі, и все ограничивается наличностью слѣпыхъ влеченій. Въ сочиненіи Marc'a мы находимъ рассказаннымъ слѣдующій случай.

Нѣкто М. Р., довольно извѣстный химикъ и поэтъ, по временамъ

¹⁸⁰) «Sur les fonct. du cerv.» 4 том., 104 и сл. Здѣсь будетъ кстати привести слѣдующее знаменитое наблюденіе Pinel'я, послужившее, въ числѣ прочихъ, основаніемъ для его ученія о маніи безъ бреда (*manie sans délire*), не сопровождающейся никакими уловимыми расстройствами пониманія, воспріятія, сужденія, представленій, памяти и пр. Одинъ изъ его больныхъ, помѣщавшихся въ Bicêtr'ѣ, испытывалъ черезъ неправильные періоды времени неудержимое кровожадное влеченіе къ убійству кого бы то ни было. Приступъ начинался ощущеніемъ жара въ кишкахъ и сильной жажды. Ощущеніе постепенно поднималось и распространялось къ груди, горлу, потомъ переходило на лицо, при чемъ это послѣднее сильно краснѣло. Когда ощущеніе достигало висковъ, тогда краснота еще болѣе увеличивалась и височныя артеріи ускоренно и сильно билась, какъ бы готовясь лопнуть. Наконецъ, ощущеніе жара охватывало и голову и тогда неудержимо загоралось всевластное влеченіе къ крови и убійству, при чемъ больной во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ сохранялъ «свободную дѣятельность своего разума». Онъ вполне правильно отвѣчалъ на всѣ вопросы и не проявлялъ никакой непоследовательности въ идеяхъ и никакихъ признаковъ бреда. «Онъ даже глубоко чувствовалъ весь ужасъ своего положенія; онъ былъ проникнутъ раскаяніемъ, какъ будто онъ могъ винить себя за это бѣшеное влеченіе». «Эта внутренняя борьба», прибавляетъ Pinel, «которую заставлялъ его испытывать здоровый разумъ, противодействовавшій кровожадной жестокости, иногда приводила его въ отчаяніе и онъ часто пытался самоубійствомъ покончить невыносимую борьбу». «Traité méd.-philos. sur l'alién. ment.», IX г., 151 и сл.

испытывалъ инстинктивное влеченіе къ убійству, вслѣдствіе котораго онъ добровольно заключался въ лѣчебницу. Мучимый и одержимый своимъ ужаснымъ влеченіемъ, онъ часто въ ужасной тоскѣ простирался предъ алтаремъ и страстно молилъ Господа избавить его отъ его одержаній, въ происхожденіи которыхъ онъ никогда не могъ отдать себѣ отчета. Въ лѣчебницѣ всякій разъ, когда онъ все снова и снова испытывалъ свое ужасное влеченіе и боялся, что его воля будетъ не въ силахъ противостоятъ ему, онъ въ волненіи прибѣгалъ къ директору заведенія и просилъ связать ему ленточкой вмѣстѣ большіе пальцы рукъ. Долгое время этого было вполне достаточно, чтобы его успокоить. Но, наконецъ, М. Р. не выдержалъ и совершилъ однажды попытку убить служителя и вслѣдъ за тѣмъ умеръ въ припадкѣ бѣшенства. Въ оставленныхъ имъ письмахъ, большую часть которыхъ читалъ самъ Marc и которые попали къ Gall'ю и потомъ, къ сожалѣнію, были утрачены, М. Р. описывалъ свои внутреннія состоянія и говорилъ, что онъ никогда не могъ открыть мотивовъ своего влеченія и что оно у него было вполне инстинктивнымъ ¹⁸¹).

Въ этомъ интересномъ наблюденіи загадочное инстинктивное влеченіе только при концѣ жизни какъ бы нѣсколько обнаружило свою истинную природу въ припадкѣ бѣшенства. Иногда же, повидимому, случается, что такое обнаруженіе наблюдается лишь во второмъ поколѣніи, тогда какъ въ первомъ налицо одно только принудительное влеченіе. Относящійся сюда крайне интересный примѣръ мы находимъ въ томъ же сочиненіи Marc'a.

Одна женщина, во время кормленія своей маленькой дочери грудью, испытала горячку. Но первоначально у нея появилось неодолимое и немотивированное влеченіе задушить своего ребенка. Подготовленному втихомолку осуществленію этого намѣренія, однако, во время помѣшали. Тогда у нея развилась горячка, продолжавшаяся нѣсколько недѣль. По выздоровленіи она не сохранила воспоминаній о періодѣ своей болѣзни. Влеченіе къ убійству у нея болѣе не повторялась и она была нѣжной матерью.

Ея подвергавшаяся опасности дочь Катерина въ дѣтствѣ не испытала никакихъ болѣзней, исключая оспы и гнистовъ. Регулы у нея появились поздно, но были правильны. Въ 32 года она счастливо родила и вскорѣ послѣ родовъ испытала приступъ сильнаго гнѣва и потомъ совершенно неожиданно имѣла конвульсивный припадокъ эпилепсiи, который потомъ уже не повторялся болѣе.

¹⁸¹) «De la folie», I, 241

Черезъ 6 недѣль послѣ родовъ Катерина поступила кормилицей въ домъ одного профессора, который и передавалъ все послѣдующее. Первое время все шло очень хорошо, и она была чрезвычайно нѣжна съ своимъ питомцемъ. По прошествіи 6 недѣль послѣ своего поступления на мѣсто, Катерина испытала сильное горе и раздраженіе по случаю смерти рожденнаго ею сына, которую она приписывала небрежности ходившей за нимъ женщины. Вскорѣ она, однако, успокоилась и еще болѣе полюбила своего питомца. Черезъ 28 недѣль послѣ начала кормленія у Катерины появились предшествоваемые легкимъ нездоровьемъ регулы; то же повторилось и на другой мѣсяцъ. Съ этихъ поръ она стала болѣть. Заболѣлъ и ребенокъ, но потомъ понемногу выздоровѣлъ, хотя и не представлялъ уже больше прежней степени свѣжести и здоровья. Во время болѣзни ребенка Катерина очень утомилась и скорѣ послѣ того почувствовала, вовсе не въ періодъ регулъ, сильныя колики, длившіяся съ субботы до воскресенья. Въ то же время она почувствовала въ желудкѣ какое-то движеніе и неясное безпокойство. Послѣ того вечеромъ въ воскресенье, когда Катерина была въ комнатѣ одна съ дѣтьми, она увидала на столѣ ножикъ и при этомъ ее внезапно охватила мысль перерѣзать имъ горло ребенку. Въ то же время она снова ощутила какое-то движеніе въ области желудка, сопровождавшееся ощущеніемъ жара, распространявшагося отъ нея къ головѣ. При этомъ ей казалось, будто кто-то подсказываетъ ей, что она должна убить ребенка. При этой мысли ужасъ охватываетъ Катерину. Она быстро выходитъ въ кухню съ ножомъ въ рукѣ, бросаетъ его прочь отъ себя и умоляетъ кухарку побыть съ нею, потому что дурныя мысли мучатъ ее, но та, занятая своимъ дѣломъ, отказывается и говоритъ даже, что должна будетъ уйти изъ дому. Тогда несчастная Катерина возвращается въ дѣтскую и та же ужасная мысль снова одолеваетъ ее. Она всячески старается развлечься, но навязчивая гостья не уходитъ прочь и неотступно мучить ее. Приходитъ кухарка, однако остается недолго. Катерина ложится спать и только лишь успѣваетъ заснуть, какъ снова просыпается, охваченная ужаснымъ и неудержимымъ влеченіемъ совершить убійство, противъ котораго глубоко возмущается все ея существо.

Въ этотъ моментъ, къ счастью, вернулись родители и несчастная немного успокоилась. Послѣ этого она спала плохо и къ тремъ часамъ ночи страшное влеченіе снова охватило ее съ такою силой, что она въ ужасѣ начала кричать. На вопросы проснувшихся она отвѣчала, что ее мучатъ дурныя мысли, но не сказала какія. Послѣ этого

она по временамъ разговаривала сама съ собой и иногда вскрикивала: «Великій Боже! какая отвратительная, какая ужасная мысль!» Такъ продолжалось до утра. На другой день она чувствовала себя утомленной, подавленной и оставалась подъ господствомъ прежнихъ состояній. Она сидѣла молча, чѣмъ-то поглощенная. Ея взглядъ часто былъ неподвиженъ и дикъ, а лицо очень красно. На слѣдующую ночь страшная мысль повторилась только одинъ разъ и потомъ уже не появлялась болѣе. На другой день послѣ этого она со слезами рассказала матери ребенка о всемъ случившемся и испытанномъ ею. Послѣдующее лѣченіе успокоило Катерину, но ея питомецъ вскорѣ послѣ того заболѣлъ и въ свою очередь *умеръ въ конвульсіяхъ*. Его смерть потрясла кормилицу. Пораженная и подавленная, съ безнадежнымъ отчаяніемъ во взглядѣ, держала она на рукахъ умирающаго ребенка, которому она отдала всю свою душу. Отчаяніе смѣнилось потомъ мрачной тоской, но эпилептическіе припадки и инстинктивные влеченія у нея послѣ того никогда уже болѣе не повторялись ¹⁸²⁾.

И въ только что рассмотрѣнномъ нами примѣрѣ инстинктивное влеченіе, вызываемое автоматическимъ раздраженіемъ, проявляется въ сознательной субъективной сферѣ дѣятеля не въ формѣ только темнаго влеченія, а, напротивъ, и въ болѣе осложненной формѣ—въ формѣ вызванныхъ яркихъ звуковыхъ представленій; Катеринѣ казалось, будто кто-то подсказываетъ ей, что она должна убить. Здѣсь автоматическое раздраженіе съ достаточной уже силой захватываетъ область представленій. Въ нѣкоторыхъ же другихъ случаяхъ это явленіе выступаетъ еще съ большей рельефностью, при чемъ *пробужденное раздраженіемъ и соотвѣтствующее влеченію звуковое представленіе* пріобрѣтаетъ степень яркой звуковой галлюцинаціи и тогда влеченіе получаетъ новую форму—форму повелительныхъ голосовъ.

Нѣкто В. имѣлъ брата вора, двухъ эпилептическихъ сестеръ и самъ также страдалъ эпилепсіей. Непріятно пораженный однажды видомъ мертвой кошки, онъ пришелъ въ возбужденное состояніе, плакалъ, хотѣлъ разойтись съ женой и на время слегъ въ постель. Потомъ онъ успокоился, всталъ и вскорѣ ласками завлекъ свою жену въ полѣ, тамъ забилъ ей ротъ землей и найденнымъ камнемъ раздробилъ ей голову, а затѣмъ ворвался къ своимъ сосѣдямъ и убилъ еще женщину и 3 дѣтей. Черезъ день онъ вспоминалъ о всемъ случившемся и говорилъ, что совершилъ избіеніе, повинувшись голосу,

¹⁸²⁾ Marc, цитир. сочин. I, 246 и сл.

который кричалъ ему: «Убивай, убивай!» Помѣщенный въ госпиталь, онъ имѣлъ подобный же припадокъ и во время его покушался на самоубійство ¹⁸³⁾).

Сходный случай приводитъ и Esquirol изъ сочиненія Platner'a. Работница одного крестьянина совершила два поджога. На первый она смотрѣла спокойно и съ удовольствіемъ. При второмъ же она поспѣшила позвать на помощь, а сама хотѣла повѣситься.

Со стороны умственной сферы эта дѣвушка не представляла никакихъ разстройствъ. Съ четырехлѣтнаго возраста она страдала конвульсіями, которыя замѣнились потомъ эпилептическими припадками. Незадолго до втораго поджога она имѣла очень сильный приступъ эпилепсіи. Причиной совершенія поджоговъ служилъ внутренній голосъ, постоянно и настойчиво приказывавшій ей совершить поджогъ и убить себя ¹⁸⁴⁾).

Въ этомъ случаѣ инстинктивное влеченіе, слѣдовавшее за припадками, переходило, какъ мы видимъ, въ сферу представленій и едѣсь облекалось въ форму соотвѣтствующаго голоса, который по своей повелительности вполне соотвѣтствовалъ особенностямъ влеченія—его принудительности.

Наконецъ, эпилептическіе припадки замѣщаются иногда странными приступами періодическаго нравственнаго извращенія и колебаніями въ настроеніи, съ которыми мы, впрочемъ, отчасти уже познакомились. Вотъ одинъ изъ подобныхъ примѣровъ.

Нѣкто L., мальчикъ 12 лѣтъ, происходилъ отъ эпилептической матери и отца невропата. Одинъ изъ его дядей былъ эксцентрикъ и слабоумный, а другой эпилептикъ. Такимъ образомъ, L. уже наследственно, повидимому, былъ предрасположенъ въ явленіямъ эпилептическимъ.

Въ дѣтствѣ въ немъ не замѣчалось ничего особеннаго, исключая чрезмѣрной набожности. Когда же ему было одиннадцать лѣтъ, то онъ началъ находить себя грѣшнымъ во всѣхъ тѣхъ грѣхахъ, о которыхъ говорилъ проповѣдникъ въ церкви. Позднѣе, каждые 7 дней у него стали замѣчаться приступы усиленно-выраженной подавленности: онъ проливалъ обильныя слезы, отчаявался спасти свою душу и пр. Съ теченіемъ времени къ періодическимъ приступамъ подав-

¹⁸³⁾ «Actes du Congrès d'anthrop. crim.», 259 и сл.

¹⁸⁴⁾ Цитир. сочин., I, 373. Morel передаетъ сообщенное ему д-мъ Renquin наблюдение одного эпилептика, который «постоянно *видѣлъ* передъ собой *присущихся* людей и испытывалъ неудержимое влеченіе вмѣшаться въ драку и *проливать кровь*». «Etud. clin.», II, 311.

ленности присоединилось и возбужденіе, но безъ всякихъ признаковъ умственного расстройства. При этомъ онъ сталъ совершать дѣйствія разрушительнаго и импульсивнаго характера.

Обычно веселый, добрый и послушный, Л. черезъ каждые семь дней постепенно становился все болѣе и болѣе подавленнымъ и затѣмъ впадалъ въ состояніе ужаснаго нравственнаго извращенія и дѣлался рѣшительно неузнаваемъ. Онъ становился нахаленъ, ломалъ все, что ему попадалось подъ руку, и съ наслажденіемъ предавался кражамъ, выказывая при этомъ удивительную ловкость и хитрость. Его періодически развивавшаяся жадность простиралась на всѣ предметы. Если онъ самъ не могъ воровать, то побуждалъ другихъ и служилъ ихъ руководителемъ. Всѣ свои кражи онъ энергично отрицалъ и плакалъ при этомъ, а изобличенный въ нихъ казался удивленнымъ и клялся, что не понимаетъ, какъ совершилъ ихъ ¹⁸⁵).

Таковы факты. Я представилъ рядъ видоизмѣняющихся случаевъ, рядъ модификацій, повидимому, въ существѣ одного и того же явленія, чтобы при посредствѣ его различныхъ тѣней и оттѣнковъ по возможности сблизить рѣзко выраженные болѣзненные явленія съ болѣе обычными явленіями психической жизни, въ которыхъ инстинктивные движенія души, только болѣе замаскированныя, также играютъ рѣшающую роль, порождая тѣ или другія сознательныя влеченія, намѣренія, мысли, соображенія и проч.

При этомъ я остановился только на одномъ рядѣ занимающихъ насъ явленій—явленій эпилептическихъ, какъ наиболѣе удобныхъ для изученія всѣхъ оттѣнковъ, начиная отъ бессознательныхъ автоматическихъ явленій, до явленій, сопровождающихся болѣе или менѣе сложными комбинаціями представленій. Но, конечно, представленнымъ рядомъ вся сфера интересующихъ насъ явленій не исчерпывается. Принудительныя и неодолимыя влеченія мы наблюдаемъ у алкоголиковъ, частью у нервныхъ, у истериковъ, а также и у наиболѣе оскудѣлыхъ разновидностей человѣческой породы. Во всѣхъ такихъ случаяхъ механизмъ явленія, повидимому, остается тотъ же самый; разница лишь въ осложненности и замаскированности явленій.

Подводя теперь итоги и при этомъ внимательно вглядываясь въ особенности всѣхъ приведенныхъ случаевъ приступовъ эпилептического характера, мы прежде всего замѣчаемъ ихъ дѣленіе на двѣ

¹⁸⁵) Цитиров. акты антр. конгр., 223 и сл.

категоріи: въ одной изъ нихъ совершенно отпадаютъ сознаніе и воспоминанія, тогда какъ въ другой они находятся налицо. Далѣе, въ однихъ изъ случаевъ этой послѣдней категоріи органическое раздраженіе какъ бы концентрируется и получаетъ форму неудержимаго порыва, который парализуетъ способность сдерживаться и руководствоваться предвидѣніемъ будущаго. Въ такихъ случаяхъ сильное внутреннее раздраженіе стремится разрядиться въ дѣйствіяхъ опредѣленнаго характера, при чемъ иногда для дѣятеля безразлично, на кого они направятся и кто будетъ ихъ жертвою. Органическое раздраженіе, исходящее изъ тайниковъ растительной жизни, вызываетъ иногда при этомъ тѣ или другія соотвѣтствующія представленія, одѣвается ими и въ субъективной сферѣ охваченнаго порывомъ является или въ формѣ повелѣвающихъ голосовъ, или какихъ либо иныхъ образовъ.

Въ другихъ же случаяхъ автоматическое раздраженіе, повидимому, не концентрируется въ такой степени, не становится столь сгущеннымъ, если можно такъ выразиться, и не получаетъ столь прямолинейнаго направленія въ сторону тѣхъ или другихъ опредѣленныхъ дѣйствій, а въ субъективной сферѣ субъекта не пріобрѣтаетъ формы столь неудержимаго порыва—влеченія. Напротивъ, оно какъ бы расплывается и охватываетъ всю сферу настроенія, придаетъ ей особую, общую раздражительно-злобную окраску и создаетъ состоянія, которыя по своимъ особенностямъ вполне подходятъ подъ техническое понятіе нравственнаго помѣшательства. При этомъ какъ бы вся нравственная сторона субъекта извращается и въ немъ, по разнымъ поводамъ и при различныхъ жизненныхъ столкновеніяхъ, зарождаются различныя влеченія импульсивнаго характера и раздражительное стремленіе дѣлать зло, которыя подсказываютъ и наталкиваютъ его на дурныя, порочныя и даже преступныя дѣянія.

Такъ какъ при этомъ импульсивныя влеченія не выливаются въ рѣзкую форму неудержимаго, стремительнаго и какъ бы конвульсивнаго порыва и натиска, а, напротивъ, проявляются какъ бы въ болѣе мягкихъ формахъ разсуждающаго нравственнаго извращенія, то здѣсь является вопросъ о способности сдерживаться, о степени и мѣрѣ ея. Но этотъ вопросъ, самъ собою возникающій и напрашивающійся при господствующихъ юридическихъ взглядахъ, представляется вопросомъ, крайне труднымъ, чтобы не сказать безнадежнымъ, по меньшей мѣрѣ, при современномъ состояніи нашихъ знаній. Миѣ пришлось познакомиться и изучить множество конкретныхъ случаевъ и множество экспертизъ и во всѣхъ нихъ, при наличности преступ-

наго факта, рѣшеніе о степени и мѣрѣ способности сдерживаться представлялось весьма шаткимъ и не обоснованнымъ.

Во всѣхъ случаяхъ конечный результатъ несомнѣнно зависитъ, во-первыхъ, отъ силы импульсивнаго влеченія, которая есть постоянно колеблющаяся величина, зависящая, съ одной стороны, отъ силы раздражающаго воздѣйствія, а съ другой—отъ степени раздражительности въ данное время подвергающихся воздѣйствію нервныхъ центровъ, которая также есть постоянно колеблющаяся величина, зависящая отъ измѣняющихся органическихъ состояній. Сверхъ того конечный результатъ зависитъ и отъ силы задерживательной способности, а послѣдняя въ свою очередь представляется величиной, постоянно колеблющейся въ зависимости отъ органическихъ условій питанія высшихъ нервныхъ центровъ. Поэтому понятно, насколько трудно опредѣлить и взвѣсить, съ мало мальски достаточной степенью точности, по внѣшнимъ признакамъ и проявленіямъ возможность сдержаться въ каждый данный моментъ совершенія порочнаго или преступнаго дѣянія. Несомнѣнно лишь одно, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ аномальными раздраженіями колеблющейся интенсивности, которыя, какъ мы это имѣли случай видѣть ни разъ въ приведенныхъ примѣрахъ, могутъ подсказывать и вызывать въ сознаніи человѣка опредѣленные соотвѣтствующія представленія, ряды ихъ, опредѣленные соотвѣтствующія соображенія и, такимъ образомъ, въ каждый данный моментъ обуславливать опредѣленный кругъ мышленія, стремящійся реализироваться въ опредѣленныхъ дѣйствіяхъ ¹⁸⁶⁾. При разлитомъ длящемся, хотя, казалось бы, и болѣе слабомъ раздраженіи, условія для сдерживанія, конечно, только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, повидимому, даже нѣсколько болѣе неблагопріятны, нежели при раздраженіяхъ сконцентрированныхъ, порождающихъ порывистыя влеченія въ сторону опредѣленнаго дѣйствія или дѣйствій. Въ первомъ случаѣ возникаютъ различныя, хотя и болѣе слабыя, но постоянно однохарактерныя влеченія, въ отношеніи которыхъ бдительность, вслѣдствіе самой ихъ множественности, гораздо болѣе затруднительна. Сдержавшійся подъ ея вліяніемъ сейчасъ не одержится въ одинъ изъ послѣдующихъ моментовъ, когда его бдительность хотя нѣсколько ослабѣетъ, и онъ, такимъ образомъ, будетъ застигнутъ врасплохъ ¹⁸⁷⁾. Вообще можно сказать, что во

¹⁸⁶⁾ Соотвѣтствующіе примѣры см., между прочимъ, въ 313 прим. на стр. 237 моей работы «Психологія преступности».

¹⁸⁷⁾ Понятно поэтому, что угроза наказаніемъ, по меньшей мѣрѣ въ значи-

многихъ отношеніяхъ, повидимому, гораздо труднѣе бороться и умѣрять дурной характеръ вообще, нежели бороться и умѣрять определенное урное стремленіе.

II.

До сихъ поръ мы изучали въ большей или меньшей мѣрѣ уже затронутыя процессомъ органическаго оскудѣнія, но въ общемъ все еще сильныя натуры, въ которыхъ наблюдались достаточные остатки полно развитой органической жизни. Правда, онѣ не были способны къ ровному, стойкому и длящемуся возбужденію и такимъ же проявленіямъ энергіи: ихъ жизненный пульсъ значительно колебался въ обѣ стороны и нарушалъ правильный и ровный ходъ жизни. Тѣмъ не менѣе, при ихъ впечатлительности, имъ было свойственно освобождать въ общемъ сравнительно еще значительныя количества энергіи и онѣ были способны къ напряженнымъ періодическимъ проявленіямъ жизненности. Но процессъ органическаго оскудѣнія, если не наступаютъ благопріятныя условія оздоровленія, подвигается впередъ и порождаетъ въ рядѣ нисходящихъ поколѣній все болѣе и болѣе оскудѣвающія разновидности породы, вплоть до самыхъ жалкихъ отребій человѣчества ¹⁸⁸⁾.

тельнымъ числѣ такихъ случаевъ, будетъ недостаточна. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что подобныя личности должны быть безотвѣтственны за свои дѣйствія? Очевидно, нѣтъ. Первое безусловное требованіе по отношенію ко всѣмъ вредоноснымъ членамъ общества, чтобы они были изъяты изъ его свободной жизни на болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени. Второе требованіе, чтобы были приняты соотвѣтствующія мѣры для ихъ обезвреженія путемъ ихъ послѣдующаго измѣненія. Въ одномъ случаѣ средствомъ для достиженія цѣли будетъ служить лѣченіе, въ другомъ психо-физическая дрессура въ зависимости отъ психо-физическихъ особенностей и т. д.

¹⁸⁸⁾ Говоря о дѣятельности Pestalozzi, Fellenberg'a и Wehrli, Lurieu и Romand замѣчаютъ: «Между характеристическими чертами нищеты, этого разъѣдающаго шанкра современныхъ обществъ, есть одна черта, есть одинъ симптомъ, одна особенность, которая попреимуществу и поразила трехъ филантроповъ Гельвеціи; это было то, что называютъ наследственной нищетою, нѣчто въ родѣ воспроизведенія нищеты самою нищетою, которая, помимо всѣхъ другихъ причинъ, болѣе или менѣе присущихъ нашему общественному строю, стремится непрерывно увеличивать число нищихъ и, такъ сказать, создавать въ каждой европейской націи особую касту, расу *убогихъ*, *аристократію лохмотій*. Чѣмъ болѣе увеличивается и чѣмъ выше поднимается волна цивилизаціи, тѣмъ болѣе сгущается и умножается эта нечистая тина, такъ что одна рассматривается, какъ послѣдствіе другой. Все дѣйствительно способствуетъ размноженію этой породы закоренѣлыхъ бѣдняковъ, нищихъ отъ отца къ

Д-ръ Comraigne рассказываетъ, что однажды онъ слушалъ лекцію извѣстнаго проф. М. Vill. Желая показать вліяніе состава почвы на силу растений, послѣдній представилъ своимъ слушателямъ три былинки хлѣбныхъ злаковъ, различной величины. Всѣ онѣ происходили, въ послѣдовательныхъ поколѣніяхъ, отъ одного великолѣннаго злака и всѣ были посѣяны и выращены на одной и той же почвѣ и при сходныхъ условіяхъ. Выбранная почва не обладала достаточнымъ количествомъ азота, нужнаго для нормальнаго развитія культивировавшагося растенія (а между тѣмъ, сколько людей живутъ при отсутствіи условій, необходимыхъ для ихъ нормальнаго физическаго и нравственнаго роста и развитія?!) Самая большая изъ трехъ былиннокъ—первая генерація—уже не представляла обычнаго роста. Ея колосья, довольно хорошо одѣтые, были образованы изъ нѣсколькихъ мелкихъ зеренъ. Эти послѣднія, посѣянные въ ту же почву, на слѣ-

сыну, предопредѣленныхъ лаццарони: и успѣхи промышленности, и усовершенствованія машинъ, и остановки въ работахъ, причиняемыя революціями, и побѣды науки надъ смертію, и усиленія спокойствія и даже плодovitость нищеты—все, до усилий благотворительности излѣчить ее». «Etudes sur les colonies agricoles», 187. Въ своемъ отчетѣ («Colon. agricol., écoles rurales» etc.), представленномъ министру юстиціи, Fesch, Discretiaux также говоритъ о семьяхъ, преданныхъ „наслѣдственной нищетѣ и деградации“, XVIII. Не безъинтересно отмѣтить, что въ процессахъ душевнаго расстройства мы наблюдаемъ иногда, повидимому, на почвѣ усиливающихся нарушеній питанія мозга, сравнительно быстрое, но постепенное развитіе многихъ психическихъ особенностей, отмѣчающихъ процессъ прогрессирующаго наслѣдственнаго органическаго оскудѣнія. «Я всегда пользовался хорошимъ здоровьемъ», рассказывалъ Esquirol'ю одинъ изъ его паціентовъ. «Я счастливъ въ моей домашней жизни; я очень люблю мою жену и дѣтей, которыя прекрасны; дѣла мои въ отличномъ состояніи (весьма можетъ быть, что усиленные занятія ими и разстроили питаніе мозга). Три года тому назадъ я испыталъ небольшую непріятность; это было въ началѣ осени. Я сдѣлался печаленъ, озабоченъ и обидчивъ. Мало по малу я сталъ забрасывать мои дѣла; я уходилъ изъ дому, чтобы избѣгать скуки; я чувствовалъ себя слабымъ, я пилъ пиво и ликеры (обычное средство истощенныхъ повышать пульсъ жизни); вскорѣ я сталъ раздражителемъ, всякая бездѣлица досаждала мнѣ, возбуждала меня и дѣлала невыносимымъ и даже опаснымъ для домашнихъ (очевидно, развилось состояніе нервной раздражительности). Мои дѣла страдали отъ этого; самъ я страдалъ безсонницами и отсутствіемъ аппетита. Ни мнѣнія, ни нѣжные совѣты моей жены и семьи не оказывали болѣе на меня вліянія. Наконецъ, я впалъ въ глубокую апатію и былъ ни къ чему не способенъ, какъ только пить и раздражаться». «Des malad. ment.», 230 и сл. Здѣсь передъ нами проходятъ, какъ бы въ быстро движущейся картинѣ, многія особенности исторіи органическаго оскудѣнія послѣдовательныхъ поколѣній въ цѣлыхъ семьяхъ.

дующій годъ дали короткіе стебли, заканчивавшіеся колосьями, образованными изъ зеренъ еще меньшихъ по величинѣ, менѣе тяжелыхъ и менѣе многочисленныхъ, сравнительно съ предшествующими. Такова была вторая генерація. Наконецъ, стебли растеній третьяго года, давшихъ третью генерацію и происшедшихъ отъ зеренъ второй, посѣянныхъ въ прежнюю почву, были очень коротки и ихъ рудиментарные колосья заключали въ себѣ очень мало зеренъ и при томъ мелкихъ и легкихъ. «Нужно думать», замѣчаетъ д-ръ Comraigne, «что эти сѣмена, посѣянные при тѣхъ же условіяхъ, остались бы безплодны». «Если и можно», прибавляетъ онъ далѣе, «отказать первой былинкѣ въ названіи захирѣлой, то нельзя не приписать его второй и особенно третьей. Переходя черезъ генераціи, зло сдѣлало успѣхи; оно вкоренилось въ организацію и закончилось тѣмъ, что приобрѣло степень важности, несовмѣстимую съ воспроизведеніемъ. Индивидуальная жизнь еще сохраняется въ послѣднемъ образцѣ, но жизнь родовая уже угасла въ немъ» ¹⁸⁹⁾).

То же явленіе, при устойчивости вліяній неблагопріятныхъ условій окружающей среды, имѣетъ мѣсто и въ человѣческомъ обществѣ ¹⁹⁰⁾, гдѣ органическое захирѣніе и обезцвѣчиваніе встрѣчается, можетъ быть, еще чаще.

«Первыя наблюденія въ области болѣзненной антропологии (*anthropologie morbide*), которыя я могъ сдѣлать въ департаментѣ Нижней Сены», говоритъ Mogel, «познакомили меня съ особымъ упадкомъ расы. Послѣдній долженъ сохранять болѣе или менѣе одинаковый характеръ во всѣхъ мануфактурныхъ мѣстностяхъ.

«Я очень часто былъ поражаемъ крайнимъ несоотвѣтствіемъ, замѣчавшимся между физическою конституціею дѣтей и ихъ дѣйствительнымъ возрастомъ. Не разъ случалось мнѣ давать восемь или десять лѣтъ дѣтямъ, имѣвшимъ 15 или 16 лѣтъ, а молодые люди 15 или 20 лѣтъ часто казались мнѣ имѣющими всего 14 или 15 лѣтъ».

Указавъ далѣе на значительное число забракованныхъ при приѣмѣ въ военную службу, вслѣдствіе недостатка роста, слабости сложенія и различныхъ немощей, Mogel продолжаетъ: «несомнѣнно, что алкоголизмъ играетъ важную роль въ порожденіи этихъ немощей, осо-

¹⁸⁹⁾ «*Traité de la manie raisonnante*», 337.

¹⁹⁰⁾ «Исслѣдованія Villermé поступающихъ въ военную службу въ различныхъ департаментахъ Франціи показываютъ, что освобожденія отъ военной службы, по причинѣ малорослости, на столько многочисленнѣе, на сколько страна бѣднѣе и жители ея хуже питаются», Comraigne, цит. соч., 339.

бенно если принять во вниманіе, что эпилепсія и другія конвульсивныя явленія въ значительной мѣрѣ увеличиваютъ число случаевъ избавленія отъ военной службы. Но помимо этой спеціальной причины, я всегда могъ дать себѣ отчетъ въ задержкѣ развитія, лишь приурочивая вырожденіе нисходящихъ къ состояніямъ захудалія родителей, вызываемымъ только недостаточностью питанія и безвліянія собственно алкоголизма. Нѣкоторые родители имѣли восемь, десять, до шестнадцати, дѣтей и только одинъ или два выживали и то хилыми, рахитичными» и представляли слѣдующіе физическіе атрибуты: «головы маленькія, недостаточныя, уходящія назадъ; запоздалое половое развитіе, а иногда и абсолютное безплодіе. Если спросить родителей о родѣ болѣзней, унесшихъ ихъ дѣтей, то они скажутъ вамъ, что они затруднились бы отвѣтить на это: какъ будто что-то въ родѣ упадка силъ; пища не шла имъ въ прокъ». «Что касается до факта, что пища не идетъ въ прокъ», продолжаетъ Mogel, «то подтвержденіемъ его служатъ явленія, наблюдаемыя у дѣтей въ ясляхъ, которыя, несмотря на даваемую имъ хорошую пищу, погибаютъ въ ужасающей пропорціи, вслѣдствіе общаго истощенія и худосочія нищеты».

Слѣдомъ за этимъ Mogel приводитъ примѣръ одной 22-лѣтней дѣвушки, Викторіи. Ея отецъ былъ ограниченный человѣкъ. Дѣдъ съ материнской стороны умеръ въ состояніи какъ бы идіотизма, а ея мать была безличная и безобидная женщина. Родители Викторіи не предавались пьянству, но были очень бѣдны, жили весьма плохо и питались дурно. Ея сестры жили на заводѣ и зарабатывали очень мало, вслѣдствіе ограниченности ихъ умственныхъ способностей. При вскрытіи трупа Викторіи, оказалось, что многія части скелета, обыкновенно гораздо ранѣе окостенѣвающія, представлялись еще хрящевыми; другія же части были чрезмѣрно утончены. Мозгъ былъ блѣденъ, обезкровленъ и вѣсилъ всего 1007 грм., но не представлялъ неравенства полушарій. *Сердце было блѣдно, дрябло, обезцвѣчено, какъ бы атрофированное (85 грам.). Калибръ сосудовъ былъ вообще мельче, нежели то бываетъ обычно.* Задержка въ развитіи яичниковъ и матки была полная; эти органы были развиты не болѣе, нежели у ребенка шести лѣтъ ¹⁹¹⁾.

¹⁹¹⁾ «De la formation du type dans les variétés dégénérées», 30 и сл. «Когда въ какомъ-либо населеніи распространяется хилость», замѣчаетъ Reich, «то въ немъ встрѣчаются не только опредѣленные недуги, но у нѣкотораго числа индивидуумовъ и семействъ наблюдается слабость жизненности (Lebensschwäche) вообще. Вслѣдствіе недостаточнаго питанія, физической или умственной чрез-

На такой почвѣ поступательнаго наслѣдственнаго оскудѣнія зарождается и потомъ дальнѣйше увеличивается предрасположеніе къ легкому развитію тяжелыхъ хроническихъ страданій—рахитизма, золотухи и туберкулеза, которыя поражаютъ глубокія порчи организма ¹⁹²⁾.

Первой болѣе или менѣе рѣзко опредѣленной переходной ступенью ¹⁹³⁾ въ нарождающемся, поступательномъ фізіологическомъ и психологическомъ оскудѣніи организма, послѣ болѣе или менѣе сильныхъ нервныхъ темпераментовъ, являются темпераменты, которые, въ отличіе отъ первыхъ, я назову слабонервными. Представляя тѣ же основные психофізическіе признаки, какъ и предшествующіе, они являются лишь еще однимъ дальнѣйшимъ шагомъ впередъ по пути усиливающагося органическаго оскудѣнія. Последнее въ своемъ поступательномъ ходѣ отмѣчается все большимъ ослабленіемъ жизненнаго пульса, постепенно все большимъ усиленіемъ отвращенія къ труду и всякой дѣятельности, увеличивающимся замираніямъ лучшихъ

мѣрной работы и другихъ неблагопріятныхъ условій, это ослабленіе жизненныхъ силъ увеличивается безъ того, чтобы всегда развивались какіе-либо особые недуги. Въ такомъ населеніи замѣчается упадокъ жизненности, уменьшеніе средней продолжительности жизни и стираніе отличительныхъ особенностей конституціи, темпераментовъ, даже пола». «Повсюду регрессъ, упадокъ, ослабленіе». Далѣе онъ замѣчаетъ, что если два или три поколѣнія отцевъ жили развратно желудкомъ или любовью, а третье, вслѣдствіе того, впало въ бѣдность, «имѣя слишкомъ много, чтобы умереть, и слишкомъ мало, чтобы жить», то этихъ моментовъ вполне достаточно, чтобы четвертое поколѣніе явилось выродившимся, хилымъ и неуравновѣшеннымъ. «Die Erblichkeit der Gebrechen», 18, 19, 26.

¹⁹²⁾ Bouchardat: «Traité d'hygiène», 636—642; Reich, цит. соч. 27. «Даже при бѣгломъ осмотрѣ питомцевъ с.-петербургской колоніи легко замѣтить, что многіе отстали отъ однолѣтокъ, находящихся въ условіяхъ нормальнаго воспитанія», говоритъ директоръ колоніи г. Тютчевъ. «Малорослыхъ очень много въ петербургской колоніи, и они, не взирая на хорошія гигиеническія условія, на хорошее питаніе, на легкій трудъ, не поправляются и остаются малорослыми. Затѣмъ въ колоніи всегда находится нѣсколько субъектовъ, по своему развитію немного ушедшихъ впередъ отъ идіотовъ». «При осмотрѣ головъ, легко замѣтить у многихъ или ассиметрію черепа, или прогнатизмъ, или неправильную постановку ушей, или косоглазіе и т. д. Многіе страдаютъ пораженіемъ железъ, разными формами золотухи, сыпными болѣзнями» и т. д. См. журналъ «Трудъ», декабрь, 1889 г., 49 и сл.

¹⁹³⁾ Едва ли нужно говорить, что эти градаціи вполне произвольны и обусловлены удобствомъ изученія.

сторонъ человѣческой души и въ своихъ низшихъ ступеняхъ—постепеннымъ нарощеніемъ грубаго эгоизма, переходящаго въ «патологическій эгоизмъ» ¹⁹⁴⁾, и усиливающимся упадкомъ волевой власти ¹⁹⁵⁾. Выше я уже достаточно говорилъ объ органическихъ процессахъ, повидимому, лежащихъ въ основѣ появленія и нарощенія такъ называемой нервности, а потому, по отношенію къ слабонервнымъ, я ограничусь лишь передачей нѣсколькихъ конкретныхъ примѣровъ.

Нѣкто С..., 54 лѣтъ, происходилъ изъ дурноуравновѣшенной семьи. Его три незамужнія тетки съ материнской стороны были дурно уравновѣшенныя личности. Онѣ отличались слабостью умственныхъ способностей и пригомъ крайней набожности. Одна изъ его сестеръ, проявлявшая эксцентричность и неуравновѣшенность характера, умерла отъ туберкулеза (указаніе на конституціональную слабость). Старшій сынъ С... былъ слабоуменъ, старшая его дочь была очень нервная и эксцентричная дѣвушка, а вторая и третья были неуравновѣшенны и проявляли большіе странности и недостатки.

Самъ С... всегда представлялся человѣкомъ съ большими странностями. Будучи уже 44 лѣтъ онъ однажды потерялъ свои деньги. Эта потеря подѣйствовала на его нервно-слабую натуру такъ сильно, что уничтожила въ немъ всякую энергію: у него развилось отвращеніе къ работѣ, и онъ сталъ настолько безволенъ, что не могъ рѣшиться

¹⁹⁴⁾ Krauss: «Die Psychologie des Verbrechen» 34. При анализѣ конкретныхъ случаевъ, иногда представляющихъ уклоненія, всегда необходимо имѣть въ виду вліяніе болѣе или менѣе проявляющейся неуравновѣшенности, происходящей отъ неравномѣрнаго развитія органическихъ системъ, въ свою очередь обусловливаемого различіями въ жизненныхъ опытахъ и упражненіяхъ. И въ процессѣ поступательнаго органическаго оскудѣнія не всѣ органическія системы поражаются въ равной мѣрѣ. Въ то время, какъ нѣкоторыя уже очень ослаблены, другія могутъ быть, конечно, только сравнительно сильны, а потому и идущіе отъ нихъ чувственные тоны могутъ еще довольно сильно звучать въ сложной тонаціи общаго чувства и обусловливаемого имъ настроенія.

¹⁹⁵⁾ То же явленіе наблюдается и при нѣкоторыхъ болѣзненныхъ душевныхъ состояніяхъ—продуктахъ ослабленія въ питаніи мозга и его центровъ. «Я знаю все это, отвѣчалъ Esquirol'ю на его увѣщанія одинъ липеманіакъ, я знаю, что я долженъ дѣлать, я желалъ бы это дѣлать, *но дайте мнѣ силу, дайте мнѣ власть, которыхъ мнѣ не достаетъ, и тогда вы меня измѣните*». Цитир. соч. I, 67. «Извѣстно, насколько труденъ у сумасшедшихъ переходъ отъ мысли къ дѣйствию», замѣчаетъ проф. Lasègue. «Нѣтъ никого, кто бы не былъ пораженъ противорѣчіемъ между ихъ дѣятельностью и намѣреніями. Чѣмъ менѣе кто либо опытенъ въ ихъ изученіи, тѣмъ болѣе удивляется онъ, видя, какъ честолюбіе или всякое другое болѣзненное чувство истощается, не порождая никакихъ слѣдствій». «Etudes medic.», II, 143.

ни на что. На всѣ увѣщанія искать труда, онѣ отвѣчалъ, что работать не стѣитъ, когда нѣтъ шансовъ и когда теряешь то, что приобрѣлъ. Иногда онѣ принималъ рѣшенія и отправлялся на поиски, но всегда останавливался на дорогѣ и возвращался назадъ, говоря: «Для чего все это? завтра, все равно—меня прогнали бы». (Здѣсь интересно отмѣтить эту полную безнадежность и это отсутствіе всякой увѣренности въ себѣ и въ своихъ силахъ, повидимому, подсказывавшіяся внутреннимъ опытомъ самочувствія и часто наблюдаемыя у нервно-слабыхъ натуръ).

Въ это время семья С... жила остатками отъ прежняго; когда же и остатки были съѣдены, то складами вещей, а между тѣмъ самъ С... апатично и спокойно присутствовалъ при собственномъ разореніи и не дѣлалъ никакихъ усилій, никакихъ попытокъ. Мало по малу онѣ дошелъ до того, что жена должна была кормить его (общая черта всѣхъ нервно-слабыхъ натуръ, которая, не ощущая въ себѣ сколько нибудь достаточнаго количества силъ, легко примиряются съ своею зависимою отъ другихъ, часто явно тяготящихся ими). По временамъ онѣ, однако, волновался и ему приходила на умъ не приводившаяся, конечно, въ исполненіе мысль о самоубійствѣ (характерный органический фактъ: представленіе о самой смерти кажется привлекательнѣе, нежели представленіе о трудѣ и затратахъ энергіи, которой нѣтъ и которую организмъ производитъ въ слишкомъ маломъ количествѣ). вмѣстѣ съ тѣмъ его умственные способности стали постепенно ослабляться. По временамъ онѣ бывалъ раздражителенъ и вспыльчивъ, а по временамъ впадалъ въ полнѣйшую апатію и индифферентизмъ и предоставлялъ дѣлать вокругъ себя все, что угодно (общая особенность слабыхъ натуръ); наконецъ, у него развилось неодолимое влеченіе къ кражамъ (замѣчательно, что и неодолимое влеченіе по своему характеру вполне соответствуетъ слабой натурѣ: ни насилія, ни разбой и грабежъ, а простая кража или тайное присвоеніе); за одну изъ которыхъ онѣ и былъ арестованъ ¹⁹⁶⁾).

Таковъ внутренній міръ этой нервно-слабой личности и таковы его внѣшнія проявленія. Приблизительно таковъ же онѣ и у множества другихъ подобныхъ личностей, наполняющихъ собою ряды преступнаго люда ¹⁹⁷⁾. Вся разница лишь въ томъ, что въ данномъ случаѣ

¹⁹⁶⁾ Legrain, «Du délire chez les dégénérés», 219 и сл.

¹⁹⁷⁾ «Преступность по всему своему существу», замѣчаетъ Reich, «есть унаследованная и вліяніемъ роковыхъ жизненныхъ отношеній увеличенная оскудѣлость». Цитир. соч., 27.

наблюденіе дало себѣ трудъ заглянуть и освѣтить нѣкоторые истинные факторы явленія, тогда какъ въ другихъ случаяхъ—и ихъ громадное большинство—явленія проходятъ не изслѣдованными и вызываютъ лишь представленія о «злой волѣ» и «зломъ умыслѣ», заслуживающихъ только строгой кары и отмищенія.

Другой примѣръ. Нѣкто Aimé P..., въ лицѣ котораго прекращалось мужское поколѣніе его рода (нѣкоторое указаніе на вѣроятный упадокъ жизненности) имѣлъ въ средѣ своихъ восходящихъ много лицъ душевно-больныхъ, имена которыхъ въ теченіе полувѣка встрѣчались въ регистрахъ мѣстнаго азиля (очевидный признакъ значительнаго вырожденія рода). Братъ Aimé покончилъ жизнь самоубійствомъ (вслѣдствіе, конечно, подавленности своего настроенія, которая обыкновенно наблюдается у людей слабой жизненности), а его сестра, оставшаяся бѣздѣтной, умерла въ азилѣ для душевно-больныхъ. Она удивляла всѣхъ окружающихъ оригинальностями своего характера и своими многочисленными странностями.

Помѣщенный одиннадцати лѣтъ въ коллегію, Aimé былъ въ ней довольно обыкновеннымъ ученикомъ. Онъ былъ мягкаго, покойнаго и даже трусливаго характера и лимфатическаго темперамента ¹⁹⁸). По выходѣ же изъ коллегіи, гдѣ онъ отличался *ужасной лѣнностью, поразительной нерадивостью* (довольно яркіе признаки нервной слабости), склонностью уединяться и высказывать неправильныя и ложныя сужденія, онъ немедленно предался удовлетворенію своихъ разнузданныхъ страстей (у нервно-ослабленныхъ натуръ онѣ часто обладаютъ неограниченнымъ господствомъ и хотя временно повышаютъ ихъ жизненной пульсъ). Большое наследственное состояніе дало ему полную возможность — что, къ сожалѣнію, часто бываетъ — широко удовлетворять всѣмъ своимъ дурнымъ склонностямъ и безслѣдно уничтожать громадныя массы продуктовъ чужаго труда, произвести которыхъ, даже самую малѣйшую часть, онъ не имѣлъ ни силъ, ни умѣнья. Онъ началъ путешествовать, или, по выраженію Morel'я, перемѣщаться съ мѣста на мѣсто, вслѣдствіе безпокойнаго стремленія къ бродяжеству (послѣднее часто очень привлекательно для нервно-слабыхъ людей, которые находятъ въ постоянной смѣнѣ впечатлѣній и движеній цужныя имъ возбужденія). Во время своихъ странствова-

¹⁹⁸) По поводу послѣдняго, Morel замѣчаетъ: «Чаще всего индивидуумы этой болѣзненной разновидности съ раннихъ поръ отличаются дурными склонностями и эксцентричностями характера; иногда также они выказываютъ большія умственные способности къ нѣкоторымъ вещамъ, но вообще онѣ представляются медлительными, лѣнивыми, упрямыми и недисциплинированными».

ній, желая заставить говорить о себѣ во что бы то ни стало и постоянно сосредоточивать на себѣ вниманіе, онъ выдавалъ себя за знаменитость, продѣлывалъ множество самыхъ необычайныхъ чудачествъ и совершалъ крайне странныя выходки въ Германіи и Парижѣ до тѣхъ поръ, пока не былъ арестованъ и заключенъ въ азиль за то, что хотѣлъ стрѣлять въ театрѣ.

Со стороны чувствительности и чувствованій онъ представлялъ большія уклоненія и аномаліи. Подъ вліяніемъ музыки, проповѣди въ церкви (самъ же онъ исповѣдывалъ атеизмъ), декламации какого либо стихотворенія и пр., онъ легко возбуждался, плакалъ и самъ начиналъ принимать участіе въ дѣйствіи (все признаки большой слабости и потому крайней впечатлительности и, такъ сказать, чрезмѣрной подвижности первой системы). Въ другіе же моменты онъ, напротивъ, не зналъ ни дружбы, ни семейственныхъ обязанностей, отрекался отъ своихъ родителей и приписывалъ имъ самыя позорныя дѣйствія (все факты, указывающіе на значительную истощенность и большую беззвучность сферы чувствъ, которая, вслѣдствіе того и не способна тонировать равно и длительно). Онъ то порицалъ и возставалъ противъ правилъ нравственности и разума въ наиболѣе общепризнанныхъ частяхъ, то, напротивъ, провозглашалъ ихъ (указанія на большую измѣнчивость окраски настроенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это бываетъ всегда, и направленій мышленія). Вся жизнь этого человѣка, какъ говоритъ про него Morel, была «постояннымъ противорѣчіемъ» ¹⁷⁹⁾, и въ то же время, прибавлю я отъ себя, была и однимъ состояніемъ длящейся нервной слабости, неспособной ни къ какой правильной дѣятельности.

Немногіе приведенные примѣры въ достаточной мѣрѣ знакомятъ насъ со многими основными психофизическими особенностями того, что я называлъ нервно-слабыми темпераментами. Правда, я заимствовалъ эти примѣры изъ психіатрической клиники, а потому въ нихъ мы имѣли дѣло съ лицами, переступившими за-границу душевнаго здоровья и вступившими въ область душевнаго расстройства. Но это нисколько не мѣшало намъ наблюдать въ нихъ и проявленія основныхъ особенностей нервно-слабыхъ темпераментовъ, многочисленныя количественныя разновидности которыхъ незамѣтно сливаются съ количественно различными отгѣнками сильныхъ нервныхъ темпераментовъ.

¹⁷⁹⁾ «Traité des maladies mentales», 545 и сл.

Прекрасно и полно очерченный типъ нервно-слабаго темперамента, только не въ особенно крайнихъ его степеняхъ, мы находимъ и въ нашей изящной литературѣ, напр., въ образѣ тургеневскаго Рудина. Правда, герой тургеневскаго романа не впалъ въ порокъ и преступленіе, съ которыми намъ обыкновенно приходится имѣть дѣло, при изученіи типовъ преступнаго люда, что, конечно, обуславливалось его общественнымъ положеніемъ, его воспитаніемъ, условіями его жизни и нѣкоторыми особенностями его организаціи ²⁰⁰). Тѣмъ не менѣе интересующія насъ черты характера у Рудина выступили съ полной рельефностью. Видно, что художникъ близко наблюдалъ и хорошо изучилъ ихъ въ живой дѣйствительности и потомъ воплотилъ въ выпукло очерченный и детально отдѣланный художественный образъ, который интересенъ для насъ и потому, что знакомитъ насъ съ проявленіями изучаемыхъ особенностей при иныхъ жизненныхъ положеніяхъ, нежели тѣ, которыя въ большинствѣ случаевъ мы наблюдаемъ въ сферѣ преступленія.

Рудинъ происходилъ изъ бѣдной, вѣроятно, захудалой помѣщичьей семьи. Сколько нибудь глубокихъ чувствъ къ своимъ родителямъ онъ не питалъ и, по особенностямъ своей натуры, повидимому, и питать не могъ. Къ своей матери, дышавшей на него и жертвовавшей для него всѣмъ, онъ «писалъ чрезвычайно рѣдко и посѣтилъ ее всего одинъ разъ, дней на десять», такъ что «старушка скончалась безъ него, на чужихъ рукахъ», не спуская до самой смерти глазъ съ его портрета. Онъ былъ «лѣнивъ», чрезвычайно самолюбивъ и въ то же время «любилъ пожить на чужой счетъ» и, какъ это часто бываетъ у подобныхъ натуръ, любилъ и «разыгрывать роль».

Всѣхъ душевныхъ силъ Рудина хватало лишь на то, чтобы говорить по гостинымъ и собраньямъ «умно, горячо и дѣльно», но ихъ рѣшительно не хватало ни на что большее въ жизни. «Слова Рудина», какъ пояснялъ хорошо знавшій его Лежневъ, «такъ и остаюся словами и никогда не стануть поступкомъ». Рудинъ «казался полнымъ огня, смѣлости и жизни, а въ душѣ былъ холоденъ, какъ ледъ», хотя много, и горячо говорилъ о любви и упрекалъ другихъ въ ея недостатки. Вотъ онъ, напр., говоритъ въ гостиной Дарьи Михайловны «о значеніи просвѣщенія и науки, объ университетахъ и жизни университетской вообще. Широкими и смѣлыми чертами набросалъ онъ громадную картину. Всѣ слушали его съ глубокимъ вниманіемъ. Онъ говорилъ мастерски,

²⁰⁰) Здѣсь особенно не лишне напомнить сказанное въ 194 пр. о вліяніи органическихъ неуравновѣшенностей.

увлекательно». «Обиліе мыслей мѣшало Рудину выражаться опредѣлительно и точно. Образы смѣнялись образами; сравненія, то неожиданно смѣлыя, то поразительно вѣрныя, возникали за сравненіями. Не самодовольной изысканностью опытнаго говоруна—вдохновеніемъ дышала его нетерпѣливая импровизація». «Стоя у окна, не глядя ни на кого въ особенности, онъ говорилъ—и вдохновенный общимъ сочувствіемъ и вниманіемъ, близостью молодыхъ женщинъ, красотою ночи, увлеченный потокомъ собственныхъ ощущеній, онъ возвысился до краснорѣчія, до поэзіи».

Въ другой разъ, когда Наталья (дочь Дарьи Михайловны) напомнила ему, что онъ, при его способностяхъ, долженъ трудиться, долженъ стараться быть полезнымъ, онъ отвѣтилъ ей: «Ваше одно слово напомнило мнѣ мой долгъ, указало мнѣ мою дорогу (а до этихъ поръ онъ, почти сорокалѣтній человѣкъ, не зналъ и не думалъ о нихъ?!). Да, я долженъ дѣйствовать. Я не долженъ скрывать свой талантъ, если онъ у меня есть (даже и этого онъ не зналъ въ свои годы!); я не долженъ растрачивать свои силы на одну болтовню, пускую, бесполезную болтовню, на одни слова (и все это говорится послѣ долгихъ лѣтъ такой болтовни). И рѣчь его опять «полилась рѣкою. Онъ говорилъ прекрасно, горячо, убѣдительно — о позорѣ малодушія и лѣни, о необходимости дѣлать дѣло». Еще однажды онъ говорилъ ей, очевидно красуясь: «Отъ дѣятельности, *отъ блаженства дѣятельности* (это для Рудина-то)? я никогда не откажусь; но я отказался отъ наслажденія. Мои надежды, мои мечты—и собственное мое счастье не имѣютъ ничего общаго».

Такимъ казался Рудинъ, когда онъ самъ характеризовалъ себя и когда онъ дѣлалъ единственно возможное для него дѣло — говорилъ и самолюбовался. Теперь посмотримъ для контраста, какъ проявлялась натура того же Рудина въ обыденной жизни. Прошло два мѣсяца слишкомъ съ тѣхъ поръ, какъ Рудинъ поселился въ домѣ у Дарьи Михайловны, съ которой онъ только что познакомился почти случайно, войдя къ ней по рекомендательному письму. «Въ теченіе всего этого времени Рудинъ почти не выѣзжалъ отъ нея». «Онъ однажды хотѣлъ уѣхать, подъ тѣмъ предлогомъ, что у него вышли всѣ деньги: она дала ему пятьсотъ рублей (которыхъ онъ никогда и не отдалъ); онъ занялъ также у Волынцева рублей двѣсти» и продолжалъ свою бездѣльную жизнь (это послѣ-то разглагольствованій о блаженствѣ дѣятельности) на хлѣбахъ въ чужомъ домѣ ^{200*)}). Онъ совершалъ parties de

^{200*)} Здѣсь не лишне замѣтить, что этой своей склонностью къ безразбор-

plaisir, «входилъ во все», «не тяготился даже мелочами, предлагалъ преобразованія и нововведенія», «вмѣшивался въ распоряженія, въ семейныя сплетни и дразги», по выраженію Лежнева.

Отказавшись, по его словамъ, отъ личныхъ наслажденій, онъ тѣмъ не менѣе увлекъ Наталью, не любя ее. «Наталья Алексѣевна! заговорилъ онъ трепетнымъ шепотомъ» во время одного изъ свиданій:— я хотѣлъ васъ видѣть... я не могъ дождаться завтрашняго дня. Я долженъ вамъ сказать, чего я не сознавалъ даже сегодня утромъ: я люблю васъ!» Вырвавъ ея признаніе, Рудинъ воскликнулъ: «Ахъ, Наталья Алексѣевна, какъ я счастливъ! *теперь уже ничто* насъ не разъединитъ!» Но это были слова, а вмѣстѣ съ тѣмъ и высшій подъемъ энергіи Рудина; больше ея не хватило.

Дарья Михайловна узнала о свиданіяхъ и объявила Натальѣ, что скорѣе согласится видѣть ее мертвою, чѣмъ женою Рудина. Но дѣвушка не дрогнула: она назначала свиданіе и пошла къ Рудину за совѣтомъ, за рѣшеніемъ и за помощью; дорогою она уже «мысленно прощалась съ домомъ и со всѣмъ прошлымъ». И что же? Въ ожиданіи ея, Рудинъ ходилъ по берегу пруда, «съ сосредоточенной рѣшимостью скрещивалъ руки на груди и поводилъ кругомъ глазами». Казалось онъ рѣшился на что-то важное, энергическое. Но это былъ одинъ миражъ. Она пришла и онъ началъ свою пустую болтовню. «Дмитрій Николаевичъ! промолвила Наталья: — мы тратимъ попусту время. Вспомните, я въ послѣдній разъ вижусь съ вами. Я пришла сюда не плакать, не жаловаться». И она поставила ему прямо вопросъ. «Что намъ дѣлать? возразилъ Рудинъ: — разумѣется, покориться». Этими словами, сказанными въ такую минуту и при такихъ условіяхъ, Рудинъ самъ расписался въ своемъ безсиліи, въ своемъ полномъ банкротствѣ. «Покориться, медленно повторила Наталья, и губы ея поблѣднѣли». А Рудинъ, оставаясь вѣрнымъ себѣ, заговорилъ, что онъ бѣденъ, и что Наталья не вынесла бы насильственного расторженія съ своимъ семействомъ. При этомъ онъ не забылъ и порисоваться немного: «Видно, намъ не суждено было жить вмѣстѣ, и то счастье, о которомъ я мечталъ, не для меня!» Наталья заплакала: «Я не о томъ плачу, о чемъ вы думаете... Миѣ не то больно: миѣ больно то, что я въ васъ обманулась». И она дѣйствительно обманулась, принявъ нервное безсиліе за избытокъ силъ. И эта ро-

чивой жизни на чужой счетъ Рудинъ отчасти напоминалъ особенности нѣкоторыхъ натуръ, довольно склонныхъ къ дѣйствіямъ, близко граничащимъ или даже переходящимъ въ нѣкоторые имущественныя преступленія.

ковая ошибка не могла не отозваться жгучей болью въ ея сердцѣ, потому что сама она испытывала подъемъ нравственныхъ силъ и рѣшилась на все». «Еслибъ вы сказали мнѣ сегодня, сейчасъ: «я тебя люблю, но я жениться не могу, я не отвѣчаю за будущее, дай мнѣ руку и ступай за мной»,—знаете ли, что я бы пошла». «Когда я шла сюда, я мысленно прощалась съ моимъ домомъ, со всѣмъ моимъ прошедшимъ,—и что же? кого я встрѣтила здѣсь? малодушного человѣка». Последнимъ словомъ она вполне охарактеризовала истинную природу Рудина и имъ же она похоронила его для себя. «Вы трусите, а не я»! — только и нашелся крикнуть уже ей вслѣдъ нравственно придавленный и мелочно самолюбивый Рудинъ. Въ эту тяжелую для него минуту, когда необходимъ былъ подъемъ нравственныхъ силъ, онъ чувствовалъ и не могъ не чувствовать, чего не достаётъ его нервно-слабосильной и дряблой натурѣ. «Какъ я былъ жалокъ и ничтоженъ предъ ней», думалъ онъ.

Такъ закончился романъ Рудина. Вернувшись домой, послѣ испытаннаго униженія, онъ началъ тщательно обдѣлывать письмо къ Волынцеву и Натальѣ. Въ этомъ послѣднемъ онъ подрапировался отчасти, что было такъ свойственно ему, но сказалъ и много правдиваго о своемъ характерѣ, насколько послѣдній былъ доступенъ его самонаблюденію. «Мнѣ недостаетъ», писалъ онъ, «я самъ не могу сказать, чего недостаетъ мнѣ... Мнѣ недостаетъ, вѣроятно, того, безъ чего такъ же нельзя двигать сердцами людей, какъ и овладѣть женскимъ сердцемъ». «Увы! если-бъ я могъ, дѣйствительно, предаться этимъ занятіямъ, *побѣдитъ наконецъ свою лѣнь*... Но нѣтъ! Я останусь тѣмъ же *неоконченнымъ существомъ*, какимъ былъ до сихъ поръ... Первое препятствіе—*и я весь разсыплюсь*». Въ этихъ словахъ ярко обрисовался весь Рудинъ. Онъ, дѣйствительно, былъ какимъ то недоконченнымъ, или, правильнее, недостаточнымъ существомъ, потому что природа не наградила его количествомъ силъ, необходимымъ для перехода отъ благихъ пожеланій къ дѣлу, передъ которымъ, по своему безсилію, онъ всегда пасовалъ. Поэтому-то Рудинъ слова и Рудинъ дѣла — два различныхъ, неузнаваемыхъ существа. Лезневъ прекрасно опредѣлилъ его, сказавъ, что «онъ не сдѣлаетъ самъ ничего именно потому, что въ немъ натуры, *крови нѣтъ*».

Прошло нѣсколько часовъ послѣ написанія письма, и Рудинъ, сидя въ тарантасѣ съ юношей Басистовымъ, уже снова разлагольствовалъ «о достоинствѣ человѣка, о значеніи истинной свободы» и, по обыкновенію, «говорилъ горячо, благородно и правдиво».

Прошло нѣсколько лѣтъ и мы снова встрѣчаемъ Рудина, но Рудина уже совершенно пришибленнаго и разбитаго. «Во всемъ существѣ его» и «въ похолодѣвшей, какъ бы разбитой рѣчи высказывалась *усталость окончательная*, тайная и тихая скорбь». «Маялся я много», говорилъ онъ Лежневу, «скитался не однимъ тѣломъ—душою скитался». «Сколько разъ переходилъ я отъ раздражительности ребенка къ тупой безчувственности лошади (обычные переходы у такихъ нервно-слабыхъ натуръ), которая уже и хвостомъ не дрыгаетъ, когда ее сѣчетъ кнутъ». «Что мѣшаетъ мнѣ жить и дѣйствовать, какъ другіе?» А мѣшала ему недостаточность силъ, нужныхъ для служенія его мечтамъ и желаніямъ, вслѣдствіе чего послѣднія всегда и были обречены на полнѣйшее безплодіе. И вотъ въ послѣдній моментъ, когда по его собственнымъ словамъ, «уже все кончено, масла въ лампадѣ нѣтъ и сама лампада разбита и вотъ—вотъ, сейчасъ догоритъ фитиль» —внутренно неудовлетворенный Рудинъ по прежнему остается при одной мысли—желаніи начать жить и дѣйствовать, какъ другіе. Напрасная мечта. Для ея осуществленія никогда не было достаточно энергіи въ организмѣ Рудина. Жить, какъ другіе, онъ не началъ и не могъ начать, а подъ вліяніемъ усталости жизни и гложавшей его тоски—особенностей дряблыхъ натуръ—закончилъ свое печальное существованіе въ отчаянномъ порывѣ на одной изъ баррикадъ Парижа. Его грустная повѣсть вызываетъ странное, смѣшанное чувство въ читателѣ: нѣкоторое слабое сочувствіе и въ то же время нѣсколько презрительную жалость и состраданіе къ его несчастному безсилію, которое не дало ему возможности, даже минимально, начать осуществленіе его прекрасныхъ словъ, мечтаній и образовъ.

Слѣдующую, конечно, искусственно выдѣляемую ступень продуктовъ фізіологическаго обѣднѣнія составляютъ количественно-различныя разновидности того, что я называю оскудѣлыми организаціями, которыя представляютъ собою, по истинѣ, «уничтоженіе и отрицаніе темперамента» и характеризуются «слабой, недостаточной возбудимостью и замедленною реакціей».

Въ эту категорію входятъ количественно различныя степени наслѣдственнаго психо-фізіологическаго обѣднѣнія, слѣдующія за только что описанными представителями нервной слабости, вплоть до крайнихъ представителей вялаго, инертнаго и почти безжизненнаго скудоумія. Къ этой категоріи относятся всѣ представители немощной, все-

сторонне-ограниченной, вполне безличной и безвольной породы «нищихъ духомъ», людей, отличающихся крайне медленнымъ пульсомъ жизни, вялостью жизненныхъ отправления, беззвучностью сферы чувствъ и полной неспособностью къ великодушнымъ, благороднымъ и идеально-поэтическимъ порывамъ и движеніямъ души. Тутъ крайніе предѣлы психо-физическаго оскудѣнія, тутъ все отребіе человѣческаго общества, тутъ «люди, покрытые лохмотьями нищеты, живущіе въ постоянномъ бездѣліи. Они лишены энергіи, предвѣдѣнія будущаго и погружены въ нѣкоторого рода оцѣпенѣніе, лишающее ихъ даже тѣни мужскаго характера» ²⁰¹⁾ Тутъ наступаетъ почти смерть души и тутъ же кроются зародыши распаденія человѣческаго общества, вызываемаго постепеннымъ замираніемъ образующихъ и цементирующихъ общество чувствъ ²⁰²⁾. Если при болѣе слабыхъ степеняхъ органическаго оскудѣнія мы встрѣчались съ болѣе или менѣе легкой и повышенной возбудимостью, съ сравнительно скорой истощаемостью, иногда съ какой-то лихорадочной подвижностью, съ порывистыми странностями и пр., то здѣсь мы имѣемъ дѣло съ дряблыми и чаще всего поэтому и «подлыми натурами», по выраженію д-ра Ronchesne ²⁰³⁾, въ которыхъ въ большей или меньшей степени заглохли соціабельныя свойства и все смѣнилось какимъ-то нравственнымъ безразличіемъ и вялой инертностью. Про нихъ съ полнымъ основаніемъ можно сказать, что Esquirolъ сказалъ про вторично слабоумныхъ: у нихъ «все обнаруживаетъ расслабленіе, немощность и слабость» ²⁰⁴⁾.

«Воръ, убійца и проститутка, которыхъ я допрашиваю ежедневно», говоритъ Сеге, приводя слова своего товарища, занимавшаго одну изъ высшихъ должностей по вѣдомству общественной безопасности, «способны иногда къ великодушному порыву, къ похвальному дѣйствию или къ акту преданности, но съ праздношатающимся, оскотинившимся отъ праздности, ничего нельзя сдѣлать и изъ него ничего нельзя вы-

²⁰¹⁾ Fregier: «Des classes dangereuses. Moeurs des vagabonds» I, 192.

²⁰²⁾ Указавъ, что теряетъ человѣкъ, заключенный въ тюрьму, Pombergъ замѣчаетъ: «Но что во всемъ этомъ, что могло бы огорчить бродягу? Входя въ тюрьму, ему некому сказать прости. Онъ не знаетъ ни родныхъ, ни друзей (таковы, значитъ, особенности натуры); искусства, доставляющія пріятное развлеченіе и умственный трудъ, ему чужды; письма... онъ не умѣетъ ихъ писать; семейно-домашнія дѣла... онъ не знаетъ ихъ». «De la repression du vagabondage», 35 и 6.

²⁰³⁾ Врачъ бельгійскихъ колоній для бродягъ и нищихъ.

²⁰⁴⁾ «Des malad. ment». II, 46.

жать» ²⁰⁵). И говорившій вполне правъ. Всѣ эти праздношатающіеся суть лица, принадлежащія къ занимающимъ насъ оскудѣлымъ разновидностямъ, у которыхъ, даже на пути преступленія, обыкновенно не хватаетъ энергіи на совершеніе сколько нибудь важныхъ дѣяній ²⁰⁶), хотя въ то же время вся ихъ жизнь въ такихъ случаяхъ представляетъ собою одно сплошное нарушеніе общественнаго порядка и правилъ нравственности. Они не способны прямо глядѣть въ глаза опасности; они «*végétation immonde*», по мѣткому выраженію Frégier ²⁰⁷). «Оцѣнка директоровъ колоній для малолѣтнихъ преступниковъ по отношенію къ нимъ еще болѣе сурова» говоритъ тотъ же Сеге. «По словамъ этихъ лицъ, малолѣтніе нищіе составляютъ наиболѣе испорченную, наиболѣе инертную и наименѣе интеллигентную часть населенія исправительныхъ заведеній. Ихъ отвращеніе къ работѣ неодолимо, и хотя они пассивно подчиняются дисциплинѣ заведенія, но послѣдняя бессильна исправить ихъ отъ ихъ лѣни и ихъ пороковъ. Помѣщенные съ дѣтьми болѣе энергичнаго характера, они повинуются общему импульсу и издали слѣдуютъ за своими товарищами, которые подають имъ примѣръ въ работѣ. Если же ихъ объединить отдѣльно, то невозможно извлечь что-либо изъ этихъ апатичныхъ натуръ, на которыхъ самолюбіе и другія средства соревнованія не оказываютъ вліянія» ²⁰⁸).

²⁰⁵ «Les populations dangereuses.», 116.

²⁰⁶) Общая психо-физическая ослабленность лицъ, принадлежащихъ къ классу бездѣльничавшихъ (*oziosi*), объясняютъ, по мнѣнію д-ра Магго, почему индивидуумы, начавшіе свою карьеру съ этимъ органическимъ порокомъ, не совершаютъ болѣе тяжкихъ преступленій. «Для того, чтобы дѣлать зло, *нужно имѣть волю*», говорилъ ему одинъ изъ представителей этой разновидности, «а я такъ боязливъ, что часто дрожу отъ страха потому, что остаюсь одинъ въ кельѣ». *J'arraterai dei delinquenti.*», 392.

²⁰⁷) Цитир. соч., I, 192.

²⁰⁸) Въ мою бытность въ метрѣйской колоніи въ 1881 г. въ ней было довольно много малолѣтнихъ бродягъ. Про нихъ мнѣ рассказывали, что хотя ими и легко управлять, но за то ихъ всего труднѣе исправить, вслѣдствіе изъ малой энергичности, вялости и лѣни. Тотъ же взглядъ высказалъ и директоръ Саксенбургской тюрмы для малолѣтнихъ, состоящей изъ двухъ отдѣленій,—караательнаго и исправительнаго. По его словамъ, помѣщаемые въ первое за болѣе важными правонарушеніями вообще представляются болѣе одаренными; между ними встрѣчаются болѣе энергичныхъ и менѣе вялыхъ и лѣнивыхъ натуръ. Напротивъ, воспитанники исправительнаго отдѣленія въ общемъ гораздо менѣе одарены и представляются болѣе вялыми, лѣнивыми и менѣе подають надеждъ. На мой вопросъ, не находятъ ли онъ, что послѣдніе принадлежатъ къ низшей,

Теперь присмотримся поближе, обращая при этом преимущественно вниманіе на болѣе рѣзко выраженные явленія, къ физическимъ и психическимъ особенностямъ оскудѣлыхъ разновидностей. Въ ихъ глубокой основѣ, лежитъ, повидимому, все тотъ же, только подвинувшійся значительно далѣе процессъ наследственнаго упадка питанія и ослабленія кровеносной системы и регулирующаго ее отдѣла системы нервной,—процессъ, съ которымъ мы уже отчасти познакомились, при изученіи нервныхъ темпераментовъ.

Въ этомъ поступательномъ, наследственно нарастающемъ ходѣ органическаго оскудѣнія сердце, сосуды и легкія постепенно все болѣе умаляются ²⁰⁹⁾, суживаются и стѣнки ихъ расслабляются, какъ, напр., мы это видѣли у Викторіи въ наблюденіи Morel'я ²¹⁰⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ и все болѣе упадокъ энергіи ихъ дѣятельности, а слѣдовательно и кровяного орошенія тканей, которое замедляется, причемъ обѣднѣлая кровь проникаетъ всюду съ меньшею силой ²¹¹⁾ и въ меньшемъ количествѣ, и потому, въ свою очередь, доставляетъ въ меньшемъ количествѣ тканевымъ элементамъ ихъ питательный мате-

наследственно оскудѣлой разновидности людей, директоръ отвѣтилъ утвердительно и прибавилъ, что это тѣмъ рѣзче бросается въ глаза, чѣмъ возрастъ воспитанника старше. Говоря о неуспѣхѣ земледѣльческихъ колоній, Lucien и Romand замѣчаютъ, «что главной причиной этого надо считать то обстоятельство, что большинство ихъ населенія имѣютъ въ своей крови и душѣ неизгладимую печать своего происхожденія». «Etudes sur les colon. agricl.», 318.

²⁰⁹⁾ При органическомъ истощеніи пропорціональная длина сердца сравнительно съ длиною тѣла уменьшается, такъ что сердцу, равному по величинѣ сердцу ребенка, приходится поддерживать циркуляцію въ тѣлѣ взрослого. См. Bouchardat, цитиров. сочин., 599 и 604.

²¹⁰⁾ Тѣ же явленія часто наблюдаются у идіотовъ и у дѣтей съ задержаннымъ развитіемъ, у которыхъ «кровеносный и дыхательный аппараты», по словамъ д-ра Sèguin, «нерѣдко низведены къ ихъ наиболее слабому развитію»: узкая грудь, маленькое сердце, неправильный, слабый пульсъ, вялое кровообращеніе, короткое дыханіе и пр. «Traitem. moral, hygiène et l'éducat. des idiots et des autres enfants arriér.», 72 и 228. Интересны изслѣдованія Giovanni объ уменьшеніи размѣровъ сердца, и артерій у предрасположенныхъ къ легочн. чахоткѣ. Combemale: «La descend. des alcool.» 110 и 111.

²¹¹⁾ Когда толчки, исходящіе отъ сердца, утрачиваютъ свою энергію, и когда кровяной токъ не приходитъ болѣе къ мозгу при данномъ давленіи, «тогда», какъ замѣчаетъ Луиз, «жизненность мозгового аппарата ослабляется тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе затрудняется его питаніе и настолько же убываетъ его энергія». Начинаютъ наблюдаться сонливость, упадокъ вниманія, памяти и проч. «Traité clin. et prat. des malad. ment.», 173. См. также ст. д-ра Розенбаха въ «Вѣстн. клинич. и судеб. псих.», 141. Maudsley: «La pathol. de l'espr.», 42, 208; Voisin: «Leçons clin. sur les mal. ment.», 74.

ріалъ. А между тѣмъ жизненность каждой клѣтки, каждой ткани, особенно нервной, вполне зависитъ отъ энергіи и богатства ихъ орошенія богатой и хорошо окисленной кровью ²¹²⁾).

Наряду съ этимъ ослабленіемъ кровообращенія постепенно идетъ и все большее развитіе лимфатизма ²¹³⁾ и предрасположеній къ тяжелымъ конституціональнымъ страданіямъ—золотухѣ ²¹⁴⁾, рахитизму и пр., столь часто поражающимъ оскудѣлыхъ представителей бѣдныхъ классовъ вообще и въ особенности сосредоточенныхъ въ различныхъ учрежденіяхъ для нищихъ и бродягъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ постепенно идетъ и все большее развитіе обѣднѣлости всѣхъ тканей, а въ томъ числѣ, конечно, и нервной. Въ послѣдней начинается преобладаніе соединительной ткани на счетъ первныхъ элементовъ и питающихъ кровеносныхъ сосудовъ, а также, въ рядѣ нисходящихъ поколѣній, и сами нервные элементы, повидимому, поражаются какимъ-то недоразвитіемъ, приближающимъ ихъ къ эмбриональному состоянію ²¹⁵⁾,

²¹²⁾ Если вырѣзать у лягушки сердце такъ, чтобы прекратилось кровообращеніе, то послѣ этого нѣкоторое время она еще будетъ ѣсть, прыгать, убѣгать, чувствовать. При этомъ ея возбужденность сначала повысится, потомъ черезъ нѣсколько минутъ движенія стануть болѣе медленны, лѣнны и рѣдки; далѣе, животное сдѣлается неподвижнымъ и инертнымъ, хотя нервы и мускулы будутъ еще возбудимы, и, наконецъ, вслѣдствіи анеміи, замретъ всякая жизнь. Въ этомъ случаѣ передъ нами въ краткомъ опытѣ проходятъ всѣ стадіи кроваваго обѣднѣнія съ ихъ неизбѣжными слѣдствіями: нервная возбужденность и потомъ постепенное оскудѣніе и замираніе жизненности. Richet. «Psych. générale», 31 и 32.

²¹³⁾ Bouchardat, цит. соч., 598.

²¹⁴⁾ «Изученіе золотухи—это изученіе процессовъ ослабленія общаго состоянія, неизгладимыя черты которыхъ въ большей или меньшей мѣрѣ замѣчаются во всѣхъ органахъ», замѣчаетъ д-ръ Combeval. «Кровеносная система—primum moriensъ питанія—должна представлять разстройства, способныя объяснить эту убыль». Далѣе онъ указываетъ, что проф. Giovanni, имѣя въ виду выяснитъ морфологическія особенности предрасположенныхъ къ чахоткѣ, показалъ несоотвѣтствіе у нихъ между кровеносной системою и цѣлымъ организмомъ: лѣвый желудочекъ сердца малъ абсолютно и относительно, артеріи также; недостаточное развитіе сердца, груди и мускуловъ. См. цит. соч., 110 и 111.

²¹⁵⁾ Поражаются какъ клѣтки, такъ и волокна и нарушаются связи или протѣканіе пути. По словамъ проф. Arndt'a, нервные элементы у такихъ лицъ представляются сходными съ нервными элементами у маленькаго ребенка. Такое мозговое развитіе предрасполагаетъ обладающихъ имъ къ такимъ же проявленіямъ, какія замѣчаются въ психической жизни новорожденныхъ или очень маленькихъ дѣтей. См. его «Lehrbuch der Psych.», 333 и сл. Dejerine: «L'héréd. dans les malad.», 30 и 31. См. также цитир. стат. д-ра Розенбаха, 192; Maudsley, цитир. сочин., 192, 196; Voisin, цитир. соч. 81 и сл.

слѣдствіемъ чего неизбежно являются измѣненія и ослабленіе функціонированія ткани.

Если у лицъ сангвиническаго темперамента съ ихъ хорошо организованными и хорошо питаемыми тканями мы встрѣчаемся съ органической силой и крѣпостью, то не мудрено, что въ средѣ занимающихъ насъ разновидностей мы имѣемъ дѣло съ крайними степенями органическаго оскудѣнія и слабосилія, которыя соотвѣтственно отражаются и въ психической области. Ихъ обѣднѣлая ткань неспособна къ быстрому произведенію работы и къ произведенію ея въ значительныхъ количествахъ ²¹⁶). Всякая работа очень быстро истощаетъ ее и легко вызываетъ у нихъ временный упадокъ силъ, сопутствуемый тягостнымъ чувствомъ истощенія. Последнее дѣлаетъ для нихъ крайне непріятнымъ не только самый трудъ, но, вслѣдствіе установившейся ассоціаціи, даже и представленіе о немъ ²¹⁷). Въ ихъ недостаточно и медленно развивающемся энергію организмѣ существуетъ мало внутреннихъ стимуловъ къ труду и работѣ, а потому вялость, инертность и отсутствіе всякой предпримчивости есть ихъ удѣлъ. «Въ существѣ всѣхъ этихъ несчастныхъ отщепенцевъ общества», замѣчаетъ д-ръ Военс, главный врачъ тюремъ въ Шарльеруа, характеризуя бродягъ, «есть капитальный недостатокъ, господствующій конституціональный порокъ, *который и дѣлаетъ ихъ тѣмъ, чѣмъ они стали*. Этотъ конституціональный недостатокъ или порокъ есть

²¹⁶) «Подобно тому, какъ мускулъ, въ которомъ сгораніе замедлено вліяніемъ холода, прекращеніемъ притока крови или усталостью, реагируетъ съ большей медленностью на направленные на него раздраженія и даетъ болѣе слабыя сокращенія, такъ точно и нервные центры, подчиненные угнетающимъ вліяніямъ, становятся менѣе возбудимы и проявляютъ свою меньшую возбудимость болѣе поздними и менѣе энергичными реакціями». См. François-Franck: «Leçons sur les fonct. motrices du cerveau», 39.

²¹⁷) «Эти молодые люди отличались главнымъ образомъ своимъ отвращеніемъ къ дѣющемуся труду какого бы то ни было рода», рассказывалъ о бродягахъ Мунью одинъ господинъ, имѣвшій возможность хорошо ихъ изучить. По его словамъ, «онъ никогда не зналъ ихъ работающими; напротивъ, въ существѣ своемъ они были лѣнивцы и бродяги и ихъ сильнѣйшая склонность состояла въ томъ, чтобы быть въ движеніи и бродить съ мѣста на мѣсто». См. цитир. уже соч., III, 382. Сходныя явленія наблюдаются и у больныхъ при состояніяхъ значительнаго малокровія мозга. Одинъ такой примѣръ изъ сочин. Esquirol'я я привелъ въ 195 прим. Одна изъ больныхъ Guislain чувствовала такое отвращеніе къ самымъ обычнымъ дѣйствіямъ повседневной жизни, что принятіе малѣйшаго рѣшенія, отдача самаго ничтожнаго приказанія уже причиняло ей усиленіе тяжелаго чувства. Она могла проводить свои дни только въ полнѣйшей бездѣятельности. См. Morel: «Étud. cliniq.». I, 387; см. также отчетъ перваго уголовно-антропологич. конгресса. 308 и 309.

не что иное, какъ *инертность* (инертность физическая и нравственная, тѣлесная и интеллектуальная одновременно)²¹⁸). «Бродяга не работаетъ и это особенно его характеризуетъ», говоритъ Lomborg. «Коренной порокъ его нравственной конституціи—лѣнь. У него не хватило энергіи, чтобы изучить какую-либо профессію; ему не достаеъ ея также и для того, чтобы заняться работами, не требующими никакихъ предварительно приобрѣтенныхъ познаній и представляющихъ собою простое приложеніе мускульной силы»²¹⁹).

Единственное стремленіе къ движенію и связанной съ нимъ жизни, зарождающееся въ ихъ дряблыхъ организмахъ, есть стремленіе къ нетребующимъ большихъ затратъ энергіи перемѣнамъ мѣста и смѣнѣ впечатлѣній, которая немного стимулируетъ и оживляетъ ихъ вялую натуру, нѣсколько поднимаетъ ихъ жизненный пульсъ и тѣмъ самымъ отчасти скрашиваетъ, если можно такъ выразиться, ихъ самочувствіе. Отсюда, повидимому, и вытекаетъ, главнымъ образомъ, не рѣдко наблюдаемая у нѣкоторыхъ изъ нихъ непреоборимая страсть къ перемѣнамъ мѣста и бродяжеству, дѣлающая ихъ номадами въ цивилизованномъ обществѣ и часто переносящая ихъ изъ края въ край обширной территоріи²²⁰).

Наслѣдственно истощенная и плохо питаемая нервная ткань такихъ субъектовъ, какъ и у вторично слабоумныхъ, съ которыми въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ они представляютъ значительное сходство, мало способна къ полнымъ и яркимъ воспріятіямъ впечатлѣній изъ внѣшняго міра, которыя не оставляютъ послѣ себя глубокихъ слѣдовъ²²¹), благодаря чему этотъ міръ въ ихъ сознаніи, въ болѣе или менѣе значительной мѣрѣ, смотря по степени оскудѣлости организаціи, утра-

²¹⁸) «Bullet. de la société génér. des prisons», 1879, № 1, 109.

²¹⁹) «De la répression du vagabondage», 24.

²²⁰) См. межд. проч. Casper: «Clinische Novellen zur gerichtlichen Medicin», § 11. Geistige Zustand von Vagabunden», 215 и сл.

²²¹) Esquirol, цит. соч. II, 44. Рѣзко выраженные степени оскудѣнія мы находимъ, между прочимъ, въ идиотизмѣ. «Въ большихъ убѣжищахъ встрѣчаются идиоты, которые, не представляя никакихъ особенныхъ уродствъ, никакихъ распознаваемыхъ болѣзней и остановокъ въ развитіи мозга, медленно развиваются духомъ и тѣломъ», говоритъ Maudsley. «Они малы ростомъ; ихъ половое развитіе запаздываетъ или не совершается вовсе; кровообращеніе ихъ медленно и ихъ чувствительность притуплена; ихъ движенія не рѣзки, а слабы и тяжелы; ихъ кожа издаетъ непріятный запахъ; ихъ зубы гнилы и скоро выпадаютъ. Въ отношеніи умственныхъ способностей они выше дѣйствительныхъ идиотовъ, потому что они могутъ научиться немного, могутъ удерживать кое-что и способны къ подражанію». Цитир. соч., 193.

чиваетъ живость и яркость своихъ красокъ, затуманивается, блѣднѣетъ, а потому и не представляется для нихъ вполне такимъ, какимъ онъ представляется для другихъ, органически болѣе одаренныхъ людей ²²²). До какихъ степеней можетъ иногда доходить это поблѣднѣніе красокъ внѣшняго міра и соединеннаго съ нимъ замиранія внутренней сознательной работы, между прочимъ показываетъ случай, рассказанный Esquirol'емъ. Это случай больного, повидимому, подъ вліяніемъ ослабленія мозгового кровообращенія, періодически впадавшаго въ состоянія подавленности и глубокаго оцѣпенѣнія. Въ короткіе свѣтлые промежутки больной, напротивъ, охотно бесѣдовалъ и самъ описывалъ свой внутренний міръ. «Въ этомъ состояніи мои умственные способности отсутствуютъ», рассказывалъ онъ. «Я не думаю, я не вижу, я не слышу ничего; если же я вижу и оцѣниваю предметы, то я всетаки храню молчаніе, потому что у меня нѣтъ силъ отвѣтить. Этотъ недостатокъ зависитъ отъ того, что мои чувствованія слишкомъ слабы, чтобы дѣйствовать на мою волю» ²²³).

Конечно, столь рѣзко выраженные степени поблѣднѣнія внутренней сознательной жизни вообще встрѣчаются рѣдко и преимущественно въ клиническихъ случаяхъ, которые представляютъ высшія степени развитія различныхъ уклоненій, иногда наблюдаемыхъ, только въ болѣе слабыхъ степеняхъ, и при такъ называемыхъ здоровыхъ состояніяхъ. Болѣе же слабыя степени блѣдности и затуманенности воспріятій въ большей или меньшей степени, напротивъ, наблюдаются у оскудѣлыхъ вообще, какъ результатъ ихъ вялаго и болѣе или менѣе недостаточнаго кровообращенія. *Яркая полнота* впечатлѣній, ощущеній или

²²²) «Ослабленіе кровообращенія тамъ, гдѣ воспринимаются впечатлѣнія», замѣчаетъ Carpenter, «уменьшаетъ силу послѣднихъ, какъ мы это видимъ при онѣмѣніи членовъ, производимомъ прекращеніемъ притока крови чрезъ ихъ главную артерію. Такое же ослабленіе кровообращенія въ гангліозныхъ центрахъ, дѣятельность которыхъ дѣлаетъ для насъ сознательными физическія воздѣйствія, производитъ соответствующее притупленіе чувствительности». «Mental Physiology», 151. Иное при повышеніи активности кровообращенія. При началѣ маніи, пока еще больной очень не истощился, а скорость кровообращенія усилилась, замѣчается, какъ указываетъ Marcé, увеличеніе тонкости всѣхъ чувствованій. «Des altérat. de la sensib.», 23.

²²³) Цитир. сочин., II, 48. При состояніяхъ истощенія, происходящихъ отъ недостаточнаго питанія, возбудимость психомоторныхъ центровъ электрическими возбужденіями значительно понижается и потому требуются болѣе сильные раздражители для полученія минимальныхъ эффектовъ. То же конечно имѣетъ мѣсто и по отношенію къ другимъ центрамъ. См. цитир. ст. д-ра Розенбаха, 140 и слѣд.

чувствованій есть сопутствующее мощнаго кровообращенія и богатаго орошенія нервныхъ центровъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ блѣдность воспріятій переходитъ въ полную нечувствительность даже къ сильнымъ раздражителямъ большаго или меньшаго количества наружныхъ или внутреннихъ чувствующихъ поверхностей. Одинъ изъ примѣровъ такой нечувствительности мы находимъ, между прочимъ, въ сочиненіи Esquirol'a, въ приводимомъ имъ наблюденіи одной золотушной и рахитичной идіотки, лишенной «всѣхъ чувствованій», у которой и уколы не вызывали никакихъ проявленій боли ²²⁴). Не трудно видѣть, что такая особенность, о которой, между прочимъ, говорилъ и проф. Benedikt на антверпенскомъ конгрессѣ, можетъ и должна оказывать очень важное вліяніе на характеръ дѣятельности ея обладателей при различныхъ условіяхъ ихъ жизни.

Способность воспроизведенія или, иначе говоря, припоминанія даже почти только что полученныхъ впечатлѣній, а весьма вѣроятно и самая способность удержанія воспріятого въ наслѣдственно обѣднѣлой и дурно орошаемой, а потому и дурно питаемой нервной ткани въ большей или меньшей мѣрѣ представляется также ослабленной, что оказываетъ самое рѣшительное вліяніе на всѣ процессы умственной жизни, препятствуя оживленію въ сознаніи или только оживленію во время того матеріала, который необходимъ для предусмотрительности и для всякаго обсужденія вообще ²²⁵).

Сфера душевныхъ чувствъ и волненій у оскудѣлыхъ разнообразностей представляется въ большей или меньшей мѣрѣ истощенной, а потому часто почти беззвучной. Малое, слабое сердце, ослабѣлые со-

²²⁴) Цитир. соч., II, 130. Marcé упоминаетъ о случаѣ общей нечувствительности къ боли, развившейся у молодаго человѣка атлетическаго сложенія, *вслѣдствіе анеміи*, порожденной долгими лишеніями. При этомъ указанный авторъ замѣчаетъ, что большія потери крови часто производятъ нечувствительность къ боли. См. цитир. работу, 85. Явленія нечувствительности наблюдаются и у вторично слабоумныхъ, которые иногда уродуютъ себя самымъ ужаснымъ образомъ. Morel рассказываетъ, напр., про одну подобную больную, которая сама вырвала себѣ оба глаза. «Etud. cliniq.» 435 и сл. См. *Compte-rendu du Congrès d'Anvers*, 314.

²²⁵) Говоря о явленіяхъ нервнаго истощенія у дѣтей, д-ръ Luys замѣчаетъ, что одно изъ его проявленій, между прочимъ, есть безпамятство. Такіе дѣти забываютъ свои уроки; среди разсказа наизусть они прерываются и не могутъ болѣе продолжать; въ разговорѣ, вслѣдствіе умственной разсѣянности, они останавливаются; «они входятъ и приходятъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что они дѣлаютъ». *L'encéphale*, 1887, 585. См. Esquirol, цит. соч., II, 44.

суды и истощенная нервная ткань — условия мало совместимы съ сильно и устойчиво-длительно тонирующими струнами чувства. Еще у людей нервныхъ, особенно у слабонервныхъ темпераментовъ мы встрѣчались съ большей или меньшей нестойкостью и легкой изсякаемостью этой сферы психического существа человѣка. Здѣсь же мы встрѣчаемся съ дальнѣйшимъ ходомъ развитія того же процесса. Вообще, органическое обѣднѣніе прежде всего захватываетъ, повидимому, наиболѣе высшіе центры нервной іерархіи. Начально оскудѣваетъ преимущественно, повидимому, корковый слой полушарій и прежде всего его высшіе центры. Этотъ слой есть какъ бы аппаратъ роскоши, органъ высшаго органическаго развитія, полнота совершенствъ котораго мало соотвѣтствуетъ фізіологической бѣдности, нищетѣ и пауперизму. Поэтому его функціональное ослабленіе и даже упраздненіе наблюдаются прежде функціональнаго ослабленія и упраздненія всѣхъ другихъ низшихъ центровъ нервной іерархіи. Такъ бываетъ при опьяненіи, такъ бываетъ при болѣзняхъ ²²⁶⁾, при обморокѣ, въ періодъ постепеннаго возврата сознанія, когда дѣятельность высшихъ центровъ восстанавливается послѣдней ²²⁷⁾; такъ же, повидимому, бываетъ и при процессѣ органическаго оскудѣнія.

И это отчасти понятно. У оскудѣлыхъ организацій слабо и вяло работающее малое сердце и сосуды доставляютъ къ мозгу кровь въ сравнительно маломъ количествѣ и подъ слабымъ давленіемъ. Здѣсь изъ недостаточнаго общаго притока медленно движущейся крови наибольшая часть отвлекается, конечно, на питаніе и поддержаніе дѣятельности низшихъ центровъ, какъ болѣе постоянно и привычно работающихъ, а на питаніе и поддержаніе дѣятельности высшихъ остается лишь недостаточный остатокъ. И такъ повторяется постоянно, вслѣдствіе чего функціонированіе высшихъ центровъ ослабѣваетъ, прерывается и иногда почти замираетъ совсѣмъ. Вотъ почему, конечно, въ эмоціональной сферѣ прежде всего ослабляются и поражаются высшія нравственныя чувства, связанныя, какъ увидимъ далѣе, съ правильнымъ функціонированіемъ сравнительно высоко стоящихъ центровъ нервной іерархіи и представляющія собою лучшее украшеніе человѣка, его лучшія качества. Прежде всего, повидимому, ослабляется и изсякаетъ чувство любви въ своихъ совершеннѣйшихъ формахъ: чувства великой и чистой любви къ ближнимъ и близкимъ, чуждой эгоистическаго оттѣнка и иногда властно толкающей на по-

²²⁶⁾ Compagne, цит. соч., 342.

²²⁷⁾ Herzen: «Le cerveau et l'activité cérébr.» 286 и сл.

двиги самопожертвованія, родительскаго чувства, нравственного чувства и пр. ²²⁸).

У оскудѣлыхъ разновидностей всѣ эти высшія чувства или тонируютъ слабыми и короткими тонаціями, какъ бы короткими приступами и слабыми вспышками, или не тонируютъ вовсе и существо ихъ почти или вовсе не согрѣвается, поистинѣ, священнымъ огнемъ альтруистическихъ чувствъ, вслѣдствіе чего имъ по большей части бываютъ чужды и самыя основы нравственности, зиждущейся на этихъ чувствахъ. Brierre de Boismont рассказываетъ, что онъ зналъ одного пятнадцатилѣтняго мальчика, впослѣдствіи выбравшаго карьеру «презрѣнія и нищеты», который утверждалъ, что онъ никогда ничего не понималъ въ томъ, что называютъ нравственностью ²²⁹). И не мудрено. Въ немъ, очевидно, не вибрировали тѣ струны альтруистическихъ чувствъ, которыя необходимы для живаго и непосредственнаго ея пониманія.

Въ представителяхъ оскудѣлыхъ разновидностей если и тонируютъ, то чаще всего низшія душевныя волненія, порождаемыя чувственными аппетитами, вслѣдствіе чего все существо ихъ въ большей или меньшей мѣрѣ отѣняется грубымъ и узкимъ эгоизмомъ, который столь часто, хотя, конечно, не всегда и составляетъ одну изъ главныхъ основъ ихъ характера.

Въ отношеніи эмотивной сферы первично оскудѣлая натура, по видимому, значительно сходна съ вторично-слабоумными. Послѣдніе, пройдя чрезъ продолжительные періоды рѣзкихъ разстройствъ настроенія, также представляютъ беззвучность этой сферы, особенно въ ея высшихъ тонаціяхъ. «Они не имѣютъ ни желаній, ни отвращенія.

²²⁸) «Извращеніе или умираніе нравственного чувства», замѣчаетъ Maudsley, «часто есть одинъ изъ первыхъ симптомовъ душевнаго разстройства: будучи послѣднимъ и наиболѣе высшимъ продуктомъ духовной организаціи, лучшимъ цвѣткомъ культуры, оно первое и свидѣтельствуетъ о разстройствѣ психическихъ центровъ». Въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ нравственное чувство «послѣднимъ приобрѣтеніемъ развитія въ прогрессѣ очеловѣченія», которое первое и поражается вырожденіемъ. «Body and mind», 60, 130, 134 и 5. Д-ръ Магго, указывая, что вообще между преступниками «источники чувствъ почти засыкли», и что имъ чужда семейная любовь и дружба къ товарищамъ. Онъ указываетъ также, что наибольшее число проявленій иррелигиозности приходится на бродягъ и праздношатающихся (oziosi). «I caratt dei delin.», 329 и 279. «Цытомцы, приходящіе въ колонію, обладаютъ чувствами любви и честности въ очень слабой степени развитія», замѣчаетъ г. Тютчевъ. См. цитиров. стат., 498.

²²⁹) «Les fous crimin. de l'Anglet.», 36.

ни ненависти, ни любви», говорить о вторично-слабоумныхъ Esquirol. «Они совершенно индифферентны къ предметамъ, которые имъ были дороже всего. Они видятъ своихъ родныхъ и друзей безъ удовольствія и расстаются съ ними безъ сожалѣній. Они мало беспокоятся налагаемыми на нихъ лишеніями и мало радуются доставляемымъ имъ удовольствіямъ. То, что совершается вокругъ, совсѣмъ не возбуждаетъ ихъ, потому, что они не могутъ приурочить совершающагося ни къ какому воспоминанію, ни къ какой надеждѣ»; «они индифферентны ко всему и ничто ихъ не трогаетъ». «Тѣмъ не менѣе», прибавляетъ онъ далѣе, «они раздражительны, какъ всѣ слабыя существа, у которыхъ умственные способности слабы или ограничены; но ихъ гнѣвъ имѣетъ только минутную длительность»; они «слишкомъ слабы, чтобы ихъ ярость могла быть продолжительна; они не могли бы вынести такого напряженія» ²³⁰).

Сходныя явленія, въ различныхъ степеняхъ, наблюдаются, какъ я уже замѣтилъ, и у представителей занимающихъ насъ разновидностей. Нѣкоторые изъ нихъ, болѣе высоко стоящіе, сами хорошо понимаютъ иногда, что, при данныхъ условіяхъ окружающей обстановки, они должны бы испытывать любовь, или горячее состраданіе, или жгучій стыдъ и пр., а между тѣмъ они не испытываютъ ихъ и ихъ оскудѣлое существо остается беззвучно, какъ дерево, и потому они являются лишенными направляющей и одухотворяющей силы чувства.

Въ замираніи высшихъ соціабельныхъ чувствъ кроется, можетъ быть, самая важная недостаточность ихъ психофизическихъ организацій. Утрата этихъ чувствъ указываетъ и на утрату тѣхъ психическихъ механизмовъ, если можно такъ выразиться, при посредствѣ которыхъ природа приспособляетъ человѣка къ обществу ему подобныхъ. Въ тонаціяхъ альтруистическихъ чувствъ, мимовольно и естественно охватывающихъ вполнѣ приспособленнаго къ общественной жизни человѣка въ его различныхъ жизненныхъ отношеніяхъ, кроются могущественнѣйшія причины, заставляющія его приходить на помощь къ другимъ и располагающія другихъ приходить на помощь къ нему. Когда же эти чувства замираютъ, тогда ихъ мѣсто занимаетъ грубый эгоизмъ, который никогда не можетъ служить прочнымъ цементомъ общества точно такъ, какъ и головная нравственность никогда не можетъ замѣнить нравственность инстинктивную—нравственность по движенію непосредственнаго чувства.

²³⁰) Цитирован. сочин , II, 45.

Собственно въ умственной сферѣ представители оскудѣлыхъ разновидностей проявляютъ не меньшіе дефекты. Повидимому, вслѣдствіе той же обѣднѣлости и дурной орошаемости кровью нервной ткани, ихъ вниманіе сравнительно трудно сосредоточивается и сравнительно быстро ослабляется. Нужны довольно сильные стимулы, чтобы пробудить его и при томъ стимулы, достаточно разнообразные и дѣйствующие на разные центры, чтобы поддерживать его.

Ходъ мыслительныхъ процессовъ, подобно ходу всѣхъ прочихъ органическихъ процессовъ, у представителей оскудѣлыхъ организацій совершается весьма медленно и медленно въ различныхъ степеняхъ, въ зависимости отъ степеней оскудѣнія. «Во время интенсивнаго мышленія мозгъ наполняется кровью, тогда какъ во время покоя ума и отсутствія эмоцій его сосуды сѣуживаются и теченіе крови замедляется» ²³¹⁾. Отсюда понятно, что когда сердце обычно работаетъ слабо, когда сосуды конституціонально не могутъ достаточно расширяться, и кровь потому не можетъ въ достаточной мѣрѣ наполнять мозгъ, тогда быстрая и интенсивная мысль становится мало возможна и, въ условіяхъ самой мозговой организаціи, будетъ существовать склонность къ медлительности, покою и бездѣятельности. Даже временное утомленіе всегда въ значительной мѣрѣ понижаетъ скорость хода мысли, а представители органическаго оскудѣнія—это устойчиво и, если можно такъ выразиться, конституціонально утомленные и переутомленные субъекты. Быстрота же теченія представленій у различныхъ личностей колеблется въ довольно значительныхъ предѣлахъ. У нѣкоторыхъ хорошо одаренныхъ организацій она достигаетъ болѣе 130 представленій въ минуту. Какъ далеко можетъ простираться это повышеніе быстроты мышленія—сказать трудно. Намъ извѣстны случаи, правда, исключительные, когда въ нѣсколько мгновеній въ сознаніи субъекта успѣвало промелькнуть съ поразительной быстротой множество картинъ его прошлой жизни. Напротивъ, у обѣдѣлыхъ организацій быстрота хода представленій значительно понижается, доходитъ до очень незначительныхъ величинъ и даже вплоть до нуля, т. е. до полнаго прекращенія мышленія, какъ показываютъ нѣкоторые клиническіе случаи, въ которыхъ ходъ его дѣйствительно останавливается. Д-ръ Comraigne слѣдующимъ образомъ описываетъ внутреннее состояніе одной изъ своихъ больныхъ во время періода подавленности, развившагося на почвѣ временнаго ослабленія питанія мозга, которое у оскудѣлыхъ организацій постоянное. Она была «апа-

²³¹⁾ Marey: «La circulat. du sang», 539—541.

тична»; индифферентна и мало общительна», рассказывает онъ. Дѣятельность въ какой бы то ни было формѣ была для нея непріятна и даже тягостна; работа, прогулки и развлеченія не имѣли для нея никакой привлекательности. Ея родные, ея ребенокъ, ея мужъ, ея дѣла и ея будущее совершенно не интересовали ее. *Ея мысли текли медленно, были нѣсколько неясны и казалось имѣли очень несовершенное развитіе, потому что она не дѣлала изъ нихъ самыхъ простыхъ заключеній* ²³²). Выше я уже рассказалъ случай, заимствованный мною изъ сочиненія Esquirol'a, въ которомъ больной характеризовалъ свои внутреннія состоянія словами: «я не думаю, я не вижу и не слышу ничего» ²³³). Во второмъ выпускѣ своей работы о малолѣтнихъ преступникахъ я приводилъ также случай молодого человѣка, который, подъ вліяніемъ разстройствъ мозгового питанія, сталъ неспособенъ думать и сосредоточивать свое вниманіе даже во время разговора. Онъ утратилъ память, утратилъ волю, не могъ принять никакого рѣшенія и былъ неспособенъ дѣлать усилія, а если и дѣлалъ таковыя, то у него оставалось только неясное сознаніе того, что онъ сдѣлалъ ихъ ²³⁴). Тамъ же я передалъ другой случай больного. У него на той же почвѣ временнаго ослабленія мозгового питанія и паденія пульса до 25 ударовъ развилось состояніе разслабленія, неподвижности и оцѣпенѣлости, изъ которой его нельзя было вывести никакими средствами ²³⁵). Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ и д-ръ Военс описываетъ близко наблюдавшихся имъ бродягъ. «Хотѣть и дѣйствовать», говоритъ онъ о нихъ, «думать и размышлять, комбинировать и предвидѣть, опредѣлять и координировать, идти и приходить въ видахъ опредѣленной цѣли—все это выше ихъ силъ какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ» ²³⁶).

Представляясь столь несовершеннымъ со стороны быстроты своего хода, а слѣдовательно и со стороны своего количественнаго достатка, мышленіе оскудѣлыхъ субъектовъ представляется не менѣе, если еще не болѣе несовершеннымъ и со стороны своего содержанія. Последнее

²³²) Цитирован. сочин., 495 и сл.

²³³) Цитир. соч., II, 48.

²³⁴) «Малолѣтн. преступн.», вып. 2, 169.

²³⁵) Тамъ же, 138.

²³⁶) Цитир. стат., 109. «Нищіе, что ребята малые», говоритъ крестьянинъ-старикъ. «Куда у нихъ этотъ разумъ дѣвается? Подъ окнами они его затаскиваютъ что ли, али-бѣ ужъ это убожество-то поѣдаетъ его,—никакъ я домекнуть не могу, сколько ни перебираю въ умѣ своемъ». Максимовъ: «Бродячая Русь», 125.

почерпается изъ впечатлѣній, открашиваемыхъ чувствованіями, а мы уже видѣли, на сколько блѣдна и затуманена эта сфера у оскудѣлыхъ организацій, которыя поѣтому могутъ почерпать изъ нея только самый скудный и плохой матеріалъ, рѣшительно недостаточный для созданія сколько-нибудь полной умственной жизни ²³⁷). Объ этой послѣдней мы не можемъ составить себѣ даже приблизительно вѣрнаго понятія, на основаніи нашего внутренняго опыта. Познакомившись съ ея составными элементами, мы можемъ сказать лишь, что она должна представлять значительныя своеобразности и недостаточности, ставящія ее на весьма низкую ступень развитія.

Понятно, что при указанныхъ особенностяхъ нѣтъ мѣста и для активнаго предвѣдѣнія будущаго, могущаго оказывать значительное вліяніе на направленіе дѣятельности ²³⁸). Для подобнаго предвѣдѣнія умственная жизнь оскудѣлыхъ слишкомъ блѣдна и недостаточна. Когда требуется скорая оцѣнка, тогда препятствіемъ служитъ медленность хода представленій, когда же требуется продолжительная обдуманность, тогда имъ является блѣдность представленій, лѣность мышленія и его склонность къ бездѣятельности по отсутствію необходимой энергіи.

При такихъ основныхъ качествахъ своего существа, оскудѣлая организація не обладаютъ и не могутъ обладать и тѣмъ, что мы называемъ твердой волею. Для послѣдней необходимо достаточное количество нервной энергіи, устойчивое мозговое кровообращеніе, ясныя, активныя представленія и мощно развитая задерживающая власть высшихъ направляющихъ центровъ надъ низшими психическими движеніями ²³⁹). Но всѣ эти условія, какъ мы уже видѣли, отсутствуютъ у

²³⁷) Не безъинтересно отмѣтить сдѣсь наследственную связь такихъ состояній, какъ чахотка и золотуха, съ идиотизмомъ. Повидимому, эти послѣднія состоянія восходящихъ способны породить идиотизмъ у нисходящихъ, какъ это показываютъ нѣкоторые случаи. См. Voisin, цит. соч. 352—359.

²³⁸) Два постоянныхъ обитателя ночлежнаго дома на Хитровомъ рынкѣ—Егоровъ и Шепелевъ были арестованы по подозрѣнію, вызванному ихъ сильнымъ кутежемъ. Оказалось, что къ нимъ случайно попалъ бумажникъ съ 400 р. Они подѣлили деньги и принялись за игру на билліардѣ и кутежи. «Къ характеристикѣ обитателей Хитрова рынка слѣдуетъ прибавить», справедливо замѣчаетъ передавшій случай, «что оба они, получивъ при раздѣлѣ по 200 р., не позаботились даже хотя немного пріодѣться, и въ тѣхъ же лохмотьяхъ, какъ и были, отправились кутить и играть на билліардѣ и въ три дня успѣли истратить почти всѣ деньги». «Русскія Вѣдомости», 25 іюня 1887 г.

²³⁹) При истощеніи, «ассоціація идей лишается контроля и задерживающее вліяніе сознанія ослабѣваетъ». Розенбахъ, цит. стат., 194.

оскудѣлыхъ организацій ²⁴⁰). «Ихъ толкаютъ, они двигаются», говоритъ д-ръ Военс о бродягахъ; «ихъ предоставляютъ самимъ себѣ, они останавливаются или двигаются на удачу, живя непредвидѣннымъ и довольствуясь тѣмъ, что имъ не стоитъ никакого труда пріобрѣсть» ²⁴¹).

Не имѣя воли по недостатку жизненныхъ силъ, они, конечно, не имѣютъ также и никакой предпримчивости, никакой инициативы; они не проявляютъ собственное я и не проводятъ сколько нибудь настойчиво имъ лично принадлежащихъ желаній. Большею частью они послушныя орудія въ чужихъ рукахъ и имъ легко прививаются чужія влеченія. Короче сказать, это люди почти постоянно находящіеся подъ вліяніемъ чужихъ внушеній, если только находятся желающіе внушать ²⁴²).

Если у сангвиниковъ богатство запасовъ въ различныхъ хорошо питаемыхъ и богато одаренныхъ тканяхъ органическихъ силъ, всегда готовыхъ къ освобожденію, отражается въ зеркалѣ сознанія большей или меньшей самоувѣренностью, рѣшительностью, сравнительно большей прямою и открытостью, преимущественно оживленнымъ и веселымъ настроеніемъ, сравнительно большей благожелательностью къ окружающимъ (поскольку, конечно, эта особенность можетъ зависѣть также и отъ избытка силъ), то здѣсь, на почвѣ органическаго оскудѣнія, наблюдаются иныя душевныя явленія и иная окраска самочувствія. Крайняя общая скудость запасовъ органическихъ силъ и всегдашняя близость ихъ полнаго временнаго истощенія отражаются

²⁴⁰) Такихъ личностей проф. Азамъ справедливо называетъ «думающими машинами», такъ какъ у нихъ нѣтъ собственной инициативы и они могутъ быть лишь орудіями въ чужихъ рукахъ. *Le caractère*, 44. Даже при болѣе слабыхъ степеняхъ оскудѣнія волевые элементы обыкновенно оказываются недостаточными и въ большей или меньшей степени поражаются и ослабляются, «По примѣру Ласенаір'а, всѣ профессиональные преступники», говоритъ аббатъ Могеацъ, стремятся поднять на высоту принципа свои извращенныя инстинкты, свою трусость предъ ежедневной работой, свою скоро проходящую энергію на убійство и свою конституціональную слабость, отъ которой они могутъ освободиться только въ моменты бѣшенства. *«Le monde des prisons»*, 37.

²⁴¹) См. цит. стат., 109. Въ послѣднемъ отношеніи они вполне напоминаютъ идіотовъ съ ихъ обвѣдывымъ строеніемъ и идіоты напоминаютъ ихъ. См. Morel: *«Etud. clin.»*, I, 9.

²⁴²) «Оскудѣлые (*débiles*)—это обездоленные умомъ и сужденіемъ», говоритъ д-ръ Laurent, «это индивидуумы съ ограниченнымъ мышленіемъ, съ механической памятью, съ слабой волею, это существа, неспособныя ко вниманію и усиліямъ, лишеныя силы воображенія и положительно подчиняющіеся внушеніямъ другихъ». *«Les dégénérés dans les pris.»*. *Archives d'anthrop. crimin.*, 1888, 576.

въ зеркалѣ сознанія оскудѣлыхъ личностей чувствомъ непріятной общей слабости и нервной немощности, властно господствующими надъ всѣми остальными органическими тонами, лѣнью ²⁴³), крайней неувѣренностью въ себѣ и своихъ силахъ, робостью, узкой эгоистичностью или «патологическимъ эгоизмомъ», *между прочимъ* являющимся и слѣдствіемъ темнаго инстинктивнаго чувствованія, что крайне недостаточнаго количества развиваемыхъ силъ не хватаетъ даже для удовлетворенія своихъ личныхъ насущныхъ потребностей.

При этомъ чувствованія или ощущенія у такихъ субъектовъ, постоянно идущія отъ обѣднѣлыхъ, плохо питаемыхъ и потому легко и быстро истощающихся тканей и органовъ вообще, и сравнительно болѣе сильно тонирующія ощущенія отъ внутренностей не могутъ, конечно, отличаться пріятностью своихъ оттѣнковъ, а потому и не могутъ давать пріятно окрашеннаго общаго чувства собственнаго существованія, лежащаго въ основѣ настроенія: они говорятъ своимъ языкомъ лишь о бѣдности, недостаткахъ и общемъ оскудѣніи. Большею частью тяжелая апатичность и нѣсколько туманная, неясная сознаваемость въ періоды относительно спокойныхъ состояній и непріятность ²⁴⁴), недовольство, раздражительность и брюзгливость въ періоды хотя нѣсколько напряженной дѣятельности, легко вызывающей состоянія перераздраженія ²⁴⁵),—вотъ что, повидимому, въ большинствѣ случаевъ отмѣчаетъ самочувствіе представителей наиболѣе оскудѣлыхъ разновидностей, которое въ свою очередь всегда и вполне опредѣляетъ окраску нашего воззрѣнія на міръ Божій и наше отношеніе къ нему. Неудивительна поэтому столь часто наблюдаемая у нихъ неудержимая склонность ко всевозможнымъ искусственнымъ возбудителямъ, хотя временно повышающимъ ихъ настроеніе ²⁴⁶) и работо-

²⁴³) «Я проснулся въ состояніи невыразимаго недомоганія», рассказываетъ органически истощенный курильщикъ опиума. «Я былъ подавленъ, утомленъ и такъ скупъ на движенія, что я не имѣлъ духу даже высморкаться». «Я жирѣлъ быстро, но оставался безъ энергіи, расслабленный и лѣнивый, хотя я и не былъ боленъ». «Encéphale», 1887, 311.

²⁴⁴) «Я видѣлъ будущее и настоящее въ столь черномъ цвѣтѣ», рассказываетъ тотъ же истощенный курильщикъ опиума, «что былъ близокъ къ самоубійству». Цит. стат., 315.

²⁴⁵) Д-ръ Beard справедливо видитъ въ болѣзненныхъ чувствахъ страха, въ чувствахъ подавленности и безнадежности «инстинктивное сознаніе недостаточности для выполненія предстоящихъ задачъ» и такое «ослабленіе и уменьшеніе нервныхъ силъ», при которомъ «носить самую жизнь кажется величайшимъ бременемъ». «Die Nervenschwäche», 33 и 34.

²⁴⁶) Д-ръ Comraque замѣчаетъ относительно одной изъ своихъ извращенныхъ больныхъ, что она становилась гораздо болѣе непріятна, нежели это бывало обычно, именно тогда, когда у нея не было нюхательнаго табака.

способность, и ко всевозможнымъ возбуждающимъ удовольствіямъ ²⁴⁷⁾, а также и отсутствіе у нихъ способности противостоятъ чувственнымъ соблазнамъ по сознанию долга ²⁴⁸⁾. Но трудно шевельнуться вполне обдуманному слову осужденія по отношенію къ этимъ вполне обездоленнымъ пасынкамъ природы, вся сознаваемая жизнь которыхъ, въ смыслѣ дѣющагося настроенія, представляетъ собою однѣ лишь темныя сумерки.

Представители оскудѣлыхъ разновидностей—это суть люди съ весьма медленнымъ и вялымъ пульсомъ жизни, люди, всегда и во всемъ отстающіе и запаздывающіе. А между тѣмъ жизнь не стоитъ и не ждетъ; волнуясь, идетъ она ускореннымъ шагомъ и на ходу бросаетъ имъ свои запросы. Но пока готовится отвѣтъ, волна движенія уже далеко уходитъ впередъ, оставляя ихъ позади себя отсталыми и никому не нужными ²⁴⁹⁾.

На почвѣ всѣхъ описанныхъ психическихъ особенностей у представителей оскудѣлыхъ натуръ обыкновенно еще въ дѣтствѣ развивается

²⁴⁷⁾ См. случай, рассказанный на стр. 137 въ 238 прим. Надо замѣтить, что неудержимое влеченіе къ возбуждающимъ удовольствіямъ, влеченіе, не знающее никакихъ границъ и чуждое самого элементарнаго благоразумія, большею частью наблюдается у всѣхъ болѣе мелкихъ преступниковъ. «Страсть къ наслажденіямъ и чувственность воровъ, также какъ и ихъ мотовство граничатъ съ неистовствомъ», говоритъ *Avè-Lallemant* «Нѣкоторые воры по нѣскольку разъ пріобрѣтали значительныя состоянія, на ренты отъ которыхъ они могли бы вести удобную и спокойную жизнь. Но состояніе въ короткое время проматывалось». «Только они одни и могутъ», прибавляетъ онъ далѣе, «проводить жизнь въ величайшихъ наслажденіяхъ и величайшей нищетѣ». «*Das Deutsche Gaupnerthum*», II, 8.

²⁴⁸⁾ «Они сравнительно мало имѣютъ самообладанія», замѣчаетъ *Brace* о потомкахъ бѣдняковъ (*poor spring*); высокіе уроки долга и уваженія къ другимъ рѣдко вліяютъ на нихъ, и религія оказываетъ не болѣе вліянія на ихъ наиболѣе деликатныя отношенія къ тѣмъ, которые соединены съ ними. «*The dangerous class. of New-York*», 39 и 40.

²⁴⁹⁾ «Родился онъ, какъ говорится, на камушкѣ, т. е. въ круглой нищетѣ. Вытащила его мать на свѣтъ вольный за пазухой, когда сама вышла «грызть окна», т. е. просить Христа-ради подаянія». Подростъ онъ и сталъ подражать другимъ братьямъ по профессіи. «Старался онъ и выходило что-то, да далеко не все: вышелъ онъ, какъ говорится, въ полѣ обсывокъ. Въ дѣлѣ обмѣняють, обдѣляютъ и обвѣщаютъ». Самъ онъ рассказывалъ про себя: «А опоздаю, всегда опоздаю и венахатъ и поспѣять; не умѣю я во-время поспѣвать: вонъ и къ обѣднѣ; когда за милостинкой выхожу,—смотрю: старуха моя давно глаза скосила и ругательски шипитъ,—за самое начало не угодилъ вишь. «Ты молъ и на свѣтъ-отъ Божій родиться запоздалъ! Кажись, такихъ, какъ ты, теперь не надо!» Максимовъ: «Бродячая Русь», 133—137.

много производныхъ дурныхъ чертъ характера. Органически вялый и большею частью наследственно нервно-истощенный ребенокъ часто рѣшительно не имѣетъ возможности выполнять всего отъ него требуемаго какъ окружающими людьми, такъ и самими условіями жизни, не рѣдко внѣ всякаго соотвѣтствія съ мѣрою силъ его. И онъ легко прибѣгаетъ ко лжи и начинаетъ дѣйствовать хитростью, чтобы избѣжать упрековъ и наказаній, а впослѣдствіи, идя такимъ путемъ, постепенно привыкаетъ и къ обычно-недобросовѣстному отношенію къ поручаемому и должному. Легко развиваются у него на той же психо-физической почвѣ, при сколько нибудь неблагопріятныхъ условіяхъ обстановки, — значительная небрежность, неаккуратность, необдуманность, непредусмотрительность и безпечность, потому что противоположныя качества требуютъ физическаго и умственнаго напряженія и труда, а представители оскудѣлыхъ разновидностей, вслѣдствіе малаго запаса органическихъ силъ и быстрой ихъ истощаемости, инстинктивно стремятся расходовать возможно менѣе и скорѣе сбывать дѣло съ рукъ, чтобы снова впадать въ неволью привлекательное для нихъ бездѣйствіе. Эти фізіологическіе бѣдняки и пауперы, подобно бѣднякамъ имущественнымъ, которыми они большею частью и дѣйствительно бываютъ, уже самыми особенностями своей организаціи предрасположены не выходить изъ предѣловъ однихъ пожеланій. При томъ же и теченіе представленій у нихъ идетъ сравнительно слишкомъ медленно для своевременнаго обдумыванія. Приобрѣтаемое постояннымъ опытомъ, — опытомъ жизненныхъ толчковъ и неудачъ, — сознаніе своей психической недостаточности легко также способствуетъ развитію въ нихъ, при сколько нибудь неблагопріятныхъ условіяхъ, узкой эгоистичности (поскольку, конечно на это можетъ вліять и чувство безсилія) и подавленію полезнаго самолюбія и личной гордости ²³⁰).

²³⁰) Большой интересъ для нѣкотораго освѣщенія интересующихъ насъ явленій представляютъ, между прочимъ, эпилептики. Эпилептики, какъ уже было говорено выше, и внѣ періодовъ своихъ приступовъ, отличаются крайней измѣчивостью всего своего психическаго существа. При этомъ то, что у оскудѣлыхъ организацій является результатомъ устойчивыхъ конституціональных особенностей, у эпилептиковъ, повидному, есть слѣдствіе функціональных разстройствъ, иначе говоря, неправильнаго перераспределенія крови по частямъ организма: расширеніи сосудовъ и усиленныхъ притоковъ крови въ однихъ мѣстахъ и суженіи сосудовъ и сравнительнаго обезкровленія — въ другихъ. Въ психической же области эти органическія измѣненія и колебанія отражаются и соотвѣтствующими психическими измѣненіями. По временамъ эпилептики испытываютъ «внутреннее чувство благополучія и удовлетворенности, которыя заставляютъ ихъ питать широкіе планы» и «самыя несбыточные надежды».

Психофизическія особенности, образующія этотъ типъ, иногда бываютъ преимущественно благопріобрѣтенныя ²⁵¹⁾, но въ большинствѣ случаевъ онѣ бываютъ почти всецѣло унаслѣдованы отъ восходящихъ поколѣній ²⁵²⁾.

Въ такіе моменты эпилептики проявляютъ «мягкость и благожелательность», а ихъ умственная дѣятельность совершается легко и у нихъ происходитъ «быстрая циркуляція идей, соотвѣтствующая нѣкоторой степени мозгового возбужденія. Они тогда могутъ предаваться послѣдовательной работѣ, къ которой они неспособны въ другіе періоды», и легко могутъ припоминать явленія прошлаго. Они представляются тогда «трудолюбивыми, точными, внимательными. въ работѣ, послушными и пр., такъ что тѣ, которые живутъ съ ними или даютъ имъ занятія, могутъ лишь хвалить ихъ отношеніе и ихъ услуги». Но вотъ картина измѣняется. Происходитъ неправильныя перераспрежденія и относительныя обезкровленія мозговыхъ центровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, происходитъ и значительное уподобленіе прежде способныхъ людей изучаемымъ нами представителямъ оскудѣлыхъ разнообразностей какъ со стороны эмотивной и нравственной, такъ и интеллектуальной. Наши эпилептики становятся подавленными, печальными, угрюмыми, обезкураженными и расположенными къ спорамъ и ссорамъ. Ихъ умственныя операціи становятся тогда неясными, «память ослабляется, вниманіе и пониманіе затрудняются и они испытываютъ большія трудности соединять свои мысли». Вмѣстѣ съ тѣмъ они дѣлаются неспособны выполнять свои прежнія функціи и «становятся небрежными, лѣнивыми и нерадивыми. Они забываютъ самыя элементарныя вещи, проводятъ свое время въ бездѣятельности, или бродятъ туда и сюда безъ цѣли, безъ направленія». Въ нихъ «развиваются самыя дурныя склонности и влеченія: они становятся сварливы, лгутъ и воруяютъ» и крайне легко раздражаются. Затѣмъ наступаетъ прежнее органическое состояніе, а вмѣстѣ съ нимъ выступаетъ и прежняя личность. См. J. Falret: «De l'état mental des épilept.», 11 и 12.

²⁵¹⁾ Одной изъ важнѣйшихъ причинъ такого печальнаго пріобрѣтенія, по видимому, является алкоголизмъ. Онъ могущественно вліяетъ, какъ мы знаемъ, на порчу сосудистой системы и тканей, изъ которыхъ слагается нашъ организмъ. Kerr, цит. соч. 174 и 5; Luys, цит. соч. 256; Morel: «Traité des dégénésc.», 389 и сл. «Въ послѣдніе годы ихъ жизни», говоритъ д-ръ Legrain о хроническихъ алкоголикахъ, «у нихъ наблюдается воспроизведеніе того, что обыкновенно наблюдается въ душевной сферѣ у вполне вырождающихся». «Они создаютъ себѣ почву пріобрѣтеннаго вырожденія», продолжаетъ онъ далѣе, «и это послѣдующее вырожденіе представляетъ тѣ же клиническія особенности, какъ и вырожденіе первичное». Больные «становятся неуравновѣшенными и сподобными, какъ и эти послѣдніе, страдать импульсивностью, одержаніями и совершать рядъ странностей и чудачествъ». «Hérédité et alcoolisme», 315 и 16 и вообще 314—328. Combemale, цит. соч., 94 и сл.

²⁵²⁾ Даже самая склонность къ отравленіямъ алкоголемъ, о которой было говорено въ предшествующемъ примѣчаніи, въ значительной мѣрѣ развивается на почвѣ унаслѣдованія. Говоря о предрасположенныхъ къ алкоголизму, д-ръ

Не трудно видѣть, какъ много можетъ зависѣть отъ воспитателя дѣтей, обладающихъ подобными качествами, отъ его пониманія или непониманія ихъ основныхъ особенностей. Въ первомъ случаѣ, онъ не только можетъ подавить въ нихъ развитіе многихъ производныхъ дурныхъ чертъ характера, но также благопріятно повліять и на его основныя черты, а во второмъ случаѣ, своими несоотвѣтствующими требованіями, онъ можетъ лишь ускорить ихъ образованіе и развитіе.

Таковы наиболѣе общія психофизическія особенности оскудѣлыхъ разновидностей, зная которыя не трудно уже предвидѣть, какъ должны проявлять себя ихъ обладатели въ сферѣ общественной жизни и въ сферѣ своихъ отношеній съ людьми вообще.

Когда представители этихъ разновидностей обладаютъ болѣе или менѣе значительными наследственно - имущественными придатками, тогда они обыкновенно являются въ роли болѣе или менѣе дряблыхъ, безхарактерныхъ, лѣнивыхъ, поистинѣ прозябающихъ, не рѣдко запивающихъ и большею частью проживающихся безличностей, неспособныхъ не только занять вновь, но и удержать за собой пріобрѣтенное ихъ восходящими выгодное и вліятельное жизненное положеніе, несмотря на доставшіяся безъ труда матеріальныя средства къ тому.

На низшихъ же ступеняхъ общественной лѣстницы представители оскудѣлыхъ разновидностей фигурируютъ въ роли самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ незадачниковъ, въ роли нищихъ-подещниковъ, вавсегдатаевъ кабака, питающихся случайно и подачками, и въ роли различныхъ калѣкъ - переходящихъ, которые никогда не встаютъ и не оправляются и представляютъ собою въ полномъ смыслѣ слова отребіе общества.

Прекрасно и художественно-очерченный типъ вырождающагося представителя сильнаго и богатаго рода, а вмѣстѣ съ тѣмъ и представителя одной изъ занимающихъ насъ разновидностей мы находимъ въ

Sollier справедливо указываетъ, что они всегда представляютъ собою «слабые, легко увлекаемые характеры, неспособные къ продолжительной реакціи». «Именно личности, которыя быстро утомляются, способности которыхъ быстро понижаются, и прибѣгаютъ къ возбудителямъ, каковы табакъ, морфій, алкоголь и кофе». «Du rôle de l'hérédité dans l'alcoolisme», 169 и сл., 174. Говоря объ унаслѣдованіи особенностей, отмѣчающихъ преступный классъ, Врасе замѣчаетъ: «это наиболѣе справедливо въ отношеніи влеченія къ крѣпкимъ напиткамъ, въ отношеніи къ половой страсти и иногда въ отношеніи къ особой немощности и лѣности, которыя образуютъ истыхъ пауперовъ». Цит. соч. 47.

произведеніи Гончарова, въ лицѣ Ильи Ильича Обломова, который если и не дошелъ еще до послѣднихъ предѣловъ оскудѣнія, то во всякомъ случаѣ былъ не слишкомъ далекъ отъ нихъ. Ольга коротко, но полно характеризовала его въ немногихъ словахъ. «Я думала, что я оживлю тебя, что ты можешь еще жить для меня, а ты уже давно умеръ». И дѣйствительно, Обломовъ былъ живой мертвецъ. Художникъ мастерски воспроизвелъ намъ его образъ, показавъ его сначала въ свойственной ему отъ юности жизни, потомъ въ моментъ высшаго разцвѣта и подъема силъ его — въ моментъ любви, когда Обломовъ началъ было «чувствовать жизнь, ея тихое теченье, ея сладкія струи», когда въ его организмѣ начала была «разливаться какая-то теплота, свѣжесть и бодрость», но когда онъ всетаки только кратковременно способенъ былъ сливаться въ «вѣчной гармоніи съ каждымъ біеніемъ пульса» любимой женщины и тутъ же зѣвалъ, при чемъ въ немъ самомъ не было «никакого движенія воли, никакой активной мысли», когда «онъ не сдѣлалъ ни шагу и оставался неподвиженъ тамъ, гдѣ она оставляла его» и когда у него, по непреложнымъ законамъ природы, «цвѣтъ жизни опалъ» въ самомъ зародышѣ, не давши плода. Наконецъ, художникъ показалъ намъ Обломова и въ послѣдующую, конечную пору его жизни, когда предвѣдѣніе Ольги сбылось, и онъ въ самомъ началѣ ужъ «усталъ отъ любви, какъ усталъ отъ книгъ, отъ службы» и безъ всякой другой любви «уснулъ вдругъ около» любимой женщины, и ея голосъ, не смотря на всю энергію, «не разбудилъ» и не могъ разбудить его. Въ этотъ послѣдній періодъ, читатель присутствуетъ при тяжелыхъ, подавляющихъ сценахъ постепеннаго засыпанія и замиранія души. Въ концѣ почти уже нѣтъ больше движенія, а лишь одинъ могильный покой, только изрѣдка прерываемый слабыми вспышками не ярко-бѣлаго, а тускло-спяго огня. Съ тяжелымъ чувствомъ кончаетъ читатель грустную повѣсть и въ немъ невольно шевелится ужасный Ольгинъ вопросъ: «*Кто проклялъ тебя Илья? Что ты сдѣлалъ?* Ты добръ, уменъ, нѣженъ, благороденъ... и... гибнешь! Что сгубило тебя? Нѣтъ имени этому злу».... «Обломовщина»! отвѣтилъ Штольцъ въ самомъ началѣ и повторилъ то же въ самомъ концѣ. А мы скажемъ: погубило его и не могло не сгубить органическое оскудѣніе и изсякновеніе органическихъ источниковъ жизни.

Типъ Обломова—типъ весьма сложный и крайне интересный для насъ, потому что авторъ отбѣнилъ въ немъ преимущественно ту сторону, которая теперь именно и сосредоточиваетъ на себѣ наше вниманіе.

Въ Обломовѣ еще много остатковъ довольно богато-одаренной на-

туры, которой, однако, недостаетъ жизненныхъ силъ, недостаетъ энергичной кровеносной системы, чтобы проявлять многія высокія качества. А потому, чтобы отвѣтить на вопросъ, какъ могло все это случиться и «какъ дошелъ онъ до жизни такой», намъ необходимо прежде всего внимательно заглянуть и разобраться въ его наслѣдственномъ прошломъ.

«Домъ Обломовыхъ былъ когда-то богатъ и знаменитъ въ своей сторонѣ, но потомъ, Богъ знаетъ отчего, *все бѣднѣло, мельчало* и, наконецъ, *незамѣтно* потерялся между нестарыми дворянскими домами. Только посѣдѣвшіе слуги дома хранили и передавали другъ другу вѣрную память о минувшемъ, дорожа ею, какъ святынею». Въ этихъ немногихъ словахъ авторъ рисуетъ намъ цѣлую картину далекаго прошлаго. Очевидно, что родъ Обломовыхъ когда-то былъ органически высоко одаренный родъ, благодаря чему онъ выдвинулся и постепенно сталъ богатъ и знаменитъ. Не мудрено поэтому, что и у его отдаленнаго ослабѣвшаго потомка мы находимъ еще ясные слѣды сравнительно богато одаренной натуры, доставшейся ему, какъ и остатокъ прежняго богатства—Обломовка, по наслѣдству отъ его когда-то работавшихъ, а потому и развивавшихся предковъ, занявшихъ себѣ, при посредствѣ своей энергіи, видное мѣсто на пиру жизни. Но отчего же этотъ богато одаренный родъ вдругъ пошелъ на убыль, пошелъ на захуданье? Авторъ не даетъ намъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ, но изъ отдѣльныхъ разсказовъ и картинъ мы безъ труда можемъ уловить дѣйствовавшія причины постепеннаго паденія рода, приведшія его къ Ильѣ Ильичу Обломову.

Предки Обломова «спидѣли или лежали въ лѣнивомъ покоѣ», «зная, что есть въ домѣ вѣчно-ходящее около нихъ промышляющее око и непокладныя руки, которыя обошьютъ ихъ, накормятъ, напоятъ, одѣнутъ и спать положить, а при смерти и закроютъ имъ глаза». Вотъ въ этомъ-то существованіи промышляющаго ока и не покладныхъ рукъ и крыласть, повидимому, основная причина захирѣнія рода. Благодаря своей предшествующей дѣятельности и органическимъ достоинствамъ, онъ было выдвинулся, занялъ видное мѣсто, окружилъ себя обиліемъ, а потомъ и успокоился. Отпали энергичные стимулы для дѣятельности и дальнѣйшаго развитія. Незачѣмъ стало головѣ и сердцу упорно работать, не зачѣмъ стало напрягаться усиленно мышцамъ, не зачѣмъ часто стало и думать. Наступило тогда вліяніе чрезмѣрнаго довольства, удивительныхъ пироговъ и полное отсутствіе всякой серьезной работы и думы. Имъ стало «ничего не нужно; жизнь, какъ покойная рѣка, потекла мимо ихъ; оставалось только сидѣть на берегу этой

рѣки и наблюдать неизбѣжныя явленія». Но законъ природы неумолимъ и непреклоненъ. вмѣстѣ съ полнымъ покоемъ, безпечностью и бездѣйствіемъ постепенно и незамѣтно стало подкрадываться, какъ тать въ нощи, и то, что проф. Bouchardat мѣтко называлъ фізіологической бѣдностью богатыхъ и «недостаточностью среди обилія». Неупражняемые органы стали жирѣть, слабѣть и оскудѣвать постепенно.

«Тишина и невозмутимое спокойствіе царствовали въ Обломовкѣ, родномъ гнѣздѣ Обломова. Тихо, едва замѣтно текла жизнь ея обитателей». «Они продолжали цѣлые десятки лѣтъ сопѣть, дремать и зѣвать или заливаться добродушнымъ смѣхомъ отъ деревенскаго юмора». Обломовцы «сносили трудъ, какъ наказаніе», «и, гдѣ былъ случай, всегда отъ него избавлялись». «Ихъ загрызетъ тоска, если завтра не будетъ похоже на сегодня, а послѣ-завтра на завтра. Зачѣмъ имъ разнообразіе, переменны, случайности, на которыя спрашиваются другіе? Пусть же другіе и расхлебываютъ эту чашу, а имъ, обломовцамъ ни до чего и дѣла нѣтъ».

Отецъ Обломова по цѣлымъ утрамъ сидѣлъ у окна, аппетитно кушалъ, по долгу спалъ послѣ обѣда, опивался чаемъ послѣ сна, потомъ, «заложивъ руки назадъ, ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ, прислушиваясь къ звуку собственныхъ шаговъ», снова кушалъ и затѣмъ спокойно отходилъ ко сну. Его мать по утрамъ занималась толками по хозяйству, кушала, также спала послѣ обѣда, пила чай, по вечерамъ молчаливо занималась вязаньемъ, снова кушала и также отходила ко сну. «Вотъ день-то и прошелъ, и слава Богу! говорили обломовцы, ложась въ постель, крехтя и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ». И такъ изо дня въ день, изъ года въ годъ текла жизнь, дрябли и слабѣли организмы, и постепенно издалека подготовлялся живой мертвецъ, будущій Илья Ильичъ Обломовъ.

«Забота о пищѣ была первая и главная жизненная забота въ Обломовкѣ». «Объ обѣдѣ совѣщались цѣлымъ домомъ». «Всякій предлагалъ свое блюдо». «Всякій совѣтъ принимался въ соображеніе, обсуживался обстоятельно и потомъ принимался или отвергался».

Кромѣ заботъ о пищѣ, въ жизни обломовцевъ, повидимому, были и другіе энергическіе мотивы, о которыхъ мы узнаемъ изъ идеаловъ счастья Ильи Ильича, занесенныхъ имъ изъ Обломовки. Вотъ идетъ толпа босоногихъ бабъ. «Одна изъ нихъ, съ загорѣлой шеей, съ голыми локтями, съ робко опущенными, но лукавыми глазами, чуть-чуть, для виду только, обороняется отъ барской ласки, а сама счастлива... те!... жена чтобъ не увидила, Боже сохрани!»

Маленькаго Илью Ильича воспитывали бережно, усердно кормили, берегли, чтобъ не подулъ вѣтерокъ и чтобы мальчикъ, храни Богъ, не сдѣлалъ какъ-нибудь лишняго движенія. Крѣпостная рука обувала, одѣвала, умывала и чесала его. Ученьемъ не отягощали много ребенка и всѣми правдами-неправдами спасали отъ учителя пѣмца.

Результатомъ такого наслѣдственнаго прошлаго и такого воспитанія былъ взрослый Илья Ильичъ Обломовъ, «человѣкъ съ слишкомъ изнѣженнымъ тѣломъ», съ «пріятной наружностью», «но съ отсутствіемъ всякой опредѣленной идеи, всякой сосредоточенности въ чертахъ лица», у котораго мысль часто «совсѣмъ пропадала, и тогда во всѣмъ лицѣ теплился ровный свѣтъ безпечности». Всякая тревога рѣдко «застывала у него въ формѣ опредѣленной мысли, еще рѣже превращалась въ намѣреніе». Обыкновенно она «разрѣшалась вздохомъ и замирала въ апатіи или въ дремотѣ».

Въ юности, въ «эпоху сильнаго біенія пульса сердца», онъ было немного воспрянулъ, увлекался поэтами, «волновался» и «сгоралъ отъ жажды труда». «Но цвѣтъ жизни распустился и не далъ плода», говоритъ авторъ. Обломовъ поступилъ на службу, «собирался и готовился начать жизнь» и предавался различнымъ мечтамъ, которыя однѣ только и были доступны его вялой натурѣ, не имѣвшей достаточно силъ для ихъ реализаціи. Онъ «все чего-то надѣялся, ждалъ многого и отъ судьбы и отъ самого себя» и общился съ людьми. Такъ продолжалось, однако, не долго. Слабо бившій пульсъ его жизни скоро и быстро пошелъ на убыль. Онъ съ грѣхомъ пополамъ прослужилъ 2 года съ небольшимъ, потомъ вышелъ въ отставку, «сложилъ въ уголъ свои замыслы», какъ выразился Штольцъ, лѣниво махнулъ рукой на всѣ юношескія обманувшія его, или обманутыя имъ надежды, «залегъ на диванъ и ему даже жить стало лѣнь».

Въ началѣ разсказа мы видимъ его почти вѣчно лежащимъ безъ всякихъ занятій въ запущенной, грязью, паутиной и пылью заросшей квартирѣ. Въ это время лежанье стало у него уже «нормальнымъ состояніемъ». «Даже мысль о какомъ-либо умственномъ или физическомъ напряженіи пугала его». «Несчастный!» говорилъ онъ себѣ о всякомъ, кому приходилось хоть сколько-нибудь думать или дѣйствовать. Иногда въ немъ появлялось желанье узнать, познакомиться съ чѣмъ-нибудь, но охлажденіе овладѣвало имъ еще быстрѣй, нежели увлеченіе, и онъ снова засыпалъ.

Только одно въ немъ развитое воображеніе работало иногда. Онъ представлялъ себя героемъ, «непобѣдимымъ полководцемъ», «оказывающимъ подвиги добра и великодушія». Иногда же брали верхъ

идеалы Обломовки, и тогда, даже въ мечтахъ, начинали звучать болѣе развитыя стороны еще существа. Ему представлялось «покойное кресло, сухари, сливки, свѣжее масло», а «за самоваромъ сидить.... царица всего окружающаго, его божество.... женщина.... жена!» «На кухнѣ же въ это время такъ и кипитъ; поваръ въ бѣломъ, какъ снѣгъ, фартукѣ и колпакѣ суетится; поставитъ одну кастрюлю, сниметъ другую, тамъ помѣшаетъ, тутъ начнетъ валять тѣсто, тамъ выплеснетъ воду... ножи такъ и стучать... крошатъ зелень... тамъ вертятъ мороженое».

Впрочемъ, у него по временамъ шевелились и тяжелыя мысли. «Болѣзненно чувствовалъ онъ, что въ немъ зарыто, какъ въ могилѣ, какое-то хорошее, свѣтлое начало», но «что-то мѣшаетъ ему ринуться на поприще жизни и летѣть по нему на всѣхъ парусахъ ума и воли», которые давно были парализованы. «Отчего же я такой? почти со слезами спрашивалъ себя Обломовъ». И онъ близко подошелъ къ отвѣту въ разговорѣ со Штольцемъ. «Силы и воли нѣтъ», сказалъ онъ. «Ни бурь, ни потрясеній не было у меня; не терялъ я ничего; никакое ярмо не тяготитъ моей совѣсти», а «такъ, Богъ знаетъ отчего, все пропадаетъ». «Жизнь моя началась съ погасанія. Странно, а это такъ! *Съ первой минуты, когда я созналъ себя, я почувствовалъ, что я уже гасну*». «*Да, я дряблый, ветхій, изношенный кафтанъ*» — заключилъ онъ свою грустную исповѣдь, подсказанную ему его самочувствіемъ, которое громко и ясно говорило ему, что нѣтъ въ немъ органическихъ силъ и что его всегда слабое и теперь еще болѣе слабѣющее сердце мало способно производить движенія, живые интересы и яркія чувствованія.

Но вотъ проснулась природа, сирени зацвѣли, а струя жизни охватила даже Обломова. И художникъ показалъ намъ его въ пору сильнѣйшаго напряженія энергіи, въ пору любви, когда онъ поставилъ свою послѣднюю самую рѣшительную ставку и когда сдѣлана была энергическая попытка вдунуть въ него дыханіе жизни. Въ это время чудные звуки *casta diva* начали было вливать въ него бодрость и силу, но замирали звуки, замиралъ и онъ.

Обломовъ обладалъ довольно развитымъ, наследственно переданнымъ ему половымъ чувствомъ, но преимущественно въ его низшихъ формахъ. Ему «на первомъ планѣ всегда грезилась женщина, какъ жена, а иногда—какъ любовница. Въ мечтахъ предъ нимъ посилался образъ женщины», «*какъ воплощеніе цѣлой жизни, исполненной нѣги и торжественнаго покоя, какъ самъ покой*». Но Обломовъ не обладалъ энергіей и активной, постоянно напряженной духовной жиз-

нію, а потому и тоны полового чувства не соединялись и прочно не ассоціировались у него съ высшими духовными процессами и не проникали ихъ. Эти тоны проявлялись у него или слабыми вспышками чувственности, благодаря дряблости его натуры, или же бездумной и безмятежной сладострастной нѣгой, скорѣе даже сладострастной «сладостной дремотой» у ногъ любимой женщины съ ея рукой у губъ. Дальше этого не шелъ и не могъ идти Обломовъ. Въ моментъ возбужденій чувства любви, «молній въ глазахъ» у него не было, какъ говорила Ольга, и онъ «смотрѣлъ на нее большею частью, какъ ея няня Кузьминична».

Другое громко звучащее въ Обломовѣ чувство, было чувство желудочное, развитое и взлелѣянное въ немъ всѣмъ его наслѣдственнымъ прошлымъ, важнѣйшіе идеалы котораго были на кухнѣ. Постоянно звучашіе тоны этого своекорыстнаго чувства, если можно такъ выразиться, и придавали всему существу Обломова нѣсколько узкоэгоистичный и себялюбивый характеръ и заставляли его сильно дорожить нѣгой и удобствами его мягкаго тѣла. Они, какъ это бываетъ всегда, инстинктивно подсказывали ему его усиленную заботу о себѣ и своемъ спокойствіи, которая громко и отчетливо прозвучала, казалось бы, въ неудобный моментъ въ его письмѣ, когда у него мелькнула мысль, что любившая его и любимая имъ женщина ошибается. «Онъ придетъ», писалъ Обломовъ, «и тогда вы очнетесь: вамъ будетъ досадно и стыдно за свою ошибку, а мнѣ эта досада и стыдъ *сдѣлаютъ боль*». *«Переживешь ли эту боль? Худо будетъ мнѣ. Я и теперь безъ ужаса не могу подумать объ этомъ».* «Все это къ лицу молодости, которая охотно переноситъ и пріятныя и непріятныя волненія; а мнѣ къ лицу покой, хотя скучный, сонный, но онъ знакомъ мнѣ; а съ бурями я не управляюсь».

Всѣми указанными органическими моментами и опредѣлился вполнѣ характеръ исторіи любви Обломова, ея конецъ и вся послѣдующая судьба его ²⁵³).

Обломовъ встрѣтился съ Ольгой, и ея взглядъ, при нѣкоторой чув-

²⁵³) До сихъ поръ, въ видахъ удобства изученія, мы невольно обращали исключительное вниманіе лишь на одну сторону натуры — на степень силы, энергіи и активности организма. Только съ этой стороны мы пока и изучали интересовавшихъ насъ субъектовъ. Напротивъ, Обломовъ, какъ типъ, даетъ намъ случай отчасти принять во вниманіе и другія стороны существа и показать, какое вліяніе оказываютъ и могутъ оказывать комбинаціи различныхъ и разномѣрно развитыхъ инстинктивныхъ элементовъ на конечный результатъ — психическую личность человѣка.

ственности его натуры, съ перваго же свиданья сталъ «жечь его, тревожить въ немъ нервы и кровь». На третье посѣщеніе онъ уже зажегъ въ немъ страсть и невольно вызвалъ признанье. «Боже мой, какая она хорошенькая! Бываютъ же такія на свѣтѣ!» думалъ онъ, глядя на нее почти испуганными глазами. И вотъ, подъ вліяніемъ взгляда Ольги, Обломовъ было забылъ свой халатъ, оставилъ диванъ и у него «на лицѣ ни сна, ни усталости, ни скуки. На немъ появились даже краски, въ глазахъ блескъ, что-то въ родѣ отваги, или, по крайней мѣрѣ, самоувѣренности». По временамъ, при «усиленіи кровообращенія и удвоеніи біеній пульса», въ немъ даже «появлялась лихорадка жизни, силъ, дѣятельности, и симпатія была сильнымъ и яснымъ ключемъ». Но такъ продолжалось не долго. И въ эту самую лучшую пору его жизни, вскорѣ еще послѣ начала любви, у Обломова какъ-то невольно уже начала шевелиться мысль, что «любовь — претрудная школа жизни» и претрудная служба, заставляющая «дѣлать каждый день верстъ по десяти пѣшкомъ», «одѣваться безъ Захара и все по милости порученій» любимой женщины. Дойдя до такой мысли, инстинктивно подсказанной его лѣнивой и безсильной натурой, Обломовъ вскорѣ потомъ началъ изрѣдка позѣвывать, а подчасъ и засыпать въ ожиданіи любовныхъ свиданій. Немного еще и онъ «чувствовалъ уже, что свѣтлый, безоблачный праздникъ любви отошелъ, что любовь начинала линять, терять радужныя краски». А тутъ еще, какъ и всегда, помимо собственнаго почина, Обломовъ столкнулся и поселился въ домѣ безхитростной и почти безсловесной чиновницы Пшенициной. Въ первое же свое посѣщеніе, въ полномъ соотвѣтствіи съ особенностями своей натуры, онъ *какъ-то инстинктивно* уперъ глаза «черезъ распахнувшійся платокъ, на высокую, крѣпкую, какъ подушка дивана, никогда не волнующуюся грудь» своей будущей хозяйки. Переѣхавъ къ ней, онъ также *какъ-то невольно* сталъ *смотреть*, а потомъ и любоваться на *ея бѣлую шею*, на ея голые, полные, круглые *локти*, на ея чистую юбку, чистые чулки и *крулѣныя, полныя ноги*. За впечатлѣніями, какъ это бываетъ всегда, сами собою послѣдовали и соотвѣтствующія мысли. «Чиновница, а локти хоть бы графини какой нибудь; *еще съ ямочками!*» думалъ Обломовъ. И «какая она... простая, а есть въ ней что-то такое... И держитъ себя чисто». За впечатлѣніями и мыслями то же *какъ бы инстинктивно* вскорѣ сложилось и заключеніе. «Какая *еще свѣжая, здоровая женщина* и какая хозяйка! Право бы *замужъ ей...*» разсуждалъ Обломовъ.

А между тѣмъ въ домѣ Пшенициной жило тихо, пріятно, спокойно. «Тишина была идеальная», пироги — не хуже обломовскихъ,

«кофе славный, сливки густыя, булки сдобныя, рассыпчатыя». И все это дѣлаетъ сама хозяйка. И Обломовъ сталъ смотрѣть на Пшеницину «съ такимъ же удовольствіемъ», съ какимъ онъ смотрѣлъ «на горячую ватрушку». Иногда онъ бралъ ее «шутливо за локти», и образъ послѣднихъ, *какъ-то самъ собой*, все чаще и чаще всплывалъ въ его воображеніи рядомъ съ образомъ Ольги, около которой ему по временамъ уже стало становиться скучно, и онъ опять началъ чувствовать, что онъ гаснетъ и падаетъ.

Въ это время въ Обломовѣ происходила бессознательная борьба двухъ влеченій: съ одной стороны — свѣтлый, одухотворенный образъ Ольги, а съ другой — чувственный образъ хозяйки. Но рядомъ съ первымъ, необходимость движенія, необходимость мысли, поѣздки въ Обломовку, отдѣлки дома, квартиры и пр., а рядомъ со вторымъ — покой, идеальная тишина, пріятный мягкій диванъ, отсутствіе мысли, вкусный пирогъ, славный кофе и любованье на мягкіе голые локти. Зная особенности натуры, не трудно предвидѣть, куда неминуемо долженъ былъ склониться выборъ. За второе бессознательно говорило все существо Обломова: и его слабосильное сердце, и его развитое желудочное чувство, и, наконецъ, его половое чувство въ своихъ низшихъ формахъ. Жребій былъ брошенъ, и Обломовъ началъ гаснуть и падать еще болѣе, восклицая при этомъ: «Господи! Зачѣмъ она любить меня? Зачѣмъ я люблю ее? Зачѣмъ мы встрѣтились? — И что это за жизнь, — все волненіе, да тревоги». Ольга скоро замѣтила паденье и, какъ сильная натура, прямо поставила вопросъ. Обломовъ самъ произнесъ свой приговоръ, при чемъ «взглядъ его ясно говорилъ: «да я скуденъ, жалокъ, нищъ... бейте. бейте меня!»

Такъ закончился наиболѣе свѣтлый періодъ жизни Обломова. За нимъ наступило желудочное прозябанье въ домѣ Пшенициной почти безъ движенія, безъ мысли. По цѣлымъ днямъ Обломовъ продолжалъ любоваться на мягкіе локти хозяйки, иногда любезничалъ съ ней до поцѣлуевъ, наконецъ сталъ ея любовникомъ, а потомъ и мужемъ. И вотъ тогда потянулись однообразныя дни лежанья на диванѣ, вкусныхъ пироговъ, кислой капусты съ лососиной и другихъ хорошихъ блюдъ.

Обломовъ обрюзгъ, но онъ большею частью «торжествовалъ» внутренно, что ушелъ отъ жизненныхъ докучливыхъ, мучительныхъ требованій и грозъ, — изъ подъ того горизонта, подъ которымъ блещутъ молніи великихъ радостей и раздаются внезапные удары великихъ скорбей». Только изрѣдка онъ вспоминалъ, что «когда то и онъ былъ въ раю.... А теперь вотъ!»... Онъ вздыхалъ и въ немъ шевелились

упреки за его прожитую жизнь Тогда «онъ спалъ непокойно, про-сыпался, вскакивалъ съ постели, иногда плакалъ холодными слезами безнадежности по свѣтломъ, навсегда угасшемъ идеалѣ жизни». «Съ лѣтами, волненія и раскаянія являлись, однако, рѣже, и онъ тихо и постепенно укладывался въ простой и широкій гробъ остальнаго своего существованія, сдѣланный собственными руками».

Штольцъ сдѣлалъ было послѣднюю попытку поднять его. «Не напоминай, не тревожь прошлаго: не воротишь! говорилъ Обломовъ, съ мыслью на лицѣ, съ полнымъ сознаніемъ разсудка и воли.—Что ты хочешь дѣлать со мной? Съ тѣмъ міромъ, куда ты влечешь меня, я распался навсегда; ты не спаяешь, не составишь двѣ разорванные половины. Я приросъ къ этой ямѣ больнымъ мѣстомъ: попробуй оторвать—будетъ смерть». «Ахъ, Андрей, все я чувствую, все понимаю: мнѣ давно совѣстно жить на свѣтѣ!» И онъ «протянулъ къ Штольцу обѣ руки, и они обнялись молча, крѣпко, какъ обнимаются передъ боемъ, передъ смертью».

Такъ закончилась неудавшаяся жизнь Обломова въ полномъ со-отвѣтствіи съ условіями его недостаточной организаціи. Теперь онъ закончилъ ее, окруженный полнымъ обиліемъ въ домѣ Пшеницной, а не будь у него наслѣдственной Обломовки и устраивавшаго ему дѣла друга Штольца, онъ бы, конечно, закончилъ ее въ какой нибудь трущобѣ жалкимъ, инертнымъ нищимъ, а можетъ быть и пропойцей.

Посмотримъ теперь, какъ отражаются изученныя нами психофизическія особенности представителей въ различной степени оскудѣлыхъ разновидностей въ сферѣ преступленія.

Говоря о болѣе сильныхъ нервныхъ организаціяхъ, я уже коснулся довольно подробно органическихъ причинъ и характера предрасположенности къ преступленію, при извѣстныхъ, конечно, неблагопріятныхъ условіяхъ воспитанія и окружающей обстановки, вытекающей *именно* изъ особенностей этого типа психофизической организаціи, поскольку и онъ, въ числѣ прочихъ органическихъ условій, вліяетъ на дѣятельность У слабонервныхъ и оскудѣлыхъ разновидностей, какъ дальнѣйшихъ степеней того же ряда явленій, предрасположеніе къ преступленію, сохраняя тотъ же характеръ, представляется значительно болѣе рѣзко выраженнымъ, подобно тому, какъ болѣе рѣзко выражены у нихъ и самыя явленія органическаго оскудѣнія. Вообще, можно сказать, что если въ особенностяхъ организаціи нервныхъ существъ существуютъ неблагопріятные моменты, невыгодно отражающіеся на

дѣятельности, то въ особенностяхъ организаціи занимающихъ насъ субъектовъ такихъ неблагопріятныхъ моментовъ существуетъ значительно болѣе.

Представители слабонервныхъ и оскудѣлыхъ разновидностей болѣею частью образуютъ собою въ сферѣ преступленія весьма многочисленный и разнообразный классъ, какъ бы убывающую іерархію, такъ называемыхъ, мелкихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и привычныхъ преступниковъ, для которыхъ карательныя учрежденія становятся какъ бы домашнимъ очагомъ, второй родиной ²³⁴⁾. Къ числу лицъ этой кате-

²³⁴⁾ Въ 1834 г. французское министерство коммерціи и общественныхъ работъ разослало директорамъ тюремъ рядъ вопросовъ пунктовъ. На вопросъ: «каковы нравы и привычки рецидивистовъ»? директоръ тюрьмы въ Nim'ѣ отвѣчалъ: «При своемъ новомъ поступленіи, осужденный возвращается къ своимъ старымъ привычкамъ; можно бы подумать, что онъ бралъ лишь отпускъ». Директоръ тюрьмы Mont-St-Michel говорилъ о рецидивистахъ, что они имѣютъ видъ людей, прибывшихъ къ себѣ на дачи, чтобы отдохнуть. Директоръ тюрьмы Embrun писалъ: «они кажутся вернувшимися домой послѣ болѣе или менѣе долгаго отсутствія». Директоръ тюрьмы Clugnaux представилъ статистическія данныя, изъ которыхъ видно, что на 655 заключенныхъ рецидивистовъ, 506 человекъ, осужденные вновь за преступленія и проступки противъ собственности и за бродяжество, совершили ихъ съ единственной цѣлью снова вернуться въ тюрьму, чтобы найти въ ней болѣе обезпеченную и легкую жизнь. Краснорѣчивый и характерный фактъ. См. Homberg, цитир. сочин., 39, 40 и 41, а также 95—98, 99 — 100. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что не малую подсобную роль въ сформированіи завсегдатаевъ тюрьмы играютъ иногда наши законы и наши суды, не рѣдко слишкомъ строго относящіеся къ сравнительно неважнымъ первымъ проступкамъ и слишкомъ легко отправляющіе виновныхъ въ нихъ въ тюремныя учрежденія (у насъ, напр., какъ показываетъ отчетъ главнаго тюремнаго управленія за 1886 г. и всѣ его предшествующіе отчеты, чрезъ тюрьмы проходитъ, повидимому, не менѣе полумилліона лицъ!?). «Развѣ десятилѣтній ребенокъ можетъ быть названъ преступникомъ?», замѣчаетъ д-ръ Малиревскій. «Я въ дѣтствѣ очень любилъ тминныя лепешки и воровалъ ихъ у своей бабушки. Каждый изъ мировыхъ судей, по своей вѣроятности, воровалъ сахаръ у своей маменьки, каждый изъ педагоговъ, создающихъ карательную систему воспитанія, съ которою малютокъ оставляютъ на хлѣбѣ и на водѣ, воровалъ пряники, винныя ягоды, а можетъ быть и деньги у своихъ родныхъ бабушекъ, тетюшекъ, а теперь, съ сатанинскимъ сознаніемъ своей нравственной очищенности, величаетъ десятилѣтняго крошку преступникомъ за то, что тотъ, оставленный безъ призора сирота, укралъ селедку у чухонца». «О юристы, есть надъ чѣмъ вамъ поломать голову! О педагоги, есть надъ чѣмъ показать вамъ всю силу вашей карательной системы!». «Утопленники», «Русская Рѣчь», 1882 г., № 1, 59. Основная мысль автора, можетъ быть, отчасти слишкомъ рѣзко выраженная, кое въ чемъ примѣнима и ко взрослымъ. Дѣйствительно, иногда въ существѣ за сравнительно ничтожный проступокъ, равнозначные которому встрѣчаются въ жизни многихъ людей, законъ и не рѣдко

горіи прежде всего принадлежатъ мелкіе воры и мошенники, никогда не рискующіе на совершеніе сколько нибудь важныхъ преступленій, а въ особенности преступленій, требующихъ смѣлости и энергіи. Наклонность къ похищеніямъ, нерѣдко наблюдаемая въ дѣтствѣ, у нихъ развивается очень рано ²⁵⁵), а въ послѣдствіи, путемъ практики, она становится въ нихъ закоренѣлой привычкой, какъ бы второй натурой ²⁵⁶), дѣлающей изъ нихъ постоянныхъ тюремныхъ обитателей.

При существующихъ условіяхъ общественной жизни, эта наклонность, хотя и не исключительна, но во всякомъ случаѣ въ значительной мѣрѣ обуславливается и поддерживается въ нихъ особенностями ихъ жалкой, во всѣхъ отношеніяхъ нервно-обезсиленной орга-

слишкомъ формально относящіеся судьи присвоиваютъ человѣку страшную кличку преступникъ, эту «стигмату, которую ничто въ мірѣ не можетъ уничтожить», какъ выражается въ своихъ запискахъ одинъ изъ заключенныхъ Melon'ской тюрьмы, и отправляютъ его развращаться въ тюрьмы, гдѣ, вслѣдствіе теперешняго чрезмѣрнаго переполненія, почти не можетъ быть и рѣчи о желательной постановкѣ дѣла. «Я знаю, что меня заслуженно квалифицируютъ воромъ», рассказывалъ Visconti, уже двадцать разъ осужденный за кражу. «Я не болѣе, какъ отпѣтый воръ, которому недостаетъ смѣлости, чтобы убивать. Я дебютировалъ въ 1861 г. мелкимъ плутовствомъ, а потомъ я понемногу подвигался далѣе по дурной дорогѣ. По мѣрѣ того, какъ осужденія становились болѣе строгими, мнѣ становилось труднѣе отыскивать работу. Тогда я пилъ и напивался. Напиваясь, я чувствовалъ себя легче и не думалъ болѣе о моихъ несчастіяхъ. Отдаваясь приключеніямъ, посматривая направо и налево, я завладевалъ вещью, какъ только она мнѣ попадалась, не принимая никакихъ предосторожностей, потому что я желалъ быть арестованнымъ. Это и случалось; а безъ того я бы продолжалъ воровать». «Такъ какъ и обезчещенъ, то мнѣ лучше было въ тюрьмѣ, нежели въ средѣ общества». «Мое сердце глухо ко всемъ чувствамъ; я не прошу ничего болѣе, какъ только покоя». Lombroso, цит. соч. 645 и сл. Вопросъ о краткосрочныхъ заключеніяхъ въ тюрьму за маловажные преступленія, между прочимъ, затронутъ и международнымъ союзомъ уголовнаго права. См. «Mitteilungen der Internation. crim. Vereinigung». Heft I, 44 и сл., 52 и сл. и III, 157 и сл.

²⁵⁵) Одинъ бѣжалъ изъ дому и началъ заниматься кражами, напр., съ 10 л., а трое другихъ съ 8 лѣтъ, еще одинъ съ 10 лѣтъ и т. д., при чемъ каждый предварительно или одновременно познакомился и со множествомъ другихъ деградирующихъ пороковъ. См. «Archivio di ps'chiatría», 88 г. 186. «Tipi di criminali nati e d'occasione» (256).

²⁵⁶) «Я хорошо чувствую», рассказывалъ Visconti, «что я не могъ бы восторжествовать надъ этимъ проклятымъ порокомъ; и даже убѣжденъ, что если бы я былъ богатъ и если бы мнѣ случилось слишкомъ выпить, то я бы велъ себя также, какъ и теперь». Lombroso: L'homme crim. 645 и сл. Можетъ быть въ этихъ словахъ и есть нѣкоторое преувеличеніе, но они во всякомъ случаѣ ясно указываютъ на силу преступной привычки.

низации, лишенной энергии и настойчивости и мало потому приспособленной къ болѣе или менѣе длящемуся, усидчивому труду, одно представление о которомъ уже порождаетъ въ нихъ, какъ мы это не разъ видѣли, крайне непріятныя внутреннія состоянія²⁵⁷). Постоянно испытываемое ими чувство нервной слабости и полной недостаточности запасовъ силъ для заработка, хотя сколько нибудь соответствующаго существующей въ нихъ жадѣ наслажденій и возбужденія, а также и ихъ потребности въ частомъ отдыхѣ и бездѣйствіи, наряду съ другими невыгодными особенностями ихъ организации, легко порождаетъ въ нихъ, при неблагопріятности жизненныхъ положеній, склонность къ хищеніямъ и къ жизни на чужой счетъ²⁵⁸).

Я приведу здѣсь яркую характеристику, заимствованную изъ сочиненія д-ра Laveigne, долго и близко стоявшаго къ преступному люду. Въ ней отчетливо рисуются всѣ психическія особенности физически и нравственно оскудѣлой натуры мелкаго воришки.

²⁵⁷) Возьму для примѣра, на выдержку, заключеннаго № 370 тюрьмы въ Melon, которую я очень внимательно осматривалъ въ 1882 г., имѣя всѣ удобства къ тому, благодаря любезности директора французской тюремной администраціи г. Herbelte. Заключенный былъ рабочій и находился въ тюрьмѣ за покушеніе на кражу. До этого же онъ былъ осужденъ одинъ разъ за бродяжество и 5-разъ за кражу. Въ самой тюрьмѣ онъ подвергся наказаніямъ около 40 разъ. Изъ нихъ 8 разъ онъ былъ наказанъ за *отказъ отъ работы и много разъ за невыполненіе уроки и плохую работу*. Въ Melon'скую тюрьму онъ поступилъ въ 1877 г. и, повидимому, съ этихъ поръ представлялъ *симптомы иеміи* (вѣроятно, конституціональной), какъ значится въ отчетахъ врача, отъ которой и лѣчился въ 1880 г. Д-ръ Morel рассказываетъ объ одномъ рожденномъ отъ горьчайшаго и уже, конечно, значительно выродившагося и оскудѣлаго пьяницы. Съ самыхъ раннихъ поръ мальчикъ не поддавался никакимъ воспитательнымъ вліяніямъ. По недостатку способностей, онъ не могъ ничему научиться; онъ былъ дурно сформированъ, *не имѣлъ способностей къ работѣ, проявлялъ инстинктивное влеченіе къ кражамъ*, былъ нѣсколько разъ осужденъ въ тюрьму за бродяжество, къ которому также проявлялъ склонность, а въ послѣдствіи предавался ужасающему пьянству. Онъ проявлялъ самыя дурныя склонности и былъ позоромъ хорошей семьи, мать которой зачала его отъ тайной связи съ пьяницей. «De la format. du type», 27 и сл. Будучи далекъ отъ мысли дѣлать обобщенія и объединять въ одну общую группу различныя явленія, я позволяю себѣ указать здѣсь на импульсивныя влеченія къ кражамъ, развивающіяся иногда у органически истощенныхъ истеричныхъ. Примѣры см. у Legrand du Saulle, «Les hystériques», 424—433.

²⁵⁸) «Нѣкоторые оставляютъ Парижъ, бродятъ по деревнямъ и живутъ изодня въ день», говоритъ Массе о бродягахъ. «Они прикидываются, что ищутъ работы, но желаютъ вонсе не найти ее и быстро бросаютъ дѣло, когда, по нечаянности, ихъ найметъ кто нибудь. Они испытываютъ крайнее отвращеніе ко-

«Этотъ классъ людей лишентъ энергіи какъ съ физической, такъ и съ нравственной стороны», говоритъ д-ръ Lauvergne о профессиональныхъ ворахъ. «Классъ этотъ слагается изъ существъ слабого темперамента и порочнаго характера. Они обкрадывали или злоупотребляли довѣріемъ ихъ хозяевъ. Одни изъ нихъ соблазнялись надеждою на безнаказанность и имѣли цѣлью удовлетвореніе пріобрѣтеннаго порока, какова, напр., игра, обжорство, лѣность или развратъ; другіе же подчинялись порочному влеченію, роковому предрасположенію, которое воспитаніе не могло побороть».

«Молодые воры, придя однажды на каторгу, оказываются преданными ей навсегда». «Рано избличенные, они обыкновенно начинаютъ тюрьмой. Каторга представляетъ собою ступень, которой они достигаютъ поздно, но тогда, они уже взрослые люди, и какъ бы мало не длилось ихъ пребываніе въ арсеналѣ морскаго вѣдомства, они выходятъ оттуда совершенными, т. е. созданными для позора и для деградации, имѣя богатые примѣры имъ подобныхъ, слѣдующихъ той же карьерѣ». «Они лѣнны и любятъ веселую жизнь». «Они не беспокоятся объ ожидающей ихъ судьбѣ, они знаютъ ее напередъ, знаютъ ея горечь и выгоды». «Слабые, подлые, пресмыкающіеся, они колебались бы бѣжать изъ отпертаго острога, такъ они боятся палочныхъ ударовъ». «Эти мелкіе каторжники заражены и мелкими пороками; они живутъ въ каторгѣ въ состояніи какого-то рабства, подъ властію ихъ старѣйшихъ». «Воспоминанія объ отцѣ и матери не пробуждаютъ въ нихъ никакого чувства. Они съ раннихъ поръ были сиротами или дѣтьми заброшенными». «Мелкіе воришки каторги во-

всѣмъ занятіямъ и предпочитаютъ хищничествомъ и кражами добывать себѣ средства существованія, добывать которыя правильной работой у нихъ не хватаетъ духа». «Le service de la sûreté», 269. «Одно изъ главныхъ послѣдствій нервнаго истощенія есть неспособность къ длящимся усиліямъ», говоритъ Féré. Раса подвергается прогрессирующему налогу вырожденія и становится менѣе способна къ продуктивнымъ усиліямъ не столько вслѣдствіе истощенія личнаго, сколько вслѣдствіе истощенія наслѣдственнаго и капитализованной надорванности. Изъ неспособности къ длящимся усиліямъ и проистекаетъ лѣность, столь свойственныя всѣмъ разрядамъ вырождающихся, нравственно-помѣшаннымъ, преступникамъ и пр. Такъ какъ этимъ субъектамъ нужна не только пища, чтобы поддерживать ихъ существованія, но также и спеціальныя возбудители, чтобы поднимать ихъ слабѣющую жизненность, то имъ представляется необходимость поддерживать себя на счетъ усилій, которыя они неспособны произвести сами, на счетъ работы другихъ. Они достигаютъ этого хитростью, или бурными усиліями, сразу произведенными». См. его «Dégénéresc. et criminalité», 89 и сл.

обще не имѣютъ сильной конституции; они часто представляютъ стигматы рахитизма и золотухи. «Они фланеры, лохмотники и соглашаются на всѣ услуги». «Когда подумаешь, что эти негодяи представляются наименѣе здоровыми, наименѣе сильными и *наиболѣе выродившимися*, и что они тѣмъ не менѣе находятся въ открытой войнѣ съ эксплуатируемымъ и разоряемымъ ими обществомъ, то невольно спрашиваешь себя, какимъ образомъ *столь слабыя натуры* настолько подстрекаются приманкою порока, что не уступаютъ первому наказанію и роковымъ образомъ предназначаются пройти всѣ стадіи, которыя ведутъ къ каторгѣ». «Лучшіе примѣры не могутъ измѣнить эти слабыя головы, разъ они испытали вліяніе безнравственной практики въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ». «Мелкій воришка, слабая и порочная женщина созданы по одному образцу и, странное дѣло, въ большемъ, какъ и въ маломъ свѣтѣ эти два класса существъ имѣютъ необычайное вліяніе на общее развращеніе». «Фактъ повсѣдневнаго наблюденія, что особенности расъ передаются въ болѣе или менѣе чистомъ видѣ нисходящимъ поколѣніямъ, соотвѣтственно силѣ или слабости корня. Человѣкъ худосочный и старикъ даютъ недозрѣлые и хилые плоды. Но это общее состояніе нисходящаго отъ слабыхъ обнаруживается гораздо болѣе въ организаціи мозга, нежели другихъ частей тѣла». «Мелкіе же воришки по большей части дѣти улицы, заброшенные дѣти, дѣти бѣдняка отца и иногда дѣти проститутки. Нѣкоторымъ изъ нихъ ихъ выбивавшіяся для ихъ воспитанія изъ силъ матери непрерывно повторяли: «будь умникомъ; попомъ ты будешь работать и кормить меня! Тщетная надежда! Ребенокъ вовсе не работалъ, и его дурное поведеніе привело его наконецъ въ судъ исправительной полиціи, а потомъ и въ ассизный судъ, гдѣ онъ началъ свою фазу каторги» ²⁵⁹⁾).

²⁵⁹⁾ Аббатъ Moreau рассказываетъ, напр., что однажды, когда онъ былъ еще вновь въ тюрьмѣ la Grande Roquette, одинъ заключенный вызвалъ его и съ рыданіями и раскаяніемъ просилъ написать его матери, которую, по его словамъ, онъ страстно хотѣлъ видѣть и поцѣловать въ послѣдній разъ передъ отправленіемъ. Письмо было написано и скоро въ отвѣтъ было получено два письма: одно на имя аббата, а другое на имя заключеннаго, которому оно и было немедля передано. Уходя изъ тюрьмы аббатъ встрѣтилъ его на дворѣ и спросилъ доволенъ ли онъ. «Чѣмъ? Въ немъ всего только 20 франковъ», отвѣтилъ тотъ и повернулъ къ нему спину. Между тѣмъ въ письмѣ къ аббату мать благодарила его за «несчастливаго, котораго она должна называть своимъ сыномъ», и говорила, что онъ никогда не былъ заброшенъ, хотя всегда оставался нечувствителенъ къ ласкамъ, просьбамъ и слезамъ. Семи лѣтъ онъ уже сталъ воровать въ садахъ, при чемъ наказанія на него не дѣйствовали; десяти лѣтъ

Мелкіе воришки обладают мозговой организаціей, которая непригодна ни къ чему великому и полезному. Они носятъ въ себѣ болѣе, нежели одну печать первороднаго грѣха: они суть вполне его произведенія. Ихъ нравственная лѣнь, которую они принесли съ собой при рожденіи и которую привычка дурной жизни увеличила, заставляетъ насъ признать въ нихъ лимфатическую конституцію мозга. Этотъ темпераментъ обнаруживается у нихъ образованіемъ черепа, медленнымъ развитіемъ хотѣній, съ подлымъ и матеріальнымъ содержаніемъ мыслей. Въ каторгѣ они продолжаютъ быть тѣмъ же, чѣмъ они были въ теченіе ихъ жизни на свободѣ: они продолжаютъ предаваться всѣмъ своимъ порокамъ въ тишинѣ». «Они обжоры и лѣнивые». «Большинство изъ нихъ признавалось намъ, что съ раннихъ поръ они были посвящены въ тайны порока, который обѣдняетъ кровь, разрушаетъ душу и истощаетъ жизнь». «Они вялы, блѣдны и обезцвѣчены». «Попавъ на каторгу, эти люди между себѣ подобными организуютъ здѣсь проституцію, которая пріобрѣтаетъ себѣ прозелитовъ и корифеевъ».

«Мелкій воришка обязанъ развращеніемъ своего существа настолько же прирожденной слабости своего перваго дерева, насколько и всѣмъ условіямъ своей жизни среди нечистой общественной атмосферы, изолированной отъ семьи. И замѣчательно, что этотъ ребенокъ по природѣ своихъ преступленій всегда подобенъ слабой женщинѣ. Онъ воруетъ, какъ служанка, привлекаемый незначительной цѣнностью, если только другіе не натолкнутъ его на какое-либо отчаянное предпріятіе, въ которомъ онъ всегда будетъ фигурировать только какъ пособникъ».

онъ бралъ лучшія платья своей сестры и дѣлалъ съ ними всякія гадости. Съ двѣнадцати лѣтъ онъ началъ воровать у отца деньги. Помѣщенный къ лавочнику, онъ совершилъ у него кражу; обокралъ также священника и фермера, къ которымъ послѣдовательно былъ отдаваемъ. Потомъ, подъ предлогомъ поступленія въ военную службу, онъ выманилъ у родителей деньги и растратилъ ихъ на развратъ, послѣ чего вернулся домой; но здѣсь не хотѣлъ работать. Въ военной службѣ, куда онъ попалъ, наконецъ, онъ былъ перевеленъ въ разрядъ штрафованныхъ. По выходѣ, онъ не занимался работой, нигдѣ не уживался на мѣстахъ, часто мѣнялъ хозяевъ и вездѣ оставлялъ по себѣ долги и дурную память. Въ тюрьмѣ онъ былъ 8 разъ; изъ нихъ два раза за оскверненіе святыни. Одинъ разъ онъ былъ пойманъ жандармами въ житницѣ своего отца, но потомъ онъ еще разъ обошелъ своихъ родителей и, подъ предлогомъ основанія собственнаго дѣла, выманилъ у нихъ 5,000 франк., быстро промоталъ ихъ въ развратныхъ кутежахъ, надѣлалъ долговъ, бѣжалъ и снова очутился въ тюрьмѣ. «Я сократила и опустила много фактовъ, которыми можно было бы наполнить цѣлый томъ», говоритъ несчастная мать въ заключеніи своего письма. «Le monde des prisons», 2—8.

«Вы можете почти застраховать противъ пожизненной каторги и эшафота этихъ вырожденъ нашей расы, гораздо сильнѣе караемыхъ физической болью, нежели нравственнымъ позоромъ. Они не убьютъ, какъ убійцы, потому что женщина не имѣетъ для того достаточно физической силы! Они не совершаютъ подлога, потому что они не имѣютъ пракческаго таланта подражанія! Они не составятъ заговора противъ жизни путешественника, потому что уже одна мысль о тяжелыхъ лишеніяхъ злодѣя, бродящаго въ лѣсу, совсѣмъ подавляетъ ихъ. Они не будутъ и обдумывать узурпаціи обманомъ большой собственности, потому что имъ несвойственно искусство умнаго виновника банкротства. Они никогда не будутъ дѣателями всѣхъ этихъ видовъ развращенія человѣческой души» ²⁶⁰).

Въ предрасположеніи къ профессиональному воровству весьма важную роль играетъ, повидимому, алкоголизмъ какъ индивидуальный, такъ и наследственный, а также и чрезмѣрные половые излишества — моменты, способствующіе ослабленію и оскуднѣнію организма, изсякновенію его физическихъ и нравственныхъ силъ и беззвучности сферы его чувствъ. «Исключивъ подвижное населеніе тюремъ», говоритъ д-ръ Laurent, мы могли бы сказать, что онѣ почти исключительно населены сыновьями алкоголиковъ: *отецъ алкоголикъ, сынъ преступникъ и чаще всего воръ*» ²⁶¹). Приведу здѣсь нѣсколько примѣровъ.

Нѣкто С..., 14 лѣтъ. Его отецъ былъ алкоголикъ и умеръ отъ туберкулеза. С... еще воспоминаетъ со страхомъ тѣ ужасныя сцены, которыя производилъ его отецъ, возвращаясь пьяный въ семью. Одинъ изъ братьевъ С... имѣлъ три осужденія за кражи, а одна изъ его сестеръ занимается проституціей. Самъ С..., почти безграмотный, съ раннихъ поръ началъ злоупотреблять горячительными напитками и

²⁶⁰) «Le forçats considérés sous les rapports physiologique, moral et intellectuel», 255—299. Braun замѣчаетъ, что воры, будучи «самой прочной опорой карательныхъ учрежденій, представляютъ собою» въ нравственномъ и тѣлесномъ отношеніи оскудѣлыхъ и разслабленныхъ людей. Далѣе, говоря о дѣленіи заключенныхъ на классы по ихъ нравственнымъ особенностямъ, онъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ одинъ изъ этихъ классовъ: «Вялые и въ духовномъ отношеніи разслабленные люди, которымъ вполне недостаетъ силы и способности управлять собой». «Ueber die Vollziehung der Strafarbeit» 424, 543. «Обычные воры обоего пола и различныхъ возрастовъ», говоритъ Maughew, «очень часто отличаются слабоуміемъ и малой одаренностью. Многие изъ нихъ склонны къ лѣни и представляютъ недостатокъ какъ тѣлесной, такъ и душевной энергіи». «London labour and the London poor», IV, 274.

²⁶¹) Les dégen. dans les prisons», 567. Говоря о ворахъ, Braun замѣчаетъ, что они «отуплены, ослаблены и лишены чувства чести праздностью, пьянствомъ и другимъ развратомъ». См. цит. работу, 495.

напивался ромомъ и абсентомъ. Несмотря на отсутствіе нужды, онъ съ 16 лѣтъ началъ воровать, по инстинктивному влеченію, съ магазинныхъ выставокъ, за что и имѣлъ уже 5 осужденій. Съ женщинами онъ почти не имѣлъ сношеній, но за то предавался онанизму регулярно два раза въ недѣлю и за стаканъ вина охотно предоставлялъ себя своимъ тюремнымъ товарищамъ для педерастіи ²⁶²).

Нѣкто А. Goud. происходилъ отъ отца пьяницы и матери, повидимому, страдавшей параличемъ. Съ 10 или 12 лѣтъ онъ сталъ заниматься кражами, употребляя добытыя деньги на вино и игру въ карты. Съ того же возраста онъ сталъ имѣть и сношенія съ женщинами, которыми очень злоупотреблялъ ²⁶³).

С. М., 47 лѣтъ, происходитъ отъ родителей пьяницъ. Будучи 10 или 11 лѣтъ началъ заниматься онанизмомъ, а 15 лѣтъ имѣлъ уже первое сношеніе съ женщинами. Онъ всегда любилъ вино, а съ 17 лѣтняго возраста сталъ вить сверхъ всякой мѣры. Кражами онъ началъ заниматься первоначально въ домѣ, а послѣ того часто подвергался осужденіямъ за мелкія кражи на сторонѣ. Тюрьмы онъ не боялся и не боится, и мысль о ней никогда не приходила ему въ голову въ то время, когда онъ готовился къ какой-либо кражѣ. Онъ не вѣритъ ни въ адъ, ни въ безсмертіе души; весь интересъ его жизни составляютъ физическія наслажденія. Къ алкоголю онъ чувствуетъ неодолимое влеченіе и при видѣ спиртныхъ напитковъ дрожитъ отъ удовольствія. Онъ не ищетъ себѣ компаньоновъ для пьянства, предпочитая наслаждаться одинъ. Ничто его не занимаетъ и не интересуетъ, и онъ ко всему остается апатиченъ; онъ ничего не читаетъ, исключая описанія уголовныхъ процессовъ. Въ разговорѣ онъ никогда не оживляется, исключая разговоровъ о судѣ и полиціи, на которые онъ жалуется ²⁶⁴).

S. G., 37 лѣтъ. Въ теченіе жизни онъ перемѣнилъ множество профессій и побывалъ до 20 разъ въ тюрьмѣ за бездѣльничанье и бродяжество, за кражи и нанесеніе ранъ въ ссорахъ. Отецъ его былъ пьяница. Самъ онъ началъ пить вино съ 5 лѣтъ; восьми лѣтъ онъ сталъ совершать кражи и уже напиваться. Съ девяти лѣтъ онъ предавался онанизму и одиннадцати лѣтъ имѣлъ сношенія съ женщинами. Онъ имѣетъ большую склонность къ перемѣщеніямъ съ мѣста на мѣсто и не имѣетъ никакой религіи ²⁶⁵).

²⁶²) См. цит. уже работу д-ра Laurent, 569.

²⁶³) См. «Archivio di psichiatria, scienze penali ed antrop. crimin.», т. V, 117 и сл.

²⁶⁴) Тамъ же, т. VI, 151 и сл.

²⁶⁵) Тамъ же, т. VII, 496 и сл.

В. F., 42 лѣтъ. Его дѣдъ съ отцовской стороны былъ человѣкъ странный, его отецъ и дядя были пьяницы, а послѣдній сверхъ того былъ и меланхоликъ. Его дѣдъ съ материнской стороны, также какъ и его мать, были пьяницы, а сестра послѣдней страдала душевнымъ разстройствомъ. Всѣ восемь дочерей В. F. ведутъ дурную жизнь; его трое сыновей умерли маленькими, а четвертый страдаетъ религіозной маніей. Самъ В. F., повидимому, страдаетъ конвульсіями эпилептическаго характера. Въ теченіе своей жизни онъ занимался многими профессіями. Съ десяти лѣтъ онъ предавался злоупотребленіямъ виномъ, а съ 15 лѣтъ началъ имѣть сношенія съ женщинами. Онъ ни во что не вѣритъ, не любитъ никого изъ родныхъ, пьянствуетъ и занимается кражами ²⁶⁶).

S., 16 лѣтъ; его отецъ пьяница, а мать умерла отъ чахотки. Восьми лѣтъ онъ уже зналъ всѣ игры; сначала онъ игралъ на билліардѣ, а потомъ сталъ играть и въ карты. Съ восьмилѣтняго возраста онъ началъ напиваться и очень любить вино. Двѣнадцати лѣтъ онъ убѣжалъ изъ дому и сталъ заниматься кражами, за что и попалъ въ исправительную школу. Онъ представляется очень циничнымъ и не проявляетъ никакихъ признаковъ любви къ своимъ роднымъ; религіи онъ не имѣетъ, говоря, что она ни на что не нужна, когда человѣкъ голоденъ.

D., 18 лѣтъ. Съ шести лѣтъ онъ сталъ заниматься онанизмомъ, а съ четырнадцатью лѣтъ онъ началъ посѣщать женщинъ. Будучи восьми лѣтъ, онъ кралъ въ школѣ, а съ четырнадцатью лѣтъ занимался кражами болѣе спеціально, и охотно напивался виномъ и спиртными напитками.

Иѣкто С. G., 51 года. Его отецъ и мать пили довольно много, а равно и дѣдъ и дяди съ отцовской стороны. Изъ братьевъ и сестеръ, оставшихся въ живыхъ, всѣ пьяницы, исключая одного. Самъ онъ началъ пить съ 10 лѣтъ, а въ 12 лѣтъ онъ уже часто напивался сначала виномъ, а впослѣдствіи и спиртными напитками. Съ этихъ же поръ онъ началъ заниматься и кражами; позднѣе онъ мошенничалъ въ картежной игрѣ, которая была его сильнѣйшей страстью. По его словамъ, онъ не бросилъ бы игру даже подъ угрозой смертной казни ²⁶⁷).

Таковы печальныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ и довольно шаблонныя семейныя исторіи и исторіи ранняго дѣтства мелкихъ профессиональ-

²⁶⁶) Тамъ же, т. VIII, 196 и сл.

²⁶⁷) Тамъ же, т. IX, 186 и слѣдующіи.

ныхъ преступниковъ, которыя можно приводить безъ конца. Мы встрѣчаемъ въ нихъ крайне ранній половой развратъ и алкоголизмъ наследственный и индивидуальный и вообще крайне раннее пробужденіе и дальнѣйшее развитіе дурныхъ наклонностей и влеченій у predisposed субъектовъ, которыя и становятся исходнымъ моментомъ ихъ дальнѣйшей преступной карьеры. Столь легкая возбудимость этихъ послѣднихъ, повидимому, подготавливается и развивается большею частію дѣйствіемъ дурной наследственности, которая въ свою очередь обусловливается дурными жизненными условіями или эксцессами ихъ восходящихъ, а отчасти, конечно, и дурными воспитательными вліяніями.

Въ средѣ мелкихъ воришекъ, какъ и въ сферѣ преступности оскудѣлыхъ вообще, мы находимъ, конечно, довольно разнообразныя психофизическіе типы, въ зависимости отъ степени оскудѣнія и особенностей неуравновѣшенности. Не въ одинаковой степени, какъ мы знаемъ, поражаются безсиліемъ послѣдовательно оскудѣвающія поколѣнія, не въ одинаковой степени поражаются имъ, въ зависимости отъ различій жизненныхъ опытовъ, и отдѣльныя системы органовъ, а также не одинакова бываетъ и начальная одаренность и сила оскудѣлаго рода и быстрота хода самого оскудѣнія. Поэтому въ средѣ мелкихъ преступниковъ на верхнихъ ступеняхъ, ближе подходящихъ къ болѣе сильнымъ нервнымъ темпераментамъ, мы находимъ еще отчасти одаренныхъ, сравнительно ловкихъ и достаточно изобрѣтательныхъ воровъ и мошенниковъ, увлекаемыхъ на путь порока и преступленія ихъ непреодолимымъ отвращеніемъ ко всякому усидчивому и длящемуся труду и ихъ страстью къ возбужденію, разврату и кутежамъ.

Далѣе, въ сферѣ преступности оскудѣлыхъ, въ порядкѣ различныхъ степеней оскудѣнія идутъ постепенно все болѣе и болѣе обѣднѣвающія организациі, отличающіяся еще большей бездѣятельностью, апатіей и лѣнью. Они преимущественно даютъ бродягъ воровъ, нищихъ воровъ, нищихъ-бродягъ ²⁶⁸⁾ и нищихъ, которые, вслѣдствіе своей

²⁶⁸⁾ Homberg приводитъ примѣръ нѣкогого Fournel, который былъ арестованъ за бродяжество 12 лѣтъ и помѣщенъ въ исправительную колонію. По выходѣ изъ нея 18 лѣтъ въ 1841 г., онъ въ томъ же году былъ снова осужденъ за бродяжество и съ тѣхъ поръ до 1852 г., когда слѣдъ его былъ утраченъ, подвергся 18 осужденіямъ за то же самое. Цит. соч., 41.

нравственной дряблости, представляют собой наиболее неисправимые и наиболее, может быть, деградированные слои преступного люда ²⁶⁹).

Бродяги въ собственномъ смыслѣ ²⁷⁰)—это люди, «покрытые лохмотьями нищеты и живущіе въ постоянной праздности», говоритъ Frégier. «Они лишены предусмотрительности и энергіи и погружены въ нѣкотораго рода оцѣпенѣніе, которое лишаетъ ихъ даже и тѣни мужскаго характера. Эти деградированныя существа, эти дрянныя произрастенія размножаются преимущественно въ большихъ центрахъ населенія (въ нашихъ ужасающихъ вонючихъ и грязныхъ городскихъ трущобахъ среди ужасной нищеты); занятые только настоящей минутой, они стекаются на торги и рынки, чтобы пріобрѣсть тамъ свой хлѣбъ и свою похлебку цѣною мелкихъ услугъ продавцамъ и покупателямъ». «Повсюду, гдѣ частная благотворительность раздаетъ

²⁶⁹) Von Jeitter въ своей статьѣ. «Die Württembergische Strafanstalt für jugendliche Verbrecher in Schwäbisch Hall замѣчаетъ, что нищіе и бродяги, число которыхъ превышаетъ иногда число всѣхъ остальныхъ, даютъ наибольшій процентъ рецидива. «Они почти обыкновенно принадлежатъ къ бѣднымъ общинамъ и къ оскудѣлымъ дурнымъ семьямъ». Заключение въ карательныя учрежденія не представляетъ для нихъ ничего устрашающаго, 58 и 59. Д-ръ Магго замѣчаетъ, что недостатокъ умственныхъ способностей, вообще часто встрѣчающійся у преступниковъ, всего чаще встрѣчается у праздношатающихся и бродягъ. Цитир. соч. 319 и 20, а также 327. Помощникъ главнаго инспектора, тюремъ, Lohmeuser, говоритъ въ своемъ отчетѣ, что въ тюрьмахъ Франціи, Англіи, Италіи и Германіи онъ повсюду находилъ одинъ и тотъ же типъ. «Кажется, какъ будто бы какое-то предопредѣленіе отмѣтило этихъ несчастныхъ. Большею частью рожденные отъ испорченной и обѣднѣлой крови, они провели свои первые годы въ нищѣ, лишены одежды и достаточной пищи, въ вонючемъ и нездоровомъ воздухѣ». Говоря далѣе объ исправимости рецидивистовъ, онъ замѣчаетъ, что добывать средства существованія не особенно легко даже для человека дѣятельнаго и сплываго, имѣющаго однѣ только руки. «А можемъ ли мы съ какимъ либо вѣроятіемъ надѣяться, чтобы тотъ, кто родился бездѣтельнымъ и слабымъ, могъ выйти изъ круга, въ который его втолкнули его страсти, его дурная организація и его слабая физическая конституція!» «Такими въ тюрьмѣ управлять гораздо труднѣе. они большею частью угрюмы, слабы, глупы и лишены характера. «Rapport sur le régime de quelq. prisons de l'Espagne, de l'Angleterre et de l'Allemagne», 68 и 69.

²⁷⁰) Относительно бродягъ вообще необходимо замѣтить, что они представляютъ значительное разнообразіе типовъ. По справедливому выраженію Frégier они суть «олицетвореніе всѣхъ классовъ преступниковъ». Это нужно сказать въ особенности о нашемъ русскомъ бродяжествѣ, которое въ значительной мѣрѣ развилось у насъ на почвѣ ссылки вообще и ссылки въ каторгу въ частности. См. Ядринцевъ: «Русс. общ. въ тюрьмѣ и ссылкѣ», 359 и сл. Особенно 365 и слѣд. Въ текстѣ же я имѣю въ виду бродягъ въ тѣсномъ смыслѣ.

какія либо подачки, можно видѣть ихъ сходящимися со всѣхъ сторонъ» ²⁷¹⁾.

«Лѣнтяи бродяги, рецидивисты и нищіе суть самые многочисленныя», замѣчаетъ Масе, говоря о бродяжествѣ вообще. «Съ раннихъ поръ привыкнувъ бродить по улицамъ и будучи лишены надзора родительскаго, они съ малолѣтства пріобрѣтаютъ привычки тунеядства, которымъ ничто не можетъ противодѣйствовать. Въ часы ѣды ихъ можно видѣть стоящими у дверей казармъ, большихъ ресторановъ и различныхъ другихъ учрежденій, гдѣ имъ раздаютъ пищу. Значительное число получаетъ ее въ экономическихъ кухняхъ и въ другихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, по бонамъ, которые имъ раздаютъ или которые они покупаютъ по 10 сантимовъ. Остатокъ ихъ дня проходитъ въ шатаніи по улицамъ и у входовъ на рынки, гдѣ они выполняютъ мелкія послуги для добыванія немного денегъ». Лѣтомъ они спятъ въ различныхъ мѣстахъ и закоулкахъ подъ открытымъ небомъ, а зимой въ разныхъ погребахъ и другихъ мѣстахъ, а частію въ ночлежныхъ благотворительныхъ пріютахъ. «Между ними есть такіе, половина жизни которыхъ проходитъ по тюрьмамъ. Еще ранѣе достиженія совершеннолѣтія они уже много разъ бывали арестованы и подверглись нѣсколькимъ осужденіямъ за бродяжество. Но ничто ихъ не исправляетъ: они бродяги, бродягами они остаются и бродягами кончаютъ, если только не становятся профессиональными ворами, что бываетъ съ очень большимъ числомъ изъ нихъ» ²⁷²⁾.

Вообще изъ разряда оскудѣлыхъ преимущественно и формируются тѣ разнообразныя подозрительныя и прямо опасныя профессіи, которыми изобилуютъ большіе города, притягивающіе къ себѣ и удерживающіе въ себѣ своими сравнительно легкими промыслами образующіеся въ нихъ и внѣ ихъ отбросы общества, которые съ необходимостью и въ большемъ числѣ формируются при существующемъ строѣ отношеній, когда каждый исключительно на свой страхъ и рискъ свободно ведетъ ожесточенную борьбу со всѣми окружающими за захватъ возможно большаго количества жизненныхъ благъ изъ общаго ихъ фонда.

Еще на болѣе низшихъ ступеняхъ лѣстницы постоянно нарождающагося органическаго оскудѣнія мы находимъ еще болѣе жалкіе и неприглядные типы, почти лишеныя образа человѣческаго. Умственно-нравственная жизнь между такими субъектами не рѣдко сводится

²⁷¹⁾ «Des classes dangereuses», I, 142—200.

²⁷²⁾ См. цитир. сочин., 268 и сл.

почти къ нулю. Болѣе или менѣе значительныя степени слабоумія, иногда почти переходящія въ идіотизмъ, составляютъ между ними, какъ и слѣдуетъ ожидать, довольно частое явленіе ²⁷³). Небольшое количество представленій возникаетъ и слѣдуетъ у нихъ съ удивительной медленностью. Сами они представляются крайне апатичными и безучастными ко всему окружающему и запаса ихъ силъ хватаетъ лишь на то, чтобы прозябать и чужаядствовать среди подготовившаго и воспитавшаго ихъ общества. Одни только растительные процессы идутъ своимъ чередомъ, по временамъ оживляютъ ихъ, поглощаютъ почти все ихъ вниманіе, порождаютъ ихъ влеченія и управляютъ всей ихъ дѣятельностью. О какихъ либо высшихъ и социальныхъ чувствахъ здѣсь нѣтъ и помину и все сведено къ желудку и самой грубой и ограниченной эгоистичности, о которой людямъ, близко не видавшимъ ихъ, трудно составить себѣ вѣрное представленіе ²⁷⁴).

Подобныхъ субъектовъ мнѣ пришлось видѣть въ большемъ числѣ въ нищенскихъ депо и рабочихъ домахъ различныхъ странъ Европы. Нищета, нищенство, бродяжество, крайняя лѣнь, сводящаяся къ органическому истощенію, пьянство, кражи и нарушенія общественнаго порядка и безопасности — вотъ что обыкновенно отмѣчаетъ по формулярнымъ спискамъ неприглядное прошлое обитателей такихъ учреждений и притомъ отмѣчаетъ его у восходящихъ ²⁷⁵) и психо-

²⁷³) Вотъ одинъ изъ многихъ примѣровъ. Нѣкто Q., чернорабочій, 35 лѣтъ. Отецъ его страдалъ душевнымъ разстройствомъ. Самъ онъ представлялъ обезьянью физіономію, вдавленный лобъ, усиленно развитыя челюсти и другія физическія стигматы. Его умственные способности были весьма тупы; говорилъ онъ очень медленно и не ясно, не умѣлъ ни читать, ни писать и уже 5 разъ подвергался осужденію за нищенство. По его собственнымъ словамъ, онъ имѣлъ только двѣ страсти въ жизни: «къ бутылкѣ и билліарду». Однажды, не имѣя денегъ, онъ безъ колебаній и вполне охотно предоставилъ себя за 5 фр. незнакомому человѣку для пассивной педерастіи. Въ другой разъ, будучи пьянъ, онъ съ другимъ такимъ же субъектомъ, какъ сладострастные собаки, открыто предавался педерастіи подъ окнами мера своей деревни въ то время, какъ третій, подобный же имъ субъектъ, забавлялся насыпаніемъ имъ песку въ задній проходъ. Laurent, цит. стр., 584.

²⁷⁴) Д-ръ Fergus замѣчаетъ о 119 заключенныхъ въ Bicêtre, что у нихъ «понятія справедливаго и несправедливаго, добра и зла встрѣчались только по исключенію. Раскаяніе имъ почти всегда было неизвѣстно». Далѣе онъ прибавляетъ: «растительная жизнь въ большинствѣ случаевъ была вполне господствующей, а замѣчательная напряженность аппетита приближала ихъ къ скотству. Въ то же время у нихъ можно было наблюдать волю, лишенную напряженности и энергіи». «Des prisonniers», 188.

²⁷⁵) Возьмемъ для примѣра французскую тюремную статистику за 4 послѣ-

дящихъ. Происходя отъ пьяницъ и въ различной мѣрѣ захудалыхъ и обездоленныхъ людей, не рѣдко наследственно истощенныхъ всевозможными лишеніями и эксцессами, понятно, какое органическое наследіе—основаніе будущей нравственной личности—могли принести на свѣтъ съ собой представители занимающихъ насъ разновидностей, дѣйствующихъ на поприщѣ преступленія. Прирожденное малокровіе, слабосиліе, медлительность, крайнюю вялость, апатію, не рѣдко золотуху, рахитизмъ ²⁷⁶⁾, большее или меньшее тупоуміе, слабоуміе и даже почти идіотизмъ ²⁷⁷⁾ и проч.

довательныхъ года—1878—1880 (изданы въ 1881—4 г.). Въ первомъ изъ этихъ годовъ число дѣвочекъ и мальчиковъ, воспитывавшихся въ исправительныхъ заведеніяхъ, достигало 9,561. Изъ низъ 7,255 были дѣтьми людей, живущихъ собственной работой, 1,374 происходили отъ бродягъ, нищихъ и проститутокъ, 849—отъ лицъ неизвѣстныхъ и исчезнувшихъ, и родители 1,457 подверглись осужденіямъ. Въ 1879 общее число воспитывавшихся равнялось 9,471 ч. Изъ нихъ 7,113 происходили отъ лицъ, живущихъ собственной работой, 1,389—отъ бродягъ, нищихъ и проститутокъ, 834—отъ лицъ неизвѣстныхъ и исчезнувшихъ и 1,699 имѣли родителями лицъ осужденныхъ. Въ 1880 г. общее число воспитывавшихся было 9,117. Изъ нихъ 7,161 происходили отъ лицъ, живущихъ собственной работой, 1,238—отъ бродягъ, нищихъ и проститутокъ, 654 — отъ лицъ неизвѣстныхъ и исчезнувшихъ и 1,686 имѣли родителями лицъ осужденныхъ. Наконецъ, въ 1881 г. общее число воспитывавшихся было 8,227. Изъ нихъ—отъ бродягъ, нищихъ и проститутокъ происходили 1,049, отъ лицъ неизвѣстныхъ и исчезнувшихъ — 596 и 1,573 — отъ лицъ осужденныхъ.

²⁷⁶⁾ Еще Moreau (de Tours) замѣтилъ, что «душевно-больные, идіоты, золотушные и рахитики, вслѣдствіе общности ихъ происхожденія и ихъ нѣкоторыхъ физическихъ и нравственныхъ особенностей, должны быть рассматриваемы какъ члены одной семьи и различныя вѣтви одного ствола». См. «Lapychol. morbide», 99. Интересный примѣръ органическаго оскудѣнія, породившаго въ рядѣ поколѣній душевное разстройство, слабоуміе, нравственную дряблость, апатію, отсутствіе жизненности, рахитизмъ и пр. представляютъ потомки Карла V и Изабеллы Португальской. См. Cullere: «Les front. de la folie», 325 и сл.

²⁷⁷⁾ «Я наблюдалъ очень много такихъ индивидуумовъ», говоритъ Casper, «жизнь которыхъ въ теченіе долгихъ годовъ была постояннымъ переходомъ между тюрьмой, рабочимъ домомъ, заведеніемъ для душевно-больныхъ, между свободой и карательными учрежденіями». Далѣе онъ прибавляетъ, что душевное состояніе такихъ лицъ представляло удивительную смѣсь душевной болѣзни и здоровья. «Klin. Novel.», 216. «Существуетъ категорія безобидныхъ индивидуумовъ съ слабыми умственными способностями», говоритъ Legrand du Saulle, «которые бродятъ по улицамъ и большею частью не знаютъ никакой профессіи. Они живутъ въ праздности и проступокъ нищенства часто приводитъ ихъ на сканью исправительной полиціи. Они осуждаются, но съ истеченіемъ срока ихъ наказанія снова принимаются за свою жизнь парижскихъ лаццарони. По-

А съ такимъ унаслѣдованнымъ органическимъ капиталомъ въ жизни далеко не уйдешь и, при трудности современной, борьбы за существованіе и при господствующей въ ней безпощадной конкуренціи, требующей отъ борящихся освобожденія, сравнительно, значительнаго количества энергіи, честнымъ и непривилегированнымъ трудомъ и одними собственными силами въ большинствѣ случаевъ не обеспечишь и мало-мальски сноснаго существованія. А между тѣмъ животная природа, по большей части очень властная у представителей занимающихъ насъ разновидностей, требуетъ хотя нѣкоторыхъ удовольствій, безъ которыхъ неприглядная жизнь какого нибудь слабо-сильнаго поденьщика стала бы вѣчно-осенними сумерками. И вотъ въ ходъ пускается весьма рано, какъ мы видѣли, извѣданное и сравнительно дешевое средство — тѣ или другіе искусственные возбуди-тели, которые хотя временно поднимаютъ жизненный тонъ, освобождая нужныя силы и даютъ своимъ потребителямъ недоступныя безъ того для нихъ состоянія удовольствія ²⁷⁸). Разъ попавъ на этотъ скользкій путь искусственныхъ возбужденій и передержекъ въ расходѣ, подбитый организмъ идетъ дальше уже ускореннымъ шагомъ по дорогѣ нарастающаго органическаго оскудѣнія: энергія постепенно освобождается все въ меньшемъ количествѣ, нервная система оскудѣваетъ и вырождается, задерживающая сила слабѣетъ, ограниченныя умственные способности ограничиваются еще болѣе и слабыя

томъ они снова появляются передъ правосудіемъ и если констатируется умственное разстройство, то они направляются въ Bicêtre. По прибытіи сюда, они бывають вполне спокойны и такъ какъ они вовсе не представляются опасными, то обыкновенно ходатайствуется о ихъ освобожденіи. Однако, новыя затрудненія не замедливаютъ обнаруживаться, повторенія накаплиются и эти бродяги проходятъ передъ судомъ или секвеструются въ госпиталяхъ значительное число разъ». «La fol. devant les tribun.», 65 и сл. «Въ низшихъ классахъ общества», замѣчаетъ Marc, «есть много слабоумныхъ, которые имѣютъ лишь смутныя и несовершенныя понятія объ общественныхъ обязанностяхъ и правосудіи, и которые вовсе не признаются за обездоленныхъ природою. Эта часть общества, состоящая изъ ограниченныхъ существъ, доставляетъ судамъ, тюрьмамъ и эшафоту гораздо болѣе людей, нежели обыкновенно думаютъ». «De la folie, considér. dans ses rappor. avec les question. médico-judiciair.», I, 405. См. также цит. сочин. Marro, 317—319. Thomson указываетъ, напр., что изъ 943 заключ. слабоумныхъ, эпилептиковъ и душевно-больныхъ было 218. См. «The Psychology of criminals», 333.

²⁷⁸) Не мудрено потому, что у подобныхъ лицъ легко развивается вызывающее наше осужденіе почти неудержимая страсть къ горячительнымъ напиткамъ, иногда въ значительной мѣрѣ напоминающая неодолимыя влеченія запойныхъ пьяницъ.

представленія, медленно и съ большими промежутками возникающія, часто становятся неспособны руководить дѣйствіями.

Таковъ часто путь прогрессивнаго паденія, приводящій человѣка въ качествѣ полноправнаго гражданина въ рабочіе дома, въ нищенскія депо и колоніи, путь, отмѣченный бродяжествомъ, нищенствомъ, мародерствомъ и мелкими кражами. Таковъ вмѣстѣ съ тѣмъ и процессъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе вырабатывающій особую низшую разновидность людей, по самымъ условіямъ своей организаціи мало приспособленную къ честной и трудовой жизни и очень наклонную къ пьянству, разврату и мелкимъ, малодушнымъ преступленіямъ.

Еще въ самомъ раннемъ дѣтствѣ люди, попадающіе впоследствии на путь мелкихъ профессиональныхъ преступленій, большею частью носятъ на себѣ особое органическое тавро, отмѣчающее ихъ среди прочихъ дѣтей. Отъ самой колыбели они несутъ съ собой слабосиліе, задержки въ развитіи и недостаточную жизненность. Впоследствии же они бываютъ черствы, эгоистичны, апатичны, плохо одарены, непонятливы и часто безпамятны; они всегда и во всемъ отстаютъ отъ другихъ и проявляютъ всевозможныя дурныя наклонности. «Дѣти, которыя дѣлаются малолѣтними преступниками», замѣчаетъ Maudsley, «не выказываютъ способностей къ обученію». «Они представляютъ недостатокъ силы вниманія и прилежанія и дѣлаютъ медленные успѣхи въ обученіи. Многіе изъ нихъ слабы умомъ и тѣломъ, а нѣкоторые дѣйствительно слабоумны» ²⁷⁹). «Эти дѣти большею частью получили свою жизнь изъ источника, столь же нечистаго съ физической, какъ и съ нравственной стороны», говоритъ знаменитый основатель Метрейской колоніи, Demetz. «Они почти всѣ лимфатичны и золотушны, чѣмъ и объясняются тѣ опустошенія, которыя причиняютъ эпидеміи, касаясь этихъ слабыхъ конституцій» ²⁸⁰).

²⁷⁹) «Body and mind», 129.

²⁸⁰) Цитировано по сочиненію Lamarque: «Des colonies pénitentes», 46 «Если кто нибудь изъ васъ имѣлъ случай посѣтить колоніи, тотъ, конечно, былъ пораженъ, подобно мнѣ, видомъ хилости большинства этихъ дѣтей. Обыкновенно они малорослы и имъ недостаетъ физическаго развитія, соотвѣтствующаго ихъ возрасту». «Многіе изъ этихъ несчастныхъ дѣтей золотушны и лимфатичны». Lamarque, цит. соч., 43. Д-ръ Thomson приводитъ слѣдующій отзывъ одного опытнаго учителя о дѣтяхъ семей бѣдняковъ, правильные пауперѣвъ, изъ которыхъ преимущественно и выходятъ мелкіе профессиональные преступники. «Я нахожу, что болѣе 1/3 этихъ мальчиковъ слабоумны», говоритъ онъ. «Они дѣлаютъ медленные успѣхи и имѣютъ дурную память». «Если одна треть слабоумны», продолжаетъ онъ, то и о двухъ остальныхъ я не могу сказать много благопріятнаго. Они, кажется, всѣ представляютъ недостатокъ силы вниманія

По словамъ директора Pestalozzistiftung въ Лейпцигѣ, Demuth, подобныя дѣти лишены воли, лѣнны, нравственно истощены и весьма склонны ко лжи и кражамъ ²⁸¹).

Множество такихъ дѣтей порождается, какъ мы уже видѣли, алкоголизмомъ ихъ родителей ²⁸²), въ свою очередь развивающимся на подготовленной почвѣ. Во время послѣдней поѣздки въ Швейцарію въ 1889 г., мнѣ пришлось бесѣдовать по поводу такихъ дѣтей съ двумя чрезвычайно опытными директорами школъ для бѣдныхъ, порочныхъ и преступныхъ дѣтей — школы Викторіи и Бехтельнской колоніи близъ Берна — Rohner-Wild'омъ и Schneider-Riegg'омъ. Первый изъ нихъ называетъ дѣтей, происшедшихъ отъ пьяницъ, духовно - мертвыми (Geistestodt). По его словамъ, они представляютъ очень развитую чувственность; у нихъ нѣтъ воли, нѣтъ инициативы, почему они и очень трудно исправимы. По словамъ втораго, изъ такихъ дѣтей очень часто выходятъ нищіе и бродяги. Они очень трудны въ воспитательномъ отношеніи и требуютъ постоянного вниманія. Ихъ надо приучать постоянно сосредоточиваться и размышлять, и никогда не слѣдуетъ колебаться въ отдаваемыхъ имъ приказаніяхъ, потому что они и безъ того безвольны и нерѣшительны.

«Существуетъ третья категорія дѣтей», писалъ Legrand du Sault, «которыхъ портретъ я вамъ нарисую въ немногихъ словахъ: они малы ростомъ, хилы, лимфатичны, золотушны, косоглазы; они имѣютъ или малоразвитую или очень большую голову, узкую грудь и медленное кровообращеніе; они всегда запаздываютъ то въ развитіи зубовъ, то въ ходьбѣ, и страдаютъ иногда конвульсіями. Причудливыя, раздражительныя, жестокія и, къ несчастію, мало интеллигентныя, непослушныя и неисправимыя, они не руководятся никакими хорошими чувствами; благодѣянія воспитанія, совѣты религіи, страхъ наказанія и строгость послѣднихъ не оказываютъ на нихъ вліянія».

и прилежанія». Вполнѣ сходный отзывъ даетъ и Gouvernement Educational Inspector. См. «The hereditary Nature of Crime», 491.

²⁸¹) Въ 1881 г. мнѣ пришлось осматривать исправительную школу въ Намюрѣ, въ Бельгіи. Директоръ насчитывалъ между воспитанниками до 40% очень дурныхъ и неисправимыхъ натуръ. Большая же часть остальныхъ принадлежитъ, по его словамъ, къ числу инертныхъ и апатичныхъ дѣтей. См. также Mayhew, 389.

²⁸²) Не мѣшаетъ замѣтить, что алкоголизмъ родителей не даетъ всегда и не можетъ дать одинаковыхъ результатовъ. Независимо отъ основныхъ особенностей характера родителей, громадную роль въ этомъ результатѣ играетъ степень органическаго оскуднѣнія, до которой дошли алкоголики-родители именно въ періодъ зачатія ребенка.

Говоря затѣмъ о родословной этихъ дѣтей, онъ прибавляетъ: «иногда они сыновья *стариковъ*, единокровныхъ родственниковъ, *нѣянницъ*, *эпилептиковъ* или душевно-больныхъ. Чаще же—если они не обязаны жизнью неизвѣстному отцу—они происходятъ по меньшей мѣрѣ отъ матери *золотушной*, *рахитичной*, *истеричной*, *проститутки* или сумасшедшей. Роковымъ образомъ предназначенныя къ значительному числу патологическихъ разстройствъ, неумолимо предоставленныя всѣмъ случайностямъ, они бродяжутъ, нищенствуютъ, отдаются педерастамъ, воруютъ, поджигаютъ и не останавливаются даже предъ убійствомъ!... Такихъ дѣтей 10 или 12 тысячъ во Франціи и они дорого стоятъ государству» ²⁸³).

Явленія нищенства, бродяжества и часто соединеннаго съ ними преступничества, повсюду издавна обращали на себя вниманіе, вызывали болѣе или менѣе широкія мѣры противодѣйствія и попытки къ ихъ искорененію. Нищихъ бродягъ изгоняли, сажали въ тюрьмы на хлѣбъ и на воду, выставляли ихъ къ позорнымъ столбамъ, ковали въ цѣпи, отдавали въ работы, клеймили, рѣзали имъ уши, заставляли ихъ давать клятвы, что они исправятся, ссылали въ колоніи ²⁸⁴), отсылали на галеры, отдавали въ рабство даже пожизненно, вѣшали ихъ тысячами ежегодно и строго наказывали подававшимъ имъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ для нихъ и заводи́ли публичныя работы, открывали госпитали, мастерскія, исправительныя и работные дома и пр. ²⁸⁵). Все, однако, осталось тщетно. Принимавшимся мѣрамъ представители оскудѣлыхъ разновидностей противопоставляли, можетъ быть, самое сильное сопротивленіе, сопротивленіе

²⁸³) «Gazette des hôpitaux», 1867, №№ 127 и 132: «Les enfants devant la justice». Изъ этой довольно разнородной категоріи дѣтей въ значительномъ числѣ выходятъ также и лица, условіями своей оскудѣлой организаціи, своего жизненнаго положенія и воспитанія предназначенныя къ каррьерѣ мелкихъ профессиональных преступниковъ, нищихъ и бродягъ.

²⁸⁴) Ссылка въ колоніи во Франціи была установлена въ 1719 г. съ цѣлью приурочить бродягъ къ земледѣльческимъ работамъ. Но уже въ 1721 году отъ этой мѣры отказались, мотивируя тѣмъ, что «люди, приносящіе съ собою дѣнь и свои дурныя нравы, представляютъ мало способными поддерживать хорошія отношенія съ туземцами страны» Homberg, цитир. соч., 119.

²⁸⁵) См. Homberg, цитир. соч., 9—23, 27, 28, 29, . Pike: «History of crime in England», II, 69—75; Fonblanque: «L'Angleterre, son gouvern. etc» 93—97. Fowle: «The Poor Law»; 55—74. Du Boys: Histoire du droit criminel», 638 и сл. Huerne de Pommeuse: «De colonies agricoles», 863 и слѣд.

пассивности, которое у значительнаго числа съ необходимостью вытекало изъ условій ихъ обѣднѣлой организаціи.

Въ ходѣ этой упорной и долгой борьбы возникли и дальнѣйше развились новѣйшіе законы о бѣдныхъ, которые, по многимъ причинамъ еще не вырвали, однако, «ракъ общества» и не побороли зла. Оно дошло до нашего времени и донесло съ собой во всей цѣлости тяжелый общественный вопросъ о психофизическомъ оскудѣніи чловѣка, неизбежно развивающемся на почвѣ неблагопріятныхъ общественныхъ отношеній.

Изъ исторіи этой поучительной борьбы я приведу два весьма интересныхъ и взаимосвязанныхъ эпизода. Я буду говорить о голландскихъ и бельгійскихъ земледѣльческихъ колоніяхъ для бродягъ и нищихъ. Исторія этихъ колоній находится, какъ увидимъ, въ прямой связи съ учрежденіемъ и дальнѣйшей исторіей нищенскихъ депо ²⁸⁶).

Горячо увлекаясь мыслью о созданіи благосостоянія подвластныхъ ему народовъ, а, можетъ быть, еще болѣе желаніемъ прославленія своего имени, Наполеонъ I задумалъ, въ числѣ прочихъ грандіозныхъ проектовъ, вырвать съ корнемъ и нищенство. При этомъ онъ, очевидно исходилъ отъ отвлеченныхъ соображеній различныхъ возмож-

²⁸⁶) Депо для нищихъ были учреждены впервые ординасомъ 1764 г. Въ эпоху революціи населеніе этихъ заведеній равнялось 6 или 7 тыс. челов. Декретомъ конвента отъ 1793 г. депо были уничтожены и замѣнены ссылкой и карательными домами. Последніе существовали, однако, только на бумагѣ, а въ дѣйствительности продолжали существовать прежнія депо, находившіяся при томъ въ ужасномъ состояніи. Homberg, цит. соч. 28 и 29. Въ 1882 г. мнѣ пришлось осмотрѣть одно изъ такихъ депо въ St.-Denis. Оно предназначалось къ закрытію и въ то время находилось дѣйствительно въ крайне плохомъ состояніи. Во время моего посѣщенія тамъ было 948 чел. По словамъ директора и сопровождавшаго меня фелдшера заведенія, его населеніе старѣется гораздо ранѣе, нежели какое либо другое. Оно состоитъ почти изъ однихъ и тѣхъ же лицъ, которыя входятъ и выходятъ. Почти всѣ они отличаются лѣнью, отсутствіемъ энергіи и жизненности. Золотуха между ними—явленіе весьма распространенное; людей крайне странныхъ весьма много; директоръ насчитываетъ до 15% почти идіотовъ, ни на что неспособныхъ. По его словамъ, большинство населенія депо принадлежитъ къ людямъ истощеннымъ всякими лишеніями и развратомъ, мозги которыхъ почти атрофированы. Въ 1887 г. нищіе переведены изъ St.-Denis во вновь открытое близъ Парижа департаментское учрежденіе—maison de répression de Nanterre. Въ прошломъ 1889 г. я осматривалъ его. Его внѣшнее устройство хорошо. Нѣкоторые изъ его обитателей находятся въ немъ добровольно, а другіе по принудительному заключенію. Качества населенія, конечно, такія же, какъ и прежняго депо. По словамъ доктора, золотуха и туберкулозъ—крайне распространенныя явленія. См. «Congrès international d'assistance tenu du 28 juillet au 4 août 1889, т. II, 279 и сл.

ностей и вовсе не принималъ во вниманіе дѣйствительныхъ особенностей людей общества, среди котораго возникаетъ и развивается нищенство и отношеніями котораго оно порождается, не принималъ во вниманіе и особенности людей, которымъ нужно будетъ воздѣйствовать на его уничтоженіе и, наконецъ, упускалъ изъ вида и конституціональныя особенности самихъ бродягъ и нищихъ. Поэтому онъ считалъ возможнымъ разрѣшить вопросъ сравнительно быстро и просто, исключительно путемъ полицейско-административныхъ мѣръ, вовсе не затрогивая производящія причины.

Въ своемъ письмѣ къ министру внутреннихъ дѣлъ Cr    отъ 2 сентября 1807 г. Наполеонъ говорилъ слѣдующее. «Дѣло должно быть поставлено такъ, чтобы можно было сказать: *каждый* нищій будетъ арестованъ. Но арестовать его для того, чтобы помѣстить въ тюрьму, было бы глупостью и варварствомъ (*barbare et absurde*); его нужно задержать только для того, чтобы научить его *добывать себѣ средства существованія посредствомъ труда*. Поэтому необходимо въ каждомъ департаментѣ имѣть одинъ или два *благотворительныхъ* рабочихъ дома или мастерскихъ.... Было бы также ошибкой представлять себѣ это дѣло иначе, какъ въ очень большихъ размѣрахъ (*en grand*). Вопросъ идетъ о громадномъ предпріятіи, на которое должно затратить 8 или 10 милліоновъ». Эти издержки Наполеонъ проектировалъ отнести не на счетъ государства, а на счетъ департаментовъ, которые, по его мысли, всѣ должны были участвовать въ нихъ.

Въ письмѣ отъ 24 ноября 1807 г. изъ Фонтенебло императоръ писалъ тому же Cr   : «Я связываю славу моего царствованія съ измѣненіемъ поверхности территорій моей имперіи. Исполненіе этихъ громадныхъ работъ на столько же необходимо для интересовъ моихъ народовъ, какъ и для моего личного удовлетворенія. Я придаю также большую важность и связываю большую славу съ мыслию объ уничтоженіи нищенства. Въ средствахъ нѣтъ недостатка; но мнѣ кажется, что все это идетъ слишкомъ медленно, а между тѣмъ годы проходятъ. Не слѣдуетъ проходить черезъ землю, не оставляя на ней слѣда, который сохранилъ бы о насъ память въ потомствѣ. Я хочу уѣхать на мѣсяцъ. Сдѣлайте такъ, чтобы 15 декабря у васъ были порѣшены всѣ эти вопросы и изучены въ подробностяхъ, чтобы я могъ *однимъ общимъ декретомъ нанести послѣдній ударъ нищенству*». Далѣе императоръ говоритъ, что къ этому времени должны уже быть готовы средства для содержанія 60 или 100 учрежденій, предназначавшихся для уничтоженія нищенства. Онъ заканчиваетъ словами, что къ веснѣ.

нужно сдѣлать такъ, чтобы «*Франція представила зрѣлище страны, въ которой нѣтъ нищихъ*».

Выработанный затѣмъ проектъ, повидимому, не удовлетворилъ, однако, императора и онъ самъ продиктовалъ дюку де-Воссано декретъ 5 іюля 1808 г., въ первомъ параграфѣ котораго говорилось: «Нищенство будетъ воспрещено на всемъ пространствѣ имперіи». Вслѣдъ за этимъ декретомъ было сдѣлано распоряженіе объ устройствѣ депо въ различныхъ департаментахъ, что и было исполнено какъ во Франціи, такъ и въ Голландіи и Бельгіи ²⁸⁷).

Въ приведенной мысли Наполеона о возможности нанести однимъ общимъ декретомъ послѣдній ударъ нищенству и вырвать съ корнемъ этотъ «ракъ общества» и заключалась основная ошибка. Императору казалось, повидимому, что стоитъ лишь предписать учредить благотворительные дома, въ которыхъ нищихъ будутъ приучать къ работѣ, и тогда тяготящій надъ человѣческимъ обществомъ и гнетущій его вопросъ о пауперизмѣ и оскудѣніи будетъ разрѣшенъ вполне. Но факты сказали противное. На пути къ осуществленію широкихъ и смѣлыхъ замысловъ великаго императора, во-первыхъ, стояло крайне невѣрное пониманіе особенностей явленія, съ которымъ приходилось бороться, и, во-вторыхъ,—недостатокъ истиннаго желанія, нужнаго развитія и искренней любви къ дѣлу со стороны многочисленныхъ исполнителей гуманной идеи, и, наконецъ,—всѣ условія современной общественной жизни, которая всѣмъ своимъ строемъ скорѣй способствуетъ, нежели противодѣйствуетъ нарощенію числа представителей занимающихъ насъ жалкихъ разновидностей человѣческаго рода.

Предписанія и декреты великаго императора дали и соотвѣтствующія учрежденія. Были устроены многія *dépôts de mendicité* и, между прочимъ, и въ Ноостратен'скомъ замкѣ. Но этимъ нищенству не былъ нанесенъ не только послѣдній, но, быть можетъ, и первый ударъ, и во многихъ отношеніяхъ прекрасная мысль великаго императора исказилась на дѣлѣ. Депо, какъ и прежде, были заразными помойными ямами, куда сваливались общественныя нечистоты, безъ всякой заботы объ устраненіи причинъ ихъ образованія. Въ дѣйствительности вся задача свелась только къ тому, чтобы удалить съ глазъ долой докучливую и опасную массу, которую запирали въ депо и заботились лишь о томъ, чтобы она работала опредѣленное число часовъ, мало ѣла и много не шумѣла.

²⁸⁷) Huorne de Pommeuse, цитир. сочиненіе 248 и сл. «*Moniteur Belge*», «*Des dépôts de mendicité*».

Послѣдствія не замедлили показать всю несостоятельность такой политики. «Обученные работѣ» въ депо бродяги и нищіе и послѣ своего выпуска не думали становиться исправными плательщиками. Новые обитатели также прибывали безъ замедленія, и нищенство не только не уменьшалось, но еще скорѣе нарощалось въ числѣ, несмотря на большую смертность въ депо.

Первоначально въ нихъ помѣщали задержанныхъ нищихъ и всѣхъ бѣдныхъ, желавшихъ того. Но вскорѣ, по недостатку мѣста, должны были ограничиться пріемомъ только стариковъ, убогихъ женщинъ и дѣтей. Годныхъ къ работѣ нищихъ, напротивъ, стали присуждать въ тюрьмы. Содержаніе депо обходилось очень дорого. Поэтому многіе изъ нихъ были закрыты, не давши ожидавшихся отъ нихъ результатовъ ²⁸⁸).

Послѣ учрежденія королевства, послѣдовавшаго за имперіей, голландское правительство (Бельгія въ это время составляла еще, какъ извѣстно, часть Голландіи), видя такую неудачу начатой формы борьбы съ нищенствомъ и желая избавиться отъ слишкомъ большихъ издержекъ на депо, перенесло ихъ въ 1818 и 1819 г. на общины и обязало послѣднія платить за своихъ нищихъ, содержимыхъ въ этихъ учрежденіяхъ.

На этомъ, однако, не остановилось развитіе борьбы съ бродяжествомъ и нищенствомъ. Напротивъ, эта борьба въ Голландіи и соединенной съ нею теперешней Бельгіи вступила въ новую фазу.

Постоянно усиливавшееся распространеніе пауперизма, недостаточность депо для бѣдныхъ и громадная смертность въ нихъ обратили на себя вниманіе между прочимъ, и извѣстнаго генерала Van den Bosch'a. Многіе годы своей молодости онъ провелъ на службѣ на островѣ Явѣ, гдѣ онъ купилъ себѣ землю и гдѣ долго изучалъ и занимался земледѣліемъ, и притомъ съ такимъ успѣхомъ, что ушестерилъ первоначальную стоимость своего имущества.

Основываясь на своемъ предшествующемъ продолжительномъ опытѣ, онъ задумалъ и выработалъ, по прибытіи въ Голландію, широкій планъ уничтоженія пауперизма и въ своемъ отечествѣ. Для его пропагандированія онъ выпустилъ въ свѣтъ въ концѣ 1817 г. «Трактатъ о возможности основанія чрезвычайно выгоднымъ способомъ учрежденія для бѣдныхъ Голландіи». Это сочиненіе, обратившее на себя большое вниманіе, въ значительной мѣрѣ способствовало принятію его плана, который онъ сообщилъ, между прочимъ, второму сыну гол-

²⁸⁸) Homberg, цит. соч. 28 и 9; Huerne de Pommeuse, цит. соч. 250 и 1.

ландскаго короля, принцу Фридриху. Послѣдній расположилъ въ пользу его осуществленія голландское правительство, чему также много способствовала и недостаточность жатвъ 1816 и 1817 г.

Van den Bosch задумалъ уничтожить бѣдность трудомъ самихъ бѣдняковъ, прилагая съ большою выгодною пока бесполезныя и даже вредныя руки бродягъ и нищихъ внутри самой страны къ обработкѣ неводѣланныхъ ландовъ и пустырей. По его мысли эти пустыри должны были превратиться въ плодородныя поля, способныя кормить своихъ воздѣлывателей, а послѣдніе, вліяніемъ матери земли, изъ тяжелаго общественнаго бремени должны были стать трудолюбивыми членами общества, должны были регенерироваться и возродиться къ новой и полезной жизни. Вотъ что, напр., писалъ самъ Van den Bosch въ своемъ мемуарѣ: «болѣе 40,000 бѣдняковъ, избавленныхъ отъ бѣдности! Значительная экономія въ расходахъ частной и оффиціальной благотворительности! Не менѣе значительное возрастаніе національныхъ богатствъ! Правственное улучшеніе класса людей, теперь униженныхъ почти до ранга животныхъ и потому являющихся бичами общества! Въ виду этого дозволительно разсчитывать на постоянное возрастаніе готовности нашихъ согражданъ энергично поддерживать филантропическую попытку, уже увѣнчавшуюся успѣхомъ и способную къ успѣхамъ дальнѣйшимъ...

«Мы вовсе не имѣемъ претензіи быстро пересоздать деморализованныхъ нищетою людей въ образцы добродѣтели; но мы не сомнѣваемся въ томъ, что, при помощи правительства, соотвѣтствующей дисциплиной намъ удастся удержать колонистовъ въ границахъ долга, и мы питаемъ вполне основательныя надежды на улучшеніе ихъ нисходящихъ поколѣній. Когда нибудь мы ихъ представимъ обществу воспитанными подъ сводомъ неба, который будетъ ихъ главной мастерской, выросшихъ въ средѣ труда, хорошо вскормленныхъ, сильныхъ, здоровыхъ духомъ и тѣломъ, способныхъ зарабатывать свой хлѣбъ, годныхъ къ службѣ въ нашей арміи и флотѣ и готовыхъ съ выгодною замѣщать иностранцевъ, теперь ежегодно приходящихъ тысячами исполнять наши полевыя работы и эксплуатировать наши торфяники» ²⁸⁰⁾). Прекрасная и заманчивая мысль, невольно подкупающая въ свою пользу!

Въ началѣ 1818 г. пропаганда проекта Van den Bosch'a сдѣлала уже такіе успѣхи, что сталъ возможенъ созывъ общаго собранія. Въ немъ проектъ былъ изложенъ и принятъ во всѣхъ его подробностяхъ,

²⁸⁰⁾ См. цит. соч. Lurieu и Romand, 161 и 2.

были установлены основанія будущаго общества и послѣднему было обезпечено содѣйствіе правительства. Вскорѣ потомъ было основано и самое общество, названное «Нидерландскимъ благотворительнымъ обществомъ». Оно выработало свои регламенты, получившіе королевскую санкцію, и уже въ первый годъ своего существованія насчитывало 21,000 подписчиковъ, давшихъ 116,826 фран. ²⁹⁰).

Вновь учрежденное общество, каждый членъ котораго уплачивалъ обязательно только 6 фр. 12 с. въ годъ (все, свыше этого было добровольнымъ пожертвованіемъ) ²⁹¹), въ основу всей своей дѣятельности положило слѣдующіе принципы. «Милостыни, какъ бы значительны онѣ ни были, не могутъ служить вѣрнымъ средствомъ противъ бѣдности. Вскорѣ истраченные, онѣ оставляютъ послѣ себя только новыя потребности, требующія удовлетворенія и возрастающія съ годами». «Когда оказываемыя вспомошествованія не суть поощренія къ работѣ, тогда они становятся поощреніями къ лѣности и разврату. Если поддержка, предоставляемая бѣдняку, больше того, что, при тѣхъ же условіяхъ, можетъ заработать ремесленный рабочій, то лѣность становится болѣе выгодна, нежели ремесло, и нищенство дѣлается болѣе предпочтительнымъ состояніемъ сравнительно съ ремесломъ» ²⁹²).

Предсѣдателемъ общества съ самаго начала былъ принцъ Фридрихъ. Van den Bosch принималъ въ немъ дѣятельное участіе до 1827 г. и потомъ, послѣ своего возвращенія съ 1834 г. и до самой своей смерти въ 1844 г.

Во главѣ общества стояли двѣ центральныя комиссіи для управленія и контроля. Сверхъ того комиссіи были учреждены въ каждомъ городѣ и ихъ задача состояла въ томъ, чтобы распространять въ публикѣ свѣдѣнія объ обществѣ, о его цѣляхъ и дѣятельности, привлекать новыхъ членовъ и собирать пожертвованія.

Съ 1818 г., когда были учреждены три первыя колоніи, и по 1824 г. включительно общество основало 7 колоній и одну земледѣльческую школу. Колоніи были земледѣльческія, но въ нихъ существовали и мастерскія, преимущественно для женщинъ, а также и для мужчинъ, которые почему-либо не могли заниматься земледѣліемъ. Одна часть колоній была предназначена для принудительнаго заключенія бродягъ и нищихъ, а другая—для свободнаго помѣщенія бѣд-

²⁹⁰) Huerne de Pommeuse, цит. соч. 40—45; Lurieu et Romand, цит. соч. 24—26, 39 и сл.

²⁹¹) Huerne de Pommeuse, 596.

²⁹²) Тамъ же, 30.

ныхъ, добровольно пожелавшихъ поступить въ нихъ. Учреждена была также и школа для сиротъ, найденыхъ и заброшенныхъ дѣтей.

Предполагалось, что каждый колонъ покроетъ своимъ трудомъ издержки своего содержанія, а что общество приметъ на свой счетъ покупку земель, постройку зданій и обзаведеніе. Суммы, пужныя для послѣдней цѣли, предполагалось покрыть платежами по контрактамъ, подъ обезпеченіе которыхъ были сдѣланы займы. Бѣдные помѣщались въ колоніи, правительствомъ, коммунами, различными учрежденіями и частными благотворителями, принимавшими на себя обязательства ежегоднаго платежа за помѣщаемыхъ ими бѣдныхъ, въ различномъ размѣрѣ — до 150 фр. 50 сан., смотря по разряду. Контракты были рассчитаны на 16 лѣтъ, по истеченіи которыхъ платежи должны были прекратиться, и за-контрактованное число мѣстъ должно было навсегда остаться въ распоряженіи контрагентовъ, единственно съ обязательствомъ единовременныхъ платежей за каждаго вновь вступающаго бѣднаго по 25 фр. 25 сан. ²⁹³).

Правительство, по желанію котораго общество учредило въ 1822 г. и въ два послѣдующіе года принудительныя колоніи, оставило за собой 9,200 мѣстъ и въ 1822 и 23 годахъ заключило на эти мѣста съ обществомъ контракты ²⁹⁴).

Въ 1821 г. было задумано учрежденіе втораго такого же общества для южныхъ, — теперешнихъ бельгійскихъ провинцій, подъ названіемъ «Фламандскаго благотворительнаго общества» и подъ предсѣдательствомъ того же принца Фридриха. Это общество начало свою дѣятельность въ 1822 г. и вскорѣ основало три колоніи. Въ 1823 г. правительство и съ нимъ заключило контракты на 1,000 мѣстъ ²⁹⁵).

Увлеченіе и энтузіазмъ, вызванные прекрасной идеей и смѣлымъ планомъ искорененія бѣдности, какъ это бываетъ всегда, были очень сильны только вначалѣ. Въ первое время число плательщиковъ было очень велико (въ 1819 г. въ Нидерландскомъ обществѣ оно достигло цифры 22,478 ч.) ²⁹⁶); слышались восторженные отзывы и высказывались самыя радужныя надежды ²⁹⁷). Въ Брюсселѣ былъ даже основанъ спеціальныи журналъ «Филантропъ», чтобы знакомить публику съ дѣятельностью обществъ ²⁹⁸).

Основанныя обществами принудительныя колоніи представляли со

²⁹³) Тамъ же, 31—35, 38, 45—51; Lurieu et Romand, 25—38.

²⁹⁴) Lurieu et Romand, 35.

²⁹⁵) Тамъ же 229—232; Huerne de Pommeuse, 92 и сл., 115.

²⁹⁶) Lurieu et Romand, 25.

²⁹⁷) Тамъ же 164; Huerne de Pommeuse, 8, 9, 154, 5, 6 и 253.

²⁹⁸) Huerne de Pommeuse, 7.

бою въ сущности карательныя учрежденія съ довольно суровымъ режимомъ, въ которыя помѣщались въ совмѣстномъ заключеніи бродяги и нищіе ²⁹⁹); свободныя же колоніи были предназначены для бѣдныхъ семей, добровольно изъявившихъ желаніе помѣститься въ нихъ. Онѣ состояли изъ маленькихъ фермъ въ 3 гектара земли съ садикомъ, маленькимъ домикомъ съ принадлежностями и инвентаремъ, цѣною въ 3,587 ф. Первоначально имѣлось въ виду предоставлять ихъ за небольшую ежегодную плату въ 95 фр. тѣмъ бѣднымъ семьямъ, которыя окажутся прилежны и способны вести хозяйство, но это было осуществлено только въ незначительной степени ³⁰⁰).

На пути къ успѣшному и правильному развитію на задуманныхъ основаніяхъ учрежденій обществъ стояло весьма много препятствій ³⁰¹). Первое и самое главное—органическая оскудѣлость и дряблость населенія, съ которымъ приходилось имѣть. Къ мало плодороднымъ и покрытымъ верескомъ землямъ, требовавшимъ усиленнаго труда для обработки, приходилось прилагать руки большею частію наслѣдственно истощенныхъ и лишенныхъ энергіи людей ³⁰²). Другимъ препятствіемъ служило, отчасти, какъ думается мнѣ, и самое отношеніе къ этому населенію, которому отводили на долю безпросвѣтную жизнь подъ суровымъ режимомъ. Въ дѣйствительности колоніи въ значительной мѣрѣ являлись сходными съ пищенскими депо, но съ инымъ названіемъ и иными работами. Очевидцы Lurieu и Romand, командированные французскимъ правительствомъ въ консульство Наполеона III и посѣтившіе ихъ въ 1849 г. ³⁰³), хотя и указываютъ на ихъ нѣкоторые хорошіе результаты ³⁰⁴), несомнѣнно имѣвшіе мѣсто, въ то же время не совсѣмъ выгодно отзываются о ихъ внутреннемъ устройствѣ и господствовавшихъ въ нихъ порядкахъ ³⁰⁵).

²⁹⁹) Тамъ же, 68 и сл., 80 и сл., 115 и сл.; Lurieu et Romand, 53—91.

³⁰⁰) Тамъ же, 107—129; Huerné de Pommeuse, 53—66, 108—111.

³⁰¹) Объ этомъ см. у Lurieu et Romand, 131—181.

³⁰²) Van den Bosch производилъ на этихъ земляхъ свои первоначальные опыты, послужившіе ему основаніемъ для его дальнѣйшихъ выкладокъ, съ энергичными рабочими. Между тѣмъ 15 колоній, какъ высчитала потомъ сама администрація колоній, создавали своимъ трудомъ не болѣе того, что создаетъ одинъ хорошій поленщикъ. См. Lurieu et Romand, 76, 78, 79, 127, 242.

³⁰³) Надо замѣтить, что во Франціи въ это время крайне увлекались земледѣльческими колоніями. Въ нихъ видѣли средство противодѣйствія общественнымъ потрясеніямъ и средство укрѣпленія истощенныхъ организацій и подготовленія сильныхъ поколѣній. См. статью Lamarque и Dugat въ *Annales de la charité* за 1850 г. «Des colonies agricoles établies en France», введение.

³⁰⁴) Lurieu et Romand, 113.

³⁰⁵) Тамъ же, 56—60, 61, 68 и 121. О населеніи они говорятъ, что «какая-

Все это, вмѣстѣ взятое, не замедлило, конечно, невыгодно отразиться и на результатахъ предпріятія. Уже въ 1825 г. начинаютъ раздаваться жалобы обществъ на потери и на рабочую непригодность присылавшагося къ нимъ населенія. Правительство откликнулось и пришло на помощь ³⁰⁶). По этимъ органическіе пороки учрежденія не устранились, а потому остались и ихъ результаты. Потери росли, и въ 40 годахъ цифра долга нидерландскаго общества была около 17 мил. франковъ ³⁰⁷).

Здѣсь я оставляю собственно голландскія колоніи, которыя мнѣ не удалось посѣтить, и буду говорить о колоніяхъ бельгійскихъ: въ нихъ, благодаря любезности бельгійскаго правительства, я имѣлъ возможность провести нѣкоторое время въ 1882 г. со всѣми удобствами для изученія. Предварительно, однако, скажу еще нѣсколько словъ о ихъ предшествовавшей исторіи.

Фламандское благотворительное общество, встрѣтившись съ такими же затрудненіями, какъ и общество нидерландское и по тѣмъ же причинамъ, скоро отказалось отъ своей задачи. Если оно и продолжало съ грѣхомъ пополамъ веденіе дѣла до 1842 г., то лишь только для того, чтобы отбыть свои обязательства по отношенію къ правительству. Въ этомъ году его дѣятельность закончилась полнѣйшей неудачей и правительство снова осталось при своихъ нищенскихъ депо.

Находя, что вступленіе въ послѣднія слишкомъ облегчено для бѣдныхъ, оно въ 1848 году стѣснило возможность добровольнаго поступленія. Такимъ образомъ, общество, несмотря на всѣ проповѣди о необходимости честнаго труда, отказало своимъ бѣднякамъ даже въ работѣ и какъ бы само потребовало отъ нихъ предварительныхъ нарушеній закона. И дѣйствительно, обездоленные на жизненномъ пиру стали тогда совершать мелкіе проступки и стали попадать въ тѣ же депо, но уже въ силу приговоровъ. Такъ, напр., въ 1845 г. въ различныхъ депо находилось 5,287 добровольно поступившихъ въ нихъ и лишь 1,125 присужденныхъ; напротивъ въ 1855 г. первыхъ находилось только 574 ч., тогда какъ вторыхъ — 5,711. Очевидно,

то угрюмая печаль или скорѣе апатія видѣлась на лицахъ и въ позахъ». «Большинство было людьми слабыми, какими обыкновенно бываютъ бѣдняки, привыкшіе къ лѣности, если не къ безнравственности, и лишенные предусмотрительности». Наиболѣе распространенныя болѣзни, отъ которыхъ страдали и умирали въ колоніяхъ, были діарея, чахотка, водянка и перемежающаяся лихорадка.

³⁰⁶) Тамъ же, 36 и 37.

³⁰⁷) Тамъ же, 126, 128 и 163.

общество осталось не въ выигрышѣ отъ такой мѣры. Въ виду подобной пелудачи, для очистки депо стали прибѣгать къ суровому режиму внутри ихъ.

Наконецъ, въ 1870 г. бельгійское правительство купило земли и строенія бывшихъ колоній благотворительнаго общества и задумало возобновить ихъ и, уничтоживъ остальные депо, сосредоточить все населеніе послѣднихъ въ колоніяхъ Hoogstraeten и Merxplas ³⁰⁸).

Во время моего посѣщенія колоніи эти находились еще въ періодѣ устройства. Приступая къ ихъ осмотру, я желалъ главнымъ образомъ выяснитъ себѣ причины, какъ бы роковымъ образомъ толкающія ихъ обитателей въ подобныя заведенія, изъ которыхъ по большей части нѣтъ уже возврата. Поэтому я и сосредоточилъ свое вниманіе преимущественно на особенностяхъ самого населенія колоній, о которомъ я и буду говорить теперь.

Внѣшнее устройство колоній, по крайней мѣрѣ во время моего посѣщенія, было весьма хорошо. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о нравственной сторонѣ учрежденія. Въ этомъ отношеніи колоніи представляютъ собой помойную яму ³⁰⁹), изъ которой, разъ попавшему въ нее, уже трудно выбраться. Не мудрено поэтому, что онѣ пріобрѣтаютъ своихъ сторожиловъ, которые выходятъ изъ роднаго гнѣзда лишь на самые короткіе сроки, — «берутъ отпуска», какъ выражаются они на своемъ характерномъ языкѣ. Многіе изъ обитателей колоній посѣщаютъ учрежденіе безчисленное число разъ. Такъ одинъ изъ нихъ съ 1865 года и по 1882 г. успѣлъ побывать въ депо и колоніяхъ 44 раза.

Просматривая dossiers кліентовъ учрежденія, я обыкновенно встрѣчалъ въ нихъ такіа свѣдѣнія:

1) Daems, чернорабочій, 34 л.; средствъ не имѣлъ. Аттестованъ, какъ человѣкъ дурнаго поведенія и предавшій пьянству. Въ колоніяхъ находится за бродяжество. Имѣлъ уже 21 осужденіе за тотъ же проступокъ.

2) Darthet, 40 лѣтъ, поденьщикъ; не работалъ по влеченію къ праздности; предавался пьянству и разврату и очень дурно аттестованъ. Онъ имѣлъ 22 предварительныхъ осужденія за бродяжество, кражи и нищенство.

3) Doloze, поденьщикъ, 49 лѣтъ, въ колоніяхъ за бродяжество.

³⁰⁸) «Moniteur Belge».

³⁰⁹) См. рѣчь Brants, профессора лувенскаго универ. въ Réunion mensuelle du Groupe de Paris, 26 апр., 1886 г.

Имѣлъ 30 предшествующихъ осужденій, преимущественно за кражи. И такъ далѣе, и все въ томъ же родѣ.

По словамъ директора колоній, восемь десятыхъ всего ихъ населенія обязаны теперешнимъ своимъ положеніемъ главнымъ образомъ пьянству. Во время своего пребыванія въ нихъ, я имѣлъ возможность провѣрить отчасти это утвержденіе документально и убѣдиться въ его вѣроятной справедливости. Самая же склонность къ пьянству большинства обитателей колоній, какъ слѣдуетъ думать по ихъ наслѣдственному прошлому, въ значительной мѣрѣ есть склонность органическая ³¹⁰). Происходя въ значительномъ числѣ случаевъ отъ различныхъ пьяницъ и изъ семей нищеты, испытывающихъ всевозможныя жизненныя лишенія, иногда въ теченіе двухъ и болѣе поколѣній, они приносятъ съ собой на свѣтъ конституціональное истощеніе и слабосиліе, являющіяся впослѣдствіи подготовленной почвой для всякихъ эксцессовъ.

Развратъ среди населенія колоній развитъ весьма значительно. Возможныя здѣсь его формы—онанизмъ, а иногда и педерастія. Первый, какъ наиболѣе удобный, весьма распространенъ. Было даже два случая непосредственной смерти отъ онанизма, какъ рассказывалъ мнѣ докторъ.

Преждевременная старость и ветхость среди населенія колоній есть явленіе, весьма рѣзко бросающееся въ глаза ³¹¹). По словамъ директора и доктора, люди, имѣющіе только 45 лѣтъ, кажутся имѣющими 60 и даже болѣе лѣтъ. Многіе изъ обитателей колоній умираютъ не отъ какой либо опредѣленной болѣзни, а отъ истощенія органиче-

³¹⁰) Напомню здѣсь слѣдующее совершенно вѣрное указаніе Lucas. «Рабочіе», говоритъ онъ, «которые ведутъ сидичую жизнь въ населенныхъ кварталахъ городовъ, которые живутъ въ тѣсныхъ жилищахъ и вдыхаютъ испорченный воздухъ, размножаютъ вообще обиднѣлую расу». Нѣсколько выше онъ приводитъ слѣдующее утвержденіе д-ра Barthès: «Замѣчательно, что бѣдняки передаютъ своимъ дѣтямъ подобный же порокъ основной слабости конституціи, который довольно часто маскируется кажущейся крѣпостью» «L'héréd. natur.» I, 243 и 4.

³¹¹) Говоря объ англійскихъ Workhouses, d'Haussonville замѣчаетъ: «Нѣтъ ни одного лица, на которомъ нельзя было бы прочесть долгую исторію лишеній, борьбы и горя, приводящихъ этихъ несчастныхъ въ работный домъ. У однихъ, болѣе молодыхъ, господствующей кажется печаль, у другихъ—одичаніе и безпечность. Но эти впадые глаза, эти исхудалыя щеки, этотъ темный или синеватый цвѣтъ лица показываютъ, что здѣсь болѣзнь не случайность, поражающая темпераментъ въ его силѣ, но нѣчто въ родѣ обычнаго состоянія—плода нищеты, а очень часто и дурной жизни». «L'enfance à Paris», 119 и слѣд.

ской жизненности, если можно такъ выразиться. Безъ всякой видимой причины человѣкъ начинаетъ страдать прогрессирующимъ упадкомъ силъ и имъ заканчивается свою въ сущности всегда многострадальную жизнь, бывшую въ тягость какъ ему самому, такъ и обществу. Иногда дѣло заканчивается дѣющимся поносомъ, прекратить который, по словамъ доктора колоній, нѣтъ возможности. Лекарства, вслѣдствіе органической ветхости этихъ людей, дѣйствуютъ на нихъ, по словамъ того же доктора, вовсе не такъ, какъ на другихъ людей ихъ возраста.

Наиболѣе частыя болѣзни, поражающія населеніе колоній—болѣзни сердца, сосудовъ, легкихъ и размягченія мозга. Душевные болѣзни также не рѣдки. Въ теченіе 1881 г. изъ 9,976 чел., перебивавшихъ въ колоніяхъ ³¹²⁾, въ спеціальныя заведенія для душевно-больныхъ было отправлено 37 ч., что составитъ 3,709 на 1,000 чел. Между тѣмъ въ 1879 г. на 1,000 чел. жителей въ Бельгіи вообще приходилось всего лишь 1,465 ч. находившихся въ этихъ заведеніяхъ. Приведенной цифрой далеко не исчерпывается число всѣхъ душевно разстроенныхъ въ средѣ населенія колоній. По словамъ доктора, вѣкъ есть не мало людей несовершенныхъ (*incomplets*), странныхъ (*bizarres*) и тронутыхъ (*toqués*).

Общія болѣзни, являющіяся въ значительной степени въ данномъ случаѣ результатомъ органической ветхости, среди населенія колоній также весьма распространены. Всѣхъ лѣчившихся у доктора въ теченіе 1881 г. было 3,424. Изъ нихъ 3,116 ч. было амбулантныхъ, а 308 чел., какъ трудные, лѣчились въ больницы.

Съ психической стороны громадное большинство населенія колоній состоитъ изъ людей вялыхъ, крайне лѣнивыхъ, лишенныхъ воли и всякой энергіи. Три рабочихъ колониста изъ разряда годныхъ къ работѣ производятъ не болѣе того, что производитъ одинъ средній рабочій ³¹³⁾. По мнѣнію директора, только немногіе изъ нихъ могутъ быть исправлены. Остальные же, оскудѣлые и лѣнивые, предназначены стать постоянными гражданами учрежденія. По словамъ доктора колоній, это «подлая натуры», не умѣющія глядѣть прямо въ глаза опасности и дѣйствовать открыто. Безъ водки они не способны,

³¹²⁾ Некоторые изъ этого числа, вѣроятно, успѣли побывать въ учрежденіи и по два раза.

³¹³⁾ То же самое наблюдается и во всѣхъ прочихъ учрежденіяхъ подобнаго рода. Такъ, напр., въ посвященномъ мною исправительно-рабочему дому въ St.-Aubin, гдѣ также преимущественно занимаются земледѣліемъ, считаютъ, что 3—5 заключенныхъ производятъ не болѣе одного средняго рабочаго.

по трусости, даже совершить преступленіе съ нѣкоторымъ намекомъ на смѣлость.

Директоръ тюрьмы S-te Pelagie, Carlat, писалъ въ 1882 г. префекту Парижа о подобномъ же населеніи своей тюрьмы, наполненной бродягами, souteneur'ами (такъ въ Парижѣ называютъ мужчинъ, находящихся на содержаніи у публичныхъ женщинъ) и мелкими ворюшками ³¹⁴): «хотя и грустно, но нужно сознаться, что по меньшей мѣрѣ восемь десятыхъ осужденныхъ тюрьмы S-te Pelagie принадлежатъ къ тѣмъ постыднымъ (honteuses) классамъ, для которыхъ порокъ есть средство существованія, а праздность и бродяжество почти нормальныя условія».

Таковы физическія и психическія особенности худшихъ разновидностей человѣческой породы, наслѣдственно вырабатывающихся среди нищеты, всяческихъ лишеній, умственного мрака и соединенныхъ съ ними эксцессовъ, пороковъ и развращенія. Представители этихъ разновидностей, когда они не имѣютъ наслѣдственныхъ придатковъ, почти неминуемо обречены, при существующихъ условіяхъ общественной жизни, на мелкое профессиональное преступничество, которое возрастаетъ въ числѣ, на бродяжество, нищенство и пауперизмъ. Здѣсь не лишне замѣтить, что этотъ послѣдній необходимо строго отличать отъ бѣдности. Бѣдность есть не рѣдко явленіе случайное, переходящее, такъ сказать, внѣшнее и не стоящее въ неразрывной связи съ особенностями организаціи. Напротивъ, глубокою основой пауперизма именно и служатъ эти послѣднія. Можно сказать, что съ своей внѣшней, общественной стороны интересующія насъ явленія суть пауперизмъ, а со стороны внутренней, которая представляетъ собой другую сторону той же самой медали, это органическое оскудѣніе, проявляющееся физической и нравственной деградацией.

Представители занимающихъ насъ разновидностей преимущественно, хотя и не исключительно, размножаются въ большихъ городскихъ

³¹⁴) Я внимательно осматривалъ эту тюрьму два раза. Прежній ея директоръ, г. Lanton, говорилъ мнѣ, что на каждыя 100 чел. онъ считаетъ отъ 30 — 35 людей крайне несовершенныхъ (incomplets) и вовсе неспособныхъ руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ разсужденіями и предвидѣніемъ будущаго. Жизнь представляетъ собою особенность, присущую почти всемъ обитателямъ тюрьмы поголовно; въ особенности же лѣнивы бродяги и нищіе. Всѣ заключенные—по большей части рецидивисты и при томъ многократные. Нѣкоторые насчитываютъ по 10 и болѣе предшествующихъ осужденій.

центрахъ. Они, какъ мы видѣли, суть продукты оскудѣнія организма, и всѣ причины, порождающія послѣднее, суть въ то же время и причины ихъ размноженія. А всѣ эти причины присущи современной общественной жизни вообще ³¹⁵); въ большихъ городахъ онѣ только дѣйствуютъ болѣе интенсивно. «Въ большихъ городскихъ аггломерацияхъ», говоритъ проф. Prins, пауперизмъ, нищенство и бродяжество, лѣность, духъ авантюризма, проституція, разрозненность силъ, однимъ словомъ, все естественно способствуетъ развитію общественнаго малокровія». «Здѣсь, въ подвалахъ, куда никогда не проникаетъ лучъ благополучія физическаго или нравственнаго, живутъ обездоленные. Они мелькомъ видятъ блескъ роскоши, чтобы ненавидѣть его; они не уважаютъ ни собственности, ни жизни, потому что ни та, ни другая не имѣютъ для нихъ дѣйствительной цѣны. Они рождаются, борются и умираютъ, не подозревая, что для нѣкоторыхъ существованіе есть благо, собственность есть право, добродѣтель есть привычка и спокойствіе — естественное состояніе» ³¹⁶).

Въ центрахъ скопленія высшихъ жизненныхъ удобствъ, комфорта и блеска, создаваемыхъ современнымъ богатымъ развитіемъ техники, изъ всѣхъ мѣстъ страны, какъ бабочки на огонь, притягиваются массы самаго разнороднаго люда, приходящаго въ большіе города съ поисками счастья, болѣе легкихъ заработковъ, жизненныхъ удобствъ, веселья и удовольствій. Это скопленіе порождаетъ усиленную конкуренцію во всѣхъ профессіяхъ и дѣлаетъ заработокъ весьма многихъ, не имѣющихъ наслѣдственныхъ правъ на мѣсто на пиру жизни, недостаточнымъ, очень невѣрнымъ, небезпечнымъ и прерывистымъ, заставляетъ ихъ чрезмѣрно напрягаться, ажютироваться, жить изодня въ день и жадно хвататься за всякій первый попавшійся случай, безъ всякой оцѣнки его качественной стороны, и всетаки не зная сегодня, гдѣ завтра придется приклонять голову и какому богу придется служить и молиться за право просуществовать одинъ лиш-

³¹⁵) «Міръ имѣетъ громадные аппетиты, которымъ онъ не можетъ удовлетворить: чувственность, жажда наживы, влеченіе и удобства спекуляціи; контрасты между большимъ богатствомъ и крайней бѣдностью; грубая необходимость борьбы за существованіе въ виду концентраціи собственности и капитала; недостатки индустріальной организаціи, которая предоставляетъ пролетарію на волю случая, которая не наблюдаетъ за ученичествомъ и предоставляетъ ребенка рабочаго возбужденіямъ улицы и смѣшенію въ мастерскихъ и которая, наконецъ, возбуждаетъ темные животныя инстинкты — все это отражается на преступности съ прискорбною непреложностью». Prins: «Criminalité et répression», 14.

³¹⁶) Тамъ же, 16 и сл.

ній и подчасъ очень скверный день. Уже это одно постепенно выработывается въ современномъ обществѣ особый неприглядный и загнанный типъ нравственно бродячаго человѣка, готоваго служить всѣмъ и всему безъ разсужденій и личной оцѣнки. Типъ этотъ, а равно и условія его развитія необходимы для существованія сомнительныхъ, а часто и явно вредныхъ и порочныхъ профессій, которыя въ такомъ обиліи процвѣтаютъ въ большихъ городахъ и которыя образуютъ собой истинныя кадры преступности ³¹⁷⁾.

То же усиленное скопленіе населенія въ большихъ городскихъ центрахъ и усиленная конкуренція въ нихъ, порождая чрезмѣрное предложеніе, которымъ счастливый спросъ не упускаетъ случая пользоваться, постепенно обезцѣниваетъ до крайнихъ предѣловъ многія отрасли труда и тѣмъ самымъ обусловливаетъ для ихъ представителей тяжелую, часто безпросвѣтную жизнь и непосильный, истощающій трудъ, сопровождаемый подавляющей заботой о завтрашнемъ днѣ. И вотъ бьется и надрывается человѣкъ, пока хватаетъ силъ, но крѣпка сѣть и изъ нея ему не вырваться.

А между тѣмъ одна бѣда ведетъ за собой другую. Для незадачливыхъ искателей счастья и сколько-нибудь удобныхъ мѣстъ на пиру жизни создаются и соотвѣтствующія условія существованія. Около нихъ устраивается не мало людей, спекулирующихъ на ихъ нужду и забирающихъ отъ нихъ все, что еще можно забрать. Создаются грязныя, сырыя жилища, лишеныя воздуха и свѣта, въ которыхъ скучивается до предѣловъ возможнаго обездоленное городское населеніе, оплачивающее очень дорогой цѣной свое право на житье въ этихъ отвратительныхъ трущобахъ, часто вполнѣ напоминающихъ звѣринныя логова ³¹⁸⁾, которыя и суть настоящія мѣсторожденія наследственно деградированнаго пауперизма. А кругомъ засаживаются спеціалисты горговцы, продающіе своимъ убогимъ кліентамъ по дорогой цѣнѣ плохой и фальсифицированный товаръ, мало пригодный для поддержанія ихъ вполнѣ здороваго существованія.

Рядомъ же съ этой убогою жизнію, какъ бы для большаго контраста, быстро течетъ, ярко блистая, другая, показная жизнь большаго города съ ея шумомъ и поведомъ раскинутыми и манящими удовольствіями, въ которой безраздѣльно царитъ только частный инте-

³¹⁷⁾ Масѣ, цитир. сочин., 169 — 175, 220 — 228, 270 — 272. Сеге, цитир. соч. 167 — 170, 231, 232, 244, 309 — 313.

³¹⁸⁾ Описанія такихъ жилищъ см., между прочимъ, въ сочин. d'Haussonville: «Misère et remèdes»; Sims: «How the poor live»; Brace: «The dangerous classes of New-York» и др.

ресъ. На каждомъ шагѣ раскидываетъ онъ всевозможныя приманки, раздражающія чувственность и часто рассчитанныя на самыя слабыя стороны существа человѣка, и безразлично пускаетъ въ ходъ все, что только даетъ ему въ руки изобрѣтательность и техника. Множество всевозможныхъ магазиновъ съ ихъ роскошными и разжигающими аппетиты выставками, множество трактировъ различнаго ранга, пивныхъ и кабаковъ съ музыкой, пѣніемъ и женщинами и множество игорныхъ притоновъ, различныхъ театровъ, увеселительныхъ заведеній и всевозможныхъ увлекающихъ удовольствій съ широко открытыми дверями.

Немудрено, что въ этомъ кипучемъ водоворотѣ жизни большаго города многіе, даже сравнительно сильные люди, какъ бы очарованные блескомъ и шумомъ и изобиліемъ манящихъ удовольствій, которыя только способно придумать воображеніе современнаго человѣка, незамѣтно для самихъ себя переключиваются нѣсколько лишнихъ капель наслажденія, теряютъ равновѣсіе, а вмѣстѣ съ нимъ теряютъ силу и волю, а затѣмъ и нравственное чувство. «Таковъ уже воздухъ Парижа», говорилъ мнѣ директоръ тюрьмы S-te Pelagie, Lanton, «что однажды понюхавшій его съ трудомъ освобождается отъ его чарующаго вліянія» ³¹⁹).

Что же послѣ этого можно ждать отъ оскудѣлыхъ организацій съ ихъ крайне бѣдной умственной жизнью и слабою волей? Потребность въ подъемѣ пульса жизни и въ восполненіи недостаточныхъ жизненныхъ силъ путемъ искусственныхъ возбуждителей—у нихъ потребность органическая. Поэтому, при первой возможности, они жадно бросаются на всякія удовольствія и возбужденія, и жизнь большаго города до невѣроятности раздражаетъ ихъ чувственность, туманитъ имъ.

³¹⁹) «Съ не очень давняго времени появился и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе увеличивается контингентъ ремесленныхъ рабочихъ, оторвавшихся отъ семьи и даже разставшихся съ понятіемъ о ней и работающихъ ради возможности попойнствовать и поразвратничать», говоритъ въ своемъ докладѣ хороший знатокъ условій московскаго ремесленнаго быта И. Н. Сальниковъ. «Въ послѣднее время типъ этого рода работниковъ-бродягъ распространяется съ поразжающей быстротой. Раздѣтые, оборванные и грязные они работаютъ день, два, три, недѣлю и у одного хозяина, потомъ переходятъ къ другому, третьему—и такъ всю жизнь. Большую часть своего времени они проводятъ въ трактирахъ, портерныхъ и тому подобныхъ мѣстахъ, отыскивая и находя развлеченіе въ самомъ грубомъ развратѣ». Конечно причины развитія такого типа въ значительной мѣрѣ кроются въ общихъ условіяхъ производства, но несомнѣнно, что и вліяніе такого большаго города, какъ Москва, здѣсь сильно сказывается.

голову, производить на нихъ опьяняющее вліяніе и безъ всякаго сопротивленія несутъ ихъ своимъ клокочущимъ потокомъ къ ихъ конечной гибели—къ сумѣ, тюрьмѣ и преждевременной могилѣ, въ которой они, наконецъ, находятъ покой, недостававшій имъ въ теченіе всей ихъ безпросвѣтной жизни.

Впрочемъ, я вовсе не имѣю въ виду подробно описывать здѣсь всѣ вредныя вліянія жизни большаго города. Я лишь слегка коснулся ихъ, тѣмъ болѣе, что многія изъ нихъ не исключительно присущи городской жизни. Напротивъ, они суть плодъ современной общественной жизни вообще и всего ея долгаго историческаго прошлаго, а потому ихъ изображеніе и оцѣнка увлекли бы меня слишкомъ далеко за предѣлы настоящей работы.

Но, заканчивая послѣднюю, я не могу не коснуться одного невольнаго напрашивающагося вопроса. Что можетъ сдѣлать государство и не безсильно ли оно для предупрежденія вредныхъ, порочныхъ и преступныхъ дѣйствій, имѣющихъ однимъ изъ главныхъ своихъ источниковъ изучавшіяся нами органическую дряблость и оскудѣніе? Мнѣ думается, что—многое, весьма многое и преимущественно въ наиболѣе надежной сферѣ, въ сферѣ широкихъ мѣръ предупрежденія, которыя мало по малу и начинаютъ выдвигаться на первый планъ.

Обыкновенно въ ходѣ общественной жизни слабѣйшіе приносятъ сравнительно больше жертвъ, больше выносятъ и отъ того естественно становятся еще слабѣе. И такъ вездѣ и всегда. Поэтому именно въ этой сферѣ, въ сферѣ урегулированія отношеній, порождающихъ указанные печальные результаты, необычайно и важна дѣятельность государства «въ духѣ заботливости объ экономически слабѣйшей части населенія и нравственнаго ученія христіанства», какъ выразился въ своемъ недавнемъ указѣ германскій императоръ, повидимому, желающій поставить передъ собой довольно широкія соціальныя задачи. Дѣйствительно, за государствомъ признается и имъ осуществляется право вмѣшательства во многія экономическія отношенія между его членами, которымъ оно и можетъ пользоваться для устраненія злоупотребленій со стороны сильныхъ по отношенію къ слабымъ. Государству принадлежитъ и имъ осуществляется и право надзора за всѣмъ, совершающимся въ публичныхъ мѣстахъ. Ему же принадлежитъ и важнѣйшее драгоцѣнное право устроенія общественнаго образованія, а отчасти даже и воспитанія. Всѣхъ этихъ неоспоримо принадлежащихъ государству правъ, наряду съ его хозяйственной дѣятельностью, вполне достаточно для проведенія въ жизнь весьма многихъ широкихъ мѣръ предупрежденія, направленныхъ на устраненіе

условія, содѣйствующаго развитію органическаго оскудѣнія, являющагося одною изъ ближайшихъ и непосредственныхъ причинъ преступленій ³²⁰). На этомъ поприщѣ государству могутъ предстоять высокія и благородныя задачи и величайшіе успѣхи. Поэтому пусть не говорятъ намъ, что преступленіе есть явленіе столь же естественное и непреложное, какъ рожденіе и смерть. Нѣтъ, въ своихъ болѣе отдаленныхъ причинахъ оно въ значительной мѣрѣ есть горькій плодъ общественныхъ нестроеній и зла, съ которыми бороться и бороться съ успѣхомъ вполне возможно.

³²⁰) «Мы слишкомъ много видимъ виновнаго и недостаточно видимъ больного» справедливо замѣчаетъ въ своемъ сочиненіи—«*Le monde des prisons*» — духовникъ большой тюрьмы Roquette, аббатъ Moreau. «Мы гораздо болѣе заботимся о томъ, чтобы наказать его, нежели о томъ, чтобы его излѣчить; и послѣ того мы еще находимъ удивительнымъ, что ненависть наполняетъ его сердце».

«Это мнѣ напоминаетъ изъ моихъ друзей одного отца семейства, настолько же наивнаго, насколько не нѣжнаго. Въ разговорѣ съ нимъ я удивился однажды печальному виду его дѣтей и высказывалъ ему по этому поводу мои замѣчанія». «Я ничего тутъ не понимаю», отвѣтилъ онъ мнѣ, «я, кажется, съку ихъ постоянно, чтобы они не имѣли такого вида и не могу достигнуть этого».

О г л а в л е н і е.

Отдѣлъ первый:

	Стр.
Вступительныя замѣчанія	1
Сангвиническій темпераментъ и сопровождающія его психическія особенности.	4
Неблагопріятность многихъ условій современной общественной жизни для существованія представителей сангвиническаго темперамента	7
Процессъ фізіологическаго обѣднѣнія организма	13
Нервный темпераментъ и его органическія особенности	21
Психическія особенности людей нервнаго темперамента.	28
Пароженіе нервности въ современныхъ обществахъ и его причины.	40
Отраженія особенностей нервнаго темперамента въ сферѣ преступленія.	44
Истерики.	51
Психофізіческія особенности истериковъ.	56
Распространенность истерій въ современныхъ обществахъ и особенности вліянія истериковъ на ходъ общественной жизни	60
Отраженія особенностей истеричнаго темперамента въ сферѣ преступленія	63
Алкоголизмъ и его слѣдствія.	67
Явленія импульсивности, развивающіяся подъ вліяніемъ алкоголизма	77
Особенности и характеръ эпилептиковъ	81
Явленія импульсивности у эпилептиковъ.	86
Импульсивныя влеченія эпилептиковъ, развивающіяся въ періоды ихъ безсознательныхъ состояній	88
Импульсивныя влеченія эпилептиковъ, развивающіяся при сохраняющейся сознательности; модификаціи такихъ влеченій	91
Общій анализъ представленныхъ фактовъ	107

Отдѣлъ второй:

Общая характеристика процесса оскудѣнія организма.	110
Слабопородныя натуры.	114
Типъ Рудина.	119
Общая характеристика оскудѣлыхъ натуръ	123

	Стр.
Психофизическія особенности оскудѣлыхъ разновидностей	126
Типъ Обломова.	143
Общая характеристика мелкихъ профессиональныхъ преступниковъ; особенности типа мелкихъ воровъ.	152
Бродяги-воры, нищіе-воры, нищіе-бродяги и нищіе.	162
Борьба съ бродяжествомъ и нищенствомъ. Попытка Наполеона I уничтожить нищенство; ея результаты. Исторія голландско-бельгійскихъ колоній для бродягъ и нищихъ; особенности населенія современныхъ бельгійскихъ колоній	170
Вліяніе большихъ городскихъ центровъ съ ихъ современными особенностями на процессъ оскудѣнія организма; заключительныя замѣчанія о роли государства въ борьбѣ съ этимъ процессомъ	183
